

Народо **аселение**

ISSN 1561-7785

4 . 2024

октябрь-декабрь

- ▼ **ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**
- ▼ **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ**
- ▼ **РЫНОК ТРУДА И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**
- ▼ **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ**
- ▼ **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2024. Том 27. № 4 (октябрь-декабрь)

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4; EDN: TCQCQE

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунцова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2024.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24161 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 28.12.2024.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2024. Vol. 27. No. 4 (October-December)

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4; EDN: TCQCQE

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2024.

© ISESP FCTAS RAS, 2024.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24161. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 28.12.2024

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2024. Том 27. № 4 (октябрь–декабрь)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В 1992–2024 ГГ.: ИТОГИ, КОМПОНЕНТЫ, ФАКТОРЫ	4
Моисеева Е. М., Мишук С. Н. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ	18
Дашинамжилов О. Б. К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОЖДАЕМОСТИ В СССР В 1960-е — 1980-е ГОДЫ.....	34
Манухина О. В. АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КНР В 1949–2023 ГОДАХ.....	47
Хакумура Н. ВЗГЛЯД НА ИНВАЛИДНОСТЬ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМУ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЕ, ЮЖНОЙ КОРЕЕ И ЯПОНИИ.....	59

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Нанавян А. М., Лысенкова М. А. БЕЗРАБОТИЦА И ОЦЕНКА ПОТЕРЬ В ПРОИЗВОДСТВЕ ВРП В РЕГИОНАХ РОССИИ.....	73
Туктамышева Л. М., Чибилёв А. А. (мл.), Лебедева Т. В. ОЦЕНКА СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СТЕПНЫХ РЕГИОНОВ ЗАУРАЛЬЯ И ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	86
Хаджалова Х. М., Гимбатов Ш. М. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	101
Аржаев Ф. И., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ: ПОДХОДЫ К МОНИТОРИНГУ И СНИЖЕНИЮ ДИСПРОПОРЦИЙ.....	114

РЫНОК ТРУДА И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Марков Д. И. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЁЖИ О КАРЬЕРНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ И ОТНОШЕНИЯХ В СФЕРЕ ТРУДА	128
Александрова О. А., Ярашева А. В., Медведева Е. И., Крошилин С. В. НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СТОЛИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОПЫТ 5 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	140
Кабергы Н. Г., Бекоев Г. Б. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ-АЛАНИИ	153

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ

Абдулаева З. З. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ: ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА.....	163
Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЗАБОТУ О ДЕТЯХ, СКВОЗЬ ПРИЗМУ БЮДЖЕТОВ ВРЕМЕНИ.....	179

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

СЕКЦИЯ «ИНСТИТУТ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В БРАЧНОМ И РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ, ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ» НА XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ ГРУШИНСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	192
УЧАСТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЁНЫХ В РЕГУЛЯРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ИСЭПН ФНИСЦ РАН И ПУБЛИКАЦИЯХ В ЖУРНАЛЕ «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА ПЕРИОД 2014–2024 ГОДОВ	198
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА 2024 ГОД.....	204

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 4 (October-December)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Oleg L. Rybakovsky REPRODUCTION OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF RUSSIA IN 1992–2024: RESULTS, COMPONENTS, FACTORS	4
Evgenia M. Moiseeva, Svetlana N. Mishchuk REGIONAL CHARACTERISTICS OF MIGRATION AGE STRUCTURE IN THE RUSSIAN FAR EAST	18
Odon B. Dashinamzhilov ON THE ISSUE OF FERTILITY RESEARCH IN THE USSR IN THE 1960S-1980S	34
Olesya V. Manukhina ASPECTS OF THE DEMOGRAPHIC POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN 1949–2023	47
Naoya Hakumura PERSPECTIVES ON DISABILITY AS A DEMOGRAPHIC ISSUE, BASED ON THE RESULTS OF A STUDY IN CHINA, SOUTH KOREA AND JAPAN	59

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF RUSSIAN REGIONS

Ashkhen M. Nanavyan, Maria A. Lysenkova UNEMPLOYMENT AND GRP PRODUCTION LOSSES ASSESSMENT IN RUSSIAN REGIONS.....	73
Lilia M. Tuktamysheva, Alexander A. Chibilyov (jr.), Tatyana V. Lebedeva ASSESSMENT OF SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC FEATURES OF THE CURRENT STATE OF THE STEPPE AREAS OF THE TRANS-URALS AND THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA	86
Khadzhalova Kh. M, Gimbatov Sh. M. SOCIO-CULTURAL FACTORS IN THE FORMATION OF EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE REGIONS OF NORTH CAUCASUS.....	101
Fedor I. Arzhaev, Dmitry E. Morkovkin, Yury A. Simagin LIVING STANDARDS IN THE FAR EASTERN REGION: APPROACHES TO MONITORING AND REDUCING IMBALANCES	114

LABOR MARKET AND HUMAN RESOURCES POTENTIAL

Dmitry I. Markov URBAN YOUTH'S VIEWS ABOUT CAREER OPPORTUNITIES AND RELATIONS IN THE FIELD OF LABOR	128
Olga A. Aleksandrova, Aziza V. Yarasheva, Elena I. Medvedeva, Sergey V. Kroshilin SCIENTIFIC APPROACHES TO DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCES IN THE CAPITAL'S HEALTHCARE: 5 YEARS OF RESEARCH EXPERIENCE	140
Kaberty N. G., Bekoev G. B. DEMOGRAPHIC MEASURES FOR LABOR MARKET REGULATION IN NORTH OSSETIA	153

MODERN RUSSIAN FAMILY

Zaira Z. Abdulaeva TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF FAMILY IN THE REGIONS OF THE SOUTH OF RUSSIA: FACTORS, TRENDS AND SPECIFICS.....	163
Vera M. Karpova, Sofia V. Lyalikova, Anatoly I. Antonov PRESSED FOR TIME: FACTORS INFLUENCING CHILD CARE BASED ON TIME BUDGETS.....	179

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

SECTION "INSTITUTION OF FAMILY IN MODERN RUSSIA: TRADITIONS AND NOVATIONS IN MARITAL AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR, INTRAFAMILY RELATIONS, AND CONNECTION OF GENERATIONS" AT THE XIV INTERNATIONAL GRUSHIN SOCIOLOGICAL CONFERENCE	192
PARTICIPATION OF FOREIGN SCIENTISTS IN THE ISESP FCTAS RAS REGULAR CONFERENCES AND PUBLICATIONS IN THE JOURNAL "POPULATION" FOR THE PERIOD OF 2014-2024	198
CONTENTS OF THE JOURNAL "POPULATION" IN 2024	204

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17
EDN: XLNRPC

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В 1992–2024 ГГ.: ИТОГИ, КОМПОНЕНТЫ, ФАКТОРЫ

Рыбаковский О. Л.

ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О. Л. Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 4-17. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-4-17; EDN: XLNRPC

Аннотация. *Тема исследования — воспроизводство населения регионов России в целом за 1992–2024 гг. и его основные составляющие. Объект исследования — постоянное население регионов России в целом. Цель исследования — выявить среди всех регионов России в целом за эти годы группы, типичные по относительным параметрам воспроизводства населения в них и по их составляющим — факторам этого процесса. Методы исследования — демографический статистический анализ, построение относительных показателей для корректного межрегионального сравнения. Источник статистики для расчётов — Росстат. Результаты исследования: регионы России ранжированы по относительному уровню воспроизводства населения — индексу жизненности и его составляющим-факторам. Выделено 7 групп территорий, из которых лишь в одной не было депопуляции за 33 года. Остальные группы включают регионы от самых демографически неблагополучных до балансирующих на грани депопуляции и естественного прироста. Составляющие-факторы объясняют сложившуюся ситуацию в каждой из групп. Регионы, имеющие высокий уровень социально-экономического развития, компенсируют естественные потери межрегиональной и зарубежной миграцией, пополняя свою половозрастную структуру, прежде всего, молодым населением, и уровень депопуляции в них умеренный. Прочие территории РФ, теряя молодое население миграционным путём, лишь усугубляют депопуляцию. «Мягкий» уровень депопуляции в Азиатской России объясняется, помимо прочего, низкой долей населения в возрасте 65 лет и старше. Один из факторов этого — значительный отток населения в трудоспособном и пенсионном возрасте, особенно, в 1990-е годы.*

Ключевые слова: *демография регионов России, естественные убыль/прирост, депопуляция, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении.*

Постановка проблемы

«Депопуляция — устойчивая естественная убыль населения, превышение числа смертей над числом рождений за длительный период» [1, с. 120]. Депопуляция — явление сложное и многофакторное. Она является следствием не только низкой интенсивности рождаемости и/или высокой интенсивности смертности, но и негативной половозрастной структуры населения территории. Данная структура, в свою очередь, есть результат всей демографической истории живущего населения и тех, как правило, форс-мажорных обстоятельств, которые нарушали его равномерное развитие.

Также одним из основных факторов изменения половозрастной структуры является миграция населения, которая может эту структуру улучшать либо ухудшать, омолаживать либо старить [2], тем самым смягчая либо усугубляя воспроизводственные процессы, в том числе, депопуляцию. Помимо этого, миграция влияет на изменение этнической, конфессиональной и прочих структур населения, что также может сказываться на уровнях интенсивности рождаемости и/или смертности населения территорий. Миграция детерминирована различиями в уровнях социально-экономического развития обменивающихся населением территорий [3], которые в значительной степени объясняют направления и характер миграционных процессов между территориями.

Из вышесказанного вытекает, что характер воспроизводства населения той или иной территории (в том числе, наличие или отсутствие депопуляции) также предопределяется и социально-экономическим положением данной территории во всём массиве обменивающихся с ней населением других территорий. Есть и другие аспекты депопуляции, касающиеся этапов демографического перехода, экологии и так далее, но оставим эти вопросы другим исследователям. В данной же работе на региональном уровне рассмотрим основные демографические составляющие — факторы воспроизводства населения России в целом за период с 1992 по 2024 годы.

Объект данного исследования — население 85-ти¹ регионов России в 1992–2024 гг. (без учёта статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям. Население Республики Крым и Севастополя рассмотрены отдельно за период с 2015 по 2024 годы). Предмет исследования — воспроизводство населения России и её регионов в целом за 1992–2024 гг., её компоненты составляющие, они же — основные демографические факторы, а также региональные особенности. Решение данной задачи позволит более корректно выстраивать демографическую политику России на региональном уровне. Основной целью исследования является выявление среди регионов России типичных групп территорий по относительным параметрам естественной убыли/прироста и определение основных, прежде всего, демографических факторов сложившегося положения.

Проблемами воспроизводства населения России (Российской Империи, СССР, РСФСР) до 1992 г. исследователи занимались, когда демографическая информация была хотя бы частично открыта. К тем годам относятся работы таких учёных как С. А. Новосельский, В. В. Паевский, Р. И. Сифман, А. В. Корчак-Чепурковский, М. В. Птуха, Д. И. Валентей, Б. Ц. Урланис, А. Я. Боярский, Т. И. Заславская. Более позднее советское время — это А. Я. Кваша, В. И. Переведенцев, А. Г. Харчев, Б. С. Хорев, Н. М. Римашевская, А. Г. Вишневский, Л. Л. Рыбаковский и другие.

В позднее советское и постсоветское время, когда информация стала более доступной, работы о воспроизводстве населения РСФСР и РФ (и депопуляции как одной из его форм) стали регулярно появляться и множиться. Собственно говоря, большая часть всех статей, монографий, коллективных трудов по демографии так или иначе относятся к проблемам воспроизводства населения (за исключением трудов по ми-

¹ Тюменская область берётся раздельно по трём непересякающимся частям: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Тюменская область без автономных округов. Архангельская область целиком и Ненецкий АО рассмотрены отдельно.

грации населения «в чистом виде»). Эти труды касаются компонент воспроизводства (рождаемости, смертности населения), его связи с половозрастной структурой населения [4–8], основных демографических, социально-экономических и прочих факторов [9–12], его моделирования, методологии и методов анализа, прогнозов, ретро и перспективных [13; 14]. Много работ посвящено различным разрезам и аспектам воспроизводства населения России. Его рассматривают в гендерном разрезе, в разрезе типа местности, в региональном разрезе, в том числе по отдельным макрорегионам России, например, по Арктической зоне либо по Дальнему Востоку [15–18]. Немало работ посвящено демографической истории и политике в области воспроизводства населения [19–22]. Касаясь демографических проблем современной России, нельзя не затрагивать проблем воспроизводства её населения, в том числе, депопуляции, которая является на сегодняшний день основной проблемой как для России в целом, так и для большей части её регионов.

Методология и методы исследования, источники информации

Для проведения анализа и достижения поставленных целей в работе использованы классические приёмы сравнительного демографического анализа. В частности, это табличный метод представления информации и построение относительных демографических показателей, таких как индекс жизненности, представляющий собой отношение числа родившихся к числу умерших за рассматриваемый период; доля женщин активного репродуктивного возраста (20–39 лет) во всём населении, доля лиц в возрасте 65 лет и старше во всём населении. Также использованы бесструктурные интегральные демографические показатели, такие как суммарный коэффициент рождаемости (СКР) и ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ).

Итоговые показатели по группам регионов рассчитаны как средневзвешенные: СКР — по числу женщин наиболее активного

репродуктивного возраста, ОПЖ — по всему населению регионов. Погрешности при таком методе расчётов на окончательный результат — минимальны, что проверено нами неоднократно. Средние значения относительных показателей за 1992–2024 гг. определены без взвешивания: при таком длительном периоде взвешивание существенно не влияет на окончательный результат. И ещё одно замечание. Если в целом за 33 года в регионе была депопуляция, это не означает, что в отдельные годы население данного региона не выходило из этой депопуляции, и наоборот. Так, например, Москва в целом за 33 года имела депопуляцию, хотя в 2011–2019 гг. в ней был положительный естественный прирост. В данной работе подводятся общие итоги за 33 постсоветских года, поэтому подобные детали опущены.

Источником информации для всех расчётов является Федеральная служба государственной статистики РФ — Росстат. Информация взята по состоянию на сентябрь 2024 года. Данные о численности населения регионов России в 1992 г. взяты из демографического ежегодника 2001 г.², то есть до начала различных корректировок населения Росстатом. Поправки трёх переписей населения РФ рассчитаны нами ранее (3 постсоветских переписи населения суммарно имели погрешность на уровне страны +4,3 млн человек, а «на региональном уровне поправки были в три раза выше, суммарно по абсолютной величине 13,1 млн человек» [23, с. 71]). Все недостающие показатели по 2024 г. на региональном уровне оценены нами на основании текущих данных за 7 месяцев 2024 г. и прогнозов Росстата от 26.12.2019 и 29.12.2023. Все погрешности, по нашему мнению, являются неприципиальными, ибо при расчётах в целом за 33 года их величина становится мизерной.

Результаты и обсуждение

В результате проведённого анализа выделено семь основных групп регионов по уровню индекса жизненности, имеющих

² Демографический ежегодник России: стат. сб. / Госкомстат России. — Москва, 2001. — 403 с.

различные итоговые структурные и бесструктурные демографические составляющие — факторы того или иного характера воспроизводственных процессов в них. Два столичных макрорегиона исследованы отдельно (это первая группа). И не только вследствие их значительных «весов», предопределяющих итоговые значения по груп-

пам регионов, в которые они бы входили, но и вследствие особенностей учёта в них воспроизводственных процессов. Из окружающих мегаполисы областей женщины часто едут рожать в столицы, по медицинским показаниям либо платно. И это занижает СКР в Московской и Ленинградской областях в пользу обеих столиц (табл. 1).

Таблица 1

Индикаторы воспроизводства населения столичных регионов России, в среднем за 1992–2024 годы

Table 1

Population reproduction indicators of the metropolitan regions of Russia on the average for 1992–2024

Регионы	Родилось на 100 умерших	Структурные показатели, доли относительно среднего за 33 года населения в %		Бесструктурные показатели	
		Женщин 20–39 лет	Лиц в возрасте 65 лет и старше	СКР, детей на женщину	ОПЖ, лет
Ленинградская область	48	13,9	14,7	1,10	67,4
Санкт-Петербург	69	14,8	15,1	1,21	71,0
2 региона в сумме	63	14,6	15	1,18	70,1
Московская область	63	14,1	14,3	1,29	68,8
Москва	81	15,6	14,9	1,20	73,0
2 региона в сумме	73	15,3	14,7	1,23	71,3
В среднем по 4 регионам	70	15,1	14,8	1,22	71,0
РФ в границах до 2014 года	75	14,8	13,4	1,45	68,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Ленинградская область, несмотря на значительный омолаживающий половозрастную структуру фактор — миграционный прирост из других регионов страны и из-за рубежа, имеет одни из самых худших индикаторов воспроизводства населения в стране. Это и минимальный СКР (несмотря на высказанное до таблицы замечание), и один из самых низких по стране индексов жизненности. Почти 1/3 населения на начало 1992 г. было потеряно за 33 постсоветских года превышением смертности над рождаемостью.

Москва, имеющая положительное сальдо миграции в обмене населением со всеми регионами России, а также активно пополняемая миграцией из-за рубежа и переписными поправками, тем не менее, за 33 года потеряла депопуляцией 1/10 часть от населения на начало 1992 года. И доля женщин ак-

тивного детородного возраста во всём населении Москвы выше, чем по России в целом, и ОПЖ — одна из самых высоких по стране, но за счёт в целом за 33-летний период низкой интенсивности рождаемости население (без учёта миграции) убывало.

Во вторую группу входят самые демографически неблагополучные в воспроизводственном плане области России (табл. 2). Большая их часть пострадала во время фашистской оккупации, и до сих пор не может восстановиться. Усугублению демографической ситуации в них способствовала миграция их населения в послевоенное время в тыловые районы СССР и в регионы Крайнего Севера, в постсоветское — в два мегаполиса РФ.

В Тульской и Псковской областях, абсолютных лидерах по относительному уров-

Таблица 2

**Индикаторы воспроизводства населения отдельных регионов
России (вторая группа), в среднем за 1992–2024 годы**

Table 2

Population reproduction indicators of separate regions of Russia
(second group) on the average for 1992–2024

Регионы	Родилось на 100 умерших	Структурные показатели. Доли относительно среднего за 33 года населения в %		Бесструктурные показатели	
		Женщин 20–39 лет	Лиц в возрасте 65 лет и старше	СКР, детей на женщину	ОПЖ, лет
Тульская область	43	13,5	17,5	1,24	67,1
Псковская область	43	13,3	16,8	1,41	65,2
Тверская область	46	13,5	17,1	1,38	65,9
Смоленская область	47	14,0	15,7	1,25	66,7
Ивановская область	48	13,9	16,4	1,29	66,9
Рязанская область	48	13,4	17,2	1,31	68,1
Тамбовская область	48	13,4	17,1	1,31	68,8
Новгородская область	48	13,7	16,1	1,40	65,7
В среднем по 8 регионам	46	13,6	16,8	1,31	66,9
РФ в границах до 2014 г.	75	14,8	13,4	1,45	68,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

ню депопуляции, 1/3 населения на начало 1992 г. было потеряно за 33 постсоветских года превышением смертности над рождаемостью. Все области из таблицы 2 имеют низкую долю женщин активного репродуктивного возраста, и высокую долю лиц 65 лет и старше, что является следствием постоянной миграции в экономически более развитые регионы страны, прежде всего, столичные. Остающееся население, выражаясь словами автора «законов миграции» Э.Г.Равенштейна [2], «стагнирует». СКР и ОПЖ (как индикатор социально-экономического положения данных регионов) ощутимо ниже средних уровней по стране.

В третью группу входят также демографически неблагополучные в воспроизводственном плане области преимущественно Центрального федерального округа, а также Республика Мордовия (табл. 3). Все эти регионы имеют чуть менее негативные составляющие — факторы депопуляции, чем области второй группы. При этом в сравнении с РФ у них также ниже доля женщин в активном репродуктивном возрасте во всём

населении, и выше доля лиц 65 лет и старше во всём населении, и ниже СКР и ОПЖ. В отличие от второй группы среди территорий третьей группы имеются успешные в социально-экономическом развитии регионы, такие как Калужская, Нижегородская, Липецкая, Воронежская, Ярославская области. Депопуляция в этих областях смягчалась весь постсоветский период за счёт миграционных вливаний в их постоянное население из менее экономически развитых территорий России, прежде всего, регионов Азиатской части страны и Европейского Севера.

В четвёртую группу входят в меньшей степени демографически неблагополучные в воспроизводственном плане области, а также Республика Карелия (табл. 4). В данной группе территорий (в сравнение со второй и третьей группами) значения всех факторов ещё больше приближаются к средним по стране. Среди территорий четвёртой группы, как и третьей, имеются успешные в социально-экономическом развитии регионы, такие как Белгородская, Ростовская, Самарская и Калининградская обла-

Таблица 3

**Индикаторы воспроизводства населения отдельных регионов
России (третья группа), в среднем за 1992–2024 годы**

Table 3

Population reproduction indicators of separate regions of Russia
(third group) on the average for 1992–2024

Регион	Родилось на 100 умерших	Структурные показатели, доли относительно среднего за 33 года населения в %		Бесструктурные показатели	
		Женщин 20–39 лет	Лиц в возрасте 65 лет и старше	СКР, детей на женщину	ОПЖ, лет
Владимирская область	51	14,0	15,8	1,33	67,2
Воронежская область	53	14,0	16,9	1,28	69,3
Ярославская область	53	14,0	16,1	1,33	67,9
Курская область	54	13,7	16,3	1,40	68,2
Орловская область	54	14,3	16,0	1,33	68,2
Нижегородская область	54	14,2	15,7	1,33	67,7
Пензенская область	55	14,1	15,7	1,29	69,3
Брянская область	56	14,1	15,7	1,37	67,8
Костромская область	56	13,8	15,6	1,49	67,2
Калужская область	57	13,7	15,2	1,37	68,0
Липецкая область	57	14,3	15,5	1,36	68,8
Республика Мордовия	57	14,2	14,8	1,22	69,6
В среднем по 12 регионам	54	14,0	15,9	1,33	68,3
РФ в границах до 2014 г.	75	14,8	13,4	1,45	68,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

сти, получавшие, за небольшим исключением во времени³, почти весь постсоветский период миграционным путём пополнение из других регионов страны и из-за рубежа.

³ После начала СВО и обстрелов с украинской территории Белгородская область имеет миграционный отток населения.

Волгоградская и Саратовская области миграцией пополнялись в основном из государств Центральной Азии, и хотя также являются экономически развитыми регионами России, тем не менее, в межрегиональном обмене — население теряли.

Таблица 4

**Индикаторы воспроизводства населения отдельных регионов
России (четвёртая группа), в среднем за 1992–2024 годы**

Table 4

Population reproduction indicators of separate regions of Russia
(fourth group) on the average for 1992–2024

Регион	Родилось на 100 умерших	Структурные показатели, доли относительно среднего за 33 года населения в %		Бесструктурные показатели	
		Женщин 20–39 лет	Лиц в возрасте 65 лет и старше	СКР, детей на женщину	ОПЖ, лет
Кировская область	59	13,7	15,1	1,47	68,2
Саратовская область	61	14,8	14,6	1,30	68,8
Республика Карелия	62	14,5	12,9	1,43	65,9

Регион	Родилось на 100 умерших	Структурные показатели, доли относительно среднего за 33 года населения в %		Бесструктурные показатели	
		Женщин 20–39 лет	Лиц в возрасте 65 лет и старше	СКР, детей на женщину	ОПЖ, лет
Белгородская область	63	15,0	16,4	1,32	70,5
Ульяновская область	63	14,5	14,3	1,37	68,6
Вологодская область	65	14,2	14,1	1,50	67,5
Ростовская область	65	14,9	14,7	1,33	69,3
Кемеровская область	65	14,9	12,8	1,42	65,4
Волгоградская область	66	15,0	14,6	1,33	69,6
Самарская область	66	15,1	14,0	1,34	68,4
Курганская область	66	13,7	14,6	1,63	67,2
Архангельская область	69	14,0	12,4	1,49	67,1
Калининградская область	69	14,5	12,8	1,35	67,7
В среднем по 13 регионам	65	14,5	14,2	1,38	68,3
РФ в границах до 2014 г.	75	14,8	13,4	1,45	68,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 5

Индикаторы воспроизводства населения отдельных регионов России (пятая группа), в среднем за 1992–2024 годы

Table 5

Population reproduction indicators of separate regions of Russia (fifth group) on the average for 1992–2024

Регионы	Родилось на 100 умерших	Структурные показатели, доли относительно среднего за 33 года населения в %		Бесструктурные показатели	
		Женщин 20–39 лет	Лиц в возрасте 65 лет и старше	СКР, детей на женщину	ОПЖ, лет
Алтайский край	70	15,0	13,4	1,44	67,9
Свердловская область	72	14,5	13,6	1,49	67,6
Пермский край	74	14,5	12,7	1,56	66,5
Челябинская область	74	14,8	13,4	1,47	68,0
Приморский край	74	14,8	11,2	1,42	66,4
Краснодарский край	77	14,4	14,6	1,53	69,8
Республика Марий Эл	77	14,6	12,4	1,54	67,7
Новосибирская область	77	15,0	13,3	1,44	68,3
Республика Адыгея	78	14,0	14,2	1,50	70,2
Хабаровский край	78	14,9	10,7	1,45	65,8
Чувашская Республика	79	14,8	13,0	1,50	69,0
Сахалинская область	79	13,7	9,4	1,58	65,2
Оренбургская область	80	15,0	12,8	1,60	67,7
Еврейская АО	80	14,9	10,2	1,62	63,7
В среднем по 14 регионам	75	14,7	13,1	1,50	67,9
РФ в границах до 2014 г.	75	14,8	13,4	1,45	68,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

В пятую группу входят территории со средним по стране уровнем депопуляции (табл. 5). В большинстве регионов пятой группы СКР немного выше среднего по стране. В Азиатских регионах из таблицы 5 традиционно ниже средних значений по России ОПЖ и доля лиц в возрасте 65 лет и старше. В среднем 1/8 населения на начало 1992 г. было потеряно в регионах данной группы за 33 постсоветских года превышением смертности над рождаемостью.

В шестую группу входят территории с минимальным по стране уровнем депо-

пуляции, балансирующие все постсоветские годы между естественным приростом и естественной убылью (табл. 6). В данной группе преобладают регионы Азиатской части России, Европейского Севера, а также три республики Приволжского федерального округа, Ставропольский край и Астраханская область. Кроме Удмуртской Республики во всех этих регионах достаточно низкая для РФ доля лиц в возрасте 65 лет и старше. СКР, кроме Томской, Мурманской и Магаданской областей, заметно выше среднего уровня по стране.

Таблица 6

Индикаторы воспроизводства населения отдельных регионов России (шестая группа) в среднем за 1992–2024 годы

Table 6

Population reproduction indicators of separate regions of Russia (sixth group) on the average for 1992–2024

Регионы	Родилось на 100 умерших	Структурные показатели. Доли относительно среднего за 33 г. населения, в %		Бесструктурные показатели	
		Женщин 20–39 лет	Лиц в возрасте 65 лет и старше	СКР, детей на женщину	ОПЖ, лет
Омская область	81	15,3	12,4	1,48	68,4
Амурская область	81	14,6	10,1	1,55	64,7
Мурманская область	82	14,3	8,4	1,36	67,4
Ставропольский край	83	15,5	13,3	1,43	70,4
Красноярский край	83	15,1	11,1	1,47	66,6
Республика Хакасия	84	14,9	11,2	1,61	65,9
Томская область	84	15,8	11,3	1,32	68,2
Республика Коми	85	14,7	9,0	1,54	66,3
Удмуртская Республика	85	15,0	15,8	1,57	68,0
Магаданская область	86	11,4	5,9	1,41	65,0
Иркутская область	87	14,9	10,9	1,66	64,8
Астраханская область	89	15,3	12,4	1,64	68,7
Республика Башкортостан	89	14,9	12,5	1,61	68,8
Республика Татарстан	90	14,9	13,1	1,52	70,5
Камчатский край	95	13,9	7,0	1,50	65,9
Забайкальский край	97	15,0	9,5	1,90	64,8
В среднем по 16 регионам	86	15,1	11,9	1,54	67,9
РФ в границах до 2014 г.	75	14,8	13,4	1,45	68,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Республика Крым и Севастополь в 2015–2024 гг. в целом — находились в депопуляции. В Республике Крым за десятилетие было 67, в Севастополе 73 родившихся на 100 умерших. Доля женщин активного репродуктивного возраста во всём населении Республики Крым составила 12,7%, Севастополя — 15,1%; доля лиц в возрасте 65 и старше во всём населении была 17% и 15,5% соответственно; СКР равнялся 1,61 и 1,38 ребёнка на женщину; ОПЖ — 71,6 и 73,4 года соответственно.

Наконец, последняя седьмая группа территорий России представлены двумя подгруппами: Европейской и Азиатской. Это регионы, в которых в целом за 33 года был положительный естественный прирост насе-

ления (табл. 7). Здесь показатели говорят сами за себя. В регионах первой подгруппы индекс жизненности в 1,6 раза был выше, чем в Азиатских регионах второй подгруппы, что объясняется существенными различиями в интенсивности смертности населения двух подгрупп. В Тюменской области в целом за 1992–2024 гг. в сумме депопуляции не было — 149 рождений на 100 умерших. Во входящем в состав Архангельской области Ненецком АО также не было депопуляции в целом — 151 рождение на 100 умерших. При этом доли женщин 20–39 и лиц в возрасте 65 лет и старше лет во всём населении были ощутимо ниже, чем по России в целом (13,6% и 7,0% соответственно), СКР был равен 2,04 ребёнка на женщину, ОПЖ — 66,6 года.

Таблица 7

Индикаторы воспроизводства населения отдельных регионов России (седьмая группа), в среднем за 1992–2024 годы

Table 7

Population reproduction indicators of separate regions of Russia (seventh group) on the average for 1992–2024

Регионы	Родилось на 100 умерших	Структурные показатели. Доли относительно среднего за 33 г. населения, в %		Бесструктурные показатели	
		Женщин 20–39 лет	Лиц в возрасте 65 лет и старше	СКР, детей на женщину	ОПЖ, лет
Республика Ингушетия	443	19,2	4,8	2,14	75,4
Чеченская Республика	419	15,3	5,1	2,88	71,9
Республика Дагестан	288	17,9	6,9	1,96	74,2
Кабардино-Балкарская Республика	136	16,7	9,8	1,56	71,9
Республика Калмыкия	123	14,6	9,2	1,75	69,4
Карачаево-Черкесская Республика	116	16,1	11,3	1,52	72,0
Республика Северная Осетия-Алания	110	15,3	12,9	1,68	71,4
В среднем по 7 республикам	231	16,3	7,8	2,03	72,9
ЯНАО	251	17,6	2,7	1,71	69,2
ХМАО	201	16,6	4,5	1,62	69,3
Республика Тыва	182	15,8	4,9	2,62	60,1
Республика Саха (Якутия)	161	14,7	6,1	1,76	66,7
Республика Алтай	133	15,2	9,1	2,21	65,1
Чукотский АО	124	9,7	2,8	1,77	61,7
Республика Бурятия	110	15,0	9,5	1,80	65,7
Тюменская область без АО	101	14,8	11,3	1,86	69,2
В среднем по 15 регионам	143	16,2	7,2	1,81	67,5
РФ в границах до 2014 года	75	14,8	13,4	1,45	68,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Выводы

Среди регионов РФ, в которых не было депопуляции в целом за 1992–2024 гг., нет ни одной области либо края («Тюменский треугольник» не в счёт). Депопуляции не было в тех республиках и автономиях (табл. 7), где самая высокая в РФ доля женщин активного репродуктивного возраста, самые высокие значения СКР и низкая доля лиц в возрасте 65 лет и старше.

Низкая доля населения в возрасте 65 лет и старше в регионах Европейской Крайнего Севера, окраинных территорий Сибири и Дальнего Востока объясняется, помимо высокой смертности, значительным межрегиональным оттоком их населения в трудоспособном и пенсионном возрасте, особенно в 1990-е годы, в места исходного проживания, вглубь России. В богатых нефтегазовых территориях РФ ситуация отчасти иная, подобная структура населения объясняется в них использованием вахтового метода труда и привлечением значительных масс трудовых мигрантов, а также пе-

реселением выходящих на пенсию в территории России с более благоприятным климатом.

Относительные параметры депопуляции и составляющие её факторы тем хуже, чем ближе регионы к первым двум миграционным реципиентам страны и чем ниже в этих регионах уровень социально-экономического развития. Межрегиональная миграция молодого населения усиливает депопуляцию в регионах — межрегиональных миграционных донорах и смягчает — в основных и локальных реципиентах.

В демографическом анализе за длительный период времени часто используется показатель компенсации естественной убыли миграционным приростом. По результатам данной статьи необходимо добавить, что этого мало. Надо показывать также и изменения половозрастной структуры населения за счёт миграции, так как это заметно влияет на общие коэффициенты рождаемости и смертности, тем самым ощутимо меняя результирующий естественный прирост/убыль населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, О. Л.** Депопуляция в регионах России к началу 2020 года / О. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 119–129. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.11; EDN: PPKYB
2. **Ravenstein, E. G.** The laws of migratoin / E. G. Ravenstein // Journal of the Royal Statistical Society. — June 1889. — Vol. 52. — Part 2. — P. 214–301.
3. **Lee, E. S.** A Theory of Migration / E. S. Lee // Demography. — 1966. — No 3. — P. 47–57. DOI: 10.2307 / 2060063
4. **Рыбаковский, Л. Л.** Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне / Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 2. — С. 16–26. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2023-51-2-16-26; EDN: GZOCN
5. **Рыбаковский, О. Л.** Демографическая динамика регионов России и её компоненты в 1959–2017 гг. / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 1. — С. 4–20. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2019-22-1-01
6. **Рыбаковский, О. Л.** Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 4–15. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.1; EDN: JIZLY
7. **Пирожков, С. И.** Возрастная структура как фактор воспроизводства населения. С. И. Пирожков, Г. Л. Сафарова // Математические Исследования: Экономико-Математические модели и информационные технологии. Сборник трудов СПб ЭМИ РАН № 3. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — С. 179–230.

8. **Римашевская, Н. М.** Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения / Н. М. Римашевская // Здоровье населения: проблемы и пути решения. — 2010. — Т. 1. — № 1. — С. 1–22. EDN: OYDVEX
9. **Рыбаковский, Л. Л.** Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-Информ, 2020. — 251 с. EDN: LKZBOU
10. **Рыбаковский, О. Л.** Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 1. — С. 53–66. DOI: 10.19181 / population.2020.23.1.5; EDN: EHTSJW
11. **Кашепов, А. В.** Воспроизводство населения в России — факторы и перспективы / А. В. Кашепов // Экономика и Социум. — 2019. — № 9(64). — С. 139–158. EDN: IBKIYE
12. **Рыбаковский, Л. Л.** Факторы депопуляции в России / Л. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2013. — № 3(61). — С. 4–19. EDN: RCOFTN
13. **Тихомирова, Т. М.** Методы анализа воспроизводства и здоровья населения России / Т. М. Тихомирова, Н. П. Тихомиров. — Москва : Юнити-Дана, 2022. — 359 с. EDN: GRTTDE
14. **Андреев, Е. М.** Демографическая история России: 1927–1959 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. — Москва : Информатика, 1998. — 187 с.
15. **Мотрич, Е. Л.** Этнодемографическое воспроизводство населения на Дальнем Востоке России / Е. Л. Мотрич // Народонаселение. — 2005. — № 4(30). — С. 102–111. EDN: PUTAEB
16. **Фаузер, В. В.** Население российского Севера: проблемы воспроизводства / В. В. Фаузер // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2017. — № 3(54). — С. 121–133. EDN: ZRQAWT
17. **Рыбаковский, Л. Л.** Депопуляция и её этнические аспекты в России / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. — 2015. — № 4. — С. 18–28. EDN: TRRQJL
18. **Кузьмин, А. И.** Воспроизводство населения в регионах России / А. И. Кузьмин, Т. В. Примак, А. А. Кузьмина // Экономика региона. — 2011. — № 1(25). — С. 32–41. EDN: NHZBNF
19. **Жиромская, В. Б.** Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская, А. И. Репинецкий. — Москва : Росспэн, 2001. — 277 с.
20. **Рязанцев, С. В.** Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский // Вестник РАН. — 2021. — Т. 91. — № 9. — С. 810–819. DOI: 10.31857 / S0869587321090085; EDN: VHNSDJ
21. **Рыбаковский, Л. Л.** Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. — 2019. — № 2. — С. 6–15. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2019-35-2-6-15; EDN: YAEDKL
22. **Рыбаковский, Л. Л.** 20 лет депопуляции в России / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-информ. — 2014. — 231 с.
23. **Рыбаковский О. Л.** Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 71–82. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-71-82; EDN: HGRXPV

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., зав. лабораторией, ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; ПИНЦ SPIN-код: 7022-5369.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17

REPRODUCTION OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF RUSSIA IN 1992–2024: RESULTS, COMPONENTS, FACTORS

Oleg L. Rybakovsky

FCTAS RAS

(24/35 корпус 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O. L. Reproduction of the population of the regions of Russia in 1992–2024: results, components, factors. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17 (in Russ.)

Abstract. *The subject of the study is reproduction of the permanent population of Russian regions as a whole for 1992–2024 and its main components. The object is permanent population of Russian regions as a whole. The purpose of the study is to identify among all regions of Russia as a whole for 33 years the groups that are typical in terms of the relative parameters of population reproduction in them and in terms of their components — factors of this process. Research methods — demographic statistical analysis, construction of relative indicators for a correct interregional comparison. The source of statistics for calculations is Rosstat data. Research results: Russian regions ranked according to the relative level of population reproduction — the vitality index and its components — factors. 7 groups of territories were identified, of which only one did not experience depopulation for 33 years. The remaining groups include regions from the most demographically disadvantaged to those teetering on the brink of depopulation and natural increase. Components — factors explain the current situation in each of the groups. Regions with a high level of socio-economic development compensate for the natural losses with interregional and foreign migration, replenishing their gender and age structure primarily with young population, and the level of depopulation in them is moderate. Other territories of the Russian Federation, losing their young population through migration, only exacerbate the depopulation. The «mild» level of depopulation in Asian Russia is explained, among other things, by the low proportion of the population aged 65 and older. One of the factors for this is a significant outflow of the population of working age and retirement age, especially in the 1990s.*

Keywords: *demography of Russian regions, natural decrease/increase, depopulation, total fertility rate, life expectancy at birth.*

References and Internet sources

1. Rybakovsky O. L., Fadeeva T. A. Depopulatsiya v regionakh Rosiji k nachalu 2020 goda [Depopulation in the regions of Russia by the beginning of 2020]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 119–129. (in Russ.)
2. Ravenstein E. G. The laws of migratoin. *Journal of the Royal Statistical Society*. Vol. 52. Part 2. June 1889. P. 214–301.
3. Lee E. S. A theory of migration. *Demography*. 1966. No. 3. P. 47–57. DOI: 10.2307/2060063.
4. Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. Depopulyatsiya v Rossii: itogi za 1992–2022 gg., komponenty i kompensatsiya migratsiyey na regional'nom urovne [Depopulation in Russia: Results for 1992–2022, components and compensation by migration at the regional level]. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2023. No. 51(2). P. 16–26. (in Russ.)
5. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Demograficheskaya dinamika regionov Rossii i yeyo komponenty v 1959–2017 gg. [Population dynamics of Russian regions and its components in 1959–2017]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No.1. P. 4–20. (in Russ.)

6. Rybakovsky O. L. Vozrastnaya struktura naseleniya regionov Rossii v nachale 21 veka: komponenty formirovaniya [The age structure of the population of the regions of Russia at the beginning of the 21st century: components of the formation]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No.1. P. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1 (in Russ.)
7. Pirozhkov S. I., Safarova G. L. Vozrastnaya struktura kak faktor vosproizvodstva naseleniya. Ekonomiko-matematicheskiye issledovaniya [Age structure as a factor of population reproduction]. *Matematicheskiye Issledovaniya: Ekonomiko-Matematicheskiye modeli i informatsionnyye tekhnologii. Sbornik trudov SPb EMI RAN № 3 [Economic and Mathematical Studies: Mathematical Models and Information Technologies]*. St. Petersburg Nauka. [Science]. 2003. P. 179–230. (in Russ.)
8. Rimashevskaya N. M. Sotsial'naya politika sberezheniya naroda: izmeneniya negativnogo trenda zdorov'ya rossiyskogo naseleniya [Social Policy of saving the people: a radical change in the negative trend in the health of the Russian population]. *Zdorov'ye naseleniya: problemy i puti resheniya [Population Health: Problems and Solutions]*. Vol. 1. No. 1. P. 1–22. (in Russ.)
9. Rybakovsky L. L. Velikaya Otechestvennaya. Osobennosti. Ljudskiye poteri. Faktory pobedy [The Great Patriotic. Features. People's Losses. Factors of Victory]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2020. 251 p. (in Russ.)
10. Rybakovsky O. L. Vosproizvodstvo naseleniya Rossii: zadachi, tendentsii, faktory i vozmozhnyye rezul'taty k 2024 godu [Russian population reproduction: challenges, trends, factors and possible results by 2024]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 53–66. (in Russ.)
11. Kashepov A. V. Vosproizvodstvo naseleniya v Rossii – tendentsii i perspektivy [Population reproduction in Russia – factors and prospects]. *Ekonomika i Sotsium [Economy and Society]*. 2019. No. 9(64). P. 139–158. (in Russ.)
12. Rybakovsky L. L. Faktory depopulyatsii v Rossii [Factors of depopulation in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2013. No. 3(61). P. 4–19. (in Russ.)
13. Tikhomirova T. M., Tikhomirov N. P. Metody analiza vosproizvodstva i zdorov'ya naseleniya Rossii [Methods for Analyzing the Reproduction and Health of the Russian Population]. Moscow. Yunity-Dana [Unity-Dana]. 2022. 359 p. (in Russ.)
14. Andreev E. M., Darsky L. E., Khar'kova T. L. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic History of Russia: 1927–1959]. Moscow. Informatika [Informatics]. 1998. 187p. (in Russ.)
15. Motrich E. L. Etnodemograficheskoye vosproizvodstvo naseleniya na Dal'nem Vostoke Rossii [Ethnodemographic reproduction of population in the Russian Far East]. *Narodonaselenie [Population]*. 2005. No. 4(30). P. 102–111. (in Russ.)
16. Fauser V. V. Naseleniye rossiyskogo Severa: problemy vosproizvodstva [Population of the Russian North: problems of reproduction]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [North and Market: Formation of Economic Order]*. 2017. No. 3(54). P. 121–133. (in Russ.)
17. Rybakovsky L. L. Depopulatsiya i yeyo etnicheskiye aspekty v Rossii [Depopulation and its ethnical aspects in Russia]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015. No. 4. P. 18–28. (in Russ.)
18. Kuzmin A. I., Primak T. V., Kuzmina A. A. Vosproizvodstvo naseleniya v regionakh Rossii [Reproduction of population in the regions of Russia]. *Ekonomika regiona [Economics of the Region]*. 2011. No. 1(25). P. 32–41. (in Russ.)
19. Zhiromskaya V. B., Repinetsky A. I. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-ye gody. Vzglyad v neizvestnoye [Demographic History of Russia in the 1930s. A Look into the Unknown]. Moscow. Rosspen [Rosspen]. 2001. 277 p. (in Russ.)
20. Ryazantsev S. V., Rybakovsky L. L. Demograficheskoye razvitiye Rossii v 20–21 vekakh: istoricheskoye i geopoliticheskoye izmereniya [Demographic Development of Russia in the XX–XXI Centuries: Historic and Geopolitical Dimensions]. *Vestnik RAN [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2021. Vol. 91. No. 9. P. 810–819. DOI: 10.31857/S0869587321090085 (in Russ.)
21. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Depopulatsiya v Rossii: etapy, osobennosti i vozmozhnosti neytralizatsiyi [Depopulation in Russia: its stages, features and possibilities of neutralization]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2019. No. 2. P. 6–15. (in Russ.)

22. Rybakovsky L. L. 20 let depopulyatsii v Rossii [*20 Years of Depopulation in Russia*]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2014. 231 p. (in Russ.)
23. Rybakovsky O. L. Balans naseleniya regionov Rossii v 1992–2023 gg. i perepisnyye popravki [Population balance of the regions of Russia in 1992–2023 and census corrections]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 71–82. (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Head of Laboratory, FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e- mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Elibrary SPIN-code: 7022–5369.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33
EDN: YTMPXH

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Моисеева Е. М.*, Мищук С. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

*E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 24–28–01046. – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01046/>.

Для цитирования:

Моисеева Е. М., Мищук С. Н. Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 18–33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33; EDN: YTMPXH

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена большой ролью миграции в формировании населения Дальнего Востока России на фоне продолжающегося сокращения его численности. Количественный и качественный анализ целевых групп, включая возрастные группы постоянного населения и мигрантов, повышает эффективность миграционной политики, усиливая её адресность. Статья основана на демографическом подходе, позволяющем оценить изменения и взаимосвязь основных демографических характеристик разных категорий населения Дальнего Востока. Целью исследования является изучение возрастного профиля мигрантов и влияния миграции на возрастную структуру постоянного населения регионов Дальнего Востока на современном этапе. Эмпирическую базу составляет массив вторичных данных Росстата за 2018–2022 гг. с детализацией по возрастам, субъектам Дальневосточного федерального округа и территориям входа и выхода мигрантов. Для обработки данных используются статистические методы: анализ абсолютных и относительных величин, расчёт коэффициентов, кластерный анализ. Выделенные группы регионов отражают общее и особенное в миграции их населения разных возрастов: уровень территориальной мобильности, объёмы и направления перемещений, результативность данных процессов, степень их влияния на возрастную структуру постоянного населения. Полученные результаты позволили выявить региональные особенности возрастного профиля миграции в Дальневосточном федеральном округе и оценить её роль в формировании постоянного населения, а также сформулировать ряд гипотез относительно вероятных факторов, определяющих интенсивность и направления перемещений населения разных возрастных групп в рассматриваемых регионах. Показано, что большинство регионов вне зависимости от результативности миграционных процессов объединяет выбытие молодёжи 15–19 лет, приток населения в молодом трудоспособном возрасте (20–24 года и старше в части регионов) и интенсивный отток мигрантов предпенсионного и пенсионного возраста после завершения трудовой деятельности.

Ключевые слова: миграция, постоянное население, возрастная структура, кластерный анализ, региональные особенности, Дальний Восток.

Введение

Сокращение численности населения Дальнего Востока создаёт потенциальные риски для ситуации в макрорегионе и России в целом. По мнению специалистов в области пространственного развития, значительные диспропорции в демографических показателях регионов негативно сказываются на территориальной, социально-экономической и политической связанности страны. Сокращение численности населения трудоспособного возраста может замедлить темпы развития экономики, в особенности трудоёмких третичного и четвертичного секторов, помешать выполнению программ социального обеспечения и защиты граждан. В 2017 г. была утверждена «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». Основной упор в ней делается на задачах повышения рождаемости, брачности, укрепления репродуктивного здоровья населения. Конкретные меры миграционной политики региона в концепции не обозначены, в то время как миграционный приток населения является необходимым условием улучшения демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), о чем свидетельствуют данные статистики [1].

Эффективность и результативность миграционной политики как части демографической, а также экономической политики во многом зависит от правильного выбора целевой группы, не исключая и постоянное население. Не менее важным является структурный анализ данных целевых групп в разрезе возрастных групп, что объясняется разными причинами, направлениями и масштабами их экономической, социальной и миграционной активности. В рамках данного исследования нами поставлена задача изучения возрастного профиля мигрантов и влияния различных потоков миграции на возрастную структуру постоянного населения территорий Дальнего Востока в период с 2018 по 2022 годы. Исторически население макрорегиона отличается более молодым населением, чем в среднем по России, однако в последние десятилетия оно ста-

реет опережающими темпами. Так, с 2000 по 2022 гг. доля населения младше трудоспособного возраста в ДФО уменьшилась на 1,5 процентных пункта (п.п.), трудоспособного возраста — на 4,8 п.п., а за тот же период по РФ сокращение данных групп населения составило 0,9 п.п. и 3,2 п.п. соответственно. Учитывая, что суммарный коэффициент рождаемости на Дальнем Востоке остается более высоким, чем в среднем по стране (1,6 против 1,4), можно заключить, что большую роль в изменении возрастной структуры ДФО играет миграция. При этом, несмотря на обширный перечень научных публикаций, посвящённых анализу миграционных процессов в исследуемом регионе в постсоветский период, для многих из них характерен генерализованный подход. При широком перечне направлений и подходов изучения миграции на Дальнем Востоке в большинстве работ объектом исследования выступают потоки мигрантов без дифференциации по возрасту [2–5].

Обзор литературы

Возрастная структура постоянного населения в сочетании с экономическими, социальными, природными факторами оказывает влияние на динамику миграции и наоборот. Учитывая роль миграционных процессов в формировании численности населения и обеспечения специалистами рынка труда, значимость приобретает изучение возрастной структуры мигрантов, включая потоки внутривосточной и международной миграции, в том числе в разрезе безвозвратных и трудовых мигрантов. Рассматривая различия возрастных профилей миграционных потоков, зарубежные авторы отмечают их связь с жизненным циклом индивида. Жизненные события, например завершение образования, брак или развод, рождение детей и др., могут приводить к миграционной активности человека [6]. Дополняет предыдущие выводы исследование российского автора [7], в котором показано, что межрегиональные различия возрастной структуры потоков трудовых мигрантов внутри России связаны с от-

раслевой структурой экономики регионов-доноров и регионов-реципиентов. Демографическая ситуация в регионах с преобладанием ресурсного сектора экономики в перспективе может развиваться в направлении суженного воспроизводства, что объясняется распространением вахтового метода работы. В большинстве работ, рассматривающих динамику и мотивы миграционной активности населения, объектом исследования выступает молодёжь в возрасте 18–29 лет [8–11], что объясняется её высокой миграционной активностью.

Миграция определяла количественный и качественный характер населения Дальнего Востока, начиная с середины XIX века. Исследование миграционных процессов в регионе в различных работах представлено в рамках экономического, социологического, антропологического, демографического подходов. А. С. Ващук использует понятие «дальневосточный комплекс», включающий ряд событий в период с 1945 по 1980 гг., в результате которых был реализован, так называемый, «дальневосточный фактор». Этот фактор реализовывался через политически организованные кампании и обеспечил перераспределение населения в стране, обеспечив рост численности населения на Дальнем Востоке. Население региона пополнили специалисты с инженерными и рабочими профессиями, необходимыми для его экономики. Кроме того, дальневосточный фактор проявился в более высоком естественном приросте и формировании более молодой структуры населения, чем в среднем по стране [12].

Говоря о начала XXI в., акцент меняется с положительного и расширяющегося социально-демографического вектора в область национальной безопасности, ориентированной на решение проблемы депопуляции населения макрорегиона. На современном этапе активно обсуждаются вопросы количественной оценки миграции и регионов концентрации мигрантов, выбывающих с Дальнего Востока [3; 13–15], условий и факторов миграционной активности населения [16–20], однако изучение роли

возрастной структуры населения и мигрантов остаётся недостаточным.

Отметим большое количество публикаций, посвящённых изучению миграционных настроений молодёжи регионов ДФО [11; 21; 22]. Изучение старших возрастных групп занимает небольшую долю в исследованиях, например публикации Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН [23; 24]. Обозначенные работы основаны на социологическом или экономическом подходе. Значительно меньше исследований представлено в рамках демографического подхода, позволяющего оценить возрастную структуру безвозвратной миграции и её влияние на возрастную структуру населения регионов Дальнего Востока.

Одним из немногих исследований изменения структуры постоянного населения регионов Дальнего Востока, является работа Г. П. Неверовой [25], в рамках которой дан прогноз возрастной структуры населения Еврейской АО с учётом возрастной структуры мигрантов. Прогнозы изменения возрастной структуры населения, оказывающих влияние на рынок труда регионов, представлены в работах М. Ю. Хавинсона и М. П. Кулакова, но авторы прогнозируют изменения возрастной структуры занятого населения [26; 27], что определяет значимость данного исследования, в первую очередь, для экономики, а не для демографии. Учитывая слабую изученность влияния возрастных профилей мигрантов на территории входа и выхода, в том числе и для Дальнего Востока, данное исследование позволит отчасти восполнить этот научный пробел.

Материалы и методы исследования

Данные Росстата включают распределение прибывших и выбывших по возрастам, субъектам ДФО и странам. Чтобы оценить тенденции миграции на современном этапе, были выбраны данные за пятилетие с 2018 по 2022 годы. В рассматриваемый период имел место кризис, вызванный пандемией COVID-19 и сопровождавшийся ограничениями на мобильность, поэтому с це-

лью устранения колебаний показателей они рассчитываются в сумме за пять лет. Для удобства интерпретации данные по возрасту мигрантов агрегированы в пятилетние диапазоны.

Поскольку при анализе миграционных процессов необходимо учитывать также численность населения соответствующей территории или соответствующей возрастной группы, то в настоящей работе используются не только абсолютные, но и относительные показатели, рассчитанные в соответствии с рекомендациями Росстата¹. Для выявления особенностей возрастной структуры миграции в регионах Дальнего Востока используется кластерный анализ методом межгрупповой связи. 11 субъектов ДФО

рассматриваются как наблюдения, а показатели для каждого из 18 возрастных диапазонов — как отдельные переменные, что позволяет построить типологию, более глубоко отражающую возрастные особенности миграции, чем простая группировка регионов по суммарным показателям для всех возрастов. Оптимальное решение (количество кластеров) определяется по значениям коэффициентов порядка агломерации. Затем анализируются средние значения по кластерам, что помогает установить закономерности, общие для той или иной группы регионов. Обработка статистической информации выполнена с помощью IBM SPSS.

Результаты

Для начала проанализируем такой показатель, как миграционный прирост (табл. 1).

Таблица 1

Миграционный прирост по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО*

Table 1

Net migration by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	-391	899	-1882	8	-362	-192	-400	-17	-156	-447	257
5–9	-1019	112	-2304	-150	-1420	-716	-595	-300	-637	-465	29
10–14	-872	-155	-2007	-333	-1123	-915	-723	-216	-535	-413	90
15–19	-4624	-2406	-3386	-971	-3031	2574	-1565	-725	-1662	-926	-533
20–24	3558	6875	1303	2998	3852	-1331	1095	424	2678	369	536
25–29	-244	3030	-2794	882	-1451	505	-1306	-7	27	-769	296
30–34	-752	2155	-3214	218	-2447	-796	-1020	-207	-511	-885	158
35–39	-625	1375	-2685	-147	-2356	-1458	-1086	-453	-714	-517	237
40–44	-673	925	-2226	-502	-2072	-1721	-757	-308	-623	-524	118
45–49	-424	804	-1717	-419	-2037	-1402	-798	-330	-480	-357	108
50–54	-257	-322	-1085	-647	-1720	-1122	-734	-495	-558	-247	13
55–59	-443	-1852	-1438	-1174	-1886	-1259	-1034	-827	-900	-306	-224
60–64	-594	-1833	-1644	-1108	-1880	-1318	-1200	-840	-886	-277	-282

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
65–69	-525	-1142	-1301	-811	-1530	-1130	-786	-701	-692	-270	-149
70–74	-254	-460	-725	-482	-759	-681	-434	-262	-265	-149	-115
75–79	-155	-227	-300	-157	-386	-317	-223	-123	-107	-83	-32
80–84	-183	-114	-334	-90	-297	-134	-246	-104	-87	-89	-9
85+	-4	-40	-223	-36	-107	-71	-120	0	-46	-41	0

*Здесь и далее в заголовках таблиц: 1 — Республика Бурятия, 2 — Республика Саха (Якутия), 3 — Забайкальский край, 4 — Камчатский край, 5 — Приморский край, 6 — Хабаровский край, 7 — Амурская область, 8 — Магаданская область, 9 — Сахалинская область, 10 — Еврейская АО, 11 — Чукотский АО, тёмным фоном выделены ячейки, где миграционный прирост положительный.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Применение кластерного анализа к полученному набору данных о миграционном приросте в субъектах ДФО позволяет определить, что оптимальным является решение с четырьмя группами: 1) Республика Бурятия, Камчатский край, Амурская, Магаданская, Сахалинская и Еврейская автономная области, Чукотский АО — кластер регионов, для которых в среднем характерны умеренная миграционная убыль населения в возрастах 5–15 лет, выраженная убыль населения в возрасте 15–19 лет и миграционный прирост в диапазоне 20–24 года, который вновь сменяется умеренной убылью в более старших возрастах; 2) Республика Саха (Якутия) — регион с миграционным приростом населения почти во всех «молодых» возрастных группах, вплоть до предпенсионного возраста: от 0 до 9 и от 20 до 49 лет. Является лидером среди регионов ДФО по рассматриваемому показателю; 3) Забайкальский и Приморский края — регионы, которые отличаются значительная миграционная убыль во всех возрастных группах, кроме молодого трудоспособного возраста 20–24 года. Могут рассматриваться как аутсайдеры миграционного движения населения; 4) Хабаровский край — единственный регион ДФО, где фиксируется заметный миграционный прирост населения в возрасте 15–19 лет. Небольшое приращение миграция также даёт в возрастной группе 25–29 лет. В остальных возрастных группах наблюда-

ется убыль, наиболее интенсивная среди населения 35–69 лет.

Теперь рассмотрим, какие особенности перемещений населения формируют такое сальдо миграции в каждом из регионов. Для этого проанализируем коэффициент интенсивности миграционного оборота, рассчитываемый по формуле: $Sk = Qk/Pk \times 1000$, где Qk — объём миграции (сумма числа прибывших и выбывших) в возрастной группе k ; Pk — среднегодовая численность населения в возрастной группе k (табл. 2). Все регионы Дальнего Востока характеризуются большими объёмами миграции, интенсивность которой возрастает, начиная с возрастной группы 15–19 лет, и остаётся особенно высокой до возрастов 30–39 лет в большинстве субъектов ДФО. Кластерный анализ данных коэффициента интенсивности миграционного оборота позволяет выделить следующие региональные особенности: 1) Республика Бурятия, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области — здесь в среднем объёмы миграции умеренно большие в молодых трудоспособных возрастах от 15 до 39 лет (пик в группе 20–24 года), затем они начинают постепенно снижаться среди более старших возрастов; 2) Республика Саха (Якутия), Магаданская область — интенсивность миграционного оборота так же наиболее велика среди населения в возрастах от 15 до 39 лет с пиковыми значениями также в группе 20–24 года, однако объём

Таблица 2

Коэффициент интенсивности миграционного оборота по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО

Table 2

Intensity coefficient of migration turnover by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	98,0	68,9	46,6	74,1	84,1	66,0	63,7	85,9	69,3	40,8	186,9
5–9	94,7	70,5	50,0	79,9	83,2	71,6	71,3	99,7	73,0	48,2	169,1
10–14	63,3	52,0	37,3	65,5	59,9	57,9	52,0	83,0	58,4	35,3	134,6
15–19	141,6	169,1	118,6	116,6	170,2	177,5	115,0	185,9	148,8	164,4	250,5
20–24	176,3	282,7	116,1	222,0	179,5	187,7	157,3	221,2	191,2	139,9	286,1
25–29	144,7	162,2	95,8	178,5	140,0	121,0	133,8	188,1	171,6	95,2	357,5
30–34	124,9	121,8	76,6	129,9	117,1	101,1	107,9	142,4	134,3	77,5	295,9
35–39	96,1	97,5	56,9	100,5	89,4	83,3	78,5	116,3	101,5	57,1	238,9
40–44	73,9	79,5	43,3	82,8	67,9	68,8	58,8	97,9	80,8	43,4	211,5
45–49	58,6	68,7	36,4	72,0	55,0	58,6	49,1	88,1	68,0	33,9	198,3
50–54	51,5	63,7	31,8	70,1	46,9	53,3	44,0	88,3	67,1	31,9	211,2
55–59	46,2	59,9	29,8	64,6	38,8	45,7	38,8	85,9	55,9	28,4	187,0
60–64	40,2	51,3	28,5	54,4	33,0	38,1	34,6	79,1	44,1	25,9	173,9
65–69	34,4	44,8	26,4	44,9	27,8	30,1	28,7	66,8	32,8	22,2	155,4
70–74	32,4	38,4	23,9	41,3	24,7	25,8	25,5	60,3	27,9	21,3	148,7
75–79	30,5	32,4	33,2	34,9	24,6	22,8	25,2	60,7	27,6	20,5	125,0
80–84	29,1	33,9	29,0	34,4	26,6	24,1	28,8	56,3	30,5	22,4	138,2
85+	27,4	32,9	8,7	39,3	27,7	22,9	28,3	46,7	29,9	20,7	78,7

Примечание: тёмным фоном выделены ячейки, где коэффициент имеет значения больше 100.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

ёмы миграции больше, чем в первом кластере; 3) Забайкальский край и Еврейская АО — регионы с наиболее низкими показателями, причём максимально интенсивный миграционный оборот в них наблюдается в возрастах 15–19 лет; 4) Чукотский АО — регион, отличающийся самыми большими объёмами миграции относительно своего немногочисленного населения во всех возрастных группах.

Чтобы глубже понять особенности протекания миграционных процессов в регионах Дальнего Востока, оценим эффективность миграции, то есть в какой мере перемещения населения влияют в итоге на его численность и структуру. Для этого будем использовать коэффициент, рассчитанный по формуле: $W_k = M_k/Q_k \times 100\%$, где M_k — сальдо миграции (разность числа прибыв-

ших и выбывших) в возрастной группе k ; Q_k — объём миграции (сумма числа прибывших и выбывших) в возрастной группе k (табл. 3).

Кластерный анализ данных коэффициента эффективности миграции позволяет и в этом случае выделить четыре группы регионов: 1) республики Бурятия и Саха (Якутия), края Приморский и Хабаровский, области Амурская и Сахалинская, Чукотский АО — их отличает сравнительно низкая эффективность миграции населения трудоспособного возраста и младше. Значения показателя повышаются в пенсионном возрасте, когда миграция во всех регионах, входящих в данный кластер, приводит к убыли населения; 2) Забайкальский край — миграция сравнительно эффективна в возрастах младше трудоспособного, за-

Таблица 3

Коэффициент эффективности миграции по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО (%)

Table 3

Migration efficiency coefficient by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District (%)

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	-1,1	3,7	-11,8	0,1	-0,8	-0,7	-2,8	-0,5	-1,5	-23,6	8,5
5–9	-2,6	0,4	-11,5	-1,9	-3,0	-2,3	-3,1	-6,9	-5,7	-17,9	1,0
10–14	-3,7	-0,8	-14,6	-5,8	-3,8	-4,4	-5,6	-6,3	-6,7	-22,4	3,7
15–19	-10,9	-4,6	-8,7	-10,4	-3,7	4,3	-5,9	-10,8	-9,1	-12,9	-13,5
20–24	7,5	8,2	3,6	16,8	4,4	-2,0	3,3	6,2	11,6	6,5	13,8
25–29	-0,5	5,0	-8,4	5,1	-1,7	0,9	-4,0	-0,1	0,1	-16,5	5,8
30–34	-1,4	4,1	-9,5	1,2	-2,7	-1,3	-3,0	-2,5	-1,9	-17,8	2,6
35–39	-1,6	3,6	-10,8	-1,0	-3,4	-3,2	-4,2	-6,1	-3,4	-14,2	4,3
40–44	-2,6	3,5	-13,1	-4,7	-4,2	-5,0	-4,3	-5,1	-3,9	-19,8	2,6
45–49	-2,4	3,8	-14,1	-4,9	-5,4	-5,3	-5,9	-6,6	-3,9	-19,1	2,7
50–54	-1,9	-1,8	-12,4	-9,0	-6,2	-5,4	-7,3	-11,7	-5,6	-17,1	0,3
55–59	-3,2	-10,0	-15,6	-17,6	-7,9	-7,0	-11,0	-19,2	-10,3	-22,6	-6,5
60–64	-4,9	-12,8	-17,7	-22,0	-9,3	-8,9	-13,7	-22,0	-12,3	-21,8	-11,1
65–69	-6,5	-12,7	-18,8	-23,5	-10,0	-10,5	-12,3	-27,1	-14,1	-26,9	-10,8
70–74	-5,6	-10,6	-20,0	-22,0	-7,8	-10,3	-12,1	-19,0	-10,3	-23,8	-19,4
75–79	-7,2	-13,2	-11,7	-16,1	-6,9	-9,8	-12,0	-20,3	-9,1	-26,2	-16,5
80–84	-8,2	-7,5	-14,8	-13,4	-6,0	-4,6	-13,2	-26,5	-8,1	-30,8	-8,9
85+	-0,3	-4,5	-59,2	-12,2	-4,3	-5,1	-13,7	0,8	-8,2	-30,4	0,0

Примечание: тёмным фоном выделены ячейки, где коэффициент имеет значения больше 10% по модулю.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

тем её эффективность снижается и вновь нарастает, начиная с 35 лет. Во всех возрастах, кроме группы 20–24 года, наблюдается миграционная убыль; 3) Камчатский край, Магаданская область — в среднем наиболее эффективна миграция в возрастах 15–19 лет, приводящая к убыли населения данной возрастной группы, и в возрастах 20–24 года, дающая, напротив, миграционный прирост. Затем значения показателя увеличиваются вместе с возрастом групп и становятся наиболее высокими, начиная с 55 лет, при этом во всех возрастах от 30 лет и старше наблюдается миграционная убыль населения; 4) Еврейская АО — регион со сравнительно большой эффективностью миграции во всех возрастных группах, кроме 20–

24 лет, при этом в результате миграции наблюдается убыль населения во всех возрастах, за исключением этой группы.

Наконец, проанализируем, в каких регионах Дальнего Востока миграция играет более значимую роль в формировании структуры и численности населения. Для этого рассмотрим коэффициент интенсивности миграции, вычисляемый по формуле $S_k = M_k/P_k \times 10000$, где M_k — сальдо миграции (разность числа прибывших и выбывших) в возрастной группе k ; P_k — среднегодовая численность населения в возрастной группе k (табл. 4).

В данном случае снова оптимально выделение четырёх кластеров: 1) Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский

Таблица 4

Коэффициент интенсивности миграции по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО

Table 4

Migration intensity coefficient by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	-11,0	25,6	-54,7	0,9	-7,1	-4,9	-17,6	-4,6	-10,2	-96,2	159,2
5–9	-25,0	2,8	-57,3	-15,3	-24,9	-16,5	-22,1	-68,6	-41,8	-86,2	16,4
10–14	-23,4	-4,2	-54,2	-37,9	-22,6	-25,6	-29,0	-52,6	-39,1	-79,1	50,2
15–19	-153,9	-77,2	-102,9	-121,7	-63,5	76,0	-68,2	-200,3	-135,7	-211,8	-339,3
20–24	133,0	230,5	41,9	373,8	78,8	-38,0	51,3	137,1	221,9	90,9	395,6
25–29	-7,8	81,9	-80,1	90,8	-24,0	11,1	-54,1	-1,8	2,0	-157,2	208,6
30–34	-17,8	49,6	-72,5	15,8	-31,4	-13,5	-32,0	-36,0	-25,9	-138,3	77,8
35–39	-15,3	34,7	-61,4	-10,4	-30,4	-26,3	-33,3	-71,3	-34,6	-80,8	102,8
40–44	-19,2	27,5	-56,7	-39,3	-28,3	-34,3	-25,0	-49,5	-31,2	-86,0	54,5
45–49	-14,3	26,1	-51,3	-34,9	-29,6	-30,8	-29,1	-58,1	-26,7	-64,7	54,1
50–54	-10,0	-11,2	-39,5	-62,9	-28,9	-29,0	-32,0	-103,1	-37,3	-54,6	7,1
55–59	-14,9	-59,7	-46,4	-113,9	-30,5	-31,8	-42,5	-164,6	-57,7	-64,3	-120,8
60–64	-19,8	-65,8	-50,6	-119,6	-30,9	-34,1	-47,5	-174,4	-54,1	-56,4	-193,0
65–69	-22,4	-56,8	-49,6	-105,4	-27,8	-31,5	-35,4	-180,8	-46,1	-59,7	-168,4
70–74	-18,3	-40,7	-47,8	-91,1	-19,2	-26,5	-30,7	-114,7	-28,8	-50,7	-288,4
75–79	-22,0	-42,7	-39,0	-56,2	-17,1	-22,4	-30,3	-123,3	-25,0	-53,7	-206,2
80–84	-23,9	-25,4	-42,9	-45,9	-15,8	-11,0	-37,8	-149,3	-24,7	-69,0	-123,1
85+	-0,8	-14,9	-51,3	-47,8	-12,0	-11,7	-38,7	3,5	-24,6	-63,0	0,0

Примечание: тёмным фоном выделены ячейки, где коэффициент имеет значения больше 100 по модулю.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

и Хабаровский края, Амурская, Сахалинская и Еврейская автономная области — где миграция не отличается большой интенсивностью. В среднем имеет место умеренный миграционный прирост в группе 20–24 года, в остальных возрастах — убыль, также не слишком большая относительно постоянного населения; 2) Республика Саха (Якутия) и Камчатский край — регионы, где в среднем отмечается интенсивная миграционная убыль в возрастах 15–19 лет, выраженный прирост относительно общей численности населения в молодых трудоспособных возрастах 20–29 лет, интенсивность которого убывает к более старшим возрастным группам и сменяется миграционной убылью населения в возрастах от 40 лет и старше; 3) Магаданская область — регион

с достаточно большой эффективностью миграции. В возрастах 0–14 лет имеет место умеренная убыль населения. Её интенсивность резко возрастает в возрастной группе 15–19 лет. Однако в возрастах 20–24 года отмечается интенсивный миграционный прирост. Затем он вновь сменяется убылью, которая нарастает к более старшим возрастным группам; 4) Чукотский АО — отличается наибольшей интенсивностью миграции, которая обеспечивает прирост населения в возрастах с 0 до 14 и с 20 до 54 лет.

Наконец, рассмотрим географическое распределение миграционных потоков в регионах Дальнего Востока, выделив внутрироссийские и международные перемещения (табл. 5). В случае полученного набора данных по доле внутристрановых пере-

Таблица 5

Доля России в миграционном обороте по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО (%)

Table 5

Share of Russia in migration turnover by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District (%)

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	98,7	89,4	99,1	80,1	96,7	92,3	96,8	87,7	87,0	98,1	97,9
5–9	98,7	91,1	99,1	85,2	96,6	92,1	96,3	87,8	87,1	98,4	96,3
10–14	98,5	90,4	98,9	86,2	95,5	91,3	96,1	87,4	87,4	98,7	95,5
15–19	97,3	89,9	99,4	84,4	95,7	91,8	95,7	94,0	90,0	99,5	97,2
20–24	93,8	80,3	97,9	68,0	85,3	79,9	88,3	87,4	67,0	96,8	93,9
25–29	92,8	70,2	97,0	60,7	80,8	77,0	87,8	77,7	62,4	95,3	86,8
30–34	94,4	71,9	97,5	66,9	83,1	77,1	89,5	78,5	66,8	95,4	87,3
35–39	94,6	71,3	97,2	71,1	82,4	77,8	89,4	79,2	67,3	96,6	83,8
40–44	93,1	68,4	97,5	68,3	79,4	73,7	87,0	78,8	65,0	93,4	81,0
45–49	90,3	66,7	96,3	67,2	75,7	68,8	84,8	77,7	64,2	91,3	83,7
50–54	88,5	69,0	96,0	72,5	76,1	67,0	86,3	81,2	63,6	91,1	83,2
55–59	93,2	76,8	97,3	81,4	83,3	75,5	89,3	86,2	73,2	93,5	88,3
60–64	96,5	84,7	98,1	89,8	90,9	84,2	93,1	93,4	82,4	96,8	88,3
65–69	97,7	91,5	98,5	94,8	94,3	91,6	96,3	96,6	92,4	98,1	93,2
70–74	98,1	94,3	98,6	96,1	96,5	93,2	95,4	95,2	96,1	97,4	94,3
75–79	97,7	95,9	98,5	93,2	95,1	92,3	95,8	92,6	94,9	98,7	97,9
80–84	97,9	93,1	99,2	89,8	94,0	91,7	94,5	91,1	92,7	99,1	98,8
85+	98,6	94,8	99,3	84,2	95,3	94,4	95,6	83,3	89,8	96,6	100,0

Примечание: тёмным фоном выделены ячейки, где доля России составляет более 90%.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

мещений в миграционном обороте регионов Дальнего Востока оптимальным решением оказывается выделение трёх кластеров: 1) Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская АО — доля России в миграционном обороте высока (90% и более) во всех возрастных группах; 2) Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область — сравнительно низкая доля внутрироссийских перемещений, особенно в трудоспособных возрастах, где она опускается в среднем ниже 70%; 3) Приморский край, Амурская и Магаданская области, Чукотский АО — в среднем доля России высока в возрастах младше 20 лет и старше трудоспособного (более 90%), однако в трудоспособном возрасте она снижается не столь значительно, как во втором кластере (в среднем лишь до 80%).

Выделение кластеров по доле внутрироссийских потоков миграции отражает более высокую роль международной миграции в структуре миграции регионов, формирующих кластер 2. Для первого кластера характерна абсолютное преобладание внутрироссийских потоков, что связано с относительно низким экономическим развитием указанных субъектов и меньшей привлекательностью для мигрантов из зарубежных стран.

Выводы

Подводя итоги проведённому исследованию, объединим в группы регионы, которые обладают наибольшим сходством по всем рассмотренным нами показателям. В качестве переменных используем сово-

купность всех рассмотренных нами показателей, которые стандартизируем методом z-оценки (рис. 1).

Исходя из построенной дендрограммы, дадим характеристику следующим кластерам.

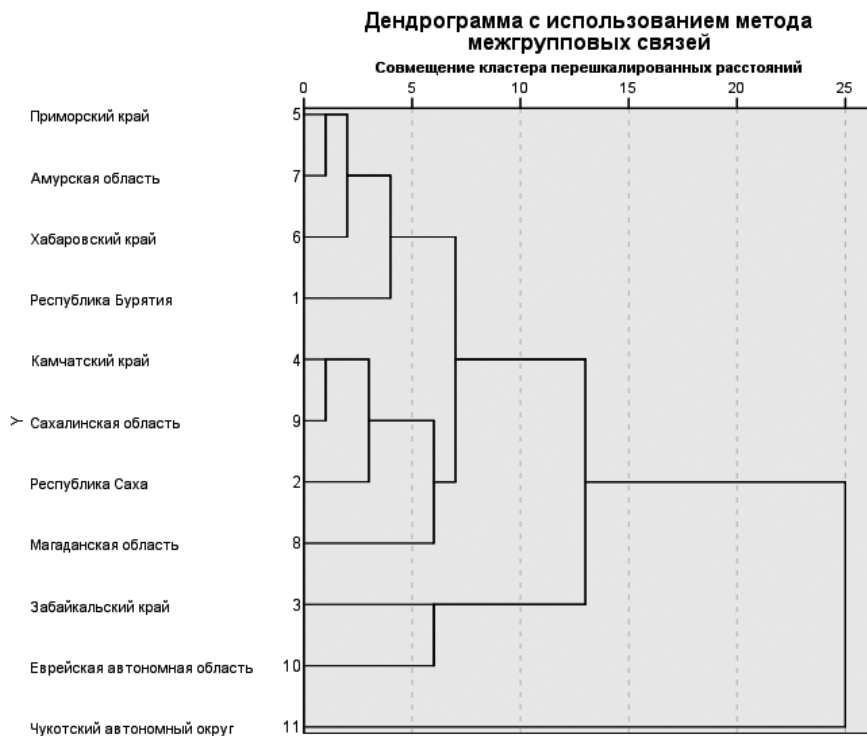

Рис. 1. Дендрограмма регионов ДФО

Fig. 1. Dendrogram of the subjects of the Far Eastern Federal District

Источник: расчёты авторов в IBM SPSS.

1. Чукотский АО — выделяется по целому ряду показателей: 1) миграционный приток в большей части возрастных групп — от 0 до 15 и от 20 до 54 лет; 2) самая высокая мобильность населения среди регионов Дальнего Востока; 3) наиболее выраженными результатами миграции являются сокращение населения в возрастах 15–19 и старше трудоспособного возраста; 4) наиболее сильное влияние на возрастную структуру населения миграция оказывает за счёт этих изменений, но также за счёт притока населения в трудоспособных возрастах; 5) доля внутрироссийских перемещений населения высока, но снижается в трудоспособных возрастах.

2. Забайкальский край и Еврейская АО — эти регионы характеризуют: 1) миграционная убыль населения во всех возрастных группах, кроме 20–24 лет; 2) в целом низкая мобильность населения с максимумом в возрастном диапазоне 15–24 лет; 3) высокая эффективность миграции, показатели которой уменьшаются в младших трудоспособных возрастах и вновь увеличиваются вместе с возрастом населения; 4) наибольшее влияние миграции на возрастную структуру населения за счёт его сокращения в молодых возрастах 15–19 и 24–34 года; 5) максимальная среди регионов Дальнего Востока доля внутрироссийских перемещений во всех возрастах.

3. Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области — эти регионы: 1) сильно дифференцированы по показателям миграционного прироста: от абсолютного лидера Якутии, через Камчатку, где прирост достигается в возрастных интервалах 0–4 и 20–34 лет и до Магаданской и Сахалинской областей, где основной прирост обеспечивает группа 20–24 года и в целом наблюдается значимая миграционная убыль; 2) во всех регионах наблюдается высокая мобильность населения в возрастах от 15 до 35–39 лет; 3) миграция приводит к выраженной убыли населения в возрастах от 55 лет и старше; 4) наибольшее влияние на возрастную структуру населения миграции оказывает в диапазонах 15–19 (убыль) и 20–24 года (прирост); 5) сравнительно небольшая доля внутрироссийских перемещений, которая достигает своего минимума в трудоспособных возрастах.

4. Республика Бурятия, Приморский и Хабаровский края, Амурская область — эти регионы отличаются: 1) наибольшая миграционная убыль населения по всех возрастных группах (кроме молодёжи 20–24 года и 15–19 лет в Хабаровском крае); 2) средняя мобильность населения, которая повышается в интервале 15–34 года; 3) как наиболее выраженный эффект миграции — сокращение населения в пенсионном возрасте; 4) сравнительно небольшое влияние миграции на возрастную структуру постоянного населения; 5) значительная доля России в перемещениях населения, которая особенно высока в возрастах младше и старше трудоспособного.

Интерпретируя полученные результаты, с опорой на теорию жизненного пути

[7] можно сформулировать ряд гипотез. Так, большинство регионов Дальнего Востока вне зависимости от результативности миграционных процессов объединяет выбытие молодёжи 15–19 лет предположительно для получения образования, приток населения в молодом трудоспособном возрасте (20–24 года) предположительно с целями трудоустройства и интенсивный отток мигрантов предпенсионного и пенсионного возраста после завершения трудовой деятельности, что может быть связано с неблагоприятными климатическими условиями.

Некоторые регионы ДФО (Приморский и Хабаровский края) выступают как своего рода транзитные пункты, куда прибывает и откуда выбывает значительное количество населения, особенно в молодых трудоспособных возрастах (большой миграционный оборот), причём приток в во многом компенсирует отток населения (низкая эффективность миграции), за исключением пенсионных возрастов, в которых население покидает регионы безвозвратно. В силу большой численности постоянного населения, влиянием миграции на возрастную структуру невелико (небольшая интенсивность миграции). Такие регионы привлекают не только российских граждан, но и иностранных мигрантов, преимущественно в трудоспособном возрасте и, вероятно, прибывающих с целью трудоустройства. Для проверки этих гипотез планируется продолжить исследования с привлечением массива данных о распределении мигрантов по возрастам, причинам смены места жительства и территориям выхода и вселения.

Литература и Интернет-источники

1. **Рязанцев, С. В.** Миграция в контексте демографического развития российского Дальнего Востока / С. В. Рязанцев, Е. М. Моисеева // Вестник Российской академии наук. — 2022. — Т. 92. — № 2. — С. 150–161. DOI: 10.31857 / S0869587321030075; EDN: FDUYPD
2. **Мотрич, Е. Л.** Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока / Е. Л. Мотрич // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 1. — С. 27–40. DOI: 10.19181 / Ispr.2022.18.1.2; EDN: SBQNTL
3. **Мищук, С. Н.** Трансформация международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России в постсоветский период / С. Н. Мищук // География и природные ресурсы. — 2023. — Т. 44. — № 4. — С. 137–147. DOI: 10.15372 / GIPR20230414; EDN: UQFICT

4. **Мотрич, Е. Л.** Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия / Е. Л. Мотрич, Ю. В. Березутский // Социальная политика и социология. — 2018. — Т. 17. — № 2(127). — С. 141–150. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150; EDN: VLIGIT
5. **Воробьева, О. Д.** Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока / О. Д. Воробьева // Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 2(204). — С. 35–40. EDN: YQYTZV
6. **Raymer, J.** Modelling the Age and Sex Profiles of Net International Migration / J. Raymer, Q. Guan, T. Shen, S. Hertog, P. Gerland // United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division, Technical Paper No. UN DESA / POP / 2023 / TP / No.7. — New York : United Nations, 2023. — 34 p.
7. **Мкртчян, Н. В.** Возрастной профиль внутрirosсийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения / Н. В. Мкртчян // Региональные исследования. — 2018. — № 1(59). — С. 72–81. EDN: UPGPKI
8. **Реутов, Е. В.** Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина // Социологические исследования. — 2020. — № 6. — С. 61–71. DOI: 10.31857/S013216250009480-1; EDN: IBLGQK
9. **Гольцова, Е. В.** Миграционное поведение молодёжи Иркутской области / Е. В. Гольцова // Социологические исследования. — 2017. — № 5. — С. 103–109. EDN: YQRHGJ
10. **Халикова, С. С.** Жизненные стратегии дальневосточной молодёжи / С. С. Халикова // Власть и управление на Востоке России. — 2022. — № 1(98). — С. 117–124. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124; EDN: TVKOPG
11. **Березутский, Ю. В.** Социальная активность молодёжи региона: социологический анализ / Ю. В. Березутский. — Хабаровск : Дальневосточный институт управления — филиал РАНХиГС, 2019. — 174 с. EDN: AZMERY
12. **Vaschuk, A. S.** Far Eastern factor in the socio-demographic processes in Russia in the second half of the XX century / A. S. Vaschuk // Russia and the Pacific. — 2012. — No. 3(77). — P. 80–90. EDN: PMIVDZ
13. **Рыбаковский, О. Л.** Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023; EDN: TKGVHP
14. **Zorin, D. P.** Migration processes in the Russian Far East: main trends, structure and consequences / D. P. Zorin, V. A. Medved // Labour and Social Relations Journal. — 2023. — Vol. 34. — No. 4. — P. 159–172. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171; EDN: KOWALO
15. **Синькевич, Я. Ю.** Демографическая и миграционная ситуация на Дальнем Востоке России: ретроспектива и современность (на примере Приморского края) / Я. Ю. Синькевич // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2013. — № 4(22). — С. 186–198. EDN: SAKPDN
16. **Симагин, Ю. А.** Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России / Ю. А. Симагин, Д. Д. Муртузалиева // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 4. — С. 153–160. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.14; EDN: ZWQAKK
17. **Храмова, М. Н.** Российский Дальний Восток: уйти нельзя остаться. Инфраструктура как фактор миграционной привлекательности регионов ДФО / М. Н. Храмова, А. И. Тышкевич // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2021. — № 4–5. — С. 65–81. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-4-5-06; EDN: CYNNZF
18. **Авдеев, Ю. А.** Фактор миграции в демографическом развитии российского Дальнего Востока / Ю. А. Авдеев // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2017. — Т. 2. — № 3. — С. 125–140. DOI: 10.18334/migration.2.3.38976; EDN: PWDXFN
19. **Кутовая, С. В.** Миграционные настроения населения Еврейской автономной области / С. В. Кутовая // Социологические исследования. — 2014. — № 6(362). — С. 134–136. EDN: SHWXVD

20. **Макар, С. В.** Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы / С. В. Макар, А. В. Ярашева, Ю. А. Симагин // *Народно-население*. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 117–130. DOI: 10.19181 / population.2021.24.1.11; EDN: BIREHT
21. **Абросимова, Е. Е.** Миграционные настроения современной молодежи Приморского края / Е. Е. Абросимова, Э. У. Ягафарова // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. — 2022. — Т. 14. — № 3(56). — С. 189–198. DOI: 10.24866 / VVSU / 2073-3984 / 2022-3 / 189-198; EDN: KVBONS
22. **Зубков, В. В.** Миграционный потенциал молодежи в системе мер государственной региональной политики / В. В. Зубков // *Власть и управление на Востоке России*. — 2019. — № 1(86). — С. 147–155. EDN: ZUHLOQ
23. **Аверина, Ю. Н.** Старожилы Дальнего Востока о возможностях укоренения населения в регионе / Ю. Н. Аверина, С. В. Кутовая, В. Н. Никитенко, С. А. Соловченков // *Региональные проблемы*. — 2016. — Т. 19. — № 2. — С. 75–79. EDN: WALYYN
24. **Никитенко, В. Н.** Детерминанты укоренения населения на российском Дальнем Востоке / В. Н. Никитенко // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. — 2016. — № 1(36). — С. 87–93. EDN: VUXAIN
25. **Неверова, Г. П.** Тенденции процесса миграции в регионе с учетом возрастной структуры населения / Г. П. Неверова // *Региональные проблемы*. — 2010. — Т. 13. — № 2. — С. 117–121. EDN: TPXSIB
26. **Хавинсон, М. Ю.** Моделирование динамики численности возрастных групп занятых в южных регионах Дальнего Востока России / М. Ю. Хавинсон, М. П. Кулаков // *ЭКО*. — 2017. — № 2(512). — С. 146–152. EDN: XRPRAN
27. **Хавинсон, М. Ю.** Моделирование нелинейной динамики уровня занятости в регионе (на примере регионов юга Дальнего Востока России) / М. Ю. Хавинсон // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. — 2017. — Т. 12. — № 4. — С. 575–591. DOI: 10.17072 / 1994-9960-2017-4-575-591; EDN: ZXFQDH

Сведения об авторах:

Моисеева Евгения Михайловна, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7571-2369; РИНЦ SPIN-код: 6995-4829.

Мищук Светлана Николаевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8117-6352; РИНЦ SPIN-код: 4557-0664.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33

REGIONAL CHARACTERISTICS OF MIGRATION AGE STRUCTURE IN THE RUSSIAN FAR EAST

Evgenia M. Moiseeva*, Svetlana N. Mishchuk

*Institute for Demographic Research FCTAS RAS
(6 bld 1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)*

**E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru*

Funding:

The reported study was funded by RSF, project No. 24–28–01046. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01046/>.

For citation:

Moiseeva E. M., Mishchuk S. N. Regional characteristics of migration age structure in the Russian Far East. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 18-33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of the research is due to the large role of migration in population formation in the Far East of Russia against the background of its continuing decline. Quantitative and qualitative analysis of target groups including certain age groups of the permanent population and migrants increases the effectiveness of migration policy enhancing its targeting. The article is based on a demographic approach, which allows us to assess changes and the relationship of the main demographic characteristics of different categories of the population of the Russian Far East. The purpose of the research is to study the age profile of migrants and the impact of migration on the age structure of the permanent population of the regions of the Far East at the present stage. The empirical base is the array of secondary data from Rosstat for 2018–2022 with details by age, subjects of the Far Eastern Federal District and territories of the origin and destination of migrants. To process the data, the authors use statistical methods: analysis of absolute and relative values, calculation of coefficients, cluster analysis. The selected groups of regions reflect general trends and specific features in the migration of population in different ages: the level of territorial mobility, volumes and directions of movements, the effectiveness of these processes, the degree of their influence on the age structure of the resident population. The results obtained made it possible to identify regional features of the migration age profile in the Far Eastern Federal District and assess its role in the formation of the permanent population, as well as formulate a number of hypotheses regarding the likely factors determining the intensity and directions of population movements of different age groups in the considered regions of the Far East. It is shown that most regions, regardless of the effectiveness of migration processes, are united by the departure of young people aged 15–19 years, the influx of the population at young working age (20–24 years and older), and the intensive outflow of migrants of pre-retirement and retirement age after completion of their working career.*

Keywords: *migration, resident population, age structure, cluster analysis, regional characteristics, Far East.*

References and Internet sources

1. Ryazantsev S. V., Moiseeva E. M. Migratsiya v kontekste demograficheskogo razvitiya rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Migration in the context of the demographic development of the Russian Far East]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2022. Vol. 92. No. 2. P. 150–161. DOI: 10.31857/S0869587321030075 (in Russ.)
2. Motrich E. L. Migratsiya v demograficheskom razvitii rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Migration in the demographic development of the Russian Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 27–40. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.2 (in Russ.)
3. Mishchuk S. N. Transformatsiya mezhdunarodnoy trudovoy migratsii na Dal'nem Vostoke Rossii v postsovetskiiy period [Transformation of international labor migration in the Russian Far East in the post-Soviet period]. *Geografiya i prirodnyye resursy [Geography and Natural Resources]*. 2023. Vol. 44. No. 4. P. 137–147. DOI: 10.15372/GIPR20230414 (in Russ.)
4. Motrich E. L., Berezutsky Yu. V. Migratsiya v demograficheskom razvitii Dal'nego Vostoka Rossii: problemy i sotsial'nyye posledstviya [Migration in the demographic development of the Russian Far East: problems and social consequences]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2018. Vol. 17. No. 2(127). P. 141–150. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150 (in Russ.)

5. Vorobyova O. D. Rynok truda i migratsiya naseleniya Dal'nego Vostoka [Labor market and migration in the Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2017. No. 2(204). P. 35–40. (in Russ.)
6. Raymer J. et al. *Modelling the Age and Sex Profiles of Net International Migration*. UN Department of Economics and Social Affairs, Population Division. Technical paper No. UN DESA/POP/2023/TP/No.7. New York. UN. 2023. 34 p.
7. Mkrtchyan N. V. Vozrastnoy profil' vnutrorossiyskoy trudovoy migratsii i inykh form prostranstvennoy mobil'nosti naseleniya [Age profile of Russian internal labor migration and other forms of spatial population mobility]. *Regionalnyye Issledovaniya [Regional Studies]*. 2018. No. 1(59). P. 72–81. (in Russ.)
8. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Zhiznennyy uspekhn i shansy na yego dostizheniye v predstavleniyakh zhitel'ey rossiyskoy provintsii [Life success and chances for its achievement in the representations of the inhabitants of the Russian province]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2020. No. 6. P. 61–71. DOI: 10.31857/S013216250009480-1 (in Russ.)
9. Goltsova E. V. Migratsionnoye povedeniye molodozhi Irkutskoy oblasti [Migration behavior of young people in Irkutsk oblast]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2017. No. 5. P. 103–109. (in Russ.)
10. Khalikova S. S. Zhiznennyye strategii dal'nevostochnoy molod'ozhi [Life strategies of Far Eastern youth]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*. 2022. No. 1(98). P. 117–124. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124 (in Russ.)
11. Berezutsky Yu. V. Sotsial'naya aktivnost' molod'ozhi regiona: sotsiologicheskiy analiz [Social Activity of the Region Youth: Sociological Analysis]. Khabarovsk. Dal'nevostochnyy institut upravleniya — filial RANKhiGS [Far Eastern Institute of Management — Branch of RANEPa]. 2019. 174 p. (in Russ.)
12. Vaschuk A. S. Far Eastern factor in the socio-demographic processes in Russia in the second half of the XX century. [*Russia and the Pacific*]. 2012. No. 3(77). P. 80–90.
13. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale 21 veka [Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 3. P. 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023 (in Russ.)
14. Zorin D. P., Medved V. A. Migration processes in the Russian Far East: main trends, structure and consequences. [*Labour and Social Relations*]. 2023. Vol. 34. No. 4. P. 159–172. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171.
15. Sinkevich Ya. Yu. Demograficheskaya i migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii: retrospektiva i sovremennost' (na primere Primorskogo kraya) [Demographic and migration situation in the Far East of Russia: retrospective and nowadays (Primrosy region as an example)]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service]*. 2013. No. 4(22). P. 186–198. (in Russ.)
16. Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Demograficheskiye problemy geostrategicheskikh territoriy Dal'nego Vostoka Rossii [Demographic problems of geostrategic territories of the Russian Far East]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 4. P. 153–160. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.14 (in Russ.)
17. Khramova M. N., Tyshkevich A. I. Rossiyskiy Dal'niy Vostok: uyt i nel'zya ostat'sya. Infrastruktura kak faktor migratsionnoy privlekatel'nosti regionov DFO [The Russian Far East: leave or stay. Infrastructure as a factor of migration attractiveness of the Far Eastern Federal District]. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1: Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]*. 2021. № 4–5. P. 65–81. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-4-5-06 (in Russ.)
18. Avdeev Yu. A. Faktor migratsii v demograficheskom razvitiy rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Migration factor in the demographic development of the Russian Far East]. *Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye [Migration and Socio-Economic Development]*. 2017. Vol. 2. No. 3. P. 125–140. DOI: 10.18334/migration.2.3.38976 (in Russ.)

19. Kutovaya S. V. Migratsionnyye nastroyeniya naseleniya Yevreyskoy avtonomnoy oblasti [Migration intentions of the population of the Jewish Autonomous Oblast]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2014. No. 6(362). P. 134–136 (in Russ.)
20. Makar S. V., Yarasheva A. V., Simagin Yu. A. Prostranstvennoye razvitiye Dal'nego Vostoka Rossii: demograficheskiye i sotsial'no-ekonomicheskiye faktory [Spatial development of the Russian Far East: demographic and socio-economic factors]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 117–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11 (in Russ.)
21. Abrosimova E. E., Yagafarova E. U. Migratsionnyye nastroyeniya sovremennoy molod'ozhi Primorskogo kraya [Migration intentions of modern youth in Primorsky Krai]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service]*. 2022. Vol. 14. No. 3(56). P. 189–198. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/189-198 (in Russ.)
22. Zubkov V. V. Migratsionnyy potentsial molod'ozhi v sisteme mer gosudarstvennoy regional'noy politiki [Migration potential of youth in the system of state regional policy measures]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*. 2019. No. 1(86). P. 147–155. (in Russ.)
23. Averina Yu. N., Kutovaya S. V., Nikitenko V. N., Solovchenkov S. A. Starozhily Dal'nego Vostoka o vozmozhnyakh ukoreneniya naseleniya v regione [Opinion of the Russian Far East residents of the conditions for settling down in the region]. *Regional'nyye problemy [Regional Problems]*. 2016. Vol. 19. No. 2. P. 75–79. (in Russ.)
24. Nikitenko V. N. Determinanty ukoreneniya naseleniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke [Acceleration determinants of the population of the Russian Far East]. *Oikumena. Regional'nyye issledovaniya [Oikumena. Regional Researches]*. 2016. No. 1(36). P. 87–93. (in Russ.)
25. Neverova G. P. Tendentsii protsessa migratsii v regione s uchotom vozrastnoy struktury naseleniya [Migration trends in the Jewish Autonomous Oblast based on the population age structure]. *Regional'nyye problemy [Regional Problems]*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 117–121. (in Russ.)
26. Khavinson M. Yu., Kulakov M. P. Modelirovaniye dinamiki chislennosti vozrastnykh grupp zanyatykh v yuzhnykh regionakh Dal'nego Vostoka Rossii [Modeling the Dynamics of the Number of Age Groups Employed in the Southern Regions of the Russian Far East]. *EKO [ECO]*. 2017. No. 2(512). P. 146–152. (in Russ.)
27. Khavinson M. Yu. Modelirovaniye nelineynoy dinamiki urovnya zanyatosti v regione (na primere regionov yuga Dal'nego Vostoka Rossii) [Modeling of nonlinear dynamics of employment rate in a region (in the case study of the regions of the south of the Russian Far East)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Perm University Herald. Economy]*. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 575–591. DOI: 10.17072/1994-9960-2017-4-575-591 (in Russ.)

Information about the authors:

Moiseeva Evgenia Mikhailovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7571-2369; Elibrary SPIN-code: 6995–4829.

Mishchuk Svetlana Nikolaevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8117-6352; Elibrary SPIN-code: 4557–0664.

Статья поступила в редакцию 23.03.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-34-46
EDN: НУМКФР

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОЖДАЕМОСТИ В СССР В 1960-е – 1980-е ГОДЫ

Дашинамжилов О. Б.

Институт истории Сибирского отделения РАН
(630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8)

E-mail: Odon@bk.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст».

Для цитирования:

Дашинамжилов О. Б. К вопросу об исследованиях рождаемости в СССР в 1960-е – 1980-е годы // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 34-46. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-34-46; EDN: НУМКФР

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие основных направлений исследований рождаемости населения в СССР в 1960-е – 1980-е гг., когда после свёртывания в 1930-х-1950-х гг. изучения демографических проблем (руководители государства опасались, что в ходе таких исследований будут выявлены тяжёлые демографические последствия социальных потрясений первых десятилетий советской власти) оно вновь интенсифицировалось. В работе показаны историческая преемственность данного процесса, проблемы, которые ставились на разных его этапах, формирование новых подходов и методов изучения рождаемости. В научных трудах, касающихся рассматриваемого нами времени, обобщённо описаны тенденции рождаемости в Советском Союзе. В качестве концептуальной основы использовался социалистический закон народонаселения. Однако в дальнейшем стало очевидно, что с его помощью нельзя объяснить новые тенденции в воспроизводстве населения и учёные стали работать над другими теоретическими подходами, в том числе, методологией демографического перехода. В 1970-е гг. был осуществлён научный сдвиг в рассматриваемой области, был опубликован ряд трудов, оставивших заметный след в изучении рождаемости. В 1980-е гг. активность изучения рождаемости и репродуктивного поведения несколько уменьшилась, в том числе из-за ограничений, наложенных на количество публикуемых статистических показателей. В целом, в рассматриваемый период проведена большая и кропотливая работа по исследованию рождаемости, в опубликованных статьях и монографиях проанализированы её количественные и качественные параметры.

Ключевые слова: историография, демография, рождаемость, социалистический закон народонаселения, СССР.

Введение

В период с 1930-х до конца 1950-х гг. интенсивность изучения демографических проблем заметно снизилась. Руководители государства опасались, что в ходе таких исследований будут выявлены тяжёлые демографические последствия социальных потрясений первых десятилетий советской власти. Количество учёных, занимавшихся вопросами воспроизводства населения, сократилось, а демография стала рассматриваться как ответвление статистической науки. Однако потребность в профессиональном анализе демографических процессов постоянно росла, особенно сильно она ощущалась в хозяйственном планировании. После Всесоюзной переписи 1959 г., которая была проведена впервые за 20 лет, и увеличения количества публикуемой статистической информации демографические исследования вновь активизировались. Интенсификация научных изысканий совпала по времени со снижением уровня рождаемости и повышением смертности в стране. При этом представители научного сообщества помнили судьбу статистиков сталинского периода и подходили к изучению воспроизводства населения предусмотрительно.

Государство стало подчёркивать важность демографических исследований, которые, однако, не должны были выходить за пределы определённых рамок, например, в них не могла содержаться критика недостатков социалистического строя или проводимой государственной политики. В 1963 г. вышла статья «О двух забытых областях социологических исследований», написанная Б. И. Смулевичем и опубликованная в журнале «Коммунист» [1, с. 81–87]. В ней учёный призвал возродить две науки — социальную гигиену и демографию, позволявшие оценить степень влияния социальной системы на жизнь человека. Они должны были, кроме выполнения познавательных функций, играть важную роль в борьбе с буржуазной идеологией. В качестве примера недостаточного развития демографических исследований в нашей

стране, автор привёл данные об участниках состоявшегося в 1954 г. международного демографического конгресса, где в составе советской делегации оказалось лишь три человека (из 600), тогда как США были представлены 90 докладчиками [1, с. 86].

Результаты исследования

За период с 1960-х до 1980-х гг. были рассмотрены многие аспекты воспроизводства населения. Библиографии изданных монографий, сборников статей, защищённых диссертаций по вопросам, связанным с населением, были составлены сотрудниками Центра по изучению проблем народонаселения МГУ [2–7]. В статье автор не ставит своей целью проанализировать все изданные работы, и рассмотрит лишь те из них, которые, по его мнению, внесли существенный вклад в развитие исследований рождаемости.

Научные труды, касающиеся рассматриваемого нами времени, появились в 1960-х гг.: в них сжато и обобщённо описаны тенденции рождаемости в СССР [8; 9]. По советской традиции, которая восходит к довоенному периоду, в качестве концептуальной основы использовались постулаты социалистического закона народонаселения. Ещё на рубеже 1920–1930-х гг. произошёл резкий разрыв с теоретическим наследием дореволюционных российских демографов, стали подвергаться усиленной критике труды зарубежных учёных. Подход к изучению воспроизводства населения стал полностью марксистским. Краеугольным положением этого подхода стал тезис о том, что «всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения» [10, с. 646]. Отталкиваясь от него, советские учёные доказывали, что при социализме тенденции воспроизводства населения были полностью противоположны тем, что наблюдались в капиталистических странах. Именно поэтому в СССР должны были быть высокая рождаемость и интенсивный рост населения [11, с. 174–175; 12, с. 8–9; 13, с. 211–

212]. До начала 1960-х гг. эти утверждения воспринимались как должные, не требующие особых доказательств. Например, такие видные теоретики в этой области как А. А. Дольская и Б. И. Смулевич доказывали, что социалистическое общество не только обеспечивает возможности для рационального и полного трудоустройства всего населения, но также и его расширенное воспроизводство [14; 15]. Дальнейшие события показали некоторую поспешность подобных утверждений.

Продолжающееся интенсивное промышленное и городское развитие в стране, активизация социальной политики, которые сопровождалась качественными сдвигами в характеристиках населения, не могли не повлиять на его рождаемость. В этой связи сначала Б. Ц. Урланис, а затем и М. Я. Сонин, не отказываясь в принципе от социалистического закона народонаселения, стали немного иначе трактовать его ключевые положения. Так, Б. Ц. Урланис стал говорить о «непрерывном увеличении продолжительности жизни и интенсивном росте населения» [16, с. 48–51]. К такой интерпретации закона стал близок П. Г. Подъячих, который указывал на постоянный и быстрый рост населения [9, с. 3]. М. Я. Сонин в работе, вышедшей в 1965 г., высказывался более сдержанно, говоря о «прогрессивных в сравнении с капитализмом изменениях процесса воспроизводства на основе систематического подъёма жизненного уровня народа» [17, с. 22–23]. В середине 1960-х гг. тенденция падения рождаемости в СССР стала очевидной. В ответ советские демографы попытались объяснить это явление в рамках старых теоретических воззрений. Было выдвинуто предположение, получившее в дальнейшем широкое распространение, что это снижение было временным и вызвано причинами, которые в будущем прекратят своё действие. К ним, например, были отнесены дефицит жилья или детских садов, различия в численности мужского и женского населения (например, [18, с. 17]). В то же время уменьшение рождаемости продолжало рассматриваться как явление присущее только капиталистическо-

му обществу. Итак, изменения в теоретических взглядах учёных происходили постепенно, шаг за шагом.

Вопросы методологии и практического применения социалистического закона народонаселения были обсуждены в ноябре 1966 г. на Всесоюзном симпозиуме, посвящённом проблемам марксистской теории народонаселения [19]. Однако найти приемлемых ответов на поставленные вопросы не удалось. Не решаясь полностью от отказаться от социалистического закона народонаселения, часть учёных перестала связывать способ производства с демографическими процессами, признав таким образом, что на рождаемость могут оказывать воздействие и другие факторы. Таким путём, например, пошли Я. Н. Гузеватый и В. А. Болдырев [20; 21, с. 9–22]. Коллектив исследователей под руководством Д. И. Валентея стал разрабатывать общую теорию населения [22]. В условиях кризиса рождаемости встал вопрос о том, каковы должны быть её минимальные размеры для сохранения удовлетворительных темпов развития советского общества. В этой связи появилась концепция «оптимума населения», положения которой стал развивать видный советский демограф А. Я. Боярский.

Понимая, что теоретические вопросы не могут быть быстро решены, часть учёных, формально оставаясь в рамках прежней теории, перешла к практическому изучению проблемы. Так, в работе Б. Ц. Урланиса рождаемость в СССР была рассмотрена, начиная с дореволюционного периода. Учёный описал и систематизировал факторы рождаемости, что стало важным шагом на пути изучения процессов воспроизводства. Это знание облегчило исследование демографических тенденций и помогло интерпретировать результаты многочисленных социологических обследований, которые были проведены в дальнейшем. Причины ограничения количества детей в семьях проанализированы Е. А. Садвокасовой: она пришла к значимому для того времени выводу, что репродуктивное поведение женщин в Советском Союзе и в ведущих капиталистических странах имеет немало общего [23; 17].

После снижения рождаемости в 1960-е гг. возникло предположение, что это связано с «ямой» в возрастной структуре населения, возникшей в результате Великой Отечественной войны, когда количество рождений упало до минимума, что, в свою очередь, негативно отразилось на количестве женщин, позднее вступивших в репродуктивный возраст. А.Г.Волков в статье опроверг это предположение и пришёл к выводу, что главной причиной сокращения стало расширение практики внутрисемейного регулирования рождаемости в это время [24, с. 171–183]. Не менее интересным стал второй его вывод о том, что тезис о вероятном повышении рождаемости в социалистическом обществе не является корректным и возник вследствие слабого концептуального понимания демографических процессов и их слабой изученности [24, с. 171–172].

Итак, учёным в 1960-е гг. удалось достичь скромных успехов в изучении темы. Тем не менее, были намечены пути дальнейших исследований, которые, прежде всего, заключались в анализе характера зависимости рождаемости от внешних факторов, в том числе от уровня благосостояния семьи, объяснении её территориальных и социально-классовых различий, определении её дальнейшего генезиса. В 1960-е гг. появились первые публикации, посвящённые этим вопросам. Заметным был прогресс в использовании методов исследования (статистических и математических), которыми отечественные демографы быстро овладели.

В следующем десятилетии демографы перешли к углублённому изучению темы. В результате можно говорить о том, что был осуществлён серьёзный научный прорыв, опубликован ряд трудов, в которых были найдены ответы на многие из поставленных вопросов. Полезной оказалась методика изучения репродуктивных норм и установок. При таком подходе рождаемость рассматривалась как результат конкретного социального поведения, на которое оказывают воздействие внешние причины. В этом отношении на советских учёных определённое влияние оказали взгляды

ведущих западных экономистов, которые считали, что дети занимали важное место в структуре потребностей семьи, но в условиях современного развитого общества их значение снизилось. На первые роли стали выходить другие потребности, на удовлетворение которых семьи затрачивали много сил и времени (приобретение дома или автомобиля), что привело к сильному ограничению количества детей в семьях [25; 26].

В совместной монографии А.Г.Харчева и С.И.Голода кратко рассмотрено влияние профессионального статуса женщин на внутрисемейные отношения, в том числе количество завожимых детей [27]. Важность изучения такой зависимости определялась тем, что именно в 1960-е гг. произошёл резкий рост женской занятости, и ряд демографов в этом усматривали главную причину снижения рождаемости. Положения авторов монографии в целом подтвердили справедливость такого тезиса [27, с. 87–88].

В монографии В.А.Беловой и Л.Е.Дарского предпринята попытка выявить механизмы влияния социально-экономических факторов на рождаемость при помощи социологических методов. Для этого был привлечён новый источник демографических сведений — специальные обследования мнений. Исследователи пришли к выводу, что в современном мире большинство рождений является результатом сознательного демографического поведения. Последнее в свою очередь определяется демографическими установками, которые формируются под влиянием жизненного опыта личности. Таким образом, внешние условия влияют на рождаемость не напрямую, а посредством определённых установленных норм в сознании. Эти установки как раз являются объектом социологических исследований [28]. Основу монографии составили данные, накопленные в ходе двух крупных анкетных обследований об идеальном и ожидаемом числе детей, проведённых во второй половине 1960-х годов. В своей монографии В.А.Белова более подробно описала методики проведения и анализа материалов социологических опросов [29]. При этом сделана попытка понять движущие

щие силы сокращения рождаемости через включение в анкету вопросов о причинах, которые мешали семьям заводить больше детей. То есть учёные попытались подтвердить гипотезу о «мешающих» факторах высокой рождаемости, которая по укоренившейся традиции все ещё считалась нормой для советского общества.

В работе В. А. Беловой и Л. Е. Дарского нашла подтверждение тесная связь рождаемости и её факторов. Менее образованные женщины, рабочие семьи, семьи с низким доходом имели самые высокие показатели идеального и ожидаемого числа детей. Л. Е. Дарский много времени посвятил разработке методов демографического изучения семьи. В его монографии нашли отражение результаты этой работы, были построены таблицы плодovitости и брачности для 1940-х — 1950-х годов [30]. Учёный подверг критике некоторые из существовавших математических методов изучения воспроизводства населения, предложил новые модели его изучения. Книга насыщена расчётами и сложна для понимания: автор сам признавал, что её научный уровень требует определённой демографической подготовки.

Крупным научным событием стал выход монографии Р. И. Сифман. Автор впервые в отечественной практике использовала реальные (а не условные) поколения в качестве объекта анализа, что стало важным этапом в истории изучения темы [31]. Подобный инструментарий приняли на вооружение и другие учёные. Учёный широко использовала данные социологических обследований, собранные за несколько лет (1960, 1967 и 1968 гг.), сконцентрировавшись на изучении таких аспектов проблемы, которые прежде ещё не получали должного освещения. Так, ей удалось определить в какой мере в современных условиях возраст вступления в брак влияет на плодovitость. Она пришла к важному выводу, что именно распространение внутрисемейного регулирования стало ключевым условием снижения числа рождений, хотя возраст начала брачной жизни и не утратил полностью своего значения. Р. И. Сифман проана-

лизировала и охарактеризовала сложившиеся к тому времени заметные территориальные различия в рождаемости, выделила группы республик с её высоким и невысоким уровнем, отметив начало процесса некоторого ограничения размеров семей в Средней Азии и Закавказье. Учёный отметил ещё одну важную характеристику демографического развития того времени — начавшийся процесс сближения показателей рождаемости в разных образовательных и социальных группах.

Осознание того, что изучение такой сложной и многоаспектной темы как рождаемость не может быть сведено к однократному исследованию, привело демографов к необходимости проводить регулярные социологические обследования. По данным опроса 347,3 тыс. женщин в возрасте от 18 до 59 лет, проведённого в 1972 г., была опубликована коллективная монография «Сколько детей будет в советской семье». В содержательном плане анкетный лист отличался тем, что он носил больше практический, чем теоретический характер и в него был включён вопрос только об ожидаемом числе детей. Также из него был убран список причин, мешающих женщинам заводить детей. Многие выводы, сделанные ранее, нашли своё подтверждение: переход к двухдетной семье в СССР в 1970-е гг. стал доминирующей тенденцией. В работе сделана серьёзная попытка определить степень дифференциации рождаемости по типам городских поселений. Учёт данного фактора имел большое значение в связи с опережающим ростом населения крупных городов [32, с. 75].

Среди опубликованных трудов этого времени следует отметить монографию В. А. Борисова, который одним из первых решил обсудить вопросы терминологии, отметив, например, различия в смысловой нагрузке понятий «рождаемость» и «общий коэффициент рождаемости» [33, с. 10]. И одним из первых советских демографов определённо высказался, что сокращение рождаемости является всеобщей тенденцией, не зависящей от общественного строя. В ходе разработки теоретико-

методологических аспектов проблемы учёный пришёл к выводу о необходимости включения в демографию термина «естественная рождаемость», которая означала физиологически максимальный её уровень. Отталкиваясь от естественной рождаемости, которая составляла по его расчётам 10–12 детей на одну женщину, им были рассчитаны предполагаемые масштабы внутрисемейного ограничения деторождений в СССР и республиках. Данная методика, несмотря на определённые плюсы, не получила широкого распространения.

В 1960-е — 1970-е гг. все больший интерес вызывали этнодифференцированная рождаемость и её факторы. Данный аспект проблемы уже затрагивался Р.И. Сифман, В.А. Борисовым и другими учёными, но в основном он рассматривался не в национальном, а территориальном разрезе. Наиболее детально этнические различия в рождаемости были исследованы в работе Г.А. Бондарской [34]. Учёный смогла изучить её тенденции у большей части народов СССР. Ключевой вывод её монографии состоит в том, что распространённость больших патриархальных семей, высокая ценность браков, традиции раннего замужества и многодетности, низкий социальный статус женщин исторически были присущи всем народам, и их нельзя воспринимать в качестве национальных черт. Таким образом, высокая рождаемость зависит от исторического, социально-экономического и культурного развития этносов, иначе говоря, конкретного этапа демографического развития, на котором они находятся. Следовательно, повышение уровня образования и урбанизации, развитие средств массовой коммуникации и пространственной мобильности будут способствовать демократизации семейной жизни, а затем и постепенному сокращению интенсивности деторождений. На наш взгляд, по своему содержанию, выводам, разнообразию источников, её работа является одной из лучших по данной теме.

В 1970-е гг. было издано несколько сборников статей, в которых затрагивались различные аспекты изучаемой темы, в основ-

ном, социально-экономические последствия сокращения числа детей в семьях (например, [35; 36]). Большой интерес и оживлённую научную дискуссию вызвал выход в свет монографии А.Г. Вишневого [37]. Основа для возникновения теории демографического перехода была заложена предыдущими исследованиями, в которых была доказана высокая схожесть демографических процессов в западных странах и в СССР, например, наличие значительных социально-образовательных и имущественных особенностей в рождаемости, её сокращение в процессе индустриализации общества. Одновременно с этим стал очевиден кризис интерпретаций социалистического закона народонаселения, который не мог объяснить новых тенденций в воспроизводстве населения или существование большого разнообразия в показателях рождаемости в странах социалистического лагеря и даже внутри СССР, хотя общественный строй вроде бы был одинаковым. И так, прямое противопоставление законов народонаселения при капитализме и социализме оказалось в научном плане малопродуктивным. Одновременно с этим попытки сформулировать законы народонаселения при феодализме или рабовладельческом строе тоже оказались не вполне удачными.

Отход от формационной трактовки процессов воспроизводства стал следствием сложившейся ситуации в советской демографической науке. Однако следует учитывать специфику её развития и сильное влияние коммунистической идеологии на мировоззрение учёных того времени. Именно поэтому, концептуальные идеи, выдвинутые А.Г. Вишневым, оказались новаторскими. Взамен формационной трактовки учёный предложил иную периодизацию смены типов воспроизводства населения (архетип, традиционный и современный). Смена одного типа другим происходит в результате крупных исторических событий в жизни общества. Переход от архетипа к традиционному типу произошёл в результате неолитической революции, то есть перехода от присваивающей к производящей экономике. Вторая демографическая

революция произошла в результате замены аграрной экономики на индустриальную. Сначала происходит снижение смертности, а затем и рождаемости. В результате общество переходит от высоких показателей рождаемости и смертности к низким. Судя по тексту книги, одним из самых трудных моментов для автора было обоснование универсальности и всеобщности этого процесса и интерпретация специфики стран с социалистическим строем. Характер и этапы демографического перехода в СССР были позже рассмотрены в коллективной монографии «Воспроизводство населения СССР» (1983 г.), а также кратко — в книге «Население СССР за 70 лет» (1988 г.). Переход от формационной теории к методологии демографического перехода вызвал сопротивление у части учёных, но при всех дискуссионных моментах именно последней было суждено сыграть большую роль в дальнейших исследованиях.

В следующем десятилетии активность изучения рождаемости и репродуктивного поведения несколько уменьшилась, в том числе из-за ограничений, наложенных на количество публикуемых статистических показателей. В монографии А. И. Антонова сделан упор на изложении теории репродуктивного поведения [38]. С этой целью учёный привлёк данные не только собственно демографии, но и экономики, социологии, психологии и других дисциплин. В своей книге он рассмотрел, как изменение социально-экономических условий повлияло на потребность семей в детях. У этой потребности, утверждал учёный, существуют свои собственные закономерности и интенсивность изменения, которые не соответствуют социально-экономическим переменам. Регуляция репродуктивного поведения осуществлялась с помощью трехсоставного механизма: потребность в детях — условия её удовлетворения — итоговое число детей в семье. Скорость ослабления потребности в детях происходила постепенно и медленнее, чем реальная интенсивность снижения числа детей в семье. В результате автор приходит к выводу, что изменение условий жизни семьи и их влияние на рожда-

емость являются сильно преувеличенными. А. И. Антонов скептически относился к показателю идеального числа детей, в котором, по его мнению, содержался неправильный теоретический посыл о сохранившейся ещё у населения высокой потребности в детях, чего в действительности уже не было. Вообще систему предпочитаемого числа детей он считал не очень приспособленной к определению характеристик репродуктивного поведения. Учёного также не удовлетворяла концепция «мешающих» факторов, не позволявших семьям заводить больше детей, которую он считал некорректной. Взамен он предложил перейти к изучению условий реализации потребностей в детях, то есть непосредственно стимулам, согласно которым женщины вообще заводят первого, второго и так далее ребёнка, что требует более трудоёмких и подробных социологических обследований.

В 1980-е гг. появляется новое направление в изучении темы — психология рождаемости. Это направление активно развивалось и продвигалось В. В. Бойко [39], который отметил важность работы, проделанной демографами в предыдущий период, когда стали изучаться различные аспекты репродуктивного поведения населения. Однако, по его мнению, произошло непреднамеренное вторжение демографов в сферу психологии, что нанесло определённый вред практическим исследованиям. Новым и перспективным в его работе стало выделение нескольких чисто психологических проблем, способствующих низкой рождаемости. Так, у единственных детей в семье было снижено чувство чадолюбия, что создавало психологические основы для дальнейшего распространения малодетности. Рождение ребёнка часто ассоциировалось у родителей с неприятными воспоминаниями о трудностях его рождения и воспитания. Именно поэтому большинство семей в зрелые годы не заводило детей, даже имея для этого все возможности. В. В. Бойко пришёл к выводу, что в таких условиях сохранение и двухдетной семьи становится сложной проблемой. В этой связи демографическая политика должна быть нацелена на то,

чтобы облегчить рождение и воспитание именно первенца.

А. Б. Синельников в своей книге проанализировал связь рождаемости, брачности и прочности браков [40]. Он пришёл к закономерному выводу, что влияние брачности на интенсивность деторождений оказалось невысоким. Но позитивное влияние на нее могло оказать резкое снижение уровня разводимости за счёт улучшения супружеских взаимоотношений. Учёный, изучив итоги демографической политики государства в 1980-е гг., писал о том, что она была «скорее обоснована житейской логикой», чем результатами научных исследований. Более существенного и длительного эффекта можно было бы достичь, если бы материальная помощь была интегрирована с мерами воздействия на общественное мнение, в результате которых удалось бы повысить потребность в детях и устойчивость браков. В 1980-е гг. рождаемость анализировалась также в рамках изучения семейных отношений (например, [41; 42]). Тематика рождаемости затрагивалась ещё в нескольких работах (например, [43–46]).

* * *

В заключение можно говорить о том, что в рассматриваемый период проведена

большая и кропотливая работа по исследованию рождаемости. Изучение этой проблемы происходило поэтапно. В 1960-е гг. исследования рождаемости были вызваны практическими причинами, экономическими нуждами государства. Однако уже тогда обнаружилось определённое расхождение между существующими концептуальными подходами (социалистический закон народонаселения) и реалиями демографического развития советского общества. Преодоление этого разрыва потребовало времени и определённой решимости со стороны учёных, которые смогли использовать концептуальные наработки ведущих западных демографов. В опубликованных статьях и монографиях проанализированы количественные и качественные параметры рождаемости, в том числе в городе и на селе, в различных районах страны. Учёными выявлены главные факторы рождаемости, изучены её особенности у разных групп населения, проанализированы ключевые характеристики репродуктивного поведения. Однако на качество исследований в последнем советском десятилетии заметное влияние оказал дефицит статистических данных, наступивший с середины 1970-х годов. В следующем десятилетии активность изучения проблемы несколько спала, упор был сделан на изучении её психологических аспектов.

Литература и Интернет-источники

1. **Смулевич, Б. Я.** О двух забытых областях социологических исследований / Б. Я. Смулевич // Коммунист. — 1963. — № 13. — С. 81–87.
2. Библиография по проблемам народонаселения. (советская и переводная литература, 1960–1971 гг.). / ред. Д. И. Валентей и Э. Ю. Бурнашев. — Москва : Статистика, 1974. — 343 с.
3. Библиография по проблемам народонаселения (1972–1975 гг.). / ред. Д. И. Валентей и Э. Ю. Бурнашев. — Москва : Изд-во МГУ, 1977. — 231 с.
4. Литература о населении: библиографический указатель (1975–1978 гг.). / ред. Д. И. Валентей и Э. Ю. Бурнашев. — Москва : Статистика, 1981. — 255 с.
5. Литература о населении: библиографический указатель (1979 г. — первая половина 1983 г.). / ред. Д. И. Валентей и Э. Ю. Бурнашев. — Москва : Мысль, 1987. — 286 с.
6. Литература о народонаселении: библиографический указатель (1983–1993 гг.). / ред. И. В. Дзасосова и др. — Москва : Диалог-МГУ, 1998. — 123 с.
7. Литература о народонаселении: библиограф. указ. (1994–2000 гг.). / ред. В. В. Елизаров. — Москва : Макс Пресс, 2002. — 133 с.
8. **Писарев, И. Ю.** Народонаселение СССР (социально-экономический очерк) / И. Ю. Писарев. — Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1962. — 190 с.

9. **Подъячих, П. Г.** Население СССР / П. Г. Подъячих. — Москва : Госполитиздат, 1961. — 192 с.
10. **Маркс, К.** Капитал. Том 1. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. — Москва : Издательство политической литературы, 1960. — 907 с.
11. **Смулевич, Б.** Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики / Б. Смулевич. — Москва, Ленинград : Соцэкгиз, 1936. — 407 с.
12. **Сулькевич, С.** Территория и население СССР / С. Сулькевич. — Москва : Политиздат, 1940. — 72 с.
13. **Баткис, Г. А.** Организация здравоохранения / Г. А. Баткис. — Москва : Медгиз, 1948. — 567 с.
14. **Дольская, А. А.** Социалистический закон народонаселения (на примере СССР) / А. А. Дольская. — Москва : Соцэкгиз, 1959. — 155 с.
15. **Смулевич, Б. Я.** Критика буржуазных теорий и политики народонаселения / Б. Я. Смулевич. — Москва : Соцэкгиз, 1959. — 430 с.
16. **Урланис, Б. Ц.** Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б. Ц. Урланис. — Москва : Госстатиздат, 1963. — 136 с.
17. **Сонин, М. Я.** Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР / М. Я. Сонин. — Москва : Мысль, 1965. — 303 с.
18. **Кузнецов, А. Д.** Трудовые ресурсы СССР и их использование / А. Д. Кузнецов. — Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. — 176 с.
19. Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. Всесоюзный симпозиум 24–26 ноября 1966 года. / ред. Ю. Н. Козырев. — Москва : Изд-во МГУ, 1966. — 276 с.
20. **Болдырев, В. А.** Экономический закон населения при социализме / В. А. Болдырев. — Москва : Мысль, 1968. — 112 с.
21. **Гузеватый, Я. Н.** Актуальные проблемы народонаселения в советской экономике / Я. Н. Гузеватый // Изучение воспроизводства населения: сб. научных трудов. — Москва : Наука, 1968. — С. 9–22.
22. Система знаний о народонаселении. / ред. Д. И. Валентей. — Москва : Статистика, 1976. — 367 с.
23. **Садвокасова, Е. А.** Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи / Е. А. Садвокасова. — Москва : Медицина, 1969. — 191 с.
24. **Волков, А. Г.** О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости / А. Г. Волков // Изучение воспроизводства населения: сб. научных трудов. — Москва : Наука, 1968. — С. 171–183.
25. **Gregory, P.** Soviet Theories of Economic Demography: A Survey / P. Gregory // Journal of Comparative economics. — 1983. — Vol. 7. — No. 2. — P. 105–113.
26. **Easterlin, R. A.** An Economic Framework for Fertility Analysis / R. A. Easterlin // Studies in Family Planning. — 1983. — Vol. 6. — No. 3. — P. 54–63.
27. **Харчев, А. Г.** Профессиональная работа женщин и семья / А. Г. Харчев, С. И. Голод. — Ленинград : Наука, 1971. — 176 с.
28. **Белова, В. А.** Статистика мнений в изучении рождаемости / В. А. Белова, Л. Е. Дарский. — Москва : Статистика, 1972. — 144 с.
29. **Белова, В. А.** Число детей в семье / В. А. Белова. — Москва : Статистика, 1975. — 176 с.
30. **Дарский, Л. Е.** Формирование семьи (демографо-статистическое исследование) / Л. Е. Дарский. — Москва : Статистика, 1972. — 208 с.
31. **Сифман, Р. И.** Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований) / Р. И. Сифман. — Москва : Статистика, 1974. — 183 с.
32. **Белов, В. А.** Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). / В. А. Белов, Г. А. Бондарская, А. Г. Вишневский [и др.]. — Москва : Статистика, 1977. — 104 с.
33. **Борисов, В. А.** Перспективы рождаемости / В. А. Борисов. — Москва : Статистика, 1976. — 248 с.

34. **Бондарская, Г. А.** Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект) / Г. А. Бондарская. — Москва : Статистика, 1977. — 128 с.
35. Развитие населения: сб. научных трудов. / ред. Д. И. Валентей и др. — Москва : Статистика, 1974. — 94 с.
36. Демографический анализ рождаемости: сб. статей. / ред. Д. И. Валентей и др. — Москва : Статистика, 1974. — 112 с.
37. **Вишнеvский, А. Г.** Демографическая революция. Москва : Статистика, 1976. — 240 с.
38. **Антонов, А. И.** Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы) / А. И. Антонов. — Москва : Статистика, 1980. — 271 с.
39. **Бойко, В. В.** Рождаемость: социально-психологические аспекты / В. В. Бойко. — Москва : Мысль, 1985. — 238 с.
40. **Синельников, А. Б.** Брачность и рождаемость в СССР / А. Б. Синельников. — Москва : Наука, 1989. — 104 с.
41. **Герасимова, И. А.** Структура семьи / И. А. Герасимова. — Москва : Статистика, 1976. — 168 с.
42. **Сысенко, В. А.** Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия / В. А. Сысенко. — Москва : Финансы и статистика, 1981. — 199 с.
43. Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. / ред. Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Наука, 1987. — 205 с.
44. Демографические процессы в СССР: сб. научных трудов. / ред. А. Г. Волков. — Москва : Наука, 1990. — 211 с.
45. Рождаемость: социологические и демографические аспекты: сб. статей. / ред. В. А. Борисов. — Москва : ИСИ АН СССР, 1988. — 168 с.
46. **Шнейдерман, Н. А.** Откровенный разговор: рождаемость и меры её регулирования / Н. А. Шнейдерман. — Москва : Мысль, 1991. — 170 с.

Сведения об авторе:

Дашинамжилов Одон Борисович, д.ист.н., старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия.

Контактная информация: e-mail: Odon@bk.ru; ORCID: 0000-0002-0938-2290; РИНЦ SPIN-код: 6092-0713.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-34-46

ON THE ISSUE OF FERTILITY RESEARCH IN THE USSR IN THE 1960s–1980s

Odon B. Dashinamzhilov

*Institute of History of the Siberian Branch RAS
(8 Nikolaeva str., Novosibirsk, Russia, 630090)*

E-mail: Odon@bk.ru

Funding:

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation «Dynamics of economic and social development of Asian Russia in the context of geostrategic challenges of the late XIX – early XXI centuries».

For citation:

Dashinamzhilov O. B. On the issue of fertility research in the USSR in the 1960s–1980s. [*Population*]. 2024. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-34-46 (in Russ.)

Abstract. *The article examines the formation and development of the main areas of research on the birth rate of the population in the Soviet Union in the specified time frame. To this end, the historical continuity of this process and the problems that were posed at its various stages are shown. The formation of new approaches and methods for studying fertility is shown. The article analyzes the change in theoretical approaches, including the reasons for the transition from the socialist law of population to the methodology of demographic transition. Starting from the 1930s and up to the end of the 1950s, a detailed study of demographic issues was not welcomed by the state authorities for domestic political reasons. Research on demographic problems intensified only after the All-Union Census of 1959. The first works related to the period under consideration appeared already in the 1960s. The research was carried out in the context of the socialist population law, according to which the birth rate in socialist countries should have been higher than in capitalist ones. In subsequent years, the nature of the development of demographic processes in the USSR called this to question. By the end of the 1960s, the study of fertility began to move more into the practical plane, and some scientists began to avoid theoretical issues. In the 1970s, the number of publications increased significantly. In this decade, works were published that left a deep mark on the history of the study of the problem. The monograph of A. G. Vishnevsky played an important role in the development of the theory of fertility research. The non-formatonal interpretation of the history of demographic processes was a big step forward in the Soviet demographic science. In the 1980s, work on the study of fertility was continued, although the intensity of research decreased somewhat. So, a large number of papers were published on fertility of the population in the period under review. Demographers were able to identify the key trends in fertility, but the lengthy discussions of the supporters of formatonal approach and demographic modernization in Soviet times affected the conceptual understanding of the processes that took place.*

Keywords: *historiography; demography, fertility; socialist law of population, the Soviet Union.*

References and Internet sources

1. Smulevich B. Ya. O dvukh zabytykh oblastjakh sotsiologicheskikh issledovanij [About two forgotten areas of sociological research]. *Kommunist [Communist]*. 1963. No. 4. P. 81–87. (in Russ.)
2. Bibliografija po problemam narodonaselenija. (Sov. i perevodnaja literatura, 1960–1971 gg.) [Bibliography on Population Issues. (Soviet and Translated Literature, 1960–1971)]. Eds. D. I. Valentey and E. Yu. Burnashev. Moscow. Statistika [Statistics]. 1974. 343 p. (in Russ.)
3. Bibliografija po problemam narodonaselenija. (1972–1975 gg.) [Bibliography on Population Issues. (1972–1975)]. Eds. D. I. Valentey and E. Yu. Burnashev. Moscow. Izd-vo MGU [Moscow University Press]. 1977. 231 p. (in Russ.)
4. Literatura o naselenii: bibliogr. ukaz. (1975–1978 gg.) [Literature on Population: Bibliographic Reference Book (1975–1978)]. Eds. D. I. Valentey and E. Yu. Burnashev. Moscow. Statistika [Statistics]. 1981. 255 p. (in Russ.)
5. Literatura o naselenii: bibliogr. ukaz. (1979 – pervaja pol. 1983 gg.) [Literature on Population: Bibliographic Reference Book (1979 – The First Half of 1983)]. Eds. D. I. Valentey and E. Yu. Burnashev. Moscow. Mysl' [Thought]. 1987. 286 p. (in Russ.)
6. Literatura o narodonaselenii: bibliogr. ukaz. (1983–1993 gg.) [Literature on Population: Bibliographic Reference Book (1983–1993)]. Ed. I. V. Dzarasova. Moscow. Dialog-MGU [Dialog-MSU]. 1998. 123 p. (in Russ.)
7. Literatura o narodonaselenii: bibliograf. ukaz. (1994–2000 gg.) [Literature on Population: Bibliographic Reference Book (1994–2000)]. Ed. V. V. Elizarov. Moscow. Maks Press [Maks Press]. 2002. 133 p. (in Russ.)
8. Pisarev I. Yu. Narodonaselenie SSSR (sotsial'no-ekonomicheskij ocherk) [The Population of the USSR (Socio-Economic Essay)]. Moscow. Izd-vo soc.-ek. lit-ry [Socio-Economic Literature Publishers]. 1962. 190 p. (in Russ.)

9. Podyachikh N. G. Naselenije SSSR [*The Population of the USSR*]. Moscow. Gospolitizdat [State Political Publishers]. 1961. 192 p. (in Russ.)
10. Marx K. Kapital [*Capital*]. Vol. 1. Marx K., Engels F. Sochineniya. [Collected Works]. 2nd ed. Vol. 23. Moscow. Izd-vo polit. lit-ry [Political Publishers]. 1960. 907 p. (in Russ.)
11. Smulevich B. Burzhuznyje teorii narodonaseleniya v svete marksistko-leninskoj kritiki [*Bourgeois Theories of Population in the Light of Marxist-Leninist Criticism*]. Moscow-Leningrad. Sotsekgiz [Socio-Economic Publishers]. 1936. 407 p. (in Russ.)
12. Sul'kevich S. Territoriya i naselenie SSSR [*The Territory and Population of the USSR*]. Moscow. Politizdat [Political Publishers]. 1940. 72 p. (in Russ.)
13. Batkis G. A. Organizatsiya zdravookhraneniya [*Healthcare Organization*]. Moscow. Medgiz [Medicine Publishers]. 1948. 567 p. (in Russ.)
14. Dol'skaya A. A. Sotsialisticheski zakon narodonaseleniya (na primere SSSR) [*The Socialist Law of Population (On the Example of the USSR)*]. Moscow. Sotsekgiz [Socio-Economic Publishers]. 1959. 155 p. (in Russ.)
15. Smulevich B. Ya. Kritika burzhuznykh teorii i politiki narodonaseleniya [*Criticism of Bourgeois Theories and Population Policy*]. Moscow. Sotsekgiz [Socio-Economic Publishers]. 1959. 430 p. (in Russ.)
16. Sonin M. Ya. Aktual'nyje problemy ispol'zovaniya rabochej sily v SSSR [*Actual Problems of the Use of Labor in the USSR*]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1965. 303 p. (in Russ.)
17. Uralnis B. Ts. Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR. [*Fertility and Life Expectancy in the USSR*]. Moscow. Gosstatizdat [State Statistical Publishers]. 1963. 136 p. (in Russ.)
18. Kuznetsov A. D. Trudovye resursy SSSR i ikh ispol'zovanie [*The Labor Resources of the USSR and Their Use*]. Moscow. Izd-vo sots.-ek. lit-ry [Socio-Economic Publishers]. 1960. 176 p. (in Russ.)
19. Voprosy marksistko-leninskoj teorii narodonaseleniya. Vsesoyuznyi simpozium 24–26 noyabrya 1966 g. [*Issues of the Marxist-Leninist Theory of Population. All-Union symposium. November 24–26, 1966*]. Ed. Yu. N. Kozyrev. Moscow. Izd-vo MGU [Moscow University Press]. 1966. 276 p. (in Russ.)
20. Boldyrev V. A. Ekonomicheskij zakon naseleniya pri sotsializme [*The Economic Law of Population under Socialism*]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1968. 112 p. (in Russ.)
21. Guzevaty Ya. N. Aktual'nyje problemy narodonaseleniya v sovetskoj ekonomike [Actual problems of population in the Soviet economy]. Izuchenije vosproizvodstva naseleniya: sb. nauch. tr. [*The Study of Population Reproduction*]. Moscow. Nauka [Science]. 1968. P. 9–22. (in Russ.)
22. Sistema znaniy o narodonaselenii [*Population Knowledge System*]. Ed. D. I. Valentey. Moscow. Statistika [Statistics]. 1976. 367 p. (in Russ.)
23. Sadvokasova E. A. Sotsial'no-gigienicheskiye aspekty regulirovaniya razmerov sem'i [*Socio-Hygienic Aspects of Family Size Regulation*]. Moscow. Meditsina [Medicine]. 1969. 191 p. (in Russ.)
24. Volkov A. G. O nekotorykh prichinakh snizheniya koeffitsienta rozhdaemosti [On some causes of the decline in the birth rate]. Izuchenije vosproizvodstva naseleniya [*The Study of Population Reproduction*]. Moscow. Nauka [Science]. 1968. P. 171–183. (in Russ.)
25. Gregory P. Soviet theories of economic demography: a survey. *Journal of Comparative Economics*. 1983. Vol. 7. No. 2. P. 105–113.
26. Easterlin R. A. An economic framework for fertility analysis. *Studies in Family Planning*. 1983. Vol. 6. No. 3. P. 54–63.
27. Kharchev A. G., Golod S. I. Professional'naya rabota zhenshchin i sem'ya [*Women's Professional Work and Family*]. Leningrad. Nauka [Science]. 1971. 176 p. (in Russ.)
28. Belova V. A., Darsky L. E. Statistika mneniy v izuchenii rozhdaemosti [*Opinion Statistics in the Study of Fertility*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1972. 144 p. (in Russ.)
29. Belova V. A. Chislo detei v sem'e [*Number of Children in Family*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1975. 176 p. (in Russ.)
30. Darsky L. E. Formirovaniye sem'i (demografo-statisticheskoye issledovaniye) [*Family Formation (Demographic and Statistical Study)*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1972. 208 p. (in Russ.)

31. Sifman R. I. Dinamika rozhdaemosti v SSSR (po materialam vyborochnykh obsledovaniy) [*Dynamics of the Birth Rate in the USSR (Based on the Materials of Sample Surveys)*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1974. 183 p. (in Russ.)
32. Belov V. A., Bondarskaya G. A., Vishnevsky A. G., et.al. Skol'ko detej budet v sovetskoj sem'je (rezul'taty obsledovaniya) [*How Many Children Will There Be in the Soviet Family (Survey Results)*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1977. 104 p. (in Russ.)
33. Borisov V. A. Perspektivy rozhdaemosti [*Fertility Prospects*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1976. 248 p. (in Russ.)
34. Bondarskaya G. A. Rozhdaemost' v SSSR (etnodemograficheskij aspekt) [*Fertility in the USSR (Ethno-Demographic Aspect)*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1977. 128 p. (in Russ.)
35. Razvitije naseleniya: sb. nauch. tr. [*Population Development*]. Ed. D. I. Valentye. Moscow. Statistika [Statistics]. 1974. 94 p. (in Russ.)
36. Demograficheskij analiz rozhdaemosti: sb. st. [*Demographic Analysis of Fertility*]. Eds. D. I. Valentye and others. Moscow. Statistika [Statistics]. 1974. 112 p. (in Russ.)
37. Vishnevsky A. G. Demograficheskaya revolyutsiya [*Demographic Revolution*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1976. 240 p. (in Russ.)
38. Antonov A. I. Sotsiologiya rozhdaemosti (teoreticheskije i metodologicheskije problemy) [*Sociology of Fertility (Theoretical and Methodological Issues)*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1980. 271 p. (in Russ.)
39. Boiko V. V. Rozhdaemost': sotsial'no-psikhologicheskije aspekty [*Fertility: Socio-Psychological Aspects*]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1985. 238 p. (in Russ.)
40. Sinel'nikov A. B. Brachnost' i rozhdaemost' v SSSR [*Marriage and Fertility in the USSR*]. Moscow. Nauka [Science] 1989. 104 p. (in Russ.)
41. Gerasimova I. A. Struktura sem'i [*Family Structure*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1976. 168 p. (in Russ.)
42. Sysenko V. A. Ustoichivost' braka: problemy, factory, usloviya [*Marriage Stability: Problems, Factors, Conditions*]. Moscow. Finansy i statistika [Finance and Statistics]. 1981. 199 p. (in Russ.)
43. Vosproizvodstvo naseleniya i demograficheskaya politika v SSSR [*Population Reproduction and Demographic Policy in the USSR*]. Ed. L. L. Rybakovsky. Moscow. Nauka [Science]. 1987. 205 p. (in Russ.)
44. Demograficheskije protsessy v SSSR: sb. nauch. tr. [*Demographic Processes in the USSR*]. Ed. A. G. Volkov. Moscow. Nauka [Science]. 1990. 211 p. (in Russ.)
45. Rozhdaemost': sotsiologicheskije i demograficheskije aspekty: sb. st. [*Fertility: Sociological and Demographic Aspects*]. Ed. V. A. Borisov. Moscow. ISI AN SSSR [Institute of Sociological Research of the USSR Academy of Sciences.]. 1988. 168 p. (in Russ.)
46. Shneiderman N. A. Otkrovennyi razgovor: rozhdaemost' i mery jejo regulirovaniya [*A Frank Conversation: Fertility and Measures for Its Regulation*]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1991. 170 p. (in Russ.)

Information about the author:

Dashinamzhilov Odon Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia.

Contact information: e-mail: Odon@bk.ru; ORCID: 0000-0002-0938-2290; Elibrary SPIN-code: 6092-0713.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-47-58
EDN: ITBNAR

АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КНР В 1949–2023 ГОДАХ

Манухина О. В.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
(603022, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23)

E-mail: yumeikra@mail.ru

Для цитирования:

Манухина О. В. Аспекты демографической политики КНР в 1949–2023 годах // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 47–58. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-47-58; EDN: ITBNAR

Аннотация. Статья посвящена особенностям демографической политики КНР с 1949 по 2023 годы. Автор на основе анализа данных переписей населения, законодательных актов и результатов исследования китайских учёных выделяет три основных периода политики контроля над рождаемостью: 1) с 1949 г. до 1970-х гг. отсутствие последовательной единой государственной политики в области деторождения; 2) с 1970-х гг. до 2015 г. ограничение рождаемости, реализация курса на однодетную семью; 3) с 2015 г. снятие ограничений на рождение второго, а с 2021 г. — и третьего ребёнка в семье, стимулирование рождаемости. Планирование семьи благоприятно отразилось на экономическом развитии китайского общества и улучшении качества жизни его граждан. Помимо положительных моментов современная демографическая ситуация КНР характеризуется и рядом проблем, из которых наиболее актуальны старение населения, дисбаланс в соотношении полов и сокращение доли людей трудоспособного возраста. Изменения в структуре населения вызвали изменения в демографической политике КНР: переход от антинатализма к пронатализму. В настоящее время государство концентрирует своё внимание на выработке комплекса законодательных, социально-экономических и культурно-просветительских мер, направленных на материальную поддержку семей с детьми, расширению сети дошкольных учреждений, увеличению продолжительности декретного отпуска, пропаганду традиционных (конфуцианских) семейных ценностей. Размеры социальной помощи зависят от количества детей в семье и расширяются с рождением каждого последующего ребёнка. Автор полагает, что в будущем возможно не только увеличение мер стимулирования рождаемости, но и расширение помощи однодетным семьям, концентрация внимания властей на улучшении качественных характеристик населения, что в конечном итоге должно смягчить актуальные для китайского общества проблемы старения, дисбаланса полов и уменьшения доли людей трудоспособного возраста.

Ключевые слова: демографическая политика, демографический переход, антинатализм, пронатализм, новые формы семьи и брака, дисбаланс полов, старение населения.

Демографическая политика КНР с 1949 по 2015 годы

От качественных и количественных характеристик населения зависит мощь и процветание любого государства. В Китае на протяжении тысячелетий рост населения рассматривался как показатель увеличения военной мощи и национального благосостояния. С древних времён в стране функционировала хорошо налаженная система учёта населения, данные которой использовались при организации общественных работ, сборов налогов, что играло важную роль для сохранения социальной стабильности и поддержания механизма функционирования государственного аппарата. Данные об учёте населения в Китае датируются ещё до нашей эры и встречаются на панцирях черепах, костях животных, медных треножниках [1, с. 14–24].

В 1949 г. была образована Китайская Народная Республика (КНР). В результате широких политических, социально — экономических и культурных преобразований произошло значительное снижение показателей смертности, увеличение продолжительности жизни при сохранении высоких показателей рождаемости. Уже к 1957 г. общий коэффициент смертности уменьшился почти в два раза по сравнению с 1949 годом. В период с 1950 по 1970 гг. ежегодно рождалось от 20 до 30 млн человек¹. Население выросло с 554 млн до 852 млн человек². Следует отметить, что Китай традиционно относится к многонаселённым странам. В 1820 г. доля китайского населения в мире составляла 35% [2]. Однако стремительный демографический рост в условиях наличия социально-экономических и экологических проблем (нехватка продуктов питания, одежды, жилья; безработица; ограниченность природных ресурсов; загрязнение окружающей среды) послужили причиной принятия уже в первой половине 1950-х гг. государственных мер по ограничению

рождаемости. В 1954 г. Министерство здравоохранения постановило не препятствовать мерам по предупреждению беременности и ограничению рождаемости. Были организованы массовая пропаганда, распространение средств контрацепции, научные исследования. В 1957 г. была опубликована «Новая теория народонаселения» китайского экономиста Ма Иньчу, в которой автор выступал за необходимость контроля численности населения. В 1964 г. создан Комитет по планированию рождаемости, соответствующие структуры появились и на местах, снят и показан по всей стране научно-познавательный фильм «Как планировать рождаемость»³. Однако из-за политических кампаний того времени работа по ограничению рождаемости не была последовательной, носила противоречивый характер — речь идёт о политике «Большого скачка» (1958–1961 гг.) и «Культурной революции» (1966–1976 гг.).

В 1970-х гг. постепенно нарастал контроль над численностью населения. В 1978 г. положение о необходимости планового деторождения (статья 53) было включено в Конституцию КНР⁴. Китай переходит к более жёсткой политике планирования рождаемости, которая становится одним из ключевых элементов всего внутривнутриполитического курса страны в последующие десятилетия. Её суть выражалась лозунгом: «Позже, реже, меньше», что означало откладывание вступления в брак; интервал между рождениями детьми свыше трёх лет; рождение не более двух детей. Политическое руководство ставит цель привести численность населения в соответствие задачам социально-экономического развития страны. Данная цель была прописана в Конституции КНР 1982 г. (статья 25)⁵. В 1980 г. был взят курс на повсеместное распростране-

³ Демографическая политика Китая и количественные изменения (1949–2010). — URL: <http://money.163.com/special/renkouzhengcebianqian/> (дата обращения: 07.04.23). (на китайском языке)

⁴ Конституция КНР 1978 года. — URL: <https://law.pkulaw.com/chinalaw/c8492c76a860aeb0bdfb.html> (дата обращения: 18.01.23). (на китайском языке)

⁵ Конституция КНР 1982 года. — URL: <https://law.pkulaw.com/xianfa/5c498812eb87061ebdfb.html> (дата обращения: 18.01.23). (на китайском языке)

¹ За исключением периода стихийных бедствий и голода 1959–1961 годов.

² Краткий статистический справочник, 1983. — Пекин, 1983. — С. 13. (на китайском языке)

ние однодетных семей. Статья 12 «Закона КНР о браке» 1980 г. гласила, что оба супруга обязаны были осуществлять планирование рождаемости⁶. В 2001 г. впервые в истории Китая был принят «Закон о демографии и плановом деторождении». Согласно нему государство поощряло поздние браки и позднее деторождение, выступало за политику однодетной семьи. В то же время в случае соответствия установленным законом условиям, допускалось рождение второго ребёнка, например, таким правом обладали сельские жители, у которых первым ребёнком была девочка. Исключения действовали и для национальных меньшинств. Конкретные методы осуществления планового деторождения определялись Собраниями народных представителей (СНП) провинций, автономных районов, городов центрального подчинения или их постоянными комитетами⁷. Для достижения поставленных демографических целей использовался комплекс правовых, административных и экономических мер.

Отсутствие до 2001 г. Закона КНР о демографии и плановом деторождении, общий характер документов центральных властей, негативное отношение абсолютного большинства населения к ограничению рождаемости, экономическая слабость государства создали предпосылки для широкого применения силы на начальном этапе (1970-е — 1980-е гг.) осуществления демографической политики и включение в состав отрядов планирования рождаемости военных. Военнослужащие оказывали помощь медицинским работникам в проведении насильственных абортов и стерилизации. Если женщина пряталась, то могли задержать её мужа, грозя стерилизовать его, если она не прекратит укрывательство. В качестве наказания нарушителей плановых установок помимо наложения больших штрафов, отказа в медицинском обслуживании,

невыдачи ребёнку продовольственной карточки, даже имели место случаи сноса домов [3, с. 56–70].

По мере проведения с 1978 г. политики реформ и улучшения качественных характеристик населения (повышения уровня образования и медицинского обслуживания, расширения трудовой занятости женщин, совершенствования системы социального обеспечения, включая льготы и вознаграждения за соблюдение норм деторождения, роста доли городских жителей) всё больший акцент в реализации демографической политики делался на правовые и экономические меры. Так, по сообщению газеты «Жэньминь жибао», в некоторых районах Нинся-Хуэйского автономного района за стерилизацию и отказ от деторождения выдавали денежное вознаграждение в размере 3 тыс. юаней. К концу 2004 г. количество получивших вознаграждение семей достигло 11750⁸.

Благодаря политике ограничения рождаемости Китаю удалось за очень короткий срок (чуть более 50 лет) совершить демографический переход и войти в число стран с низкими показателями рождаемости, смертности и естественного прироста населения. Необходимо отметить, что сокращение этих показателей характерно для большинства стран современного мира, однако КНР значительно отличается от них по масштабам, темпам и методам снижения — Китай стал первой страной, способной эффективно контролировать численность быстро растущего населения. Для того, чтобы понять масштаб произошедших демографических изменений, обратимся к результатам Всеобщих переписей населения, которых в истории КНР было проведено семь (табл. 1).

Из данных таблицы видно, что к 1990 г. значительно замедляется рост численности населения, остаётся дисбаланс полов (105 мужчин на 100 женщин). В XXI в. страна вошла стареющим обществом: за 10 лет (с 2010 по 2020 гг.) количество пожилых (60+) выросло на 4,63 п.п. Быстрыми тем-

⁶ Закон КНР о браке 1980 года. — URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=44312 (дата обращения: 20.01.23). (на китайском языке)

⁷ Закон КНР о демографии и плановом деторождении 2001 года. — URL: <https://law.pkulaw.com/chinalaw/252f7ce51132230bbdfb.html> (дата обращения: 03.02.23). (на китайском языке)

⁸ Жэньминь жибао, 27 марта 2005 года. (на китайском языке)

Таблица 1

Сравнительные характеристики населения

Table 1

Comparative population characteristics

Показатель	1953	1964	1982	1990	2000	2010	2020
Общая численность, млн человек	582,6	694,58	1008,18	1133,68	1265,83	1339,72	1411,78
Среднегодовой прирост, млн человек		1,75	2,09	1,48	1,07	0,57	0,53
Соотношение полов (мужчин на 100 женщин)	107,6	105,5	106,3	106,6	106,7	105,2	105,1
Возрастная структура (% от всего населения)							
0–14 лет	36,28	40,69	33,59	27,69	22,89	16,6	17,95
15–64 года	59,31	55,75	61,5	66,74	70,15	74,53	63,35
65 лет и старше	4,41	3,56	4,91	5,57	6,96	8,87	13,5
Уровень образования (млн человек)							
Среднее специальное и высшее		2,88	6,02	16,12	45,71	119,64	218,36
Среднее и техническое училище		9,12	66,48	91,13	141,09	187,99	213
Неполное среднее образование		32,35	178,28	264,65	429,89	519,66	487,16
Начальное образование		195,82	355,16	420,11	451,91	358,76	349,65
Неграмотные		233,27	229,96	180,03	85,07	54,66	37,75
Уровень неграмотности, %		33,58	22,81	15,88	6,72	4,08	2,67
Место проживания (город/село)							
Городское население, млн человек	77,3	127,1	210,8	299,7	458,4	665,6	902,0
Сельское население, млн человек	505,4	567,5	797,4	834,0	807,4	674,2	509,8

Источник: всеобщие переписи населения КНР. — URL: <https://zh.wikipedia.org/zh-hans/> (дата обращения: 07.07.23). (на китайском языке)

пами росло число людей, имеющих высшее и среднее специальное образование, сократилось количество неграмотных. Неуклонно увеличивается доля городского населения — в 2020 г. горожане составили 64%.

Демографические проблемы Китая в XXI веке

Планирование семьи благоприятно отразилось на экономическом развитии китайского общества и улучшении качества жизни его граждан. Повысился социальный статус женщины, поскольку меньшее количество детей означает меньшую занятость домашней работой и большую возможность для профессиональной деятельности. В результате осуществления регулирования рождаемости меняются взгляды населения на брак, рождение детей и се-

мью. Поздний брак, поздние роды, меньше родов, более здоровые роды и малочисленные семьи превратились в доминирующую тенденцию. Но помимо положительных моментов современная демографическая ситуация в КНР характеризуется и рядом проблем, из которых наиболее актуальны старение населения, дисбаланс в соотношении полов и сокращение доли людей трудоспособного возраста.

Увеличение продолжительности жизни и демографическая политика китайского государства содействовали быстрому изменению структуры населения в пользу старших возрастных групп. Как отмечал российский учёный Я. М. Бергер, демографическая политика Китая активизировала старение населения двояким образом: отсутствием ограничения рождаемости в 1950-х гг. и жёстким ограничением рождаемости начиная

с 1970-х гг. [4, с. 107]. Китай стал стареющим государством в 1999 году. К концу 2023 г. численность населения в возрасте 60 лет и старше достигла 297 млн человек, в том числе 217 млн человек в возрасте 65 лет и старше, что составило 15,4% от общей численности населения⁹. Процесс старения населения в стране имеет особенности. Во-первых, увеличение доли людей старших возрастов идёт очень быстрыми темпами, опережая среднемировой показатель, составляющий около 2%. Во-вторых, количество пожилых в КНР больше, чем в какой-либо другой стране: каждый четвёртый человек в мире в возрасте старше 60 лет — китаец. Значительную долю среди пожилых китайцев составляют люди в возрасте 80 лет и старше: в 2022 г. их было почти 40 млн человек¹⁰. И, в-третьих, Китай стал стареющим государством, будучи страной с развивающейся экономикой. Как правило, проблема старения населения наиболее остро стоит в экономически развитых странах.

Традиционно все обязанности по уходу и материальному обеспечению престарелых родителей в Китае возлагались на семью. Однако по мере социально-экономических преобразований и увеличения численности пожилых, в частности проживающих отдельно от своих детей, китайским обществом всё глубже осознаётся необходимость усиления поддержки этой категории граждан со стороны государства. В 2013 г. вступил в силу закон КНР «О защите прав и интересов пожилых». С одной стороны, данный документ закрепляет обязанности семьи поддерживать и заботиться о своих пожилых родственниках, с другой, и государство должно разделять эти обязанности. Так, согласно закону, членам семьи следует заботиться о потребностях стариков, нельзя плохо относиться к ним. Члены семьи, которые не живут вместе с представителями старшего поколения, должны

часто навещать их. Работодатели обязаны гарантировать работникам отпуск для посещения пожилых родственников, которые находятся на иждивении у них. Девятый день девятого месяца по лунному календарю объявлен «Днём пожилых»¹¹.

Китайское руководство пытается облегчить бремя семьи путём реформы пенсионного страхования, принятия мер по улучшению деятельности органов низового самоуправления, призванных оказывать материальную и психологическую помощь старикам, увеличению количества мест в домах престарелых, созданию дополнительных рабочих мест для данной группы населения. С 2025 г. планируется постепенное повышение пенсионного возраста. Пока указанных мер недостаточно: в стране имеет место неравномерность распределения социальных выплат по старости, ежегодно возрастает финансовая нагрузка на работающее население в сфере обеспечения функционирования фонда пенсионных выплат, семья продолжает оставаться главным источником существования для большинства пожилых китайцев. Особенно трудно приходится пожилым на селе: их уровень жизни существенно отличается от городских жителей. Так в 2018 г. размер средней пенсии в городе составлял 2896 юаней, на селе — 125 юаней¹². Ситуацию усугубляет массовая миграция трудоспособного населения из села в город — мигрантов несколько сот миллионов человек. Мигранты не могут поменять прописку и, соответственно, им закрыт доступ к общественным услугам, которыми пользуются горожане. Пожилые родители и их внуки вынуждены оставаться в деревне, нередко испытывая бытовые трудности в условиях отсутствия должного ухода и внимания со стороны уехавших детей. От того насколько эффективно государство будет решать сопровождающие старение населения проблемы, зависит степень

⁹ Премьер Госсовета КНР призвал к высококачественному развитию услуг по уходу за пожилыми людьми. — URL: <https://russian.news.cn/20240826/d01bd5664276416291f6b365b75f23e5/c.html> (дата обращения: 23.09.24).

¹⁰ Доклад о демографической ситуации в Китае, 2024 год. — URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/> (дата обращения: 01.02.2024). (на китайском языке)

¹¹ Закон КНР «О защите прав и интересов пожилых людей». — URL: https://www.gov.cn/flfg/2012-12/28/content_2305570.htm (дата обращения: 15.07.23). (на китайском языке)

¹² Отчёт о результатах исследования старения населения в Китае, 2020 год. — URL: <https://www.caoss.org.cn/UploadFile/pic/20229281791192316.pdf> (дата обращения: 22.08.2023). (на китайском языке)

социальной стабильности и динамика развития страны в будущем.

С начала 1980-х гг. в КНР наблюдается диспропорция в соотношении полов новорождённых. Естественным считается соотношение 105–106 мальчиков на 100 девочек. Согласно данным Государственного статистического управления, в 1982 г. этот показатель составил 108,5, в 1990 г. — 111,3, в 2010 г. — 116,9, в 2020 г. — 111,3¹³. Первоначально китайские учёные полагали, что гендерный дисбаланс был вызван неточностями в статистике: семьи скрывали рождение дочерей. Однако позже они вынуждены были признать наличие данной проблемы. Главной причиной дисбаланса полов новорождённых являются избирательные по признаку пола искусственные аборты. Быстрый рост числа новорождённых мальчиков совпадает по времени с распространением в стране ультразвукового метода внутриутробного определения пола ребёнка. В КНР законодательно запрещены определение пола ребёнка и последующий аборт. Однако на практике далеко не всегда удаётся контролировать соблюдение закона.

Следствием дисбаланса полов новорождённых в Китае является проблема нехватки невест. Согласно данным Всеобщей переписи населения, в 2020 г. мужчин было больше, чем женщин на 34,9 млн, в возрасте от 20 до 40 лет — на 17,5 млн¹⁴. Диспропорция в соотношении полов — проблема для Китая отнюдь не новая. Китайский этнограф Фэй Сяогун, исследуя в 1936 г. деревню Кайсяньгун (провинция Цзянсу), отмечал, что доля девочек в возрастной группе до пяти лет необычайно низка — на каждые 100 девочек приходится 350 мальчиков. Только в 131 семье (37% от общего количества семей) в числе детей имелись девочки в возрасте до 16 лет [6, с. 32]. Главной причиной этого был широко распространённый в традиционном китайском обществе

обычай умерщвления девочек. Тем не менее, вопрос нехватки невест не был столь остро актуален, как сейчас. Очевидно, одним из главных путей решения проблемы дисбаланса полов была женитьба парней на девушках младшего поколения. Нельзя не принимать во внимание и факт наличия в старом Китае многочисленных войн и восстаний, уносивших жизни большого количества мужчин брачного возраста, за счёт чего соотношение полов выравнивалось.

Сегодня, когда по численности каждое последующее поколение уступает предыдущему, вопрос гендерного дисбаланса не может быть решён естественным путём. Уменьшение количества женщин ведёт к снижению рождаемости, к росту числа холостяков и распространению, особенно среди сельского населения, таких крайне нежелательных для общества явлений, как высокая цена за выкуп невесты, покупка жён, брачное мошенничество, кровосмешение, проституция, изнасилование, супружеские измены, рост числа разводов. В современном китайском обществе наибольшие трудности в создании семьи имеют сельские мужчины с невысоким материальным достатком и городские женщины с высшим образованием и высоким доходом. Свыше 60% неженатых мужчин в возрасте 30 лет и старше проживают в сельской местности, что касается незамужних женщин 30 лет и старше, то их большая часть сосредоточена в городе¹⁵. Традиционный взгляд на семью, согласно которому мужчина занимал высокое социальное положение, а женщина — низкое, сохраняется и по сей день, и препятствует заключению браков.

Помимо старения населения и дисбаланса полов, в КНР за последнее десятилетие наблюдается сокращение численности людей трудоспособного возраста, что также является следствием политики ограничения рождаемости. В 2023 г. доля трудоспособных гражд-

¹³ Детское население Китая. — URL: <https://www.stats.gov.cn/zs/tjwh/tjkw/tjzl/202304/P020230419425666818737.pdf> (дата обращения: 30.01.24). (на китайском языке)

¹⁴ Отчёт о результатах исследования семьи и брака в Китае, 2022 год. — URL: <https://file.c-ctrip.com/files/6/yuwa/0R71o120009dwxcgE938.pdf> (дата обращения: 05.09.2023). (на китайском языке)

¹⁵ Доклад о демографической ситуации в Китае, 2024 год. — URL: https://mp.weixin.qq.com/s?biz=Mzg3NzYwMzU1MQ==&mid=2247571848&idx=1&sn=5f665bd70dcc94da227ed8d7812cd15c&chksm=cf23e638f8546f2eb3aa89008e3ee9e3828a74ce85328257d9dde5352a0bc62a911085522c9e&scene=132&exptype=timeline_recommend_article_extendread_samebiz#wechat_redirect (дата обращения: 01.02.2024). (на китайском языке)

дан (в возрасте от 16 до 59 лет) снизилась до 61,3%¹⁶. Данные изменения структуры населения оказывают отрицательное влияние на развитие экономики: снижается внутренний спрос, происходит спад производства, возрастает финансовая нагрузка на общество по содержанию людей пенсионного возраста. Считаем, что повышение качественных характеристик трудоспособного населения наряду с активным внедрением передовых технологий (Китай занимает лидирующие позиции в области цифровизации и автоматизации производства) позволит уменьшить негативные последствия сокращения трудовых ресурсов на экономику страны.

Переход от однодетной семьи к трёхдетной

С целью смягчить обозначенные выше демографические проблемы руководство КНР в 2013 г. разрешило семьям, в которых хотя бы один родитель из однодетной семьи, иметь двоих детей. В 2015 г. такое право получили все китайские семьи. Политике однодетной семьи, действовавшей в течение 35 лет, был положен конец. В мае 2021 г. для того, чтобы улучшить структуру населения, активно отвечать на вызовы старения населения и сохранить трудовые ресурсы, Политбюро ЦК КПК приняло решение разрешить всем семьям иметь троих детей. Менее чем за 10 лет происходит кардинальное изменение демографической политики КНР: переход от однодетной семьи к трёхдетной, от антитабализма к пронатализму.

Однако снятие ограничений на рождение детей пока не привело к желаемым результатам. Как видно из данных Всеобщих переписей населения, в 2010 г. прирост населения составил 0,57%, а в 2020 г. — 0,53%. В 2015 г. рождаемость была меньше, чем в 2014 г., в 2016 г. этот показатель вырос на 7,9%, составив максимум с 2000 года. В последующие годы спад рождаемости продолжился¹⁷. Со-

гласно данным Государственного статистического управления, в 2022 г. в КНР была зафиксирована естественная убыль населения: коэффициент естественного прироста составил $-0,6\%$, за год население сократилось на 850 тыс. человек¹⁸. В 2023 г. естественная убыль населения продолжилась и составила 2,08 млн человек, по сравнению с 2022 г. родилось на 540 тыс. детей меньше. Причина этого, как уже было отмечено, обусловлена неуклонным снижением рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) находится ниже уровня простого воспроизводства населения, в 2023 г. он был около 1. В 2024 г. ожидается небольшое увеличение численности населения, что связано с ослаблением коронавирусных ограничений, ростом в 2023 г. количества заключённых браков и традиционной верой китайцев в счастливую судьбу детей, рождённых в год Дракона.

В Китае сокращается доля женщин фертильного возраста (15–49 лет). С 2021 по 2022 гг. их стало меньше на 4 млн человек¹⁹. За годы реформ глубокие изменения произошли в семейно-брачных отношениях китайцев. Как мы уже писали, поздний брак, поздние роды, малое количество детей в семье стали доминирующей тенденцией. По сообщению Министерства гражданских дел, в 2021 г. 7,6 млн пар вступили в брак — это самый низкий показатель за 36 лет. Как видно из данных диаграммы, за пять лет коэффициент брачности существенно снизился (рис. 2). Почти половина регистрирующихся браков (48,2%) — это люди в возрасте 30 лет и старше. Средний размер семьи в 2022 г. сократился до 2,7 человека²⁰.

d7c/202303/P020230301403217959330.pdf (дата обращения: 21.07.23). (на китайском языке)

¹⁸ Число вступающих в брак 8 лет подряд уменьшается, среди регистрирующихся браков почти половину составляют люди в возрасте старше 30 лет. — URL: https://m.cyol.com/gb/articles/2022-09/01/content_b6wX5Ljq.html (дата обращения: 28.12.2023). (на китайском языке)

¹⁹ Ван Пинпин. Численность населения немного снизилась, количество городских жителей продолжает расти. — URL: http://www.stats.gov.cn/xxgk/jd/sjjd/2020/202301/t20230118_1892285.html (дата обращения: 06.07.23). (на китайском языке)

²⁰ Отчёт о результатах исследования семьи и брака в Китае, 2022 год. — URL: <https://file.c-ctrip.com/files/6/yuwa/OR71o120009dwxcgE938.pdf> (дата обращения: 05.09.2023). (на китайском языке)

¹⁶ Китай объявил о первом с 1978 года повышении пенсионного возраста. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2024/66e414099a79475cd5afe066> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁷ Основные показатели Всеобщей переписи населения 2020 года. — URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/pcs/rkpc/>

Рис. 2. Коэффициенты брачности и разводимости, %

Fig. 2. Marriage and divorce rates, %

Источник: Число вступающих в брак восемь лет подряд уменьшается, среди регистрирующихся брак почти половину составляют люди в возрасте старше 30 лет. — URL: http://m.cyol.com/gb/articles/2022-09/01/content_b6wX5slJq.html (дата обращения: 28.09.23). (на китайском языке)

С каждым годом в китайском обществе увеличивается количество консенсуальных браков, неполных семей с одним родителем, «пустых гнёзд» (пожилые — родители, живущие отдельно от детей), бездетных супружеских пар (добровольно отказывающихся от рождения детей), домохозяйств, состоящих из одного человека, экстерриториальных семей (семьи «выходного дня» — в отличие от прошлых лет, когда раздельное проживание супругов носило вынужденный характер (супруги были вынуждены работать в разных местах и остро не хватало жилья), сегодня многие китайцы добровольно выбирают подобную форму отношений, что позволяет сохранить личную независимость и избежать однообразия в повседневной жизни).

Вся совокупность изменений, переживаемых китайской семьёй, говорит о том, что её классическая, традиционная модель перестаёт удовлетворять людей. Они ищут новые её формы, менее жёсткие, чем прежде, дающие возможность организовать свою личную жизнь в экономических, социальных и демографических условиях отличных от тех, в которых когда-то сложилась и функционировала традиционная семья с её культом многодетности. Данные изменения характерны для большинства стран. По мере углубления процессов урбанизации и индустриализации, увеличения доли лиц, име-

ющих высшее образование, постоянного совершенствования системы социального обеспечения преобладающими тенденциями становятся снижение рождаемости и повышение качества жизни. В Китае они ускорены политикой ограничения рождаемости и появлением поколения избалованных детей из однопотных семей (так называемое поколение «маленьких императоров»).

Ещё до 2013 г. желающие родить второго ребёнка супружеские пары имели такую возможность. Дополнительные рождения не поощрялись местными властями, но уже и не запрещались [7, с. 89]. Семьи должны были заплатить штраф, не превышающий 1–2 годовых доходов одного из супругов, или же понести административное наказание в виде приостановки карьерного роста, лишения социальных льгот²¹. Согласно результатам Всеобщей переписи населения 2020 г. среднее желаемое число детей у женщин фертильного возраста составило 1,8²². Есть основания говорить о формировании в китайском обществе, особенно в городах, традиций воспитания одного ребёнка в семье.

²¹ Административные наказания действовали только для сотрудников государственных учреждений и крупных компаний.

²² Основные показатели Всеобщей переписи населения 2020 года. — URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/d7c/202303/P020230301403217959330.pdf> (дата обращения: 21.07.23). (на китайском языке)

Безусловно, помимо трансформации взглядов на семейно-брачные отношения, росту рождаемости препятствуют очень высокие расходы на воспитание и образование детей. Ситуация усугубляется большой стоимостью жилья в городах и неподъёмной ценой за выкуп невесты в сельской местности. Следует отметить и высокую конкуренцию на рынке труда. Молодые китайцы испытывают трудности в поисках стабильной, хорошо оплачиваемой работы, что ведёт к откладыванию создания семьи и деторождения. Изменение отношения общества к поздним бракам и распространение сожительства делает это вполне возможным. Сохраняющийся гендерный дисбаланс, а также наличие проблем с репродуктивным здоровьем у многих китайских пар²³ тоже неблагоприятно влияют на повышение рождаемости. Одним из путей решения репродуктивных проблем является развитие и совершенствование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Однако опыт развитых стран показывает, что ВРТ не являются панацеей.

На основании вышеизложенного видно, что для изменения демографической картины, руководству Китая недостаточно лишь снять ограничения на рождение второго и последующего ребёнка. Нужен комплекс правовых, экономических и культурно-просветительских мер. Китайские учёные и политические деятели осознают, что для изменения репродуктивного поведения граждан требуется единый подход к вопросам создания семьи, рождения детей, их воспитания и образования. В 2021 г. были внесены соответствующие поправки в закон КНР «О демографии и плановом деторождении». Речь идёт о финансовых, налоговых, страховых льготах, а также субсидиях в сфере образования и обеспечения жильём, содействии в трудоустройстве, об уменьшении нагрузки семей в вопросах рождения, воспитания и образования детей²⁴.

²³ Что связано с вынужденными абортными, стерилизацией, ухудшением общего состояния здоровья.

²⁴ Закон КНР о демографии и плановом деторождении, 2021. – URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?> (дата обращения: 30.10.23). (на китайском языке)

Китайские учёные предлагают следующие меры поддержки семей: 1) государству следует взять на себя выплату части или всей суммы процентов по ипотечному кредиту либо предоставить скидку на покупку жилья. Например, при рождении одного ребёнка давать скидку в размере 10%, второго ребёнка — 30%, третьего ребёнка — 50% от стоимости квартиры; 2) путём налоговых льгот и пособий уменьшить расходы семьи на рождение, воспитание и образование детей. Например, ежемесячно семьям с двумя детьми выплачивать 1 тыс. юаней на каждого несовершеннолетнего ребёнка, многодетным семьям — по 2 тыс. юаней; 3) расширить с 4% до 50% количество детей (0–3 лет), посещающих детские сады; 4) увеличить продолжительность декретного отпуска; 5) разрешить гибкую форму трудовой занятости; 6) развивать вспомогательные репродуктивные технологии; 7) гарантировать защиту прав неполным семьям с одним родителем; 8) гарантировать право на рождение ребёнка одиноким женщинам, в частности путём ВРТ — сегодня они не обладают таким правом, законодательство в данной области нуждается в совершенствовании; 9) снизить возраст вступления в брак до 18 лет — сейчас он составляет 22 года для мужчин и 20 лет для женщин и является самым высоким в мире; 10) провести реформу системы образования с целью повышения доступности высшего образования, снижения нагрузки учащихся при переходных экзаменах, сокращения сроков получения базового образования; 11) рассмотреть возможность принятия закона, регламентирующего консенсуальные браки (сожительство) — до сих пор данная форма семейно-брачных отношений не признаётся и не регламентируется китайским законодательством²⁵.

Уже сейчас принят ряд мер, направленных на снятие для семей с двумя и более детьми административных препятствий при регистрации по месту жительства, трудоустройстве, получении кредита на покупку

²⁵ Отчёт о результатах исследования семьи и брака в Китае, 2022 год. – URL: <https://file.c-ctrip.com/files/6/yuwa/0R71o120009dwxscgE938.pdf> (дата обращения: 05.09.2023). (на китайском языке)

жилья. Расширяется сеть дошкольных образовательных учреждений, в частности увеличивается количество мест в яслях. Госсовет КНР объявил о том, что обсудит вопрос о предоставлении налогового вычета за расходы на содержание детей до трёх лет. Также правительство заявило, что доли расходов на обучение между семьями и школами будут пересмотрены, будет усилен контроль за ценовой политикой в сфере образования. Среди прочих мер правительство анонсировало расширение бесплатных медицинских услуг для женщин репродуктивного возраста и беременных, защиту интересов при трудоустройстве, увеличение продолжительности отпуска по беременности и уходу за ребёнком. В отдельных регионах власти уже начали выплачивать единовременные и регулярные пособия за рождение детей²⁶. Следует отметить, что комплекс предпринимаемых властями мер для стимулирования рождаемости отличается в зависимости от региона, от проживания в городской или сельской местности.

Демографические процессы, происходящие в современном китайском обществе, являются закономерным итогом повышения качества жизни его жителей: в этом от-

ношении КНР не отличается от большинства стран современного мира. И меры повышения рождаемости не являются исключительно китайскими. Государство использует опыт развитых стран, стремясь не допустить снижения доходов семей после рождения ребёнка и помочь матерям сочетать профессиональную деятельность с домашними обязанностями. Однако большая численность населения, быстрота происходящих демографических изменений и всё ещё невысокий уровень жизни накладывают отпечаток на китайскую политику в области деторождения. Полагаем, что в ближайшее время комплекс мер, способных смягчить вышеуказанные демографические проблемы, будет расширен и конкретизирован, в частности для семей с одним ребёнком. Набор и степень их эффективности зависят от экономической ситуации в стране, в особенности от финансовых возможностей местных властей реализовывать предложенные правительством меры стимулирования рождаемости. Считаем, что в будущем Китаю удастся замедлить темпы снижения рождаемости, решить проблему дисбаланса полов, однако говорить о глубоких демографических изменениях, которые имели место в китайском обществе в конце прошлого столетия, вряд ли, возможно.

²⁶ Баландин Р. Третий не лишний: почему Китай срочно сворачивает политику ограничения рождаемости? — URL: <https://tass.ru/opinions/12121831> (дата обращения: 20.01.2024).

Литература и Интернет-источники

1. **Баженова, Е. С.** Население Китая: история и современность / Е. С. Баженова. — Москва : МАССКА, 2018. — С. 14–21. EDN: CYDITU
2. **Лян, Ц.** Взгляд на демографическую политику нового Китая за последние 70 лет / Ц. Лян // Center for China and Globalization (CCG). 2019. — URL: <http://www.ccg.org.cn/archives/39443> (дата обращения: 06.01.2023). (на китайском языке).
3. **Лю, С.** Китай, каким я его знаю / С. Лю, Е. Н. Румянцев. — Москва : Юпапс, 1999. — С. 56–70.
4. **Бергер, Я. М.** Социальная поддержка пожилых людей в современном Китае / Я. М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — № 1. — С. 107.
5. **Ши, Ю.** Становление пенсионной системы КНР (выпускная квалификационная работа) / Ю. Ши // Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета. — URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/31838/1/VKR_Si_Ujczu_Stanovlenie_pensionnoj_sistemy_KNR.pdf (дата обращения: 13.09.2023).
6. **Фэй, С.** Китайская деревня глазами этнографа / С. Фэй. — Москва : Наука, 1989. — С. 32.

7. Ван, Е. Изменение демографической политики Китая: причины, результаты, перспективы / Е Ван // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 1. — С. 84–96. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2018-21-1-07; EDN: XQСХКН
8. Баженова, Е. С. Население Китая / Е. С. Баженова, А. В. Островский. — Москва : Мысль, 1991. — 235 с. EDN: КМWMНЛ
9. Доменак, Ж.-Л. Семейные отношения в Китае / Ж.-Л. Доменак, Ш. Хуа. — Москва : Наука, 1991. — 215 с.
10. Кручинина, Н. В. Демография и репродуктивные права человека: проблемы и перспективы / Н. В. Кручинина // Юридическая наука в Китае и России. — 2021. — № 4. — С. 101–104. DOI: 10.17803 / 2587-9723.2021.4.101-104; EDN: YQEELW

Сведения об авторе:

Манухина Олеся Вячеславовна, к.ист.н., доцент Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: yumeikra@mail.ru; ORCID: 0009-0007-1585-4163; РИНЦ SPIN-код: 3407–6870.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-47-58

ASPECTS OF THE DEMOGRAPHIC POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN 1949–2023

Olesya V. Manukhina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(23 Gagarina av., Nizhny Novgorod, Russia, 603022)

E-mail: yumeikra@mail.ru

For citation:

Manukhina O.V. Aspects of the demographic policy of the People's Republic of China in 1949–2023. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 47–58. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-47-58 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to the aspects of the demographic policy of the People's Republic of China from 1949 to 2023. Based on the population censuses data, legislative acts and the results of a study by Chinese scientists, the author identifies three main periods of birth control policy: 1) from 1949 to the 1970s — absence of a consistent unified state policy in the field of childbearing; 2) from the 1970s to 2015 — birth control, implementation of the course on a one-child family (anti-natalism); 3) from 2015 — lifting of the restrictions on the birth of a second, and from 2021 — the third child in the family, stimulating fertility (pronatalism). Family planning has had a positive impact on the economic development of the Chinese society and improvement of the quality of life of people. In addition to the positive aspects, the current demographic situation in China is characterized by a number of problems, of which the most relevant are aging of the population, gender imbalance and decrease in the share of people of working age. Changes in the population structure caused changes in the demographic policy of the People's Republic of China: the transition from anti-natalism to pronatalism. Currently, the State is focused on developing a set of legislative, socio-economic, cultural and educational measures aimed at providing material support to families with children, expanding the network of preschool institutions, increasing the duration of maternity leave, and promoting traditional family values. The amount of social assistance depends on the number of children in the family and expands with the birth of each subsequent child. The author believes that in the future it*

will be possible not only to increase measures to stimulate fertility, but also to expand assistance to single-child families, improve the qualitative characteristics of the population, that ultimately should alleviate the current problems of population aging, gender imbalance and decrease in the proportion of people of working age.

Keywords: demographic policy, demographic transition, anti-natalism, pronatalism, new forms of family and marriage, gender imbalance, aging of the population.

References and Internet sources

1. Bazhenova E. S. Naseleniye Kitaya: istoriya i sovremennost' [*The Population of China: History and Modernity*]. Moscow. MASKA [MASKA]. 2018. P. 14–21. (in Russ.)
2. Liang Jianzhang. *A Review of Seventy Years of the Population Policy in New China*. Center for China and Globalization (CCG). 2019. Available at: <http://www.ccg.org.cn/archives/39443> (Accessed: 6 January 2023). (in Chinese)
3. Liu Sumei, Romyantsev E. N. Kitaj, kakim ya yego znayu [*China, as I Know It*]. Moscow. 1999. P. 56–70. (in Russ.)
4. Berger Ya. M. Sotsial'naya podderzhka pozhiykh lyudej v sovremennom Kitaye [Social support for the elderly in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*. 2002. No. 1. P. 107. (in Russ.)
5. Shi Yuzhu. Stanovleniye pensionnoj sistemy KNR [*Formation of the Pension System of the People's Republic of China*]. Available at: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/31838/1/VKR_Si_Ujczu_Stnovlenie_pensionnoj_sistemy_KNR.pdf (Accessed: 13 September 2023). (in Russ.)
6. Fei Xiaotong. Kitajskaya derevnya glazami etnografa. [*The Chinese Village Through the Eyes of an Ethnographer*]. Moscow. Nauka [Science]. 1989. P. 32. (in Russ.)
7. Wang Ye. Izmeneniye demograficheskoy politiki Kitaya: prichiny, rezul'taty, perspektivy [Change of the demographic politics in China: reasons, results, prospects]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 89. (in Russ.)
8. Bazhenova E. S., Ostrovsky A. V. Naseleniye Kitaya [*The Population of China*]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1991. 235 p. (in Russ.)
9. Domenach J.-L., Hua Sh. Semejnyye otnosheniya v Kitaye [*Family Relations in China*]. Moscow. Nauka [Science]. 1991. 215 p. (in Russ.)
10. Kruchinina N. V. Demografiya i reproduktivnyye prava cheloveka: problemy i perspektivy [Demography and reproductive rights: problems and prospects]. *Yuridicheskaya nauka v Kitaye i Rossii [Legal Science in China and Russia]*. 2021. No. 4. Available at: <https://chiruslaw.msai.ru/jour/article/view/146/147>. (Accessed: 9 May 2022). (in Russ.)

Information about the author:

Manukhina Olesya Vyacheslavovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: yumeikra@mail.ru; ORCID: 0009-0007-1585-4163; Elibrary SPIN-code: 3407-6870.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-59-72
EDN: JVFMUS

ВЗГЛЯД НА ИНВАЛИДНОСТЬ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМУ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЕ, ЮЖНОЙ КОРЕЕ И ЯПОНИИ

Хакумура Н.

Государственный Университет Гифу
(5011193, Япония, Гифу, Янагидо, 1-1)

E-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp

Для цитирования:

Хакумура Н. Взгляд на инвалидность как демографическую проблему по результатам исследования в Китае, Южной Корее и Японии // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 59-72. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-59-72; EDN: JVFMUS

Аннотация. Многие страны сталкиваются с сокращением численности населения. Из-за нехватки рабочей силы звучат призывы к сокращению экономики, и одним из решений является трудоустройство женщин, пожилых людей и людей с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов). Но что значит брать на работу людей с ограниченными возможностями здоровья? В 2006 г. была принята Конвенция ООН о правах инвалидов, которая изменила парадигму в отношении инвалидности с «медицинской» модели на «социальную». Три страны Восточной Азии (Китай, Южная Корея и Япония) приняли различные меры для реализации принципов этой Конвенции. В статье рассмотрены эти меры, которые были приняты этими странами для реализации ст. 8 «Просветительно-воспитательная работа» из доклада Конвенции о правах инвалидов, и их оценка Комитетом ООН по правам инвалидов. Проведён также авторский анкетный опрос, цель которого — понять, как отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья (инвалидам) меняется в обществе трёх исследуемых стран. Парадигма, при которой вопросы, связанные с инвалидностью, являются не индивидуальными, а общественными, влияет на то, как мы должны относиться к инвалидности. Даже в этих трёх странах, тесно связанных между собой в культурном и экономическом плане, наблюдаются значительные различия в восприятии инвалидности и в том, насколько сильно сохраняется «медицинская» модель. Как каждая страна должна реагировать на эту ситуацию? Предполагается, что эти усилия будут продолжены для улучшения рынка труда и создания благоприятных условий для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: инвалидность, медицинская модель, социальная модель, Конвенция ООН о правах инвалидов, разумное приспособление.

Введение

Одной из проблем экономически развитых стран является сокращение населения, ведущее к спаду в экономике из-за падения внутреннего спроса, нехватке рабочей силы, сворачиванию системы социальных выплат и т.д. Уже к 1970 г. японское общество являлось «стареющим», и предпринимались меры для привлечения женщин и пожилых людей для восполнения нехватки рабочей силы. В последние годы звучат призывы трудоустраивать людей с ограниченными возможностями здоровья (далее — ЛОВЗ) и использовать цифровые технологии. Но что значит принимать на работу ЛОВЗ? Многих японцев этот вопрос приводит в замешательство, а инвалидность до сих пор вызывает негативные ассоциации.

Одним из факторов, подтолкнувших Японию к изменению ситуации, стала ратификация Конвенции ООН о правах инвалидов (далее — КПИ) в 2006 г. (по состоянию на 2023 г. её участниками являются 186 государств и организаций¹). Статья 8 КПИ «Просветительно-воспитательная работа», подкреплённая движением за права инвалидов, бросила вызов доминирующей в мире парадигме инвалидности², называемой «медицинской моделью»³, и потребовала перехода к «социальной модели»⁴. Статья 8 гласит: 1. Государства-участники обязуются принимать меры к тому, чтобы: а) повышать просвещённость общества в вопросах инвалидности и укреплять ува-

жение прав и достоинства ЛОВЗ; б) вести борьбу со стереотипами и предрассудками; в) пропагандировать потенциал и вклад инвалидов.

Прошло почти 20 лет с момента вступления КПИ в силу. В рамках данного исследования был проведён анкетный опрос почти 1200 человек, проживающих в столицах трёх стран Восточной Азии, ратифицировавших КПИ (Китай, Республика Корея («Южная Корея», далее — Ю. Корея) и Япония⁵), с целью выяснить, как общество воспринимает ЛОВЗ, поскольку это имеет значение для демографии⁶. Эти страны, близкие в культурном и экономическом отношении, были выбраны в контексте «Азиатско-Тихоокеанского десятилетия инвалидов» и других инициатив. Цель данной работы — выяснить, какие меры приняла सरकार для реализации КПИ в части ст. 8 «Просветительно-воспитательная работа», и как Комитет ООН по правам инвалидов оценил эти меры, а также изучить взгляды на ЛОВЗ в трёх странах.

Конвенция о правах инвалидов и три азиатские страны

С середины XX в. произошло много важных событий в отношении ЛОВЗ. Например, принятие Декларации прав инвалидов в 1975 г., публикация Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) проекта международной классификации инвалидности (МКИД) в 1980 г., принятие ВОЗ Всемирной программы действий по инвалидности в 1982 г., резолюции о Десятилетии инвалидов ООН (1983–1992 гг.) и «Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов» в 1993 г., где закреплён принцип устранения социальных барьеров. «Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельно-

¹ Белая книга об инвалидах 2023 года // Офис кабинета министров Японии. — URL: <https://www8.cao.go.jp/shougai/whitepaper/r05hakusho/zenbun/pdf/s6.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

² В разных странах по-разному определяют «инвалидность». Поскольку основной целью данной работы является изучение представлений респондентов об «инвалидности», в статье не обсуждаются определения.

³ Парадигма, согласно которой «инвалидность» — это вопрос личных физических и психических дефектов, а также проблема биологической недостаточности или дефицита на медицинском уровне.

⁴ Парадигма утверждает, что инвалидность — это не только вопрос индивидуального физического и психического функционирования, но и социальной среды, и что устранение барьеров, вызванных инвалидностью, является обязанностью общества и проблемой для общества в целом.

⁵ Число людей с инвалидностью в 2018 г. составляло 85 млн в Китае (6,5% населения), 2,5 млн — в Ю. Корею (5%), и 936 тыс. — в Японии (7,4% населения): 2018 г. — последний, по которому есть официальные статистические данные по всем трём исследуемым странам.

⁶ Некоторые тенденции должны быть изучены на основе результатов долгосрочных исследований, но, к сожалению, в трёх рассматриваемых странах таких данных не обнаружено.

сти и здоровья» (МКФ), принятая на 54-й Генеральной Ассамблее ВОЗ в 2001 г., сместила акцент с негативных аспектов инвалидности на позитивные аспекты жизнедеятельности, и обозначила важность окружающей среды⁷. Во второй половине XX в. менялось отношение к инвалидности благодаря глобальному распространению движения за права ЛОВЗ, которое началось в 1960-х гг., бросило вызов доминировавшей «медицинской модели» инвалидности и привело к возникновению «социальной модели»⁸.

В этом контексте региональные партнёрства были востребованы как на политическом, так и на частном уровне. Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО; создана в 1947 г. — 62 государства) провела «Азиатско-Тихоокеанское десятилетие инвалидов». В Японии и Китае было инициировано продолжение этого «десятилетия» (с 1992 г.) с целью повышения осведомленности и улучшения уровня мер в отношении ЛОВЗ. В 2002 г. началось второе «Десятилетие» (2003–2012 гг.) и в 2012 г. третье (2013–2022 гг.), а также «Инчхонская стратегия», в цели которой входят «Сокращение бедности и улучшение условий труда и занятости» и «Содействие ратификации и осуществлению КПИ, и приведение национальных правовых систем в соответствие с ней»⁹.

Используя «конфуцианство» и «семью» в качестве ключевых слов, Сяо Фанг [1, с. 3] показывает различия между азиатской и западной политикой социального обеспечения, утверждая, что в Азии политика в отношении ЛОВЗ, созданная под влиянием западной идеологии социального обеспечения, не была сформирована на историческом и социальном фоне, прививающем

идею уважения к жизни и правам человека, как на Западе. Л.-Х. Ли [2, с. 1] отмечает, что благосостояние в Восточной Азии ассоциируется с низкими расходами на социальное обеспечение, объясняя это культурными факторами, такими как ориентация правительств на развитие и сильный фаимлизм. В 2022 г. была принята «Джакартская декларация о продлении действия КПИ» ещё на 10 лет. КПИ требует от государств-участников принятия мер в таких областях, как гражданские и политические права, права на образование, здоровье, труд и занятость, социальное обеспечение и доступ к досугу.

Китай, Ю.Корея и Япония подписали КПИ в 2007 г.; Китай и Ю.Корея ратифицировали её в 2008 г., а Япония — в 2014 году. После ратификации Конвенции Ю.Корея приняла Закон о запрете дискриминации в отношении ЛОВЗ и об обеспечении их прав и средств правовой защиты в дополнение к существующему Закону о социальном обеспечении ЛОВЗ. Китай в 2008 г. внёс поправки в свой Закон об обеспечении прав ЛОВЗ. Япония также приняла различные законодательные меры, включая внесение поправок в «Основной закон об инвалидах» в 2011 году.

Исследователи высказывали различные мнения по поводу влияния ратификации КПИ на азиатские страны. М.Л. Перлин [3, с. 37] в 2012 г. отметил, что вряд ли КПИ окажет значительное влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку там нет такого понятия, как региональный суд или комиссия по защите прав ЛОВЗ. С.Л. Аррингтон [4, с. 233] указывает на общую тенденцию в политике по обеспечению благополучия ЛОВЗ в Ю.Корее и Японии, где реформы сопровождались сменой парадигмы от «медицинской модели» инвалидности к «социальной модели». Но как такие реформы отразились на семье и взглядах, определяемых конфуцианством? Рассмотрим усилия стран по выполнению статьи 8 и оценку Комитета ООН по правам инвалидов, мы обратимся к результатам анкетного опроса.

⁷ Международная классификация жизнедеятельности — пересмотр Международной классификации инвалидности (японская версия) // Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Японии. — URL: <https://www.mhlw.go.jp/houdou/2002/08/h0805-1.html> (дата обращения: 11.03.2024).

⁸ Подробнее: Bo Chen, Donna Marie McNamara. Disability Discrimination, Medical Rationing and COVID-19 // *Asian Bioeth Rev.* — 2020. — No. 12(4). — P. 515.

⁹ Декларация министров об Азиатско-Тихоокеанском десятилетии инвалидности (2013–2022 гг.) // *Make the right real.* — URL: <https://www.maketherightreal.net/> (дата обращения: 11.03.2024).

Усилия государств-участников Конвенции о правах инвалидов и их оценка

КПИ предусматривает, что каждое государство должно представлять Комитету ООН доклады о принимаемых мерах в течение двух лет после её вступления в силу и потом один раз в четыре года. В заключительных замечаниях по первому докладу, принятому на восьмой сессии (17–21 сентября 2012 г.), отмечалось: «15. Мы обеспокоены использованием медицинских моделей инвалидности без соблюдения духа КПИ, в особенности тем, что в рамках информационно-просветительских мероприятий в Китае ЛОВЗ изображены как беспомощные, зависимые люди, изолированные от общества»¹⁰. Китай принял это во внимание. Председатель КНР Си Цзиньпин заявлял, что к 2020 г. ни один инвалид не должен остаться в стороне, поощрял проведение исследований по правам ЛОВЗ, рекомендовал повышать осведомлённость через СМИ, книги и интернет. Однако в докладе 2022 г. «Краткие выводы по второму и третьему докладу о слиянии»¹¹ отмечается, что «Комитет ООН обеспокоен тем, что меры по повышению осведомлённости, направленные на изживание медицинской модели инвалидности и признание ЛОВЗ в качестве независимых и самостоятельных правообладателей, недостаточны, что приводит к предрассудкам, дискриминации, насилию в семьях»¹².

В документе «Краткие выводы по первоначальному докладу» (2014 г.) Ю. Корея заявила, что: «Комитет призывает государства-участники усилить информационно-просветительские кампании, чтобы укре-

пить позитивный образ ЛОВЗ как носителей прав человека». И во «Втором и третьем объединённом докладе» за 2019 г., что: «Правительство Ю. Кореи будет развивать образование для улучшения понимания инвалидности, включая ... разработку и оценку учебных программ, подготовку инструкторов и институционализацию образовательного мониторинга ... Усилия корейского правительства и участие неправительственных организаций в процессе разработки политики приносят плоды и повышают осведомлённость общественности об инвалидах».

В связи с применением «Закона о запрете дискриминации по признаку инвалидности» и распространением средств правовой защиты в обществе и СМИ отмечается повышение уровня осведомлённости о проблеме. Однако в документе 2022 г. «Краткие выводы по второму и третьему докладу» сообщается, что озабоченность вызывают: а) отсутствие инициативы по повышению осведомлённости о правах и возможностях ЛОВЗ; б) дискриминация, предрассудки и оскорбления в адрес ЛОВЗ. Рекомендовано принять национальную стратегию при участии ЛОВЗ для повышения осведомлённости и борьбы с предрассудками, а также для мониторинга её воздействия¹³.

Япония ратифицировала КПИ позже двух стран, поэтому были опубликованы только два правительственных доклада и краткие выводы. В правительственном докладе говорится, что «46. Основной закон об инвалидах обозначает права ЛОВЗ и обязывает государство и другие стороны принимать необходимые меры для понимания их обществом. 49. «Закон о ликвидации дискриминации в отношении ЛОВЗ» предусматривает, что государство и местные органы власти должны проводить необходимые информационно-просветительские мероприятия для ликвидации дискриминации». 53. В Базовом плане по образованию и поощрению прав человека, разработанном в соответствии со ст. 7 соответствующего закона,

¹⁰ Информационные ресурсы по инвалидности. – URL: https://www.dinf.ne.jp/doc/japanese/rights/rightafter/CRPD-C-CHN-CO-1_jp.html (дата обращения: 11.03.2024).

¹¹ Комитет ООН по правам инвалидов публикует выводы по Бангладеш, Индонезии, Китаю, Ю. Кореи, Лаосу, Новой Зеландии, Сингапуре, Украине и Японии // ООН. – URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/09/undisability-rights-committee-publishes-findings-bangladesh-china-indonesia> (дата обращения: 11.03.2024).

¹² Конвенция о правах инвалидов и страны мира // Японская ассоциация инвалидов. – URL: https://www.jdnet.gr.jp/report/17_02/170215.html#3 (дата обращения: 11.03.2024).

¹³ Конвенция о правах инвалидов и страны мира // Японская ассоциация инвалидов. – URL: https://www.jdnet.gr.jp/report/17_02/170215.html#3 (дата обращения: 11.03.2024).

права ЛОВЗ определены в качестве одного из вопросов прав человека, и путём устранения предрассудков ... правительство стремится к созданию общества, которое позволит ЛОВЗ стать независимыми и принимать полноценное участие в жизни общества». В «Кратких выводах» (2022 г.) Комиссия с озабоченностью отметила а) недостаточные усилия для повышения осведомлённости о правах ЛОВЗ в обществе и в СМИ; б) дискриминационные евгенические взгляды и негативные представления в отношении ЛОВЗ, и рекомендовала: а) принять национальную стратегию по искоренению негативных идей и вредных практик в отношении ЛОВЗ, обеспечив активное участие ЛОВЗ в её разработке, осуществлении и оценке; б) разработать план повышения осведомлённости о правах ЛОВЗ для СМИ и общественности, обеспечить адекватное финансирование»¹⁴.

Подводя итоги отчётов, можно сказать, что «медицинская модель» инвалидности

Различия между тремя странами, выявленные в ходе анкетного опроса

В данном исследовании был проведён анкетный опрос через Интернет с 15 вопросами среди людей в возрасте от 20 до 60 лет в декабре 2023 г., проживающих в трёх столицах: Пекине, Сеуле и Токио (табл. 1). Анкеты были подготовлены автором на японском языке и автоматически переведены на китайский и корейский языки для распространения в Китае и Ю. Корее. При подготовке анкеты в качестве справочного материала использовался «Опрос общественного мнения о ЛОВЗ» (ноябрь 2022 г.), проведённый Офисом кабинета министров Японии¹⁵, методология учитывала опыт контакта, пол и знания респондентов [5, с. 8].

В данном исследовании анкеты были разделены по полу и возрасту. Сначала были заданы предварительные вопросы. Что касается религии, то наиболее распространены буддизм в Китае (165 респондентов) и Японии (123), и христианство

Таблица 1

Распределение участников опроса (человек, в скобках указано количество женщин)

Table 1

Distribution of survey respondents (persons, with number of women in parentheses)

Возраст	Китай	Ю. Корея	Япония
15–19 лет	92 (49)	96 (49)	51 (30)
20–29 лет	100 (47)	95 (46)	122 (60)
30–39 лет	104 (52)	98 (47)	117 (60)
40 лет и старше	94 (46)	105 (52)	98 (45)
Итого	390 (194)	394 (194)	388 (195)

Источник: анкетный опрос, проведённый для данного исследования в 2023 году.

в Китае отчасти сохраняется, а недостаточная осведомлённость приводит к негативным действиям. В Ю. Корее продолжают неадекватные политические и дискриминационные действия. Ситуация в Японии похожа на ситуацию в Ю. Корее, но особенно резким кажется выражение «евгеническая идеология». Итак, все три страны получили строгие рекомендации по ст. 8, но как обстоят дела с общественным сознанием?

¹⁴ Конвенция о правах инвалидов. Первый доклад правительства Японии // Министерство иностранных дел Японии. — URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000171085.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

в Ю. Корее (135); за ними следуют христианство в Китае (43) и Японии (17), буддизм — в Ю. Корее (81). На вопрос о количестве людей с инвалидностью в их стране, большинство респондентов во всех трёх странах ответили «менее 1–5%» и «менее 5–10%». Вопрос «Что вы чувствуете, когда сталкиваетесь с ЛОВЗ?» предлагал следующие ответы: «Совсем не обращаю внимания», «Не обращаю особого внимания», «Немного обра-

¹⁵ Офис кабинета министров Японии // Опрос общественного мнения об инвалидах в 2022 году — URL: <https://survey.gov-online.go.jp/r04/r04-shougai/index.html> (дата обращения: 11.03.2024)

щую внимание», «Обращаю серьёзное внимание» и «Не знаю». «Немного обращаю внимание» был самым распространённым ответом во всех трех странах. Затем ре-

спондентов спросили об общении с ЛОВЗ. Были даны 11 вариантов ответов с выбором нескольких из них (рис. 1).

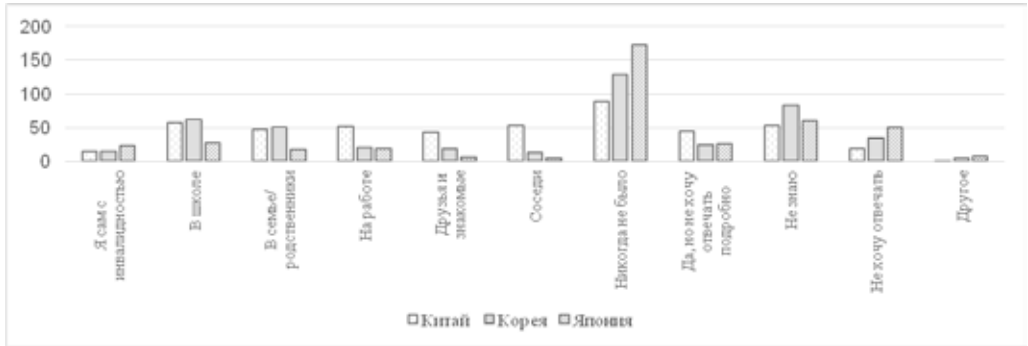

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Были ли когда-нибудь рядом с Вами люди с инвалидностью?», человек

Fig. 1. Have you ever been around people with any form of disability?, person

Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

Больше всего респондентов, контактировавших с ЛОВЗ, оказалось в Китае, меньше всего — в Японии, где похоже, мало возможностей для контакта. Также в Китае больше людей ответило положительно

на вопрос «Помогали ли Вы когда-нибудь ЛОВЗ, занимались ли Вы соответствующими волонтерством или общественной деятельностью?» (рис. 2).

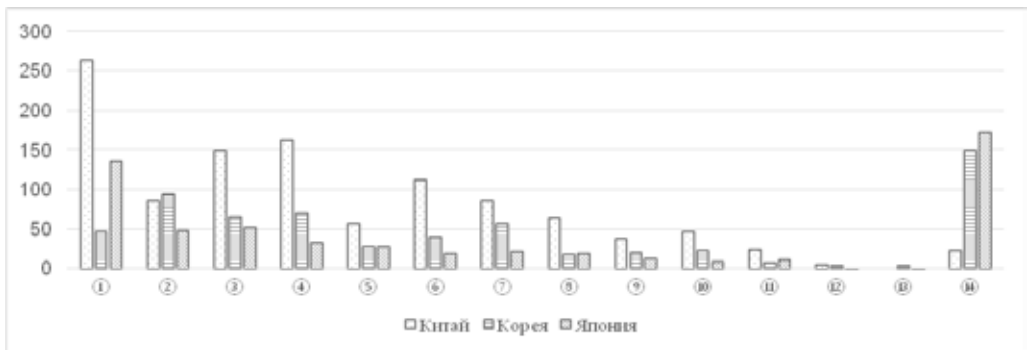

Рис. 2. Ответы на вопрос «Помогали ли Вы когда-нибудь ЛОВЗ, занимались ли волонтерством или общественной деятельностью?», человек

Fig. 2. Have you ever helped people with disabilities, done volunteer work or participated in community activities?, person

Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

В рамках исследования изучалась степень осведомлённости о терминах, связанных с ЛОВЗ. Десять терминов были приведены в качестве примеров, и респондентов попросили указать, знакомы ли они с ними (рис. 3. — допускалось несколько ответов). С языком жестов, шрифтом Брайля и Параолимпийскими играми знакомо приблизительно равное число респондентов. Однако разница в понимании реабилитации и других терминов в правой части рис. 3 становится заметной.

Приходилось: ① Уступать место, помогать на пешеходных переходах, ② Играть

вместе, ③ Консультировать, разговаривать ④ Финансовая поддержка, ⑤ Участие в мероприятиях, помощь в их проведении, ⑥ Помощь на прогулке ⑦ Сбор пожертвований, ⑧ Личный уход, ⑨ Участие в НКО или волонтерских группах, помощь в их работе ⑩ Использовать язык жестов, транскрипцию, ⑪ Освоить шрифт Брейля или транслитерацию ⑫ Усыновление ребёнка-инвалида, ⑬ Другие способы поддержки, ⑭ Никогда ничего не делал.

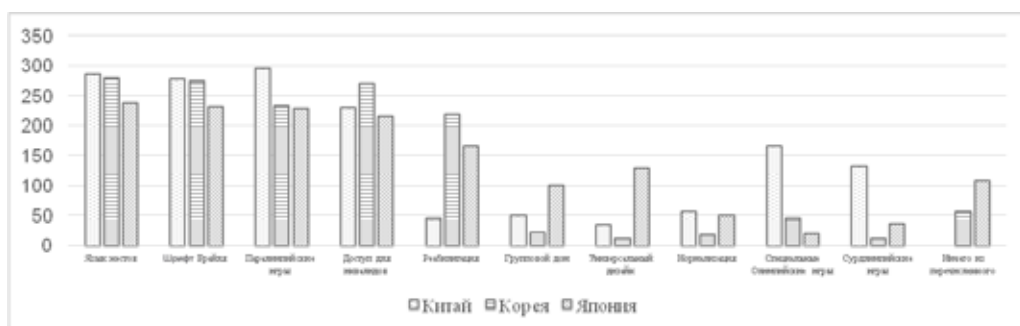

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Содержание каких из следующих слов, связанных с ЛОВЗ, вам известно?» (человек)

Fig.3: Which of the following words related to people with disabilities are familiar to you? (person)
Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

Следующим вопросом было «Считаете ли Вы, что ЛОВЗ ведут такой же образ жизни, как и люди без инвалидности?» и предлагалось пять вариантов ответа: «Согласен», «Немного согласен», «Не совсем согласен», «Не согласен» и «Не знаю». Если посмотреть на ответы на линейном графике, то в Китае сформировалось два пика — «Немного согласен» (143) и «Не согласен» (102); в Ю. Корее один пик — «Не согласен» (159), а в Японии пологий холм с ответом «Не совсем согласен» (121) на вершине.

В анкете были приведены такие примеры, как установка пандусов и туалетов для людей на инвалидных колясках, предостав-

ление материалов, напечатанных шрифтом Брайля и сурдопереводчиков и задан вопрос: «Считаете ли вы отсутствие таких условий дискриминацией?» (рис. 4). В Китае мнения разделились (количество ответов «скорее да» и «нет» почти одинаково). В Ю.Корее сформировался консенсус («скорее да»), а в Японии — наибольшее количество затруднившихся ответить респондентов.

Затем был задан вопрос: «Существует много барьеров (физических, институциональных, культурных и информационных), мешающих ЛОВЗ участвовать в жизни общества. Что необходимо для их преодо-

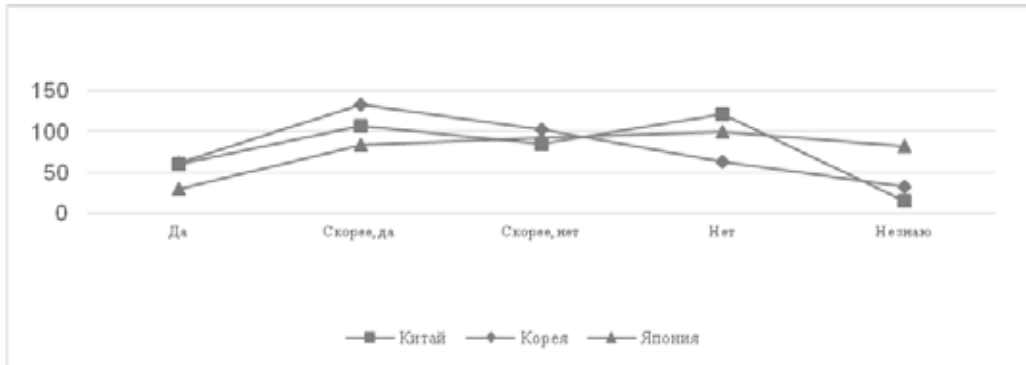

Рис. 4. Ответы на вопрос: «Считаете ли вы отсутствие таких условий дискриминацией?, человек»

Fig. 4. Do you believe that this is «discrimination against people with disabilities»? (Unit: person)
 Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

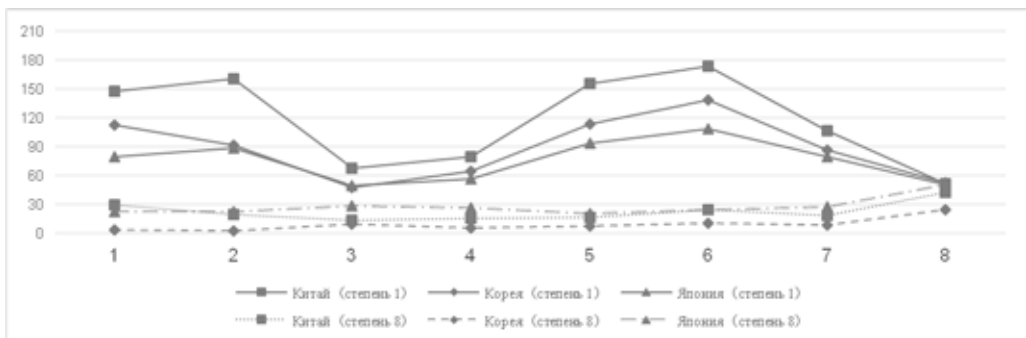

Рис. 5. Количество респондентов, назвавших показатель наиболее или наименее необходимым, по странам и по каждому показателю, человек

Fig. 5. Number of respondents who identified an indicator as the most necessary or unnecessary, by country for each indicator, persons

Примечание: 1. Усилия самих ЛОВЗ; 2. Поддержка семьи и родственников; 3. Поддержка соседей; 4. Расширение волонтерской деятельности; 5. Улучшение медицинского обслуживания (функциональное восстановление и реабилитация, более подходящие учреждения); 6. Государственные меры (реформа дискриминационных структур, содействие безбарьерному доступу); 7. Индивидуальная поддержка в школе и на работе; 8. Другое.

Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

ния?» и респондентам было предложено оценить по 8-балльной шкале (1 — высокая необходимость, 8 — низкая необходимость) следующие 8 пунктов (рис. 5). Результаты разнятся в каждой из стран, но можно выделить два основных пика: наиболее значимые факторы в случае Китая — «усиления самих нуждающихся» и «поддержка семьи и родственников», «улучшение медицинского обслуживания» и «государственные меры». Та же ситуация и в Японии, хотя и не так ярко выражено.

Сяо Фанг [1, с. 4] отмечает, что в Восточной Азии, существует дух родственной поддержки ЛОВЗ и чувство семейного «стыда» по отношению к ним. Акцент на «конфуцианстве» и «семейных нормах» (защите) в Азии [1, с. 33] характерен и для исследования [2], упомянутого ранее. Если это так, то идеалы, изложенные в КПИ, процесс «социализации» взглядов на ЛОВЗ, определяемых семьёй и конфуцианством в Восточной Азии, а также политика в этой области требуют исследования.

Результаты анкетирования необходимо рассматривать с учётом опыта общения с ЛОВЗ, как одного из ключевых факторов. Мы провели двойную перекрёстную табуляцию вовлеченности ЛОВЗ в каждой стране и того, что требуется для преодоления барьеров (рис. 6–8). Люди, мало контактировавшие с ЛОВЗ, считают наиболее важными пункты 1, 2, 5 и 6. В Китае больше людей, имеющих контакт, и таблица — это яркое отражение их мнений. Результаты могут указывать на то, что в обществе есть консенсус, что условия жизни ЛОВЗ

зависят от самого человека, его семьи, медицинской помощи и государства. В Ю. Корее среди тех, кто никогда не контактировал с ЛОВЗ, есть консенсус насчёт того, что необходимо, но среди тех, кто имел контакты, его нет, в отличие от Китая. Сходство с Китаем заключается в том, что независимо от степени взаимодействия образуется пик по пунктам 1, 2, 5 и 6. С точки зрения выделенных пунктов ① и ⑭, Япония похожа на Китай и Ю. Корею, вместе взятые. Однако, начиная с пункта ⑤, по мере увеличения степени взаимодействия с ЛОВЗ воз-

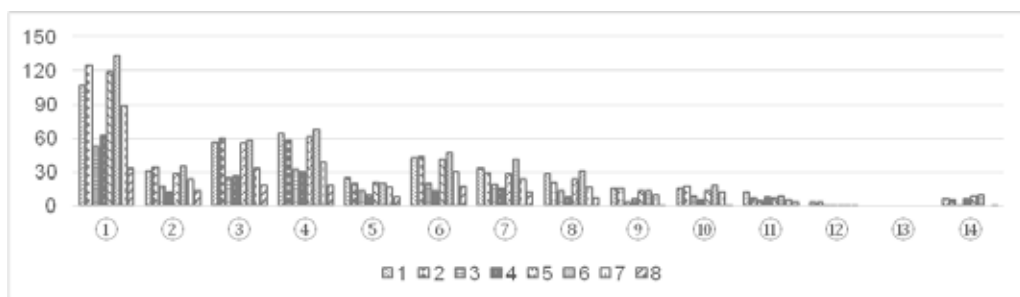

Рис. 6. Взаимосвязь между вовлеченностью в работу с ЛОВЗ и тем, что требуется для преодоления барьеров (Китай, человек)

Fig. 6. Correlations between involvement with people with disabilities and overcoming barriers (China, persons)

Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

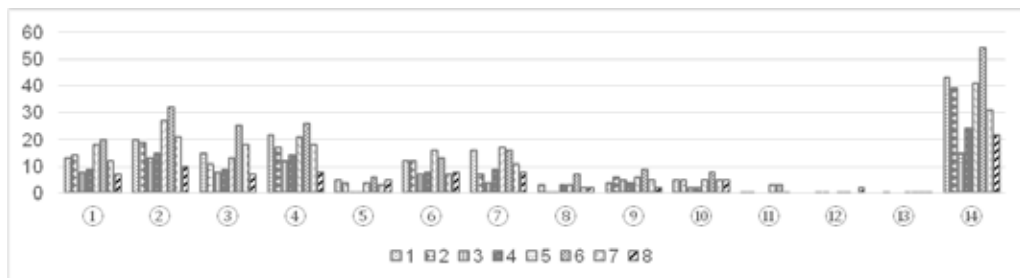

Рис. 7. Взаимосвязь между вовлеченностью в работу с ЛОВЗ и тем, что требуется для преодоления барьеров (Ю. Корея, человек)

Fig. 7. Correlations between involvement with people with disabilities and overcoming barriers (S. Korea, persons)

Примечание к рис. 6-8: Горизонтальная ось: ① Уступать место, помогать на пешеходных переходах, ② Играть вместе, ③ Консультировать, разговаривать с инвалидами, ④ Финансовая поддержка, ⑤ Участие в мероприятиях, помощь в их проведении, ⑥ Помощь на прогулке, ⑦ Сбор пожертвований, ⑧ Личный уход, ⑨ Участие в НКО или волонтерских группах, помощь в их работе, ⑩ Язык жестов, транскрипция, ⑪ Брайль или транслитерация, ⑫ Усыновление ребёнка-инвалида, ⑬ Другое, ⑭ Никогда ничего не делал.

Индикаторы: 1 Усилия самих ЛОВЗ; 2 Поддержка семьи и родственников; 3 Поддержка соседей; 4 Расширение волонтерской деятельности; 5 Улучшение медицинской поддержки обслуживания; 6 Государственные меры; 7 Индивидуальная поддержка в школе и на работе; 8 Другое.

Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

никает расхождение во мнениях о том, что необходимо, и ни один из пунктов не считается приоритетным. Как уже упоминалось,

возможно, взгляды японцев более разнообразны, чем в двух других странах.

Рис. 8. Взаимосвязь между вовлеченностью в работу с ЛОВЗ и тем, что требуется для преодоления барьеров (Япония, человек)

Fig. 8. Correlations between involvement with people with disabilities and overcoming barriers (Japan, persons)

Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

Респондентов также спрашивали о ситуации в стране и городе, где они живут. Барьеры, с которыми сталкиваются ЛОВЗ, включают в себя следующее: физические барьеры (препятствия на дорогах, в зданиях и так далее); институциональные барьеры, вызванные ограничениями в сфере образования, занятости и жизни в обществе; культурные и информационные барьеры, вызванные отсутствием необходимой информации, сурдопереводчиков и т.д.; ментальные барьеры, вызванные дискриминацией, безразличием, предрассудками и непониманием. Степень устранения барьеров оценивалась по следующим категориям: «Нет необходимости устранять», «Не устранено вообще», «Не устранено в значительной степени», «Без изменений», «Постепенно устраняется» и «Значительно улучшено». В Китае наибольшее число опрошенных выбрало ответ «Постепенно устраняется», в Ю.Корее — «Не устранено в значительной степени», а в Японии — «Без изменений».

В этой статье мы задаём вышеописанные вопросы, связанные с глобальной тенденцией развития КПИ и обсуждаем обмен мнениями между странами и Комитетом ООН по правам инвалидов, чтобы выяснить, насколько национальные инициативы вне-

дрены в общество. Особое внимание уделяется обеспечению «разумного приспособления»¹⁶, способствующего защите прав ЛОВЗ и устраняющего дискриминацию.

На вопрос о том, слышали ли респонденты термин «разумное приспособление» в Китае ответили «да» 75% опрошенных, в Ю.Корее — 37%, а в Японии — 24%. Возможно, усилия Китая более успешны в решении этой проблемы. На вопрос о целесообразности реализации программы для ЛОВЗ в своих странах с культурной, социальной и экономической точек зрения, 91% респондентов из Китая, 76% из Ю.Кореи и 55% из Японии ответили положительно, остальные — отрицательно. Причины ответов были записаны в свободном формате и представлены в табл. 2.

О чем говорят эти ответы? В Китае больше возможностей для общения с ЛОВЗ, поэтому на первый взгляд кажется, что мнения формируются с пониманием проблем, но они менее разнообразны чем в других странах. Степень распространения принципов КПИ, устанавливающих «социальную модель», где улучшениями руководят

¹⁶ Необходимые изменения и корректировки для обеспечения соблюдения всех прав и свобод человека в отношении ЛОВЗ, которые необходимы в конкретных случаях и которые не создают дисбаланса или чрезмерного бремени.

частные и государственные организации, все ещё находится в зачаточном состоянии из-за мнения о том, что преодоление барьеров — задача ЛОВЗ, их семей, медицинских и государственных служб. Концепция «Разумное приспособление» распространена недостаточно, несмотря на экономическое и социальное развитие.

Хотя и в меньшей степени, в Ю. Корее есть тенденция к поиску улучшений под руководством частных и общественных орга-

низаций. Но здесь сильна воля общества, и тенденции могут измениться, если будет больше возможностей для контактов. При этом необходимо внедрять концепцию «Разумного приспособления» ввиду сокращения населения и нехватки рабочей силы.

Возможно, в Японии и Ю. Корее увеличение числа контактов с ЛОВЗ изменит ситуацию. Японцы признают проблемы, но нельзя отрицать, что экономический спад отразился на отношении к ЛОВЗ. Что касается

Таблица 2

Как Вы думаете, распространяется ли концепция «разумное приспособление» в вашей стране?

Table 2

Do you think «reasonable accommodation» is becoming more common in your country?

Страна	Распространяется	Не распространяется
Китай	<ul style="list-style-type: none"> – По мере роста экономики у правительств появляется больше средств для создания лучших условий для ЛОВЗ. – По мере развития общества люди уделяют больше внимания культурным потребностям ЛОВЗ. – Население стареет, и его могут затронуть физические проблемы. – По мере развития общества меняется и отношение людей, повышается уровень заботы об инвалидах. – Число ЛОВЗ велико, правительства будут увеличивать инвестиции в инфраструктуру, чтобы улучшить возможности ЛОВЗ участвовать в жизни общества. 	<ul style="list-style-type: none"> – В будущем будут развиваться технологии и решения. – Требуется независимость. – ЛОВЗ составляют меньшинство, и им уделяется мало внимания. – Экономика не в порядке и может замедлиться. – Они столкнулись с тем, что кто-то из их соседей серьёзно заболел, и никто за ним не присматривает.
Ю. Корея	<ul style="list-style-type: none"> – ЛОВЗ необходимо участвовать в деятельности общества из-за сокращения населения. – Каждый может стать инвалидом. – Количество людей в инвалидных колясках увеличится в связи со старением населения – Население сокращается, экономика будет меняться в зависимости от социальной активности ЛОВЗ. – Сфера инвалидности расширяется, люди все больше интересуются даже самыми незначительными вещами. 	<ul style="list-style-type: none"> – Протесты, связанные с ЛОВЗ, привели к ухудшению восприятия. – Индивидуализм, маленькие семьи, растущее неравенство – Кроме ЛОВЗ есть много других областей, которые нужно поддерживать. – Отсутствие интереса к проблемам ЛОВЗ. – Из-за проблем в экономике часть социального обеспечения будет регрессировать.
Япония	<ul style="list-style-type: none"> – Это способствует развитию культуры. – Это необходимо не только из-за инвалидности, но и потому, что в старости мы все беспокоимся о ступеньках и живём в инвалидном кресле. – Необходимо содействовать продвижению ЛОВЗ в обществе, так как это будет способствовать развитию общества во всех аспектах. – Общество становится более разнообразным будет уделяться больше внимания ЛОВЗ. – Число ЛОВЗ будет расти. 	<ul style="list-style-type: none"> – Она не распространится, если бремя будет возложено на большинство ради немногих. – Среди пожилых людей консервативное мышление укоренилось, дискриминация продолжится. – Это стоит много денег. – Не будет распространяться, пока не станет обязательным. – Трудно заботиться обо всех, потому что даже мне, социально здоровому человеку, трудно жить.

Источник: авторский анкетный опрос, проведённый в 2023 году.

концепции «Разумного приспособления», то некоторые мнения совпадают с мнениями в Ю. Корее. Но есть и мнения, ставящие

её под сомнение, поскольку из-за упадка экономики люди не могут обеспечить себе самостоятельный образ жизни.

Заключение — текущее положение трёх стран с точки зрения показателей ЦУР

В документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятом на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г., в пяти целях¹⁷ устойчивого развития (ЦУР) упоминается инвалидность или ЛОВЗ¹⁸. В «Докладе об устойчивом развитии» 2023 г. оцениваются достижения 166 стран по ЦУР (результаты почти одинаковы для Китая, Ю. Кореи и Японии¹⁹) по следующей шкале: 1) «ЦУР достигнуты», 2) «Проблемы остаются», 3) «Остаются значительные проблемы» и 4) «Основные серьёзные проблемы остаются».

¹⁷ Цель 4: Качественное образование для всех, Цель 8: Удовлетворённость работой и экономический рост, Цель 10: Устранение неравенства между людьми и странами, Цель 11: Создание городов, в которых люди могут продолжать жить и Цель 17: Достижение целей в партнёрстве.

¹⁸ Преобразуя наш мир: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. // Министерство иностранных дел Японии. — URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000101402.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁹ Доклад об устойчивом развитии 2023. — URL: <https://dashboards.sdgindex.org/> (дата обращения: 11.03.2024).

В будущем в каждой из трёх стран будут продолжаться реализовываться инициативы, основанные на принципах КПИ. Возможно, изменится и общественное мнение, что будет способствовать трудоустройству ЛОВЗ и решению проблемы нехватки трудоспособного населения. По мере увеличения потока людей в условиях глобального общества ожидается, что влияние стран друг на друга будет усиливаться, поскольку сфера благосостояния выйдет за пределы национальных границ (международное перемещение работников по уходу, передача технологий ухода). Это идеальное видение будущего, охватывающее образование, благосостояние и экономику. Данное исследование проводилось только в столичных городах — Пекине, Сеуле и Токио, но в будущем необходимо будет учитывать различия между регионами и столичными городами и влияние регионов на столичные города.

Литература и Интернет-источники

1. **Сяо, Фанг.** Сравнительное исследование взглядов на инвалидность и отношения к людям с ограниченными возможностями в Восточной Азии: ключи к культурным предпосылкам и текущей ситуации с взглядами на инвалидность в Китае, Японии и Южной Корее / Фанг Сяо. — Докторская диссертация. — Хиросима : Университет Хиросимы, 2009. — 155 с. (на японском языке)
2. **Ли, Лиен-Хуа.** Поздняя модернизация и социальная политика в Восточной Азии: политика медицинского страхования в Корее и Тайване / Лиен-Хуа Ли. — Минерва Пресс, 2011. — 310 с. (на японском языке)
3. **Perlin, M. L.** Promoting Social Change in Asia and the Pacific: The Need for a Disability Rights Tribunal to Give Life to the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities / M. L. Perlin // *George Washington International Law Review*. — 2012. — Vol. 44. — Iss. 1. — P. 1–38.
4. **Arrington, C. L.** Disabled People's Fight for Rights in South Korea and Japan / C. L. Arrington // *Current History*. — 2021. — Vol. 120. — No. 827. — P. 233–239.
5. **Нарукава, Ёсио.** Многомерное исследование отношения здоровых людей к умственно отсталым детям (лицам) / Ёсио Нарукава // *Журнал специального образования*. — 1995. — Т. 32 — № 4. — С. 11–19. (на японском языке)
6. **Bo, Chen.** Disability Discrimination, Medical Rationing and COVID-19 / Chen Bo, Donna Marie McNamara // *Asian Bioethics Review*. — 2020. — Vol. 12. — No. 4. — P. 511–518.

Сведения об авторе:

Хакумура Наоя, доцент, Государственный Университет Гифу, Гифу, Япония.

Контактная информация: e-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-6423-5592.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-59-72

PERSPECTIVES ON DISABILITY AS A DEMOGRAPHIC ISSUE, BASED ON THE RESULTS OF A STUDY IN CHINA, SOUTH KOREA AND JAPAN

Naoya Hakumura

Gifu State University

(5011193 Japan, 1–1 Yanagido, Gifu City, Gifu Prefecture)

E-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp

For citation:

Hakumura N. Perspectives on disability as a demographic issue, based on the results of a study in China, South Korea and Japan. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 59-72. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-59-72 (in Russ.)

Abstract. *One of the challenges that developed countries are facing is the population decline, resulting in shrinking economies and labor shortages for some time now, and one of the solutions is employing women, elderly, and people with disabilities. But what does it mean to hire people with disabilities? The 2006 Convention on the Rights of Persons with Disabilities is well known for forcing a paradigm shift in state parties from the previously dominant 'medical model' of disability to a 'social model'. Since the conclusion of the Convention, three Northeast Asian countries (China, Japan and South Korea) have taken measures to implement the principles set forth in the Convention. To study the results of the efforts, in this report (1) we try to find out what measures the countries have taken to implement the Convention on the Rights of Persons with Disabilities («Article 8 Awareness Raising» from the Comprehensive Report) and how they have been evaluated by the UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities. (2) Secondly, we conducted our own questionnaire survey based on the research above. The purpose of the survey is to find out what attitudes are formed among residents of the three countries towards people with disabilities. The paradigm shift to one in which disabilities are a social issue rather than an individual issue is confronting each of us with the question of how we should view disability. Even among the three countries, that are closely related culturally and economically, there were significant differences in the perception of disability and the extent to which 'medical model' was upheld. How should each of the three countries respond to current situation? It is expected that efforts to address the problem stated (1) will continue in the future, but if incremental improvements can improve the labor market and create an environment where people with disabilities can play an active role in the workforce, it may help address labor shortages.*

Keywords: *disability, medical model, social model, Convention on the Rights of Persons with Disabilities, reasonable accommodation.*

References and Internet Sources

1. Shou Hou, Higashiajia ni okeru shougaikan to shougaisha he no taido ni kansuru hikaku kenkyuu: Chuugoku • Nihon • Kankoku ni okeru shougaikan no bunkateki haikai to genjou wo tegakari ni shite [A Comparative Study on Views of Disability and Attitudes toward People with Disabilities in East Asia: A Closer Look at the Cultural Background and Current Status of Disability Views in China, Japan and Korea]. Hakase ronbun [Doctoral degree thesis]. 2009. Hiroshima University. 155 p. (in Japanese)

2. Li Lianhua. Higashi ajia ni okeru kouhatsu kindaika to shakai seisaku: Kankoku to Taiwan no iryouhoken seisaku. [*Late-Modernization and Social Policy in East Asia: Health Insurance in South Korea and Taiwan*]. Minerva Shobo [Minerva Shobo]. Tokyo. 2011. 310 p. (in Japanese)
3. Perlin M L. Promoting Social Change in Asia and the Pacific: The Need for a Disability Rights Tribunal to Give Life to the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities *International Law Review* 2012. Vol. 44. Issue 1. P. 1–38.
4. Arrington C. L.. Disabled People’s Fight for Rights in South Korea and Japan *Current History*. 2021. Vol.120. No. 827. P. 233–239.
5. Narukawa Yoshio. Seishinchitaiji (sha) ni taisuru kenjousha no taido ni kansuru tajigentekikenkyuu: taido to sesshokukeiken, sei, chishiki no kankei, [A Multidimensional Study of Public Attitudes toward Persons with Mental Retardation], Tokushu kyouikugaku kenkyuu *The Japanese Journal of Special Education*. 1995. Vol. 32. No. 4. P. 11–19. (in Japanese)
6. Bo Chen & McNamara D. M. Disability Discrimination, Medical Rationing and COVID-19, *Asian Bioethics Review*. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 511–518.

Information about the author:

Hakumura Naoya, Associate Professor, Gifu State University, Gifu City, Japan.

Contact information: e-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-6423-5592.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-73-85
EDN: KFRJRC

БЕЗРАБОТИЦА И ОЦЕНКА ПОТЕРЬ В ПРОИЗВОДСТВЕ ВРП В РЕГИОНАХ РОССИИ

Нанавян А. М., Лысенкова М. А.*

Центральный экономико-математический институт РАН
(117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 47)

*E-mail: lysenkovam@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23–28–00235. – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00235/>.

Для цитирования:

Нанавян А. М., Лысенкова М. А. Безработица и оценка потерь в производстве ВРП в регионах России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 73-85. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-73-85; EDN: KFRJRC

Аннотация. В статье проанализирована продолжительность поиска работы безработными и представлена оценка потерь в производстве ВРП в регионах России. Потери в производстве ВРП рассчитаны с учётом выработки на одного занятого по численности безработных, сохраняющих свой статус более шести месяцев. Это позволяет производить оценку экономических последствий безработицы, связанных с наиболее опасной, длительной, безработицей. Отмечается сохранение значительной региональной дифференциации как по масштабам длительной безработицы, так и по выработке на одного занятого. Анализ произведён по данным «Обследований рабочей силы» Федеральной службы государственной статистики России. Наибольшая доля безработных с продолжительностью поиска работы более полугодя отмечается в республиках Северо-Кавказского федерального округа, а потери в процентах от ВРП — в Республике Ингушетия (в 2021 г. потери составили более 21%), минимальные потери в Санкт-Петербурге. Уровень безработицы в нашей стране снижается, однако во многих регионах доля безработных с продолжительностью поиска работы более полугодя остаётся существенной и составляет более 40% безработных, а в некоторых регионах в 2023 г. отмечено его увеличение. Для того, чтобы эти краткосрочные изменения не привели к росту длительной безработицы и в этих, и в других регионах, а также соответственно к увеличению потерь в производстве валового продукта и росту напряжённости на рынке труда в условиях цифровизации, необходимо и в дальнейшем уделять внимание этой проблеме и реализовывать меры по стимулированию и мотивации этих безработных, а также потенциальной рабочей силы к переходу в категорию занятого населения.

Ключевые слова: безработица, продолжительность поиска работы, регион, потери в производстве ВРП, оценка.

Введение

Безработица — одна из важнейших макроэкономических категорий, «оборотная» сторона занятости населения, своеобразный индикатор состояния экономики, реагирующий на сбои в функционировании механизмов рынка. Оценка этого явления осуществляется на основе общепризнанных в экономической литературе показателей численности безработных, а также уровня безработицы. Эти характеристики отражают текущее состояние безработицы, которая в России на современном этапе носит преимущественно добровольный характер¹. Однако уровень безработицы не позволяет получить полное представление о состоянии рынка труда, поскольку не учитывает продолжительность поиска работы.

С одной стороны, преимущественно добровольный характер безработицы в современных условиях остро ставит вопрос об эффективности высокой мобильности рабочей силы на рынке труда, оценке влияния этого фактора на развитие человеческого потенциала и качество экономического роста. Сбалансированное территориальное развитие, сглаживание социально-экономической дифференциации является одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне.

С другой стороны, многие безработные сохраняют свой статус длительный период времени, то есть ищут работу более 12 месяцев, что приводит к значительным потенциальным потерям экономики от безработицы и издержкам по смягчению её социально-экономических последствий. Так, в январе 2024 г. доля лиц, которые искали работу более года, составляла 15,2% (или более 300 тыс. человек), причём, примерно 50% застойной безработицы — это лица в возрасте от 15 до 39 лет. В январе 2024 г. по сравнению с декабрём 2023 г. снизилась доля безработных, искавших работу от 1 до 3 месяцев, на 6,4 процентных пун-

¹ Уволившиеся по собственному желанию с прежнего места работы составляли в 2023 г. более 40% безработных, имеющих опыт работы.

кта (п.п.), и составила 26,9%, но увеличилась доля лиц, ищущих работу более 3-х месяцев². Это связано с ростом уровня занятости и в определённой степени с сезонным характером безработицы, но необходимо учитывать и риск увеличения продолжительности поиска работы. Динамика уровня безработицы и среднего времени поиска работы безработными в России представлена на рис. 1.

Кроме того, сохраняется значительная дифференциация показателей безработицы в регионах нашей страны. Вариационный размах по уровню безработицы в 2023 г. составлял 26,2 п.п. (27,8% — в Республике Ингушетия и 1,6% — в Санкт-Петербурге), по среднему времени поиска работы — 8,5 месяцев (11,5 мес. в Забайкальском крае, где более 60% безработных ищут работу более 12 месяцев, и 3,0 мес. в Ульяновской области).

Отметим также, что экономическая нагрузка занятых — соотношение численности лиц, не входящих в состав рабочей силы, и занятого населения — в России выше, чем в странах СНГ. Значение этого показателя с учётом безработных ещё больше, то есть экономическая нагрузка зависит от безработицы, хотя для рассматриваемого периода характерно было сокращение уровня безработицы [1]. И, безусловно, следует учитывать влияние демографических факторов: продолжительность безработицы в значительной мере зависит от возраста человека и в старших возрастных группах среднее время поиска увеличивается (средняя продолжительность поиска работы молодёжи в возрасте от 15 до 24 лет на 1–2 п.п. меньше³, а у лиц старших возрастных

² Социально-экономическое положение России. Январь 2024 года // Росстат — URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).

³ Безусловно, это несколько смягчает проблему молодёжной безработицы, но не означает, что эта проблема не актуальна. Поэтому в литературе уделяется большое внимание занятости молодёжи, а в докладе МОТ отмечается, что «... глобальный уровень безработицы среди молодёжи вернулся к допандемическому уровню; показатель 2023 г. в 13% представляет собой 15-летний минимум, и ожидается, что он будет снижаться и дальше. Это должно быть хорошей новостью. Однако, в то же время, молодые люди выражают большую озабоченность по поводу таких проблем, как отсутствие гарантий трудоустройства», что соответственно

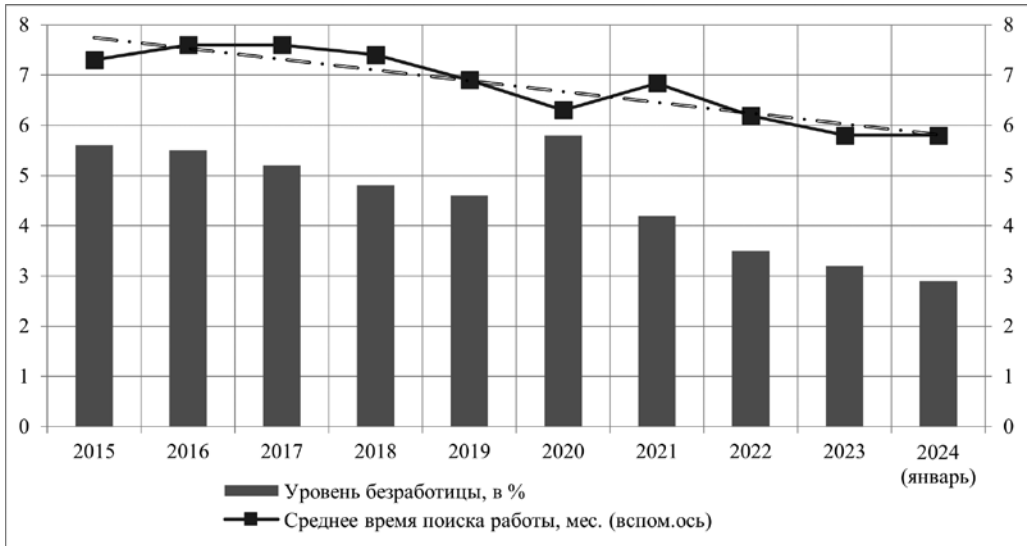

Рис. 1. Уровень безработицы и среднее время поиска работы безработными в России, 2015–2024 годы

Fig. 1. Dynamics of the unemployment rate and average job search time among the unemployed in Russia, 2015–2024

Источник: составлено по данным «Обследования рабочей силы» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.04. 2024).

групп — больше среднего времени поиска работы безработными).

Кроме того, объёмы предложения рабочей силы на рынке труда сократились, а основные индикаторы функционирования российского рынка труда свидетельствуют о тенденциях снижения трудового потенциала, старении трудоспособного населения, сокращении численности населения в возрасте наибольшей экономической активности, а также об отрицательном воздействии этих процессов на динамику экономическо-

приводит/может привести к увеличению продолжительности поиска работы и негативным последствиям как для человека, так и для экономики страны. В материалах МОТ отмечается и то, что «...доля молодых работников, занятых в профессиях, которые не соответствуют их высшему образованию (несоответствие образования «чрезмерному образованию»), со временем увеличилась» (Источник: Youth employment: why are anxieties among young people growing even as youth unemployment rates fall? — URL: <https://voices.ilo.org/podcast/youth-employment-why-are-anxieties-among-young-people-growing-even-as-youth-unemployment-rates-fall#headline> (дата обращения: 03.04.2024)). Соответствие уровня образования и требований рынка труда, роль высшего образования в современных условиях — актуальная проблема и для российского рынка труда, которая сегодня привлекает внимание исследователей, но не входит в задачи данной статьи.

го развития. В экономике современной России, как и в большинстве развитых стран мира, ситуация на рынке труда складывается в условиях территориальных, отраслевых и профессионально-квалификационных диспропорций между спросом на рабочую силу и её предложением. В отраслях экономики (и регионах) структура рабочей силы и структура рабочих мест плохо «стыкуются» между собой. Рынок труда не сбалансирован: с одной стороны, существует нехватка рабочей силы и достаточно большое число вакантных рабочих мест, с другой — миллионы безработных, профессиональная или квалификационная подготовка которых не соответствует требованиям работодателей [2, с. 54]. Поэтому актуальность сохраняет вопрос о количественной оценке потенциальных потерь экономики от безработицы.

В экономической литературе недостаточно внимания уделяется исследованию движения населения на рынке труда, позволяющему учитывать динамичность этого явления, оценить масштабы наиболее опас-

ной продолжительной безработицы и определить эффективные пути её сокращения. В связи с этим и с учётом значительной региональной дифференциации безработицы в работе представлена оценка потенциальных потерь экономики от безработицы в регионах России.

Методология оценки потенциального ВВП и потерь экономики от безработицы

Взаимосвязь двух главных (наряду с инфляцией) показателей макроэкономики — производства и безработицы — давно привлекает внимание исследователей, что важно как в теоретическом, так и в практическом плане [3]. В системе макроэкономических взаимодействий одной из важнейших выступает взаимосвязь изменения объёмов производства и уровня безработицы, а фундаментальной основой исследования влияния спада производства на рост безработицы является закон Оукена, который измеряет циклический отклик на экономические шоки [4]. В литературе отмечается также и то, что пандемия коронавирусной инфекции как стихийный фактор оказала сильное дестабилизирующее воздействие на экономику и рынок труда [5], основное внимание уделялось вопросам восстановления экономики после пандемии, её влиянию на рынок труда (например, [6]).

В исследованиях показано, что краткосрочный «прирост выпуска на 1% приводит к снижению уровня безработицы приблизительно на 0,06 п. п. в течение трёх кварталов после того, как произошло изначальное изменение» [7], а несколько поздние расчёты [3] по результатам моделирования связи между показателями производства и безработицы показали, что в долгосрочной перспективе увеличение ВВП на 1% связано со снижением безработицы на 0,07–0,08 п.п., а рост ВВП в постоянных ценах на 1% ведёт к снижению показателя безработицы, измеренного в процентах, примерно на 1% — например, с 5 до 4,95%.

Для анализа потерь экономики страны от безработицы, как правило, рассчитыва-

ют потенциальный ВВП, который мог бы быть произведён безработными. Ориентиром выступает достижение полной занятости населения, когда безработица существует в пределах своего «естественного» уровня. Он определяется либо эмпирически — как средний уровень безработицы в стране за длительный период времени (например, 10 лет, как было подсчитано А. Оукеном, который сформулировал зависимость между темпом роста валового внутреннего продукта и темпом роста уровня безработицы⁴), либо как сумма структурной и фрикционной безработицы.

Однако в экономической литературе нет общепринятой методики определения естественного уровня безработицы [8]. Кроме того, величина естественного уровня безработицы, необходимая для расчёта потерь ВВП по формуле Оукена, периодически пересматривается [9]. Так, в начале 1960-х гг. она составляла 4% от численности рабочей силы, позднее рассматривался уровень 3–5%. В современных же условиях в литературе отмечается необходимость сокращения этого значения примерно на 1,5 п.п. [10], что связано с демографическими причинами, а именно — сокращением доли групп с высоким риском безработицы (например, молодёжи и лиц без образования) и, наоборот, увеличением доли групп с низким риском безработицы (например, обладателей вузовских дипломов).

В работах⁵ [11] мы отметили, что рынок труда в современных условиях динамичен и использовать среднее значение, например, за 10-летний период вряд ли правомерно, а уровень зарегистрированной безработицы в нашей стране значительно меньше, чем по данным обследований рабочей силы. Второй способ расчёта естественной безработицы как суммы структурной и фрикционной снимает проблему усреднения, но возникают «технические»

⁴ Okun A.M. Potential GNP: Its measurement and significance // Proceedings of the Business and Economic Statistics Section. — Alexandria, VA: American Statistical Association, 1962. — P. 98–103.

⁵ Бреев Б.Д., Костенко Т.Н., Нанавян А.М. Экономические последствия безработицы: оценка потерь // Общество и экономика. — 2002. — № 5. — С. 98–112.

вопросы. Статистические данные регистрируют несколько обстоятельств незанятости, по которым возможно определение структурной и фрикционной составляющей безработицы. В частности, численность лиц, уволившихся по собственному желанию, формально составляет фрикционную безработицу. Но определить, насколько увольнение добровольно, практически невозможно. Да и сокращение штатов и ликвидация предприятия также не могут быть признаны безусловной базой для расчёта структурной безработицы, так как не обязательно связаны со структурными изменениями в экономике. Поэтому целесообразным представляется дополнение оценки потенциальных потерь ВВП от безработицы по неоднозначной (при практических расчётах) оценке уровня естественной безработицы определением потерь ВВП следующим образом: 1) По основной группе риска — сохранившим статус безработного длительный период времени, что позволяет оценить риск безработицы для экономики страны с учётом динамики изменений на рынке труда. Кроме того, можно рассчитывать потенциальный ВВП с учётом задач исследования, то есть, например, по численности безработных, продолжительность поиска работы которых составляет полгода (критический период, после которого негативные последствия безработицы проявляются наиболее значительно), или по масштабам длительной (застойной) безработицы (год и более); 2) По выработке на одного занятого.

Как отмечалось выше, длительный период поиска работы (свыше полугода) наиболее характерен для лиц старше 45 лет (в ещё большей мере — старше 50 лет.), причём женщины ищут работу немного дольше, чем мужчины (например, по данным обследований рабочей силы в 2021 г. — на 0,2 года, а в 2023 г. — на 0,1 года), а также для представителей определённых профессий. Использование показателя «выработка на 1 занятого» предполагает необходимость учёта того, что занятость во многом определяется структурой экономики (в том числе региональными и отраслевыми осо-

бенностями, специализацией экономики региона).

Эти и другие факторы могут оказывать значительное влияние на результаты оценки потерь в производстве ВВП, но, тем не менее, представляется, что расчёт этих потерь по численности безработных с учётом продолжительности поиска работы позволяет более полно оценивать напряжённость и риски на рынке труда. Использование же и второго показателя (выработки на 1 занятого) позволяет учитывать при этом и другие индикаторы экономического развития, а также оценивать потери от незанятости не только безработных, но и потенциальной рабочей силы (в частности, по численности лиц трудоспособного возраста, которые выражают желание работать).

Оценка потерь в производстве ВВП от безработицы

По данным «Обследований рабочей силы» Федеральной службы государственной статистики России оценка потерь в производстве ВВП от безработицы произведена по численности безработных, продолжительность поиска работы которых в 2021 г. составляла 6 и более месяцев, выработка на 1 занятого рассчитана в ценах 2016 года⁶.

На рис. 2 представлены потери от безработицы продолжительностью более 6-ти месяцев в регионах России в 2021 году. Отметим значительную региональную дифференциацию не только по абсолютному значению потерь от длительной безработицы, но и по доле этих потерь ВВП, что вполне понятно — в структуре ВВП по стране доля Москвы, например, составляет более 20%, а Чукотского АО и некоторых республик

⁶ ВВП пересчитан в постоянных ценах 2016 г., поскольку в 2021 г. была утверждена новая методология расчёта этого показателя, в соответствие с которой величина потребления основного капитала по отраслям экономики учитывается на основе текущей рыночной стоимости основных фондов, а также в состав ВВП включена стоимость жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья (приказ Росстата от 12.03.21 № 138 — URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vYtIMnAa/metod-st-ys.pdf> (дата обращения: 17.09.2024)). Данные по региональным счетам за 2016–2019 гг. представлены по этой новой методологии.

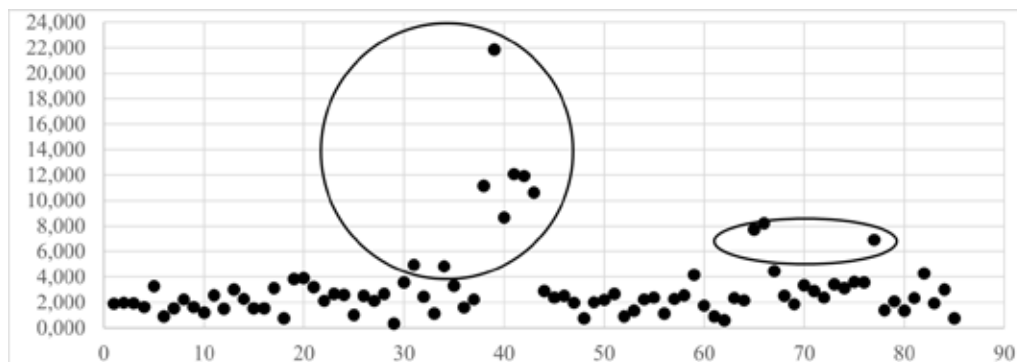

Рис. 2. Потери в производстве ВРП от безработицы продолжительностью более 6-ти месяцев, 2021 г., в % от ВРП (по оси абсцисс представлены регионы России)

Fig. 3. Losses in GRP production from unemployment lasting more than 6 months, 2021, in % of GRP (The regions of Russia are represented along the abscissa axis)

Источник: рассчитано по данным «Обследования рабочей силы» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>; Национальные счета России в 2015–2022 годах: стат. сб./ Росстат. — Москва, 2023. — 419 с.

Северного Кавказа — 0,1%⁷. Однако в большинстве регионов нашей страны потери не превышают 4% от ВРП, а доля безработных, которые искали работу более 6-ти месяцев, либо значительно меньше, либо примерно равна среднероссийскому значению этого показателя (за исключением, например, Магаданской области, где она составляла более 80%, а также Ивановской и Волгоградской областей, Республики Хакасия — более 60%).

На рис. 3 представлены регионы России с минимальным и максимальным удельным весом безработных с продолжительностью поиска работы 6 и более месяцев.

Наибольшая доля безработных с продолжительностью поиска работы 6 и более месяцев отмечается в республиках Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), причём в Карачаево-Черкесской Республике и удельный вес этих безработных (более 85% безработных), и среднее время поиска работы (12,8 месяцев) значительно больше среднероссийского значения этих показателей, а также превышает их значения в дру-

гих субъектах этого федерального округа. Выработка на 1 занятого в Карачаево-Черкесской Республике больше, чем в Республике Ингушетия, но в процентах к ВРП в Ингушетии отмечены наибольшие потери (табл. 1, ранжирование произведено по значению потерь от продолжительной безработицы в % к ВРП).

Потери в производстве ВРП в Республике Ингушетия связаны, в первую очередь, с высоким уровнем безработицы. Несмотря на его сокращение, а также снижение среднего времени поиска работы, в Ингушетии почти половина безработных ищет работу более полугода. Кроме того, в республике самая низкая выработка на 1 занятого, а потери в производстве ВРП от длительной безработицы в процентах к ВРП значительно больше, чем в других регионах страны.

В рассматриваемый период более 4% потерь в процентах к ВРП наблюдались ещё и в Астраханской области (4,8%), Республике Хакасия (4,5%), Курганской и Магаданской областях (4,2% и 4,3% соответственно), что в основном было связано с длительной безработицей, которая, как отмечалось выше, составляла в этих регионах более 60% безработных. Таким образом, максимальные значения потерь в производстве ВРП характерны для ре-

⁷ Полученные данные предоставляют возможность для сравнительного анализа региональных проблем безработицы. Кроме того, по-видимому, для субъектов РФ больший интерес могут представлять не относительные показатели, а абсолютные размеры недополученного валового продукта — Национальные счета России в 2015–2022 годах: стат. сб./ Росстат. — Москва, 2023. — 419 с. — С. 329.

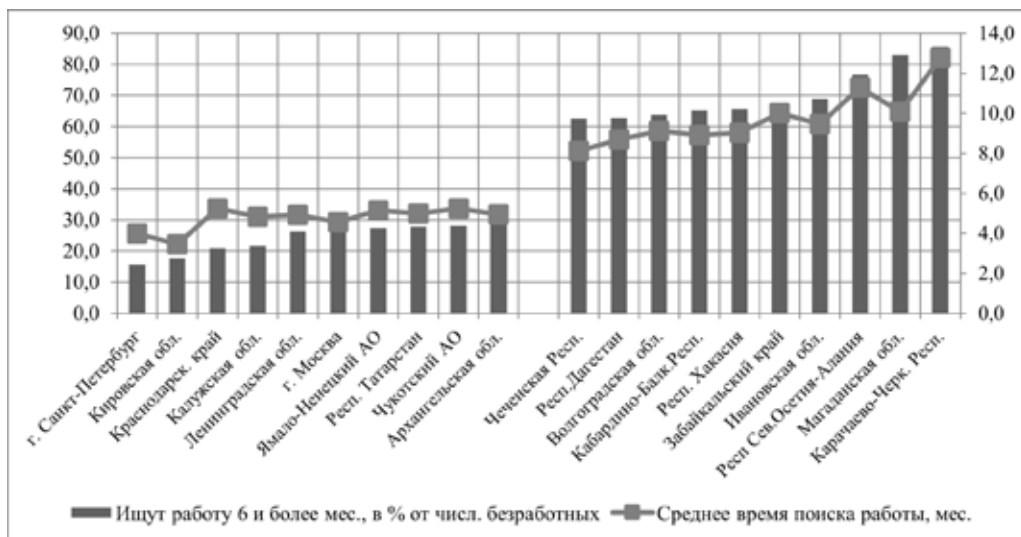

Рис. 3. Доля безработных с продолжительностью поиска работы 6 и более месяцев (минимальные и максимальные значения) и среднее время поиска работы безработными в регионах России, 2021 год

Fig. 3. Proportion of the unemployed with job search duration of 6 or more months (minimum and maximum values) and the average time of job search by the unemployed in the regions of Russia, 2021
 Источник: составлено по данным «Обследования рабочей силы» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.04.2024).

Потери производства ВРП от длительной безработицы в регионах России, 2021 г., млн руб. (минимальные и максимальные значения)

Таблица 1

Losses in GRP production from prolonged unemployment in the regions of the Russia, 2021, million rubles (minimum and maximum values)

Table 1

Территория	Среднее время поиска работы, месяцев	Уровень безработицы, %	Выработка на 1 занятого, тыс. рублей	Безработные, 6 и более месяцев, тыс. человек	Потери в производстве ВРП	
					млн рублей	в %
Российская Федерация	6,8	4,8	1078,2	1624,6	17516,0	2,3
Минимальные значения						
Санкт-Петербург	4,0	2,0	1500,1	9,9	148,1	0,3
Ямало-Ненецкий АО	5,2	2,1	8961,1	1,8	162,2	0,6
Москва	4,6	2,6	2313,3	52,4	1212,0	0,7
Чукотский АО	5,2	2,6	2579,0	0,2	5,9	0,7
Респ. Татарстан	5,0	2,6	1047,5	14,9	156,2	0,8
Калужская область	4,8	4,0	838,2	4,7	39,3	0,9
Кировская область	3,5	4,9	547,5	5,4	29,7	0,9

Территория	Среднее время поиска работы, месяцев	Уровень безработицы, %	Выработка на 1 занятого, тыс. рублей	Безработные, 6 и более месяцев, тыс. человек	Потери в производстве ВРП	
					млн рублей	в %
Российская Федерация	6,8	4,8	1078,2	1624,6	17516,0	2,3
Ханты-Мансийский – Югра АО	5,6	2,6	3387,5	8,1	273,9	0,9
Ленинградская обл.	4,9	3,7	1104,8	9,7	107,3	1,0
Самарская область	5,7	3,5	793,3	18,0	143,2	1,1
Максимальные значения						
Республика Калмыкия	7,5	9,0	491,1	6,0	29,7	4,9
Забайкальский край	10,0	9,3	694,0	32,8	228,0	6,9
Республика Алтай	9,0	12,0	586,2	6,6	38,8	7,7
Республика Тыва	7,8	15,0	478,8	8,9	42,4	8,2
Кабардино-Балкарская Республика	8,9	11,7	362,4	34,5	125,0	8,6
Чеченская Республика	8,1	14,5	341,4	59,4	202,9	10,6
Республика Дагестан	8,7	15,1	537,6	129,6	696,9	11,1
Республика Северная Осетия-Алания	11,3	13,4	481,8	32,3	155,6	11,9
Карачаево-Черкесская Республика	12,8	12,3	393,5	22,4	88,3	12,1
Республика Ингушетия	7,2	30,9	292,2	40,2	117,5	21,8

Источник: рассчитано по: Обследование рабочей силы, 2021. // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.04.2024).

гионов с высоким уровнем безработицы, при этом в большинстве этих субъектов РФ выработка на 1 занятого существенно меньше. Однако, в этой группе представлен Забайкальский край с более высоким значением выработки на 1 занятого, но в крае среднее время поиска работы составляет 10 месяцев и около трети безработных ищут работу 6 и более месяцев, что и определило большие потери в производстве ВРП в относительном выражении. Наибольший же объём потерь ВРП в Москве. А в СКФО — в Республике Дагестан, где уровень безработицы также довольно высокий, но при этом выработка на 1 занятого выше, чем в Республике Ингушетия, почти в два раза. В группе регионов с минимальными значениями потерь в производстве ВРП в 2021 г. отметим Кировскую

область, где небольшая выработка на 1 занятого, невысокий уровень безработицы и наименьшее среднее время поиска работы. В регионе более актуальным является проблема увеличения выработки на 1 занятого и производительности труда.

При предлагаемом подходе к оценке потерь ВРП необходимо учитывать объём выработки на 1 занятого, а также специфику региональной экономики и занятости населения. Так, в Москве и Московской области выработка на 1 занятого значительно выше, чем в среднем по стране, соответственно больше и объём потерь в производстве ВРП. Однако потери в производстве ВРП в относительном выражении незначительны.

Оценка потерь ВРП позволяет сделать вывод о том, что сохраняется региональная дифференциация как по выработке

на 1 занятого, так и по численности безработных, продолжительность поиска работы которых составляет более 6-ти месяцев. Несмотря на сокращение уровня безработицы, в некоторых регионах наблюдается значительная доля безработных, продолжительность поиска работы которых составляет более полугода. Сокращается также и доля безработных, ищущих работу более 12-ти месяцев, но в ряде регионов России составляет 40% и более, а в некоторых регионах в 2023 г. по сравнению с 2021 г. их доля увеличилась. Так, в Республике Бурятия прирост составил 12,5 п.п., в Забайкальском крае — 10,5 п.п., в Кировской области — 6,6 п.п. Это указывает на актуальность проблемы длительной безработицы и необходимость дальнейшей реализации активной политики на рынке труда даже в условиях сокращения уровня безработицы, создания достойных рабочих мест и условий для перехода безработных в категорию занятых. И, хотя для многих регионов России объём потерь в производстве ВРП небольшой, для отдельных регионов это может быть важным фактором смягчения ситуации на рынке труда. При этом, как подчёркивается в литературе, низкие значения безработицы характерны для регионов, близких к центрам экономического развития, а концентрация высокой и продолжительной безработицы происходит в периферийных регионах⁸. Соответственно, с учётом трудоизбыточности регионов СКФО, потери в производстве ВРП больше в Сибири и на Дальнем Востоке (на рис. 2 — справа), и меньше — в субъектах ЦФО (на рис. 2 — слева),

Таким образом, оценка потерь в производстве ВВП и ВРП по предлагаемой нами методологии позволяет определить масштабы этих потерь. Но, как отмечалось нами в [13] важнейшее значение при этом имеют пороговые значения — предельные величины, приближение к кото-

рым свидетельствует о нарастании угроз. Один из таких показателей — доля лиц, сохраняющих статус безработного более полугода. Анализ показателей безработицы и в современных условиях сокращения уровня безработицы позволяет предположить, что, если их доля не превышает 30% от численности безработных, то соответствующие потери в производстве валового продукта можно отнести к области пренебрежимого риска, а выше — чрезмерного риска, который может привести к росту издержек и потерь, вызванных безработицей⁹. Подтверждает эти выводы и то, что общий уровень безработицы в регионах с максимальными значениями потерь ВРП превышает значение этого показателя в целом по стране и, как правило, именно в связи с тем, что в этих регионах отмечается значительная длительная безработица (на рис. 4 представлены некоторые их этих регионов).

Наши расчёты показывают, что во многих регионах, в которых доля лиц, сохраняющих статус безработного более полугода, превышает 30%, потери в производстве ВРП больше 1%. Если же удельный вес этих безработных более 40% — потери в производстве ВРП увеличиваются до 2% и более. И, безусловно, сокращение выработки на 1 занятого не является задачей, которую необходимо решить для сокращения объёмов этих потерь, хотя сочетание двух показателей может как увеличить, так и сократить объём потерь от длительной безработицы. Например, по нашим расчётам в Ивановской и Волгоградской областях доля безработных, которые ищут работу более 6-ти месяцев, в 2021 г. составляла 69,0% и 63,8% соответственно. Однако выработка на 1 занятого была всего 380,6 и 593,7 млн рублей, что повлияло и на масштабы потерь от безработицы, которые составили 3,3% от ВРП этих регионов.

⁸ Lopez-Bazo E., Barro E.T., Artis M. Geographical Distribution of Unemployment in Spain // *Regional Studies*. — 2005. — No. 39. — P. 305–318; Blažek J., Netrdová P. Regional Unemployment Impacts of the Global Financial Crisis in the New Member States of the EU in Central and Eastern Europe // *European Urban and Regional Studies*. — 2012. — No. 19. — P. 42–61.

⁹ Здесь мы имеем в виду годовые данные, но необходимо учитывать сезонный характер безработицы (если, например, задачей исследования является мониторинг длительной безработицы и оценка потерь ВРП по ежемесячным данным). Также возможна и корректировка при оценке длительной безработицы по половозрастным и профессиональным характеристикам безработных.

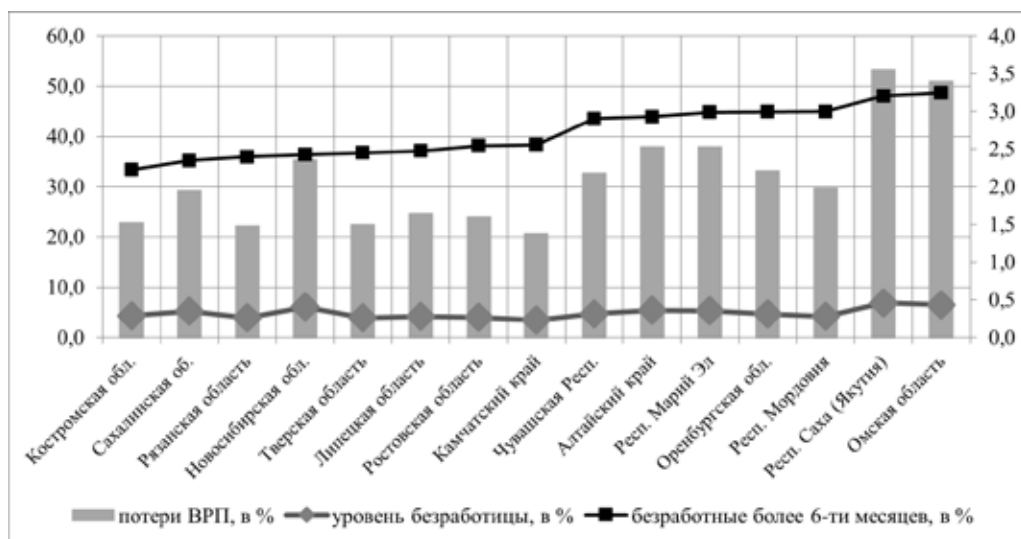

Рис. 4. Уровень безработицы и удельный вес безработных с продолжительностью поиска работы 6 и более месяцев в регионах России, 2021 год

Fig. 4. Unemployment rate and proportion of the unemployed with job search duration of 6 months or more in the regions of Russia, 2021

Источник: составлено по данным «Обследований рабочей силы»// Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.04.2024).

Заключение

Сокращение уровня безработицы должно сопровождаться уменьшением численности безработных, которые сохраняют свой статус длительный период времени. Продолжительность безработицы имеет особое значение при изучении этого явления и связано не только с потерями в производстве валового продукта, но и с потерей квалификации, устареванием знаний человека. Кроме того, длительная безработица может привести к снижению мотивации к поиску работы и экономической неактивности, то есть переходу в категорию лиц, не входящих в рабочую силу. Так, в структуре потенциальной рабочей силы наибольшая численность неактивного населения наблюдается в группе лиц, которые не ищут работу, но готовы приступить к работе. В 2021 г. их доля составляла 94,5% от численности потенциальной рабочей силы, а лица, которые ищут работу, но не готовы приступить к ней — всего 5,5%. В 2023 г. наблюдались незначительные изменения: доля лиц, ко-

торые не ищут работу, но готовы приступить к работе сократилась до 94,0%, а доля лиц, которые ищут работу, но не готовы приступить к работе увеличилась до 6,0%. В большинстве регионов в структуре потенциальной рабочей силы также преобладает доля лиц, которые не ищут работу, но готовы к ней приступить.

Таким образом, длительная безработица может привести (и приводит) к потерям в производстве валового продукта и дополнительным издержкам по смягчению социально-экономических последствий этого макроэкономического явления, а также региональной дифференциации, поскольку помимо прочего ухудшается морально-психологическое состояние человека и снижаются возможности эффективного развития региона в связи с неполным использованием рабочей силы и экономического потенциала. Это приобретает особое значение в современных условиях цифровизации и роботизации, наблюдающейся поляризацией рынка труда, когда в зоне риска оказываются некоторые про-

фессии, а также молодёжь, которая выходит на рынок труда и менее конкурентоспособна. При общем дефиците квалифицированных кадров, в регионах эти процессы значительно дифференцированы и риск длительной безработицы, а значит потери в производстве ВРП, напряжённость на региональных рынках труда могут увеличиваться.

Литература и Интернет-источники

1. **Нанавян, А. М.** Оценка экономической нагрузки на население и занятость в регионах России / А. М. Нанавян // Общество и экономика. — 2023. — Вып. 7. — С. 22–36. DOI: 10.31857/S020736760026571-7; EDN: JLQNJX
2. **Красинец, Е. С.** Трудовая иммиграция и рынок труда в современной России: проблемы взаимодействия / Е. С. Красинец, Т. В. Шевцова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 52–62. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.5; EDN: OBCYUQ
3. **Вакуленко, Е. С.** Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углублённый анализ закона Оукена для России / Е. С. Вакуленко, Е. Т. Гурвич // Вопросы экономики. — 2015. — № 3. — С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-3-5-27; EDN: TKIMTL
4. **Блинова, Т. В.** Оценка реакции циклической безработицы на экономический спад и восстановительный рост в России / Т. В. Блинова, В. А. Русановский, В. А. Марков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 6. — С. 184–198. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.11; EDN: LDVRYX
5. **Топилин, А. В.** Динамика и региональные особенности восстановления рынка труда в период COVID-19 / А. В. Топилин, О. Д. Воробьёва // Экономика региона. — 2023. — № 1. — С. 85–98. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-7; EDN: KPKUFE
6. **Аганбегян, А. Г.** Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию / А. Г. Аганбегян, А. Н. Клепач, Б. Н. Порфирьев, М. Н. Узяков, А. А. Широков // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 6. — С. 18–26. DOI: 10.47711/0868-6351-183-18-26; EDN: VDIXR
7. **Ахундова, О. В.** Опыт оценки естественного уровня безработицы в экономике России. / О. В. Ахундова, А. Г. Коровкин // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2006. — Т. 4. — С. 488–507. EDN: KWODYV
8. **Винокуров, Е. Ф.** К вопросу об определении уровня естественной безработицы // Экономическая наука современной России. — 2012. — № 1(56). — С. 62–72. EDN: NKSZSE
9. **Полякова, И. А.** Оценки ущерба от безработицы в условиях мировых глобальных вызовов и направления социального предпринимательства / И. А. Полякова, Г. А. Бондаренко // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. — 2020. — Т. 1. — № 1. — С. 41–52. DOI: 10.18334/social.1.1.110948; EDN: FQIRET
10. **Гимпельсон, В. Е.** Российская модель рынка труда: испытание кризисом / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Журнал НЭА. — 2015. — № 2(26) — С. 249–253. EDN: UBFBIJ
11. **Нанавян, А. М.** Безработица в России: риски и экономические последствия / А. М. Нанавян // Экономическая наука современной России. — 2007 — № 4(39). — С. 70–78. EDN: IJTHXX

Сведения об авторах:

Нанавян Ашхен Мардиросовна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ashchenn@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8681-6884; РИНЦ SPIN-код: 1885–4513.

Лысенкова Мария Александровна, к.э.н., научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lysenkovam@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2381-9807; РИНЦ SPIN-код: 6783–9408.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-73-85

UNEMPLOYMENT AND GRP PRODUCTION LOSSES ASSESSMENT IN RUSSIAN REGIONS

Ashkhen M. Nanavyan, Maria A. Lysenkova*

Central Economics and Mathematics Institute RAS
(47 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418)

*E-mail: lysenkovam@gmail.com

Funding:

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23–28–00235. URL: <https://rscf.ru/project/23–28–00235/>.

For citation:

Nanavyan A. M., Lysenkova M. A. Unemployment and GRP production losses assessment in Russian regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 73-85. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-73-85 (in Russ.)

Abstract. *The paper analyzes duration of the search for work by the unemployed and presents estimation of the GRP losses in production in Russian regions. Losses in GRP production are calculated taking into account the output per 1 employed in terms of the number of unemployed who retain their status for more than 6 months. This allows us to assess the economic consequences of unemployment connected with the most dangerous – long-term – unemployment. There is significant regional differentiation both in terms of the scale of long-term unemployment and of output per one employed, while the unemployment rate in our country is declining. The analysis was made according to the data from the «Labor Force Surveys» of the Federal State Statistics Service of Russia. The largest share of unemployed with a job search duration of more than six months is recorded in the republics of the North Caucasus Federal District, and losses in the production as a percentage of GRP are in the Republic of Ingushetia (in 2021, the losses made more than 21%). Minimal losses are registered in St. Petersburg. Although the unemployment in our country is declining, in many regions the share of unemployed with job search duration of more than six months remains significant and amounts to more than 40% of the unemployed, and in some regions it increased in 2023. So that these short-term changes do not lead to an increase in long-term unemployment in these and in other regions, as well as, accordingly, to an increase in losses in the production of gross product and an increase in tension in the labor market in the context of digitalization, it is necessary to continue paying attention to this problem and implement measures to stimulate and motivate these unemployed, as well as a potential labor force, to move into the category of employed population.*

Keywords: *unemployment, job search duration, region, losses in GRP production, assessment.*

References and Internet sources

1. Nanavyan A. M. Otsenka ekonomicheskoy nagruzki na naseleniye i zanyatost' v regionakh Rossii [Economic inactivity and assessment of the economic burden on the population in the regions of Russia]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economy]*. 2023. № 7. P. 22–36. DOI: 10.31857/S020736760026571-7 (in Russ.)
2. Krasinets E. S., Shevtsova T. V. Trudovaya immigratsiya i rynek truda v sovremennoy Rossii: problemy vzaimodeystviya [Labor immigration and labor market in modern Russia interaction: problems]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 52–62. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.5 (in Russ.)

3. Vakulenko E., Gurvich E. Vzaimosvyaz' VVP, bezrobotitsy i zanyatosti: uglublonnyy analiz zakona Okuna dlya Rossii [The relationship of GDP, unemployment rate and employment: in-depth analysis of Okun's law for Russia]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2015 No. 3. P. 5–27. DOI: 10.32609 / 0042-8736-2015-3-5-27 (in Russ.)
4. Blinova T.V., Rusanovsky V.A., Markov V.A. Otsenka reaktsii tsiklicheskoй bezrobotitsy na ekonomicheskiy spad i vosstanovitel'nyy rost v Rossii [Assessment of the reaction of cyclical unemployment to the economic decline and recovery growth in Russia]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2020. Vol. 15. No. 6. P. 184–198. DOI: 10.15838 / esc.2020.6.72.11 (in Russ.)
5. Topilin A.V., Vorobyova O.D. Dinamika i regional'nyye osobennosti vosstanovleniya rynka truda v period COVID-19 [Dynamics and regional features of labor market recovery during COVID-19]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2023. No. 19 (1). P. 85–98. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2023-1-7 (in Russ.)
6. Aganbegyan A. G., Klepach A. N., Porfiryev B. N., Uzyakov M. N., Shirov A. A. Postpandemicheskoye vosstanovleniye rossiyskoy ekonomiki i perekhod k ustoychivomu sotsial'no-ekonomicheskomu razvitiyu [Post-pandemic recovery: the Russian economy and the transition to sustainable social and economic development]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]*. 2020. No. 6. P. 18–26. DOI: 10.47711 / 0868-6351-183-18-26 (in Russ.)
7. Akhundova O.V., Korovkin A. G. Opyt otsenki yestestvennogo urovnya bezrobotitsy v ekonomike Rossii [An attempt to estimate the natural rate of unemployment in the Russian economy]. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Works: Institute of Economic Forecasting RAS]*. 2006. Vol. 4. P. 488–507. (in Russ.)
8. Vinokurov E.F. K voprosu ob opredelenii urovnya yestestvennoy bezrobotitsy [On the natural rate of unemployment estimation problem]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*. 2012. No. 1(56). P. 62–72. (in Russ.)
9. Polyakova I.A., Bondarenko G.A. Otsenki ushcherba ot bezrobotitsy v usloviyakh mirovykh global'nykh vyzovov i napravleniya sotsial'nogo predprinimatel'stva [Assessing the damage caused by unemployment in the context of global challenges and the direction of social entrepreneurship]. *Sotsial'noye predprinimatel'stvo i korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' [Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility]*. 2020. Vol. 1. № 1. P. 41–52. DOI: 10.18334 / social.1.1.110948. (in Russ.)
10. V.E. Gimpelson. R. I. Kapelyushnikov. Rossiyskaya model' rynka truda: ispytaniye krizisom [Russian model of the labor market: crisis test]. *Zhurnal NEA [Journal of the New Economic Association]*. 2015. No. 2 (26). P. 249–253. (in Russ.)
11. Nanavyan A. M. Bezrobotitsa v Rossii: riski i ekonomicheskiye posledstviya [Unemployment in Russia: risks and economic consequences]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*. 2007. № 4 (39). P. 70–78. (in Russ.)
12. Information about the authors:

Nanavyan Ashken Mardirosova, Candidate of Economics, Leading Researcher, Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ashchenn@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8681-6884; Elibrary SPIN-code: 1885–4513.

Lysenkova Maria Alexandrovna, Candidate of Economics, Researcher, Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lysenkovam@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2381-9807; Elibrary SPIN-code: 6783–9408.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-86-100
EDN: LKVGNY

ОЦЕНКА СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СТЕПНЫХ РЕГИОНОВ ЗАУРАЛЬЯ И ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Туктамышева Л. М.^{1,2}, Чибилёв А. А. (мл.)^{1*}, Лебедева Т. В.^{1,2}

¹Институт степи Уральского отделения РАН
(460000, Россия, Оренбург, ул. Пионерская, 11)

²Оренбургский государственный университет
(460000, Россия, Оренбург, проспект Победы, 13, корп. 3)

*E-mail: economgeo-is@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 20–17–00069 «Географические основы пространственного развития земледельческих постцелинных регионов Урала и Сибири».

Для цитирования:

Туктамышева Л. М., Чибилёв А. А. (мл.), Лебедева Т. В. Оценка социо-эколого-экономических особенностей современного состояния степных регионов Зауралья и юга Западной Сибири // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 86-100. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-86-100; EDN: LKVGNY

Аннотация. Для определения перспектив расширения межгосударственного сотрудничества с Республикой Казахстан необходимо провести оценку социо-эколого-экономического состояния приграничных регионов Зауралья и юга Западной Сибири. В первую очередь в Российской Федерации должны быть созданы условия, способствующие развитию человеческого капитала и прекращению оттока населения с приграничных территорий страны, что возможно при условии превосходства в социо-эколого-экономических показателях регионов страны над сопредельными зарубежными территориями. Оценка перспектив межгосударственного сотрудничества рассматриваемых регионов предполагает проведение анализа показателей, характеризующих состояние их экономики, социальной сферы и экологической обстановки. Для реализации поставленной цели в статье использованы статистические и математико-статистические (метод главных компонент, итерационный кластерный метод) методы. Анализ показал, что для приграничных регионов Зауралья и юга Западной Сибири характерен переток трудоспособного населения в города, что связано с ростом обрабатывающих производств. Даже при низкой плотности сельского населения эти регионы вносят существенный вклад в продовольственное обеспечение субъектов РФ и сопредельных территорий Республики Казахстан, что повышает ценность человеческого капитала этих регионов. Для комплексного отображения социо-эколого-экономического состояния на основе 13 показателей разработаны три интегральных показателя, характеризующих регионы по уровню социо-эколого-экономического развития. С точки зрения социально-экономического потенциала для межрегионального и межгосударственного сотрудничества наиболее перспективными являются Тюменская, Новосибирская области и Республика Башкортостан. Наиболее депрессивным среди рассматриваемых регионов является Курганская область, где необходима корректировка мер по улучшению демографического состояния, развития экономики и социальной сферы. Результаты исследования могут использоваться для разработки программы устойчивого развития территорий на региональном и федеральном уровнях.

Ключевые слова: приграничные степные регионы, интегральный показатель, метод k-средних, экологическое состояние, социально-экономическое развитие.

© Туктамышева Л. М., Чибилёв А. А. (мл.), Лебедева Т. В., 2024

Введение

Особенностью регионального развития РФ является наличие значимых различий в уровне социо-эколого-экономического состояния субъектов, близко расположенных друг к другу с географической точки зрения, сходных по структуре природных ресурсов и других факторов, определяющих уровень их развития. Это свидетельствует о наличии потенциала для устойчивого развития отстающих регионов за счёт корректировки существующих программ их развития. Для приграничных регионов Зауралья и юга Западной Сибири высокий уровень социо-эколого-экономического развития с одной стороны выступает индикатором для потенциальных инвесторов, в том числе иностранных, стимулирует сотрудничество на межгосударственном уровне, с другой, способствует увеличению человеческого капитала, в том числе за счёт внутренней и внешней миграции, обеспечивает конкурентное преимущество не только с соседними регионами нашей страны, но и Республикой Казахстан (РК). В нормативных документах, регулирующих развитие субъектов РФ («Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»², «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»³, «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на пери-

од до 2025 года»⁴, «Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации»⁵), подчёркивается необходимость сбалансированного развития субъектов, обеспечивающего превосходство в социо-эколого-экономических показателях сопредельных зарубежным территориям.

Актуальность темы исследования обуславливается необходимостью комплексной оценки социо-эколого-экономического состояния приграничных регионов Зауралья и юга Западной Сибири, что с одной стороны позволит расширить представления о причинах снижения численности населения в этих регионах, а с другой, оценить перспективы межгосударственного сотрудничества и интеграционных процессов с РК.

Материалы и методы

Вопросы оценки социально-экономического развития и экологического состояния различных территорий поднимали в своих исследованиях многие отечественные ученые, которые проводили сопряжённый анализ процессов в области экологии, социальной сферы и экономики как на уровне отдельных регионов [1–6], так и на уровне макрорегиона (федерального округа) или однотипных по выделенной характеристике субъектов РФ [7–11].

Несмотря на то, что с точки зрения федерального законодательства⁶ и географического расположения приграничные регионы

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://http://government.ru/docs/all/135405/> (дата обращения: 19.03.2024).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/docs/all/85503/> (дата обращения: 19.03.2024).

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://static.government.ru/media/files/MnASiQeMzvg94D1jToaVcdAyXzgFpGAC.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

⁶ Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/docs/all/138399/> (дата обращения: 19.03.2024); Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества» от 19.07.2017 № 429-ФЗ // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/docs/all/112556/> (дата обращения: 19.03.2024).

Зауралья и юга Западной Сибири находятся на относительно равных базовых условиях, «наблюдается растущий разрыв в уровне развития между регионами с одинаковыми базовыми условиями, что указывает на различия в эффективности подходов к использованию существующего потенциала региональных властей» [12, с. 18]. Задача определения таких разрывов позволяет корректировать планы стратегического развития таких регионов, с указанием возможных выходов к улучшению ситуации на примере схожих по базисным условиям территорий.

Типизация сельскохозяйственных регионов по устойчивости развития нашла отражение в работах В.И.Тихого, О.В.Корева, которые установили, что для сельских территорий характерно дальнейшее расхождение с усилением депрессивности чисто аграрных регионов, сопровождающееся снижением численности населения [13, с. 67]. Таким образом, авторами доказана существенность специфики сельских территорий, в особенности с точки зрения характеристики социо-эколого-экономического развития.

В исследовании А.М.Адама и Н.И.Лаптева для оценки экологической устойчи-

вости регионов предлагается рассчитывать индекс состояния окружающей среды, он составляется на основе двух показателей — объёма выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, отходящих от стационарных источников, и объёма сбросов сточных вод в поверхностные водоёмы [14]. Использование лишь двух показателей экологического состояния объясняется дублированием информации при расширении круга показателей, характеризующих нагрузку на экологию.

Для оценки социально-экономического и экологического состояния приграничных регионов Зауралья и юга Западной Сибири отобраны показатели, характеризующие население этих территорий с точки зрения половозрастного состава, уровня урбанизации, естественного и миграционного движения, уровней преступности и бедности, а также показатели, характеризующие территории по экономическому развитию — ВРП и инвестиции в основной капитал на душу населения, а также показатели товарооборота, характеризующие развитие транспорта и загрязнение окружающей среды. Схема исследования представлена на рис. 1.

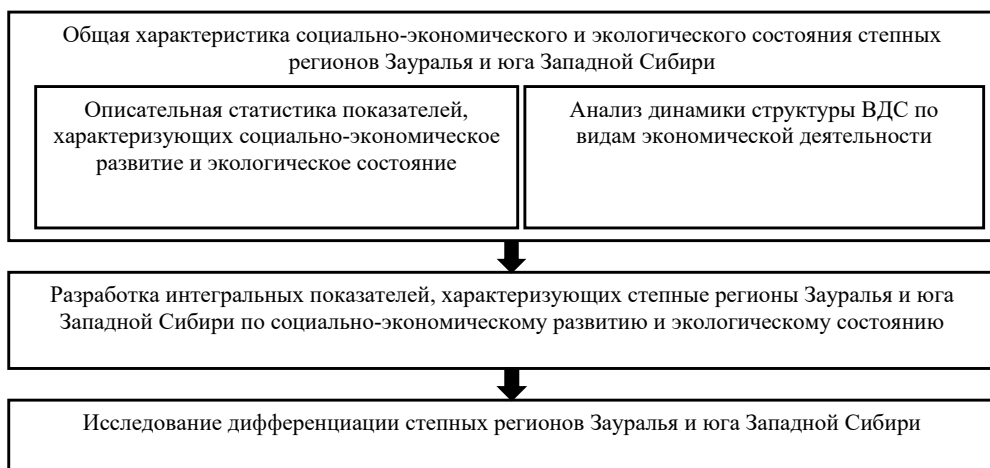

Рис. 1. Схема исследования
Fig.1. Scheme of the study

Источник: составлено авторами.

Для изучения различий в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) по видам экономической деятельности использованы показатели Салаи и Гатева:

$$K_{\text{Салаи}} = \sqrt{\frac{\sum \left(\frac{d_1 - d_0}{d_1 + d_0} \right)^2}{n}}, \quad (1)$$

$$K_{\text{Гатева}} = \sqrt{\frac{\sum (d_1 - d_0)^2}{\sum d_1^2 + \sum d_0^2}}, \quad (2)$$

где d_1 — доля ВДС по виду экономической деятельности в 2021 году; d_0 — доля ВДС по виду экономической деятельности в 2017 году; n — число видов экономической деятельности. Оба показателя изменяются в пределах от 0 до 1. Если показатель близок к 0, то это свидетельствует об отсутствии различий в структуре двух сравниваемых лет, чем ближе показатели к 1, тем сильнее выражены структурные различия.

Разработка интегрального показателя позволила обобщить информацию, содержащуюся в показателях исследования, а также нивелировать взаимную коррелированность, которая приводила к дублированию информации. Такой подход позволяет «отобрать наиболее важные переменные и сократить размерность данных» [15, с. 112]. Переход от n -мерного признакового пространства (в нашем случае как наиболее информативные отобранные 13 показателей⁷, то есть $n=13$) в трёхмерное пространство признаков позволяет визуализировать изучаемое состояние регионов. Визуализация данных в трёхмерном пространстве облегчает интерпретацию и позволяет наметить направления для улучшения си-

туации в разрезе экономики, социальной сферы и экологии. Кроме того, визуальное представление позволяет определить однородные группы регионов по схожести их социально-экономического и экологического состояния.

Индивидуальные значения интегрального показателя z_i , $i=1,2,3$ определяются по формуле:

$$z_i = \sum_{j=1}^{n_i} w_j x_{ij}, \quad (3)$$

где $w_j, j=1, \dots, n_i$ — веса, характеризующие вклад каждого j -го исходного центрировано-нормированного показателя в интегральный показатель; x_{ij} — значение j -го центрировано-нормированного показателя для i -го региона; n_i — число факторов, входящих в i -ый интегральный показатель. Индивидуальные значения интегрального показателя являются безразмерными, то есть не имеют единиц измерения, что связано с тем, что они строятся по центрировано-нормированным (необходимо для возможности их сопоставления) исходным признакам.

Для выделения однородных групп регионов использован итеративный метод кластерного анализа — метод k -средних, который при заданном числе кластеров, позволяет получить устойчивые разбиения по сравнению с агломеративными и иерархическими методами. В методе k -средних последовательно в качестве центров кластеров случайным образом выбирается число объектов, совпадающее с их числом, и производится разбиение на кластеры, меняя центры кластеров и сравнивая новые разбиения с предыдущими, определяется наилучшее разбиение.

Результаты и обсуждение

Приграничные степные регионы Зауралья и юга Западной Сибири включают восемь субъектов Федерации, отличающихся плотностью, уровнем урбанизации и возрастной структурой населения. Для них характерна прямая зависимость между до-

⁷ К исследованию — Оценка социо-экологического-экономических особенностей современного состояния степных регионов Зауралья и юга Западной Сибири. — URL: <https://orensteppe.org/article/k-issledovaniyu-ocenka-socio-ekologicheskogo-ekonomicheskikh-osobennostey-sovremennoyego#overlay-context=article/tematika-byudzhethnyh-i-iniciativnyh-proektov-2024-goda> (дата обращения: 19.03.2024).

лей городского населения и долей взрослых в общей численности населения, что можно объяснить оттоком населения из сельских поселений. Причинами, по которым взрослое население концентрируется в городах, выступают доступность образовательных, медицинских услуг и т.п., а также более высокие заработные платы жителей городских территорий. Для регионов с низкой плотностью населения (Курганская

и Тюменская области, Алтайский край) такая концентрация приводит к «обезлюдению» больших территорий, что негативно сказывается на развитии сельского хозяйства и экономическом обороте. На рис. 2 видно, что Тюменская и Курганская области, а также Алтайский край характеризуются высокой урбанизированностью территорий и долей взрослого населения.

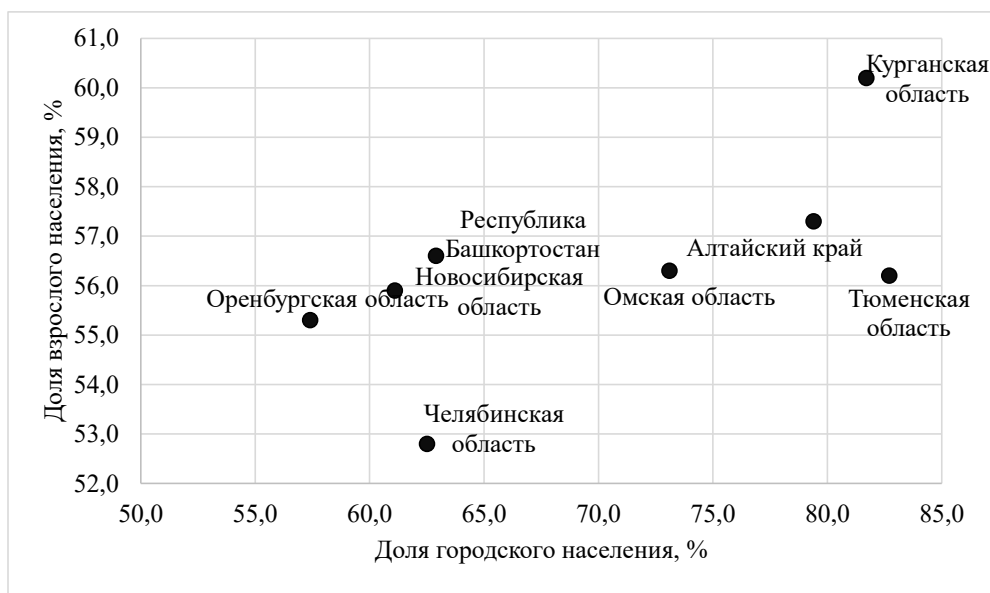

Рис. 2. Зависимость доли взрослого населения от уровня урбанизации степных регионов Зауралья и юга Западной Сибири

Fig. 2. Dependence of the share of the adult population on the level of urbanization of the steppe regions of the Trans-Urals and the south of Western Siberia

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

Аграрные степные регионы — Республика Башкортостан и Оренбургская область — расположились в кластере с низкой долей городского населения. Несмотря на низкую плотность населения последних регионов нельзя не отметить их вклад в производство продовольствия не только для других субъектов РФ, но и близлежащих соседей, таких как Республика Казахстан, что фактически в разы усиливает роль человеческого капитала этих регионов с точки зрения продовольственной безопасности.

Ключевая роль в формировании продовольственной безопасности отведена сельскому хозяйству, и при оценке экономических особенностей развития приграничных степных регионов внимание следует уделить не только ВРП (ВДС — валовой добавленной стоимости) в целом, но и доле сельского хозяйства (АПК — агропромышленного комплекса) в экономике региона. На рис. 3 представлена динамика доли ВДС сельского хозяйства по рассматриваемым степным регионам. Отметим высокую долю

в ВДС сельского хозяйства Алтайского края, которая увеличилась с 12,8% до 17,7% в рассматриваемом периоде или на 1,14 процентных пункта ежегодно. В перспективе при сохранении тенденций в пропорциях

ВДС доля сельского хозяйства в 2025 г. может превысить 20%. Усиление специализации экономики региона в области АПК связано, в том числе с реализацией аграрного потенциала трансграничного региона.

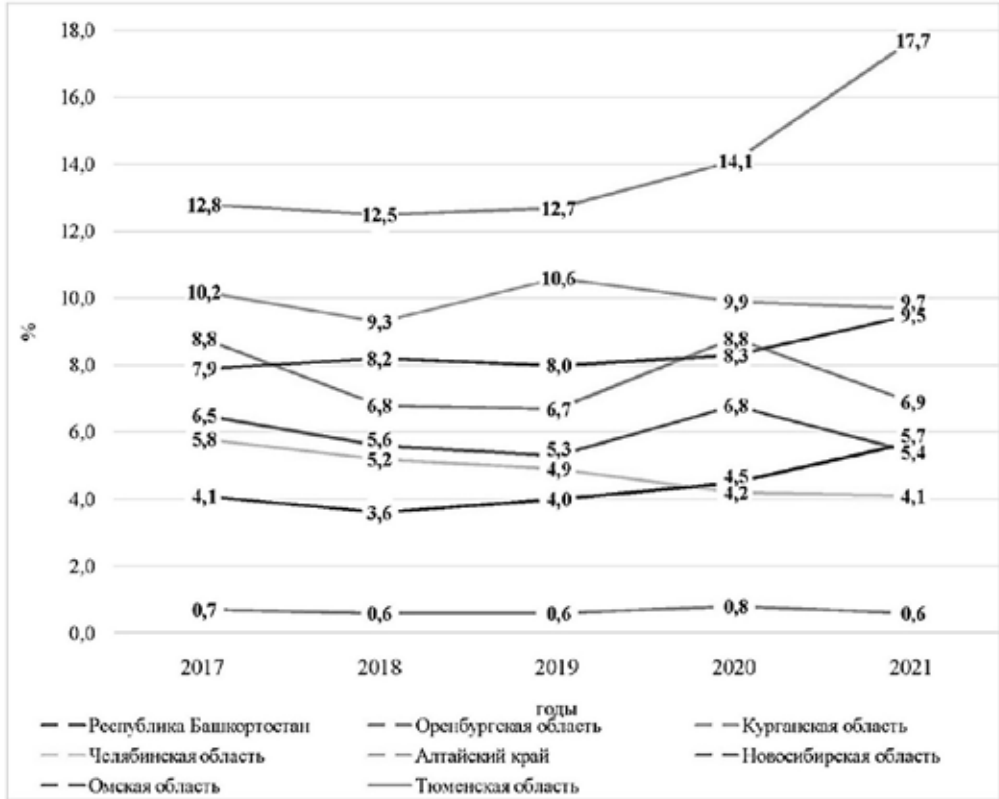

Рис. 3. Динамика доли ВДС сельского хозяйства степных регионов Зауралья и юга Западной Сибири
Fig. 3. Dynamics of the share of GVA in agriculture of the steppe regions of the Trans-Urals and the south of Western Siberia

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

Рассмотрим, как менялась структура ВДС по основным видам экономической деятельности (ВЭД) (ВДС по ВЭД добыча, сельское хозяйство, обрабатывающие производства, транспорт и связь) на основе расчёта показателей структурных сдвигов Салаи и Гатева (табл. 1). Для сравнения взят пятилетний период за 2017–2021 годы. Согласно полученным результатам, наименьшие различия в структуре ВДС

наблюдались в Республике Башкортостан (близки к 0 оба показателя), Курганской и Омской областях. Наибольшие различия в Челябинской, Новосибирской областях и Алтайском крае. Челябинская область и Алтайский край наращивали производства в сфере обрабатывающей промышленности, что является позитивным сигналом для межрегионального и межгосударственного развития.

Таблица 1
Результаты расчёта показателей структурных различий в структуре ВДС

Table 1

Results of calculating indicators of structural differences in the structure of GVA

Регион	Индекс Салаи	Индекс Гатева
Республика Башкортостан	0,08	0,06
Оренбургская область	0,10	0,18
Курганская область	0,02	0,03
Челябинская область	0,27	0,11
Тюменская область	0,13	0,12
Алтайский край	0,11	0,18
Новосибирская область	0,18	0,10
Омская область	0,07	0,12

Источник: рассчитано авторами по данным из статистических сборников Росстата за 2017 и 2021 год.

Таблица 2
Результаты построения интегральных показателей оценки социально-экономического и экологического состояния*

Table 2

Table 2

Results of constructing integral indicators for assessing socio-economic and environmental conditions

Показатель	Социальное развитие, уровень информативности 61%	Экономическое развитие, уровень информативности 79%	Экологическое благополучие, уровень информативности 72%
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников	-	-	-0,8538 (-0,585)
Сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты	-	-	-0,8538 (-0,585)
Коэффициент рождаемости	0,5151 (0,142)	-	-
Коэффициент смертности	-0,9412 (-0,2595)	-	-
Число прибывших, человек	0,9463 (0,2608)	-	-
Число выбывших, человек	0,9215 (0,2541)	-	-
Коэффициент преступности на 100 000 человек	-0,2433 (-0,0671)	-	-
Уровень бедности	-0,8197 (-0,2259)	-	-
ВРП на душу населения	-	0,9595 (0,242)	-
Инвестиции в основной капитал на душу населения	-	0,9641 (0,243)	-
Экспорт общий	-	0,9811 (0,248)	-
Грузооборот	-	0,8905 (0,225)	-
Пассажирооборот	-	0,5898 (0,149)	-

*оценка коэффициента корреляции между интегральным показателем и исходными показателями, коэффициент линейного преобразования — в скобках.

Источник: рассчитано авторами по данным из статистических сборников Росстата за 2021 год.

Так как первая главная компонента по социальным показателям имеет тесную прямую связь с такими показателями как уровень рождаемости, число прибывших, а также тесную отрицательную связь с показателями смертности и бедности, то интегральным показателем, который построен на основе линейной комбинации исходных центрировано-нормированных показателей, можно назвать «Социальное развитие» (табл. 2). Соответственно, чем больше индивидуальные значения, тем лучшую позицию занимает регион в пространстве показателя «Социальное развитие».

Второй интегральный показатель получил название «Экономическое развитие», что обусловлено тесной положительной связью этого показателя с исходными признаками, характеризующими сферу

экономики. При формировании этого показателя также учтены показатели развития транспорта, что позволяет отобразить потенциал региона для межрегионального и межгосударственного сотрудничества.

Для учёта экологического состояния были использованы два показателя — «Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников», и «Сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты». Первый показатель не был рассмотрен как тесно коррелированный с показателями грузо- и пассажирооборота. Интегральный показатель имеет тесную обратную связь с обоими показателями экологического загрязнения, что позволяет охарактеризовать его как «Экологическое благополучие».

Таблица 3

Индивидуальные значения интегральных показателей оценки социально-экономического и экологического состояния

Table 3

Individual values of integral indicators for assessing socio-economic and environmental conditions

Регион	Социальное развитие	Экономическое развитие	Экологическое благополучие
Республика Башкортостан	0,92409	0,053387	-0,42874
Оренбургская область	-0,49110	-0,431091	0,27552
Курганская область	-1,29218	-0,864420	1,00096
Челябинская область	0,09733	-0,137957	-0,90456
Тюменская область	1,85055	2,333765	-1,86112
Алтайский край	-0,78774	-0,563336	1,00660
Новосибирская область	0,10964	0,125033	0,57361
Омская область	-0,41059	-0,515381	0,33773

Источник: рассчитано авторами по данным из статистических сборников Росстата за 2021 год.

В табл. 3 приведены индивидуальные значения интегральных показателей, которые являются центрировано-нормированными по своему построению (то есть безразмерными). Согласно полученным данным Тюменская область занимает наихудшее положение в экологическом благополучии степных регионов Зауралья и юга Западной Сибири, что объясняется высокими значениями выбросов из стационарных источников

(2343 тыс. тонн за 2021 г.; для примера, в самом благополучном Алтайском крае этот показатель составил 177 тыс. тонн). Для более наглядного представления рассматриваемых регионов представим их в трёхмерном пространстве интегральных признаков (рис. 4), где Тюменская область представлена в левом верхнем углу. В соответствии с рисунком, чем выше и правее располагаются регионы, тем лучшую позицию они

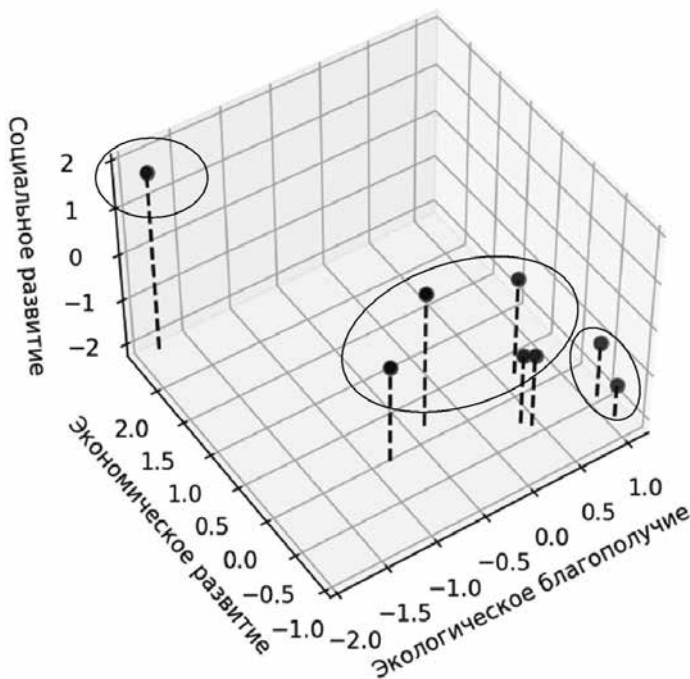

Рис. 4. Кластеры степных регионов Зауралья и юга Западной Сибири в пространстве интегральных показателей

Fig. 4. Clusters of the steppe regions of the Trans-Urals and the south of Western Siberia in the space of integral indicators

Источник: составлено авторами по данным из статистических сборников Росстата.

занимают в социально-экономическом развитии и экологическом благополучии. Для удобства интерпретации выделим кластеры в трёхмерном пространстве на основе метода k-средних. Разбиение проводили по трём кластерам, предположив, что один регион (Тюменская область), расположенный в большом отдалении от остальных на рис. 4 выделен в отдельный кластер, а оставшиеся 7 регионов логично разбить на две группы. Представим графически средние значения каждого интегрального показателя.

По рис. 5 видим, что в соответствии с расчётами, третий кластер имеет наибольшие значения по социальному и экономическому развитию, но при этом имеет худшую позицию по уровню экологического благополучия. В этот кластер попал только один регион — Тюменская область. Второй кластер, куда попали 5 регионов (Орен-

бургская, Курганская, Новосибирская, Омская области, Алтайский край) имеют низкие значения по уровню социального и экономического развития и высокие значения по экологическому благополучию. В первый кластер вошли Республика Башкортостан и Челябинская область, которые характеризуются хорошими значениями социально-экономического развития и относительно хорошим экологическим благополучием.

Таким образом, расслоение рассматриваемых 8 степных приграничных регионов Зауралья и юга Западной Сибири подтвердилось как на основе визуального анализа, так и кластерного метода k-средних. С точки зрения социально-экономического потенциала для межрегионального и межгосударственного сотрудничества наиболее перспективными являются Тюменская и Новосибирская области, а также Респу-

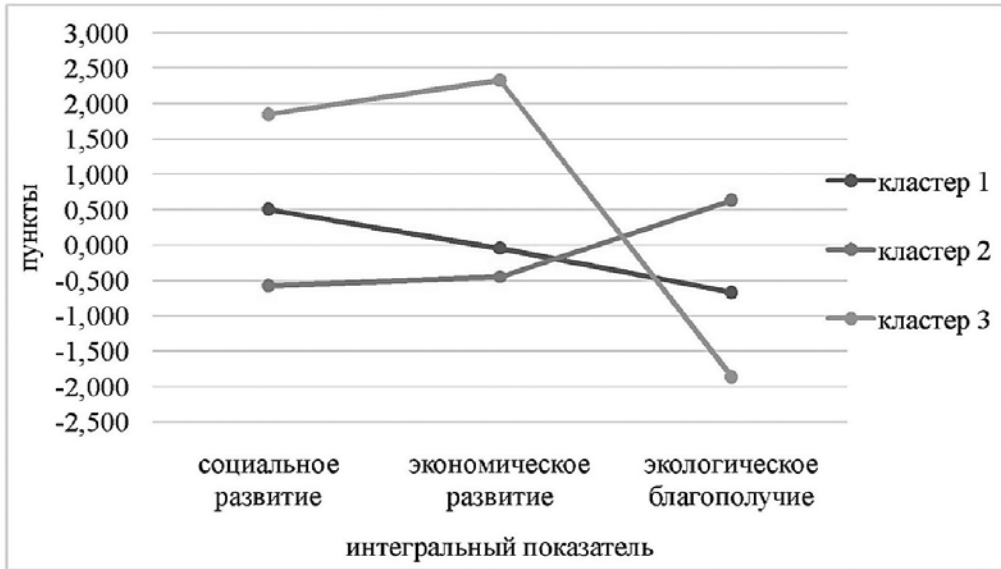

Рис. 5. Средние значения интегральных показателей, характеризующих социально-экономическое развитие и экологическое благополучие степных регионов Зауралья и юга Западной Сибири

Fig. 5. Graph of average values of integral indicators characterizing the socio-economic development and environmental well-being of the steppe regions of the Trans-Urals and the south of Western Siberia
Источник: рассчитано авторами по данным из статистических сборников Росстата.

блика Башкортостан. Наиболее депрессивным среди рассматриваемых регионов является Курганская область, властям которой следует предпринимать меры по улучшению экономики и социальной сферы.

Выводы

Проведённый анализ показал, что приграничные регионы Зауралья и юга Западной Сибири имеют неравномерное социально-экономическое развитие. Значимую долю в экономике региона аграрный сектор занимает для Алтайского края, Курганской, Омской и Оренбургской областей. В этих регионах уровни разработанных интегральных показателей, характеризующих социальное развитие, принимают отрицательные значения, что свидетельствует о проблемах в рождаемости, смертности, высоком уровне бедности и отрицательном миграционном saldo.

Для Курганской области сложилась ситуация, при которой взрослое трудоспособное население сконцентрировалось в городах, что создаёт определённые угрозы для дальнейшего развития сельского хозяйства в этом регионе. Недостаток рабочей силы на селе может восполнить приток мигрантов. В частности, по государственной программе по добровольному переселению соотечественников при создании благоприятных условий в Курганской области можно ожидать рост мигрантов из Костанайской области, где доля русского населения составляет 33% и Северо-Казахстанской области, где доля русского населения — 37%⁸.

Наиболее высокие значения интегрального показателя «Социальное развитие» наблюдаются для Тюменской области, Респу-

⁸ Краткие итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. — URL: <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/e62/b1e0sokkht34a1iyu2qdmu30dayt6sz1/Краткие%20итоги%20Переписи%20населения.pdf> (дата обращения: 21.03.2024).

блики Башкортостан и Новосибирской области, что, учитывая их невысокий уровень урбанизации относительно других рассматриваемых регионов, свидетельствует о благополучии в социальной сфере как в городской, так и сельской местности. Кроме того, для этих регионов наблюдаются высокие положительные значения интегрального показателя «Экономическое развитие» и отрицательные значения показателя «Экологическое благополучие», что можно объяснить развитием в этих регионах промышленного производства. Именно эти субъекты Российской Федерации обладают наибольшим потенциалом для расширения сотрудничества с Республикой Казахстан.

Новосибирская и Челябинская области демонстрируют приблизительно одинаковые позиции по социальному развитию, однако, в соответствии с кластерным ана-

лизом попали в разные группы по уровню социо-эколого-экономического развития, что объясняется значительным различием в уровне экологического благополучия.

В дальнейших исследованиях анализ уровня социо-эколого-экономического состояния регионов Зауралья и юга Западной Сибири планируется дополнить переоценкой значений интегральных показателей в динамике, что позволит определить, как влияет неблагоприятная экологическая обстановка на социальном и экономическом развитии этих регионов.

Предложенный подход может быть использован для оценки социо-эколого-экономического развития других субъектов РФ, а результаты исследования — для разработки программы устойчивого развития территорий, как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Литература и Интернет-источники

1. **Епринцев, С. А.** Геоинформационное картографирование урбанизированных территорий как механизм социально-экологического мониторинга / С. А. Епринцев, С. В. Шекоян // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. — 2019. — № 4. — С. 25–28. DOI: 10.23885 / 2500-123X-2019-2-4-25-28; EDN: SSYGGR
2. **Капнушева, Т. Л.** Динамика социально-экономического развития Свердловской области / Т. Л. Капнушева // Естественнo-гуманитарные исследования. — 2022. — № 44(6). — С. 125–128. EDN: MZXHNSW
3. **Маковецкий, М. Ю.** Трансформация Омского региона в контексте актуальных трендов социально-экономического развития Российской Федерации / М. Ю. Маковецкий, Е. Н. Маковецкая, Д. В. Рудаков // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. — 2021. — № 4(39). — С. 14–23. DOI: 10.21777 / 2587-554X-2021-4-14-23; EDN: DMHPXK
4. **Пилова, Ф. И.** Проблемы устойчивого развития экономики региона / Ф. И. Пилова // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В. М. Кокова. — 2021. — № 2(32). — С. 132–136. EDN: AHYOIG
5. **Сахарова, Л. В.** Нечетко-множественная методика комплексной оценки состояния социально-экономических систем региона / Л. В. Сахарова, Г. И. Акперов // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. — 2020. — № 2. — С. 137–143. EDN: UPXGPO
6. **Чибилев, А. А.** Современное состояние природно-экологического каркаса бассейна реки Урал в пределах Оренбургской области и его роль в социально-экономическом развитии региона / А. А. Чибилев, Д. С. Мелешкин, Д. В. Григорьевский // Успехи современного естествознания. — 2017. — № 8. — С. 122–127. EDN: ZFDNPN
7. **Бобылев, Н. Г.** Ранжирование регионов Арктической зоны Российской Федерации по индексу экологической безопасности / Н. Г. Бобылев, С. Гадаль, М. О. Коновалова [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2020. — № 3(69). — С. 17–40.

DOI: 10.37614 / 2220-802X.2.2020.69.002; EDN: BCSPQK

8. **Веселова, В. Н.** Рейтинг качества жизни населения российских регионов / В. Н. Веселова, О. В. Валева, Л. М. Корытный // География и природные ресурсы. — 2020. — № 4(163). — С. 14–24. EDN: OLUUXL
9. **Голованов, Е. Б.** Роль и значение экологической нагрузки в системе региональной экономической безопасности / Е. Б. Голованов, Л. М. Михалина, К. В. Екимова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2018. — Т. 12. — № 4. — С. 14–25. DOI: 10.14529 / em180402; EDN: YRJMFN
10. **Зазнобина, Н. И.** Сравнительная динамика социо-эколого-экономических систем регионов Приволжского федерального округа на основе обобщенной функции желательности / Н. И. Зазнобина, Е. Д. Молькова, В. Н. Якимов, Д. Б. Гелашвили // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2016. — Т. 18. — № 2–3. — С. 675–680. EDN: XUXRKB
11. **Руднева, О. С.** Освоенность степных приграничных территорий России как аспект устойчивого развития страны / О. С. Руднева // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. — 2014. — № 4(48). — С. 203–207. EDN: SUCRPR
12. **Акчулпанов, Ю. К.** Пути решения проблем прогнозирования социально-экономического развития региона / Ю. К. Акчулпанов // Уфимский гуманитарный научный форум. — 2023. — № 4(16). — С. 13–22. DOI: 10.47309 / 2713-2358-2023-4-13-22; EDN: DTENWQ
13. **Тихий, В. И.** Проблемы устойчивости развития сельских территорий региона: эколого-социо-экономический анализ / В. И. Тихий, О. В. Корева // ИнтерКарто. ИнтерГИС. — 2017. — Т. 23. — № 1. — С. 50–70. DOI: 10.24057 / 2414-9179-2017-1-23-50-70; EDN: ZIGEBV
14. **Адам, А. М.** Оценка экологической устойчивости развития регионов Сибирского Федерального округа / А. М. Адам, Н. И. Лаптев // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 8–1. — С. 126–129. EDN: WKCHFN
15. **Омельченко, Д. А.** Математико-статистический анализ социальной безопасности в приграничных регионах России: опыт построения типологии / Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина // Society and Security Insights. — 2020. — Т. 3. — № 2. — С. 104–131. DOI: 10.14258 / ssi(2020)2-07; EDN: OMDZOU

Сведения об авторах:

Туктамышева Лилия Мухаммадиевна, к.э.н., научный сотрудник Института степи Уральского отделения РАН; доцент Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: lmtuktamishева@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0633-6766; РИНЦ SPIN-код: 9585–0967.

Чибилёв Александр Александрович, к.э.н., ведущий научный сотрудник, зав. отделом Института степи Уральского отделения РАН, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: economgeo-is@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1109-6231; РИНЦ SPIN-код: 5365–3460.

Лебедева Татьяна Викторовна, к.э.н., научный сотрудник Института степи Уральского отделения РАН; доцент Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: tatyana_v_lebedeva@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9295-5784; РИНЦ SPIN-код: 4335–0050.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-86-100

ASSESSMENT OF SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC FEATURES OF THE CURRENT STATE OF THE STEPPE AREAS OF THE TRANS-URALS AND THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Lilia M. Tuktamysheva^{1,2}, Alexander A. Chibilyov (jr.)^{1*}, Tatyana V. Lebedeva^{1,2}

¹*Institute of Steppe of the Ural Branch RAS, Russia, Orenburg
(11, Pionerskaya str., Orenburg, Russia, 460000)*

²*Orenburg State University
(13, building 3, Victory prospect, Orenburg, Russia, 460000)*

*E-mail: economgeo-is@mail.ru

Funding:

The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation project 20-17-00069 «Geographical basis for the spatial development of agricultural post-virgin regions of the Urals and Siberia».

For citation:

Tuktamysheva L. M., Chibilyov A. A. (jr.), Lebedeva T. V. Assessment of socio-ecological-economic features of the current state of the steppe areas of the Trans-Urals and the south of Western Siberia. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 86-100. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-86-100

Abstract. *To identify the prospects for expanding interstate cooperation with the Republic of Kazakhstan, it is necessary to assess the socio-ecological and economic state of the border regions of the Trans-Urals and the south of Western Siberia. First of all, conditions should be created in the Russian Federation that will favour development of human capital and stop the outflow of population from the border territories of the country, which is possible provided that the socio-ecological and economic indicators of the regions of the country are superior to neighboring foreign territories. To assess the prospects for interstate cooperation in the regions under consideration, it is necessary to analyze the indicators characterizing the state of their economy, social sphere and environmental situation. To achieve this goal, the article uses statistical and mathematical-statistical (principal component method, iterative cluster method) methods. The analysis showed that the border regions of the Trans-Urals and the south of Western Siberia are characterized by a flow of the working-age population to cities, which is connected with the growth of manufacturing industries. Even with a low rural population density, these regions make a significant contribution to the food supply of the subjects of the Russian Federation and adjacent territories of the Republic of Kazakhstan that increases the value of the human capital of these regions. To comprehensively display the socio-ecological-economic state on the basis of 13 indicators, three integral indicators have been developed that characterize regions according to the level of socio-ecological and economic development. The analysis showed that in terms of socio-economic potential for interregional and interstate cooperation, the most promising are Tyumen, Novosibirsk oblasts and the Republic of Bashkortostan. The most depressed among the regions under consideration is Kurgan Oblast, where it is necessary to adjust measures to improve the demographic condition, economic development and social sphere. The results of the study can be used to develop a program for sustainable development of territories, both at the regional and federal levels.*

Keywords: *border steppe regions, integral indicator, k-means method, ecological state, socio-economic development.*

References and Internet sources

1. Eprintsev S. A., Shekoyan S. V. Geoinformatsionnoye kartografirovaniye urbanizirovannykh territorij kak mekhanizm sotsial'no-ekologicheskogo monitoringa [Geoinformation mapping of urbanized territories as a mechanism of social and ecological monitoring]. *Ekonomika. Informatika. Seriya: Geoinformatsionnyje tekhnologii i kosmicheskij monitoring [Ecology. Economy. Computer Science. Series: Geoinformation Technologies and Space Monitoring]*. 2019. No. 4. P. 25–28. DOI: 10.23885/2500-123X-2019-2-4-25-28 (in Russ.)
2. Kappusheva T. L. Dinamika sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sverdlovskoj oblasti [Dynamics of socio-economic development of the Sverdlovsk region]. *Estestvenno-gumanitarnyje issledovaniya [Science and Humanities Studies]*. 2022. No. 44(6). P. 125–128. (in Russ.)
3. Makovetsky M. Yu. Transformatsiya Omskogo regiona v kontekste aktual'nykh trendov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federatsii [Transformation of the Omsk region in the context of current trends in socio-economic development of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenije [Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management]*. 2021. No. 4(39). P. 14–23. DOI: 10.21777/2587-554X-2021-4-14-23 (in Russ.)
4. Pilova F. I. Problemy ustojchivogo razvitiya ekonomiki regiona [Problems of sustainable development of the regional economy]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta imeni V. M. Kokova [Izvestia of Kabardino-Balkarian State Agrarian University]*. 2021. No. 2(32). P. 132–136. (in Russ.)
5. Saharova L. V., Akperov G. I. Nechotko-mnozhestvennaya metodika kompleksnoj otsenki sostoyaniya sotsial'no-ekonomicheskikh system regiona [Fuzzy-multiple methodology for an integrates assessment of the state of socio-economic systems of the region]. *Intellectual'nyje resursy — regional'nomu razvitiyu [Intellectual Resources for Regional Development]*. 2020. No. 2. P. 137–143. (in Russ.)
6. Chibilev A. A., Meleshkin D. S., Grigorevsky D. V. Sovremennoje sostoyanije prirodno-ekologicheskogo karkasa bassejna reki Ural v predelakh Orenburgskoj oblasti i yego rol' v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii regiona [Modern status of the natural-ecological framework of the Ural River basin within the Orenburg region and its role in the socio-economic development of the region]. *Uspekhi sovremennojo yestestvoznaniya [Advances of Modern Natural Science]*. 2017. No. 8. P. 122–127. (in Russ.)
7. Bobilev N. G., Gadal S., et al. Ranzhirovaniye regionov Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii po indeksu ekologicheskoy bezopasnosti [Regional ranking of the Arctic zone of the Russian Federation on the basis of the environmental safety index]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [North and Market: Formation of Economic Order]*. 2020. No. 3(69). P. 17–40. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.69.002 (in Russ.)
8. Veselova V. N., Valeeva O. V., Korytny L. M. Rejting kachestva zhizni naseleniya rossijskikh regionov [Rating of the quality of life of the population in Russian regions]. *Geografiya i prirodnyje resursy [Geography and Natural Resources]*. 2020. No. 4(163). P. 14–24. (in Russ.)
9. Golovanov E. B., Mikhalina L. M., Ekimova K. V. Rol' i znachenije ekologicheskoy nagruzki v sisteme regional'noj ekonomicheskoy bezopasnosti [Role and importance of environmental pressure in the system of regional economic security]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management]*. 2018. Vol. 12. No 4. P. 14–25. DOI: 10.14529/em180402 (in Russ.)
10. Zaznobina N. I., Molkova E. D., et al. Sravnitel'naya dinamika sotsio-ekologo-ekonomicheskikh system regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga na osnove obobshchennoj funktsii zhelatel'nosti [The comparative dynamics of socio-ecological-economic systems of Privolzhsky Federal District regions on the basis of the desirability generalized function]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk [News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*. 2016. Vol. 18. No. 2–3. P. 675–680. (in Russ.)
11. Rudneva O. S. Osvojenost' stepnykh prigranichnykh territorij Rossii kak aspekt ustojchivogo razvitiya strany [Utilization of the steppe border territories of Russia as a factor of sustainable

- development of the country]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [News of the Orenburg State Agrarian University]. 2014. No. 4(48). P. 203–207. (in Russ.)
12. Akchulpanov Yu. K. Puti resheniya problem prognozirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Ways to solve the problems of forecasting the socio-economic development of the region]. *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum* [Ufa Humanitarian Scientific Forum]. 2023. No. 4(16). P. 13–22. DOI: 10.47309/2713-2358-2023-4-13-22 (in Russ.)
 13. Tikhy V. I., Koreva O. V. Problemy ustojchivosti razvitiya sel'skikh territorij regiona: ekologo-sotsio-ekonomicheskij analiz [Problems of sustainable development of rural territories of the region: ecological and socio-economic analysis]. *Interkarto. InterGIS* [Intercarto. InterGIS]. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 50–70. DOI: 10.24057/2414-9179-2017-1-23-50-70 (in Russ.)
 14. Adam A. M., Laptev N. I. Otsenka ekologicheskoy ustojchivosti razvitiya regionov Sibirskogo Federal'nogo okruga [Assessment of environmental sustainability of development of regions of the Siberian Federal District]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern Trends in the Development of Science and Technology]. 2016. No. 8–1. P. 126–129. (in Russ.)
 15. Omel'chenko D. A., Maximova O. E., Noyanzina O. R. Matematiko-statisticheskij analiz sotsial'noj bezopasnosti v prigranichnykh regionakh Rossii: opyt postroyeniya tipologii [Mathematical and statistical analysis of social security in border regions of Russia: experience of typology building]. *Society and Security Insights*. 2020. Vol. 3. No 2. P. 104–131. DOI: 10.14258/ssi(2020)2-07 (in Russ.)

Information about the authors:

Tuktamysheva Lilia Mukhammadievna, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS; Associate Professor, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: lmtuktamisheva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0633-6766; Elibrary SPIN-code: 9585–0967.

Chibilyov (jr.) Alexander Alexandrovich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Head of Department, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: economgeo-is@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1109-6231; Elibrary SPIN-code: 5365–3460.

Lebedeva Tatyana Victorovna, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS; Associate Professor, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: tatyana_v_lebedeva@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9295-5784; Elibrary SPIN-code: 4335–0050.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-101-113
EDN: ACAWDI

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

Хаджалова Х. М.*, Гимбатов Ш. М.

Институт социально-экономических исследований
Дагестанского федерального научного центра РАН
(367030, Россия, Махачкала, проспект М. Ярагского, 75)

*E-mail: chaha@mail.ru

Для цитирования:

Хаджалова Х. М., Гимбатов Ш. М. Социокультурные факторы в формировании образовательного потенциала регионов Северного Кавказа // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 101-113. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-101-113; EDN: ACAWDI

Аннотация. Целью проведённого исследования являлось выявление мотивов, ценностных и поведенческих установок, предпочтений, оказывающих влияние на развитие образовательного потенциала населения субъектов Северо-Кавказского федерального округа РФ. Определены основные проблемы доступности и качества в получении образования на разных стадиях его формирования, дана оценка влияния экономических, социальных и культурных ресурсов семьи на образовательные траектории. Исследование проводилось в южных национальных регионах России путём онлайн-опроса «Выявление особенностей социо-демографического, экономического и трудового поведения населения». Приведены результаты анализа полученных эмпирических данных. Показано, что определяющее влияние на образовательные траектории семей на Северном Кавказе оказывают, прежде всего, социокультурные факторы. Сформулированы направления развития образовательного потенциала населения СКФО, нацеленные на повышение качества и практической ценности образовательных программ, развитие приоритетных областей подготовки специалистов. Сделан вывод о том, что для совершенствования системы образования необходим комплексный подход, затрагивающий все уровни — от школьного до высшего и дополнительного образования. Ключевыми аспектами формирования программ развития образовательного потенциала являются практико-ориентированность обучения, доступность качественного образования для всех категорий населения, учёт этнокультурного многообразия и ориентация на приоритетные для развития региона направления подготовки кадров.

Ключевые слова: образовательный потенциал, человеческий потенциал, высшее образование, качество образования, социокультурные факторы, Северо-Кавказский федеральный округ.

Введение

Образование — важный аспект жизни каждого человека, который способствует его интеллектуальному, духовному, нравственному, творческому и профессиональному развитию, цель которого состоит не только в передаче знаний и формировании навыков, но и в воспитании личности, развитии критического мышления и способности к самостоятельной деятельности [1]. Эффективное использование образовательного потенциала способствует устойчивому социально-экономическому развитию и процветанию общества [2].

Важность образования для формирования человеческого капитала была отмечена в работах Т. Шульца и Г. Беккера [3; 4], которые подчеркивали, что «образовательный потенциал включает в себя такие компоненты, как знания, навыки, способности, опыт и творческий потенциал. Развитие образования и формирование человеческого капитала тесно связаны с развитием экономики знаний. Экономика знаний характеризуется тем, что основным фактором производства является знание, а главным продуктом — информация. В такой экономике роль образования значительно возрастает, поскольку оно позволяет людям приобретать и обновлять знания и навыки, необходимые для работы в условиях быстро меняющихся технологий и высокой конкуренции» [4]. Теория человеческого капитала утверждает, что «инвестиции в образование и приобретение знаний и навыков являются не просто потреблением, а вложением в самого себя, которое приносит дивиденды в виде более высоких доходов и лучшего благополучия» [5]. П. Бурдые представил свою теорию о трёх видах капитала (экономического, культурного и социального) [7], каждый из которых играет важную роль в формировании статуса и положения индивида в обществе. Их взаимодействие и сочетание определяют возможности и привилегии, которыми обладает индивид [2].

Оценивая роль образования в социальной мобильности, П. Сорокин подчёркивал, что «система образования выполняет роль

некоего фильтра, способного отделять наиболее талантливых студентов от менее способных. Проходя через этот фильтр, одни поднимаются вверх по общественной лестнице, а другие — остаются на нижних уровнях. Важно отметить, что эффективность этого фильтра в значительной степени определяет, какие люди достигнут верхних слоев общества, а какие останутся внизу» [6]. Однако, помимо рассмотренных аспектов, существует ещё одна важная сторона влияния системы образования на общество, связанная с социальной мобильностью и возможностью перехода между социальными слоями. Система образования может либо способствовать социальной мобильности, позволяя людям подняться на более высокие ступени общественной лестницы, либо ограничивать возможности для личностного и профессионального развития.

В российской социологии проблемы и барьеры доступа к высшему образованию, влияние экономического, культурного и социального капитала семьи на образовательные траектории детей, начиная с 1960-х гг., находятся в центре внимания В. Н. Шубкина и его школы [8]. Им было подтверждено, что семьи с высоким уровнем капитала могут позволить себе оплачивать обучение в хороших школах, нанимать репетиторов, покупать учебные материалы; они также обладают более широкой сетью социальных связей, которая может помочь их детям поступить в вуз. Дети из семей с низким уровнем капитала, напротив, сталкиваются с многими барьерами на пути к высшему образованию. В результате дети из семей с высоким уровнем капитала имеют больше шансов получить высшее образование и занять престижные социальные позиции, в то время как дети из семей с низким уровнем капитала чаще оказываются в маргинальных социальных группах [9]. Аналогичные результаты были получены Е. С. Петренко и Е. Г. Галицкой, считавшими, что семья является важнейшим фактором, влияющим на образовательные и профессиональные достижения детей [5]. Именно образованию принадлежит первостепенная роль в формировании и развитии интеллектуально-

образовательного потенциала, поскольку образование есть ценность и ресурс, открывающий дорогу к благосостоянию и повышению качества жизни.

Результаты исследования

Опрос «Выявление особенностей социодемографического, экономического и трудового поведения населения» был проведён в июне-августе 2023 г. Институтом социально-экономических исследований Дагестанского федерального научного центра (ИСЭИ ДФИЦ) РАН среди жителей южных национальных регионов России¹. Анкета включала комплекс вопросов, охватывающих демографические характеристики, социально-экономические показатели, а также аспекты, связанные с семейными ценностями и традициями. Особое внимание в опросе уделялось оценке текущего материального положения респондентов, используемым ими стратегиям его улучшения, а также представлениям об оптимальных способах достижения финансового успеха.

Основным вопросом онлайн-опроса являлся «Как Вы оцениваете качество образования?». Качество образования, получаемое в высших учебных заведениях, 64% респондентов оценило как среднее, 19% — как низкое и только 8% опрошенных — высоким. Немного лучше респондентами оценивается качество получаемого среднего образования: 12% считают получаемое среднее общее образование — высоким, 65% — средним и 11% — низким. Сходный уровень оценок был дан и качеству получаемого среднего профессионального образования.

Для оценки качества образования в общей совокупности опрошиваемых была выделена экспертная группа, чья трудовая деятельность напрямую связана с образованием, развитием образовательного потенци-

ала, это научные работники, профессорско-преподавательский состав, государственные служащие и представители организаций (N=56). Большинство респондентов этой экспертной группы оценили качество образования (от среднего общего до высшего) как среднее.

Среди причин, по которым качество получаемого образования различных уровней, по мнению экспертной группы, не может расцениваться как высокое, преобладают следующие (рис. 1).

Полученное распределение ответов отражает сложное сочетание различных причин недостаточно высокого качества образования. В системе высшего образования это: несовершенство образовательных программ (40%); недостаточный уровень финансирования (34%); низкое качество предоставляемых знаний (32%); в системе среднего профессионального образования: низкий престиж, обесценивание образования (30%); недостаточный уровень финансирования, несовершенство образовательных программ и недостаточность условий для обучения (28%); в системе общего образования: недостаточный уровень финансирования (30%); несовершенство образовательных программ (28%); недостаточность условий для обучения (26%).

Распределение ответов на вопрос: «Для чего сегодня необходимо иметь высшее образование?», представлено на рис. 2. На первое место выходят критерии личного успеха, имеющие целью достижение материальных благ — хорошо оплачиваемая работа (65%), востребованность профессии (52%), возможность добиться успеха посредством карьерного роста (45%). Свыше 1/3 респондентов отметили, что наличие высшего образования повышает вероятность трудоустроиться. Ценности, декларирующиеся россиянами 30 лет назад (найти интересную, творческую работу, повышение своего культурного уровня, уважение окружающих) и казавшиеся тогда первоочередными, ныне набирают всего порядка 10–25%. Возможно, сегодня сам факт наличия высшего образования становится более значимым нежели его качество.

¹ Метод сбора информации — анкетный онлайн-опрос взрослого населения. Выборочная совокупность — 424 человека, 64% которых — жители Республики Дагестан. Среди типов населённых пунктов преобладают жители городских территорий (61% от общего числа опрошенных). В возрастной структуре преобладают респонденты молодого возраста: 41% от 18 до 25 лет. Образовательный уровень участников опроса варьируется от неполного среднего до высшего (32%).

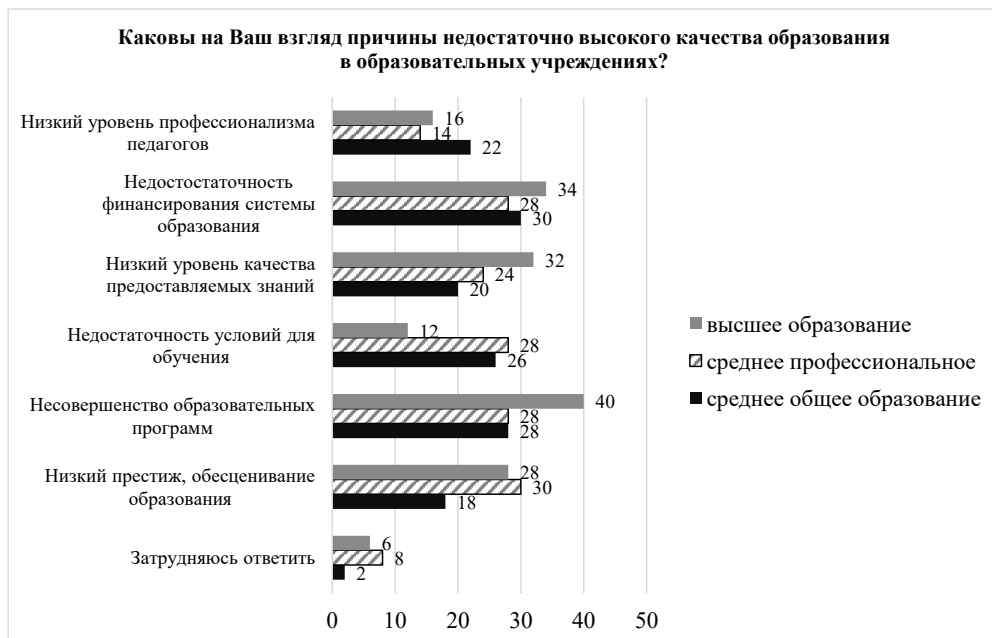

Рис. 1. Причины недостаточно высокого качества образования в образовательных учреждениях, в % от общего числа ответивших респондентов-экспертов

Fig. 1. Causes of the insufficient quality of education in educational institutions, in % of the total number of expert respondents

Источник: составлено по данным опроса ИСЭИ ДФИЦ РАН, 2023 год.

Рис. 2. Необходимость получения сегодня высшего образования, в % от числа респондентов, имеющих детей

Fig. 2. The need to obtain higher education today, % of respondents with children

Источник: составлено по данным опроса ИСЭИ ДФИЦ РАН, 2023 год.

Для определения ресурсных стратегий семей (финансовое планирование, задействование социальных связей и инвестирование в подготовку к поступлению) в выборе детьми высших учебных заведений,

был задан вопрос: «Предположим, Вашему ребенку по результатам ЕГЭ не удалось поступить в желаемый вуз на бюджетное место. Какой из вариантов Вы бы выбрали? (рис. 3).

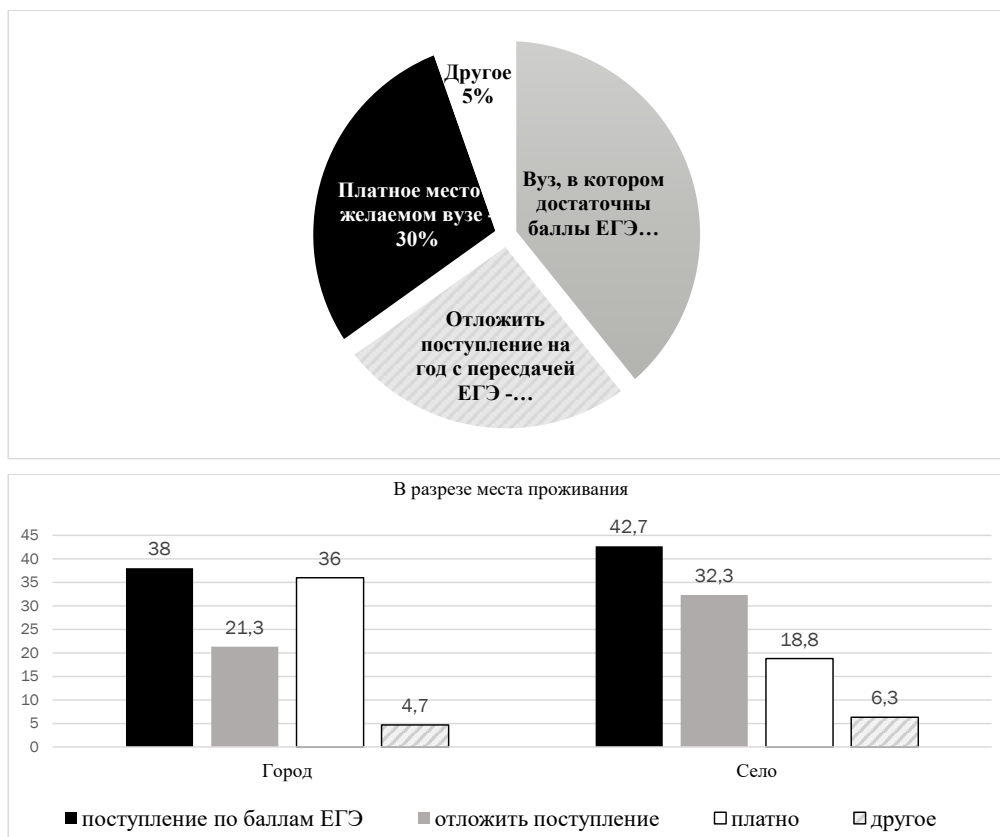

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос относительно выбора вуза, в % от числа респондентов имеющих детей

Fig. 3. Distribution of respondents' answers to the question regarding the choice of university, as a % of respondents with children

Источник: составлено по данным опроса ИСЭИ ДФИЦ РАН, 2023 год.

Немногим меньше половины (39%) респондентов отметили, что если бы их ребенку по результатам ЕГЭ не удалось поступить в желаемый вуз на бюджетное место, то ему следует выбрать тот вуз, в котором достаточно полученных баллов ЕГЭ. Это характерно для и для городских, и для сельских жителей. Четверть респондентов

готова отложить поступление своих детей в вуз на следующий год, для чего необходима пересдача ЕГЭ. И 1/3 респондентов (30%) считают, что ребенку необходимо учиться в желаемом вузе и тем самым проявили готовность поддержать его материально. Для этого семьи готовы либо выделить определенную сумму из семейного

бюджета, либо «одолжить у друзей и родственников», либо «взять кредит». В разрезе места проживания (город/село) готов-

ность поддержать детей материально в основном отмечена городскими жителями (36% против 18,8%).

Респонденты, выразившие готовность в материальной поддержке детей в их выборе желаемого вуза

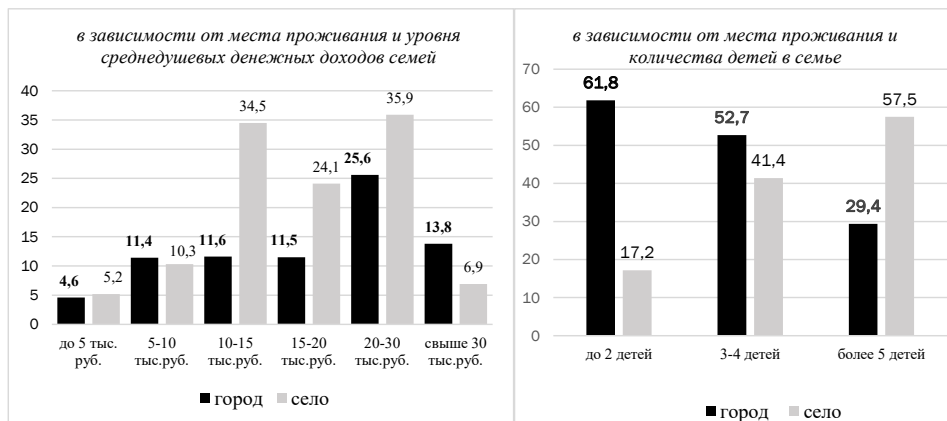

Рис. 4. Распределение ответов респондентов, готовых финансово поддержать детей в их выборе желаемого вуза, в % от числа респондентов, имеющих детей

Fig. 4. Distribution of responses of respondents willing to financially support children in their choice of the desired university, as a % of respondents with children

Источник: составлено по данным опроса ИСЭИ ДФИЦ РАН, 2023 год.

На рис. 4 представлено распределение ответов респондентов, проявивших готовность в оказании материальной поддержки своим детям в их выборе желаемого вуза в корреляции с их местом проживания, среднедушевыми денежными доходами семей и количеством детей в семьях.

Согласно полученным результатам, при любой финансовой возможности сельские жители проявляют большую активность в финансовой поддержке детей на пути к получению знаний. Если у городских жителей возможность материальной поддержки детей в выборе желаемого вуза напрямую зависит от среднедушевых денежных доходов (наибольшую активность проявили горожане с денежными доходами в интервале от 20–30 тыс. руб.), тогда как у сельских жителей денежный фактор не оказывает существенного влияния, т.е. сельские жители готовы к финансовой поддержке детей независимо от среднедушевых денежных доходов (если есть возможность, то поддержат).

Вероятно, это является следствием того, что качество получаемых знаний в сельской местности ниже, чем в городе. При этом городские жители имеют возможность повышать качество образования посредством репетиторства, онлайн обучения, в то время как у сельских жителей данный ресурс ограничен. И для того, чтобы поддержать детей в этом направлении, сельские жители готовы рассмотреть вопрос платного обучения. Финансовая поддержка детей сельскими жителями также имеет целью тот факт, что, получив хорошее образование, у детей будет больше шансов на лучшую жизнь.

На материальную поддержку детей в выборе вуза играет фактор детности. Если у городских жителей при увеличении числа детей снижается возможность их материальной поддержки, то у сельских жителей, наоборот, при увеличении числа детей, семьи проявляют большую активность в финансовой поддержке детей в их выборе места учебы. Возможно, данный факт является след-

ствием того, что в сельской местности социальные выплаты на детей увеличиваются пропорционально количеству детей в семье, а также тот факт, что «дети в селе» рассматриваются как «подспорье в домашнем хозяйстве», что и обеспечивает семье дополнительный источник дохода.

Стремление людей к повышению своего образовательного потенциала является ключевым фактором в их личном и профессиональном успехе. На рис. 5 (а, б) представ-

лены основные цели, обозначаемые респондентами, связанные с повышением своего образовательного уровня. Наиболее популярными ответами на вопрос: «Какие цели Вы ставите перед собой стремясь повысить свой уровень образования», являются: «совершенствование знаний и навыков в своей профессиональной деятельности» — 32% опрошенных (на первом месте, независимо от уровня образования респондентов), «повышение карьерных возможностей» —

Рис. 5а. Распределение ответов на вопрос: «Какие цели ставит перед собой человек, стремясь повысить свой уровень образования?», в % от всех опрошенных

Fig. 5-a. Distribution of answers to the question: «What goals does a person set for himself trying to improve his level of education?», in % of all respondents

Источник: составлено по данным опроса ИСЭИ ДФИЦ РАН, 2023 год.

Какие цели ставит перед собой человек стремясь повысить свой уровень образования?

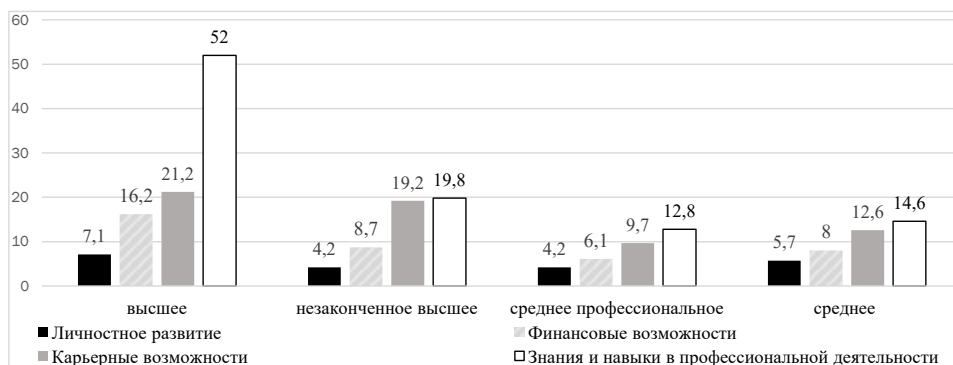

Рис. 5б. Соотношение доли респондентов, нацеленных на повышение своего образовательного уровня в зависимости от уровня образования, в % от всех опрошенных

Fig. 5-b. Ratio of the share of respondents aimed at improving their educational level depending on the level of education, in % of all respondents

Источник: составлено по данным опроса ИСЭИ ДФИЦ РАН, 2023 год.

23%, «улучшение финансовых возможностей» — 22% и «личностное развитие» — 22% опрошенных. Образование ценится высоко и рассматривается как возможность совершенствования своих знаний и навыков в своей профессиональной деятельности, и чем выше уровень образования человека, тем больше проявляется эта цель.

Далее рассмотрим мнение о системе школьного обучения, которая в настоящее время организована таким образом, что без внешней поддержки ученики не в состоя-

нии самостоятельно подготовиться к ОГЭ и ЕГЭ. Сегодня именно семья, по мнению родителей и учителей, несет значительные расходы на повышение образовательного уровня своих детей, нуждающихся в дополнительных занятиях, призванных восполнить знания, которые в необходимом объеме или глубиной теперь на обычных уроках не изучаются. Результаты ответов на вопрос «Какие образовательные, развивающие и культурные занятия/секции посещают Ваши дети?» представлены на рис. 6.

Рис. 6. Виды дополнительных занятий, посещаемых детьми, в % от всех ответов респондентов, имеющих детей

Fig. 6. Types of extracurricular activities attended by children as a % of all answers from respondents with children

Источник: составлено по данным опроса ИСЭИ ДФИЦ РАН, 2023 год.

Согласно результатам опроса, основными видами дополнительных занятий, посещаемых детьми, являются «спортивные и оздоровительные мероприятия» (50% — город, 57% — село); «дополнительные занятия по основным предметам» (52% и 34%, соответственно); и «подготовка к ЕГЭ» (50% и 19%); «обучение музыке, хореографии и театральному искусству» (31% и 29%) и «занятия творчеством» (30% и 28%). О степени доступности дополнительных занятий, восполняющих пробелы в знаниях, предоставляемых школой, можно судить

по тем причинам, которые называют семьи, вследствие которых их дети не посещают подобные занятия (табл. 1). Основная причина отказа от посещения детьми секций дополнительного образования, согласно данным опроса, отсутствие у семей финансовых возможностей.

В 2010 г. при проведении опроса населения Республики Дагестан порядка трети опрошенных отметили, что в случае существенного расширения платности образования будут вынуждены отказаться от платных услуг [10]. За этот период имеющиеся

Таблица 1

**Причины непосещения дополнительных занятий, в %
от всех ответов респондентов, имеющих детей**

Table 1

Reasons for not attending additional classes as a % of all answers from respondents with children

Причина	Город	Село
Отсутствие таких образовательных организаций рядом с местом проживания	8,9	49,3
В таких организациях нет свободных мест	3,6	1,7
Нет возможности сопровождать ребёнка	11,8	12,6
Имеем ограниченные возможности в виду отсутствия финансовых возможностей	33,8	25,5
У ребёнка нет желания	28,3	17,2
У ребёнка нет возможности по состоянию здоровья, опасаемся перегрузки	7,1	4,5
По другим причинам	22,0	15,7

Источник: составлено по данным опроса ИСЭИ ДФИЦ РАН, 2023 год.

реальные доходы населения снизились, при этом доля дополнительного образования, оплачиваемого семьями, выросла.

Таким образом, исходя из проведённого анализа данных опроса, можно сделать следующие выводы: 1) качество образования, предоставляемое образовательными учреждениями, оценивается респондентами как среднее, так же, как и условия, созданные для развития образования; 2) финансирование системы образования и условий для получения общего и среднего профессионального образования недостаточно, несовершенные образовательные программы, применяемые на различных уровнях получения образования, нуждаются в улучшении; 3) необходимость высшего образования рассматривается, прежде всего, как критерий личного успеха, имеющий целью достижение материальных благ; 4) при выборе вуза родителями отдается предпочтение вузу, в котором достаточны полученные баллы ЕГЭ; 5) сельские жители готовы активнее, чем городские, поддержать своих детей в получении качественного образования; 6) главной целью человека, стремящегося к повышению своего образовательного уровня, является повышение знаний и навыков в своей профессиональной деятельности. Данная цель является определяющей для всех респондентов независимо от их уровня образования; 7) для повышения образовательного уровня детей родители

ли активно прибегают к системе дополнительного обучения, как правило, платного. Основными секциями, посещаемыми детьми, являются: спортивные и оздоровительные мероприятия, дополнительные занятия по основным предметам, подготовка к ЕГЭ; 8) причинами, по которым дети не имеют возможности в повышении своего образовательного потенциала, являются отсутствие у семей финансовых возможностей, а в сельской местности — отсутствие организаций дополнительного образования.

Направления развития образовательного потенциала региона

С учётом полученных результатов мы предлагаем к внедрению комплекс мер, направленных на повышение качества и практической ценности образовательных программ, развитие приоритетных направлений подготовки, равный доступ к обучению и профориентационную работу [11]. Реализация этих мер позволит вывести систему образования региона на качественно новый уровень.

Следует продолжить работу по привлечению педагогических кадров на сельские территории путем реализации программ повышения заработной платы и предоставления жилья, таких как «Земский учитель» и «Сельский учитель», повышение квалификации действующих педагогов, особен-

но в сфере этнокультурного и инклюзивного образования, позволит им овладеть актуальными методиками работы с учётом социокультурных особенностей региона (исторически сложившихся этнических, религиозных, языковых факторов).

Необходимо активизировать работу в школах по проведению мотивационных встреч и наставничества, которое позволит школьникам ознакомиться с разнообразными траекториями карьерного роста, в которых материальный аспект не является единственной целью. Такая работа позволит своевременно выявлять склонности и таланты учащихся для дальнейшего их развития. Организация профильных смен и летних лагерей с погружением в различные специальности даст возможность школьникам на практике ознакомиться с интересующими их профессиями.

Одним из основных препятствий для наращивания образовательного потенциала является отсутствие финансовых возможностей у семей и организаций дополнительного образования, особенно в сельской местности. Предоставление налоговых льгот компаниям, вкладывающим средства в развитие дополнительного образования, станет стимулом для активизации их участия. Разработка системы грантов для получения дополнительного образования детьми из малоимущих семей на безвозмездной основе позволит обеспечить более равные возможности для всех категорий учащихся.

Готовность сельских жителей финансово поддерживать образование своих детей свидетельствует о высокой ценности, придаваемой обучению, особенно в сельской местности. Создание системы дистанционного и онлайн-обучения позволит обеспечить доступ к качественному образованию независимо от места проживания. Разработка специальных программ поддержки одаренных детей из малообеспеченных семей, таких как предоставление грантов и стипендий, будет стимулировать разви-

тие их талантов вне зависимости от финансового положения родителей.

Стремление жителей региона повышать знания и навыки, необходимые в профессиональной деятельности, является важным фактором для совершенствования системы образования [12]. В этой связи необходимо ориентировать систему высшего образования на получение практических компетенций, максимально приближенных к реальным условиям трудовой деятельности. Невысокое качество образовательных программ, их оторванность от реальных потребностей экономики и рынка труда, нехватка финансирования приоритетных направлений подготовки кадров, упрощенный взгляд на цели высшего образования, барьеры для развития талантов детей из малообеспеченных и сельских семей — все это сдерживает реализацию образовательного потенциала региона. Для совершенствования системы образования необходим комплексный подход, затрагивающий все уровни — от школьного до высшего и дополнительного образования.

Социокультурные особенности и выявленные проблемы в сфере образования требуют разработки комплексных мер, направленных на повышение качества и доступности образования для всех категорий населения и преодоление существующих диспропорций между городскими и сельскими территориями. Важной составляющей успешной реализации этих мер является создание условий, способствующих раскрытию интеллектуального потенциала молодого поколения. В этом контексте реализация мер должна строиться на сотрудничестве между образовательными учреждениями, органами власти, бизнесом и местными жителями. Значимой тенденцией становится переосмысление в общественном сознании роли высшего образования, которое есть важное условие не только профессионального развития, но и формирования активной и ответственной личности.

Литература и Интернет-источники

1. **Молчанов, И. Н.** Формирование и оценка потенциала сферы образования в современной России / И. Н. Молчанов // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 2. — С. 406–410. EDN: SGQOAF
2. **Александрова, О. А.** Рыночная трансформация образования и качество народонаселения / О. А. Александрова // Уровень жизни населения регионов России. — 2021. — № 2. — С. 167–177. DOI: 10.19181 / Isprg.2021.17.2.1; EDN: XXYWNB
3. **Беккер, Г. С.** Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер. — Москва : ГУ-ВШЭ, 2013. — С. 78–82.
4. **Schultz, T.** The Investment in Human Capital / T. Schultz // American Economic Review. — 1961. — No. 51. — P. 1–11.
5. **Петренко, Е. С.** Ресурсный потенциал семьи и образовательные траектории детей и взрослых / Е. С. Петренко, Е. Г. Галицкая // Вопросы образования. — 2007. — № 3. — С. 240–254. EDN: IJRLRH
6. **Сорокин, П. А.** Социальная и культурная мобильность / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. Ю. А. Согомонов. — Москва : Политиздат, 1992. — С. 297–424.
7. **Бурдые, П.** Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. — 2005. — № 3. — С. 60–74.
8. Образование в социокультурном воспроизводстве: механизмы и конфликты / отв. ред. В. Н. Шубкин. — Москва : Институт социологии РАН, 1994. — 180 с.
9. Профессиональное самоопределение выпускников общеобразовательных школ: по материалам массовых социологических обследований молодежи / отв. ред. В. Н. Шубкин, Д. Л. Константиновский. — Москва : ЦСО РАО, 1996. — 109 с.
10. **Хаджалова, Х. М.** Качество формирует потенциал / Х. М. Хаджалова // Экономика труда. — 2015. Т. 2. — № 1. — С. 39–50. DOI: 10.18334 / et.2.1.49; EDN: UBMAEH
11. **Гимбатов, Ш. М.** Социальные и демографические проблемы формирования трудового потенциала Северного Кавказа / Ш. М. Гимбатов, Ш. К. Кутаев, Х. М. Хаджалова [и др.] // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 135–146. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.11; EDN: QKLBVO
12. **Хаджалова, Х. М.** Образовательный потенциал как стратегический ориентир социально-экономического развития / Х. М. Хаджалова // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — № 5(151). — С. 109–115. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2023-5-109-115; EDN: AAMBXD

Сведения об авторах:

Хаджалова Хадиджат Магомедовна, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: chaha@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4466-324X; ПИНЦ SPIN-код 1385–6860.

Гимбатов Шамиль Магомедович, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: gimba@list.ru; ORCID: 0000-0002-8302-3544; ПИНЦ SPIN-код 8060–2928.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-101-113

SOCIO-CULTURAL FACTORS IN THE FORMATION OF EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE REGIONS OF NORTH CAUCASUS

Khadijat M. Khadzhalova*, Shamil M. Gimbatov

*Institute for Socio-Economic Research of the
Dagestan Federal Scientific Center RAS
(75, prospect M. Yaragsky, Makhachkala, Russia, 367030)*

**E-mail: chaha@mail.ru*

For citation:

Khadzhalova Kh. M, Gimbatov Sh. M. Socio-cultural factors in the formation of educational potential of the regions of North Caucasus. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 101-113. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-101-113 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of the study is to identify motives, value and behavioral attitudes, and preferences that have an impact on the development of the educational potential of the population of the North Caucasus. The main problems of accessibility and quality in obtaining education at different stages of its formation are identified, and the influence of the family's economic, social and cultural resources on educational trajectories is assessed. A study of the educational components of human potential in the system of sociodemographic, economic and labor behavior of the population was carried out in the southern national regions of Russia through an online survey «Identifying the characteristics of the sociodemographic, economic and labor behavior of the population». An analysis of the influence of motives, value and behavioral attitudes, preferences in the formation and development of the educational potential of the population of the southern regions of Russia is provided. It is shown that sociocultural factors have a decisive influence on the educational trajectories of families. The results of this survey revealed a clear redesignation, reformulation by today's public opinion of the hierarchy of motivations for higher education. Taking into account the results obtained during the survey, directions for the development of the region's educational potential were formulated, aimed at improving the quality and practical value of educational programs and developing priority areas of training. It is concluded that to improve the education system, an integrated approach is needed, affecting all levels – from school to higher and additional education. The key aspects of the formation of programs for the development of educational potential are the practice-oriented nature of training, the availability of quality education for all categories of the population, taking into account ethnocultural diversity and focus on areas of personnel training that are priority areas for the development of the region.*

Keywords: *educational potential, human potential, higher education, quality of education, socio-cultural factors, North Caucasus Federal District.*

References and Internet sources

1. Molchanov I. N. Formirovaniye i otsenka potentsiala sfery obrazovaniya v sovremennoy Rossii [Formation and assessment of the potential of the education sphere in modern Russia]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki [Humanities and Social Sciences]*. 2014. No. 2. P. 406–410. (in Russ.)
2. Aleksandrova O. A. Rynoch'naya transformatsiya obrazovaniya i kachestvo narodonaseleniya [Market transformation of education and quality of population]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2021. No. 2. P. 167–177. DOI: 10.19181 / Ispr.2021.17.2.1 (in Russ.)

3. Becker G. S. Chelovecheskoye povedeniye: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannyye trudy po ekonomicheskoy teorii [*Human Behavior: Economical Approach. Selected Works on Economic Theory*]. Moscow. GU–VShE. [Higher School of Economics]. 2013. (in Russ.)
4. Schultz T. Investment in human capital. *American Economic Review*. 1961. No. 51. P. 1–11.
5. Petrenko E. S., Galitskaya E. G. Resursnyj potentsial sem'i i obrazovatel'nyye traektorii detej i vzroslykh [Family resources and the educational trajectories of children and adults]. *Voprosy obrazovaniya* [*Educational Studies*]. 2007. No. 3. P. 240–254. (in Russ.)
6. Sorokin P. A. Sotsial'naya i kul'turnaya mobil'nost' [Social and cultural mobility]. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obschestvo* [*Human. Civilization. Society*]. Ed. Yu. A. Sogomonov. Moscow. Politizdat. 1992. P. 297–424. (in Russ.)
7. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [*Economic sociology*]. 2005. No. 3. P. 60–74. (in Russ.)
8. Obrazovaniye v sotsiokul'turnom vosproizvodstve: mekhanizmy i konflikty [Education in socio-cultural reproduction: mechanisms and conflicts]. Ed. V. N. Shubkin. Moscow. IS RAN [Institute of Sociology RAS], 1994. 180 p. (in Russ.)
9. Professional'noye samoopredeleniye vypusnikov obshcheobrazovatel'nykh shkol: po materialam massovykh sotsiologicheskikh obsledovaniy molod'ozhi [*Professional Self-Determination of the Graduates of Secondary Schools: Based on Materials from Mass Sociological Surveys of Youth*]. Eds. V. N. Shubkin, D. L. Konstantinovskiy. Moscow. 1996. 109 p. (in Russ.)
10. Khadzhalova Kh. M. Kachestvo formirujet potentsial [Quality forms potential]. *Ekonomika truda* [*Russian Journal of Labor Economics*]. 2015. Vol. 2. No. 1. P. 39–50. DOI: 10.18334 / et.2.1.49 (in Russ.)
11. Gimbatov Sh. M., Kutaev Sh. K., Khadzhalova Kh. M., et al. Sotsial'nyye i demograficheskiye problemy formirovaniya trudovogo potentsiala Severnogo Kavkaza [Social and demographic problems of labor potential formation in the North Caucasus]. *Narodonaseleniye* [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 135–146. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.1 (in Russ.)
12. Khadzhalova Kh. M. Obrazovatel'nyy potentsial kak strategicheskij oriyentir sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Educational potential as a strategic guideline for socio-economic development]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [*Regional Problems of Economic Transformation*]. 2023. No. 5(151). P. 109–115. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2023-5-109-115 (in Russ.)

Information about the authors:

Khadzhalova Khadhat Magomedovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Scientific Center RAS, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: chaha@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4466-324X; Elibrary SPIN-code: 1385–6860.

Gimbatov Shamil Magomedovich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Scientific Center RAS, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: gimba@list.ru; ORCID: 0000-0003-2645-0897; Elibrary SPIN-code: 8060–2928.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-114-127
EDN: NCDWRT

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ: ПОДХОДЫ К МОНИТОРИНГУ И СНИЖЕНИЮ ДИСПРОПОРЦИЙ

Аржаев Ф. И.¹, Морковкин Д. Е.^{1*}, Симагин Ю. А.²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

Для цитирования:

Аржаев Ф. И., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А. Уровень жизни в дальневосточном регионе: подходы к мониторингу и снижению диспропорций // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 114-127. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-114-127; EDN: NCDWRT

Аннотация. Выравнивание уровня жизни населения разных регионов России — один из приоритетов социально-экономической политики государства, однако отсутствие единых подходов к оценке и измерению уровня жизни создают значительную проблему в решении данной задачи. В исследовании предпринята попытка на основе метода динамического норматива и системного анализа взаимосвязи социально-экономических показателей создать комплекс мониторинга и оценки уровня жизни. Исходя из этого, целью работы является разработка и апробация методик системного анализа уровня жизни на примере регионов Дальнего Востока. Первым результатом исследования является формулирование взаимосвязи показателей, характеризующих уровень жизни и функционирования социально-экономической системы в их взаимосвязи друг с другом. Разработано 4 ориентированных графа из 9 показателей, основанных на основных теориях бедности. На основе графов при помощи метода динамического норматива рассчитаны показатели уровня жизни регионов Дальнего Востока, по той же методике проведено сравнение с общероссийскими показателями, для чего создан автоматизированный комплекс оценки уровня жизни. Выявлены причины отличий уровня жизни от потенциально возможного на основе анализа инверсий и генезис этих расхождений относительно социально-экономической системы (внутренний или внешний). Наиболее часто встречающиеся проблемы, приводящие к низкому уровню жизни на Дальнем Востоке включают низкий уровень доходов при высоком темпе роста цен, низкую производительность экономики и/или высокую долю теневого сектора, недостаточную обеспеченность социальной инфраструктурой. Выявлено, что Чукотский АО, Еврейская автономная, Магаданская и Сахалинская области, Хабаровский край отличаются наихудшим уровнем жизни в Дальневосточном федеральном округе, и показаны пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: уровень жизни, Дальний Восток, регионы, метод динамического норматива, мониторинг, социально-экономическая система, причины снижения уровня жизни.

Введение

Обеспечение достойного уровня жизни населения и не допущение региональных диспропорций (последнее актуально для крупных государств) — одна из ключевых задач социально-экономической политики. Для России Дальний Восток всегда являлся стратегически важным регионом, соответственно и проблемы уровня жизни населения на этой территории не только не теряют актуальности, а ещё более приобретают её в контексте «поворота на Восток», необходимости быстрого социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) и особого внимания к социальным проблемам, без решения которых невозможно преодолеть миграционный отток населения и прекратить депопуляцию дальневосточных регионов страны. О необходимости приоритетного развития Дальнего Востока России многократно говорили Президент России¹ и другие представители органов власти.

В этой связи целью работы является разработка и апробация методики системного анализа уровня жизни на примере регионов Дальнего Востока России. Гипотеза исследования заключается в том, что анализ социально-экономической системы методом динамического норматива (в том числе и ресурсной её компоненты) позволяет точно выявлять причины диспропорций уровня жизни и его снижения. Для достижения цели и проверки гипотезы решены следующие задачи: сформулированы зависимости темпов роста показателей, характеризующих социально-экономическую систему на основе наработок различных школ; разработаны инструментарий сравнения уровня жизни в регионах методом динамического норматива; создан автоматизированный комплекс оценки методом динамического норматива уровня жизни населения в РФ и её субъектах; выявлены диспропорции уровня жизни населения на Дальнем Востоке и проведён их сравнительный анализ

с данными эмпирических исследований. Результатами работы является методика мониторинга и оценки уровня жизни населения, выявление направлений роста уровня жизни в их связи с первопричинами низкого уровня жизни.

Обзор литературы

Уровень жизни населения — глубоко исследованная тема в научной литературе, также как бедность и неравенство, связывающие эти понятия и уровень жизни. Тем не менее, задачи измерения уровня жизни и унификации подходов к этим вопросам до сих пор не решены окончательно. Значимая роль в исследовании этих вопросов у Э.Аткинсона — он систематизирует, анализирует и критикует подходы к измерению и трактовке бедности, уровня жизни, указывает на то, что в современных условиях разработка единых подходов к вопросу значительно повысит понимание проблемы в мировом масштабе [1]. В этом он повторяет идеи Р.Каплинского [2] в части сформированной глобализацией системы непрозрачных подходов к измерению бедности и уровня жизни, различных для большинства государств. Т.Пикетти [3] указывает на те же проблемы — неясного инструментария измерения бедности по доходам, на политизированный характер проблемы.

В российской практике проблематика также активно исследовалась, опыт отечественных подходов к вопросам уровня жизни населения дан в исследовании [4], и демонстрирует избыточно упрощённый и вторичный инструментарий относительно предлагаемого американско-европейской научной школой, указанной выше. В целом большая часть подходов к измерению уровня жизни и бедности основана на трёх ключевых инструментах статистики — индексном методе, относительных величинах, сравнивающих отдельные экономические и социальные показатели по территориальному признаку, и производных от моделей вычислимого равновесия.

Индексный метод представляется наиболее подходящим в условиях ограниченной

¹ Послание Президента России Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/73650> (дата обращения: 05.05.2024).

статистики, однако видится отчасти субъективным. Так, например, работа М. Мациотта и А. Парето [5] в части измерения уровня жизни прямо указывает на различия в результатах при использовании различных схожих по смыслу переменных. Несмотря на это, индексный метод распространён — индекс человеческого капитала и ряд его производных, разработанные Всемирным банком и аффилированными структурами, во многом определили развитие научной мысли в этом направлении. При использовании в США и Канаде, названная группа методов хорошо работает [6], позволяет проводить территориальные сравнения уровня жизни. В целом такой подход часто применяется за рубежом.

В российской практике также принято использовать в большей мере сравнение регионов по уровню жизни. Много отечественных работ (например, [7; 8]) направлены на разработку системы индексов, отвечающей на вопрос о том, что влияет на изменение конечного показателя уровня жизни. Однако в условиях менее качественной статистики и слабого функционирования моделей общего вычислимого равновесия более логичным видится использование регрессионных моделей и вычисление характеристик кластеризации (евклидово расстояние, индекс Морана) [9]. Однако регрессионный анализ не позволяет точно выявить проблемы в измерении уровня жизни и охарактеризовать причины бедности.

Методология

В первую очередь необходимо выявить теоретическую связь уровня жизни с бедностью, так как эти понятия не идентичны. В широком смысле, «уровень жизни — социально-экономический показатель, отражающий степень удовлетворения рациональных (разумных) потребностей и материально-финансовых возможностей домохозяйств, населения территории, социально-демографических групп, страны в целом. [...] Характеристика уровня жизни включает оценку распространённости бедности»².

² Уровень жизни // Большая российская энциклопедия. —

Определений уровня жизни множество, но единый подход отсутствует. В рамках данного исследования высокий уровень бедности характеризует низкий уровень жизни, однако обратное не является верным, так как высокий уровень жизни не гарантирует низкий уровень или отсутствие бедности.

Территориально рассматриваемый регион включает в себя территорию Дальневосточного федерального округа (ДФО) в составе субъектов, определённых Указом Президента РФ № 849 в редакции 2015 года³. Этот выбор обоснован тем, что Республика Бурятия и Забайкальский край, несмотря на отнесение в 2018 г. к ДФО, имеют специфичную структуру населения, особые экономико-географические характеристики, не позволяющие сравнивать уровень жизни в них, например, с Камчатским краем или Республикой Саха (Якутия) [10].

Подход к уровню жизни в работе основан на системном анализе и оценке уровня жизни как ключевого показателя социально-экономической политики, включая функционирование социальной поддержки в целом. С такой точки зрения необходимо оценивать динамику развития различных элементов системы в связи друг с другом и выявлять дисбалансы её функционирования. В основе этой логики лежит попытка найти такое состояние системы, при котором она окажется на гомеодинамическом плато. Для реализации подхода использован метод динамического норматива [11]. Ключевыми показателями, получаемыми в результате применения метода, являются: мера сходства, коэффициенты ранговой корреляции Кендалла и Спирмена. Чем выше эти показатели, тем ближе фактическая динамика показателей к нормативной (или заданной пользователем).

Разработаны четыре упорядоченных по возрастанию темпа роста набора показателей в виде графов с девятью показа-

URL: <https://old.bigenc.ru/economics/text/4701319> (дата обращения: 20.02.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102065756&backlink=1&nd=102371745> (дата обращения: 24.04.2024).

телями в каждом и ключевым показателем «благополучие», заданным произвольно и равным единице, так как минимальная цель социально-экономической политики — сохранение текущего уровня жизни. Анализ графов позволяет получить показатель меры сходства (обратный мере разности), то есть оценить, насколько система функционирует в соответствии с предполагаемыми параметрами на основе анализа инверсий. Для оценки внешнего сравнительного подхода этого достаточно, так как метод позволяет получить с эмпирической точки зрения наиболее и наименее схожие с заданными параметрами регионы. Однако нельзя не учитывать регионспецифичные и национальные особенности социального развития. Для этого метод модифицирован таким образом, чтобы на втором этапе анализа динамика социально-экономических показателей сравнивалась с их динамикой в РФ в целом, что позволяет выявить не только системные проблемы в вопросе уровня жизни в РФ, но и регионспецифичные.

Для выявления того, являются ли выявленные расхождения продуктом среды (системы) или формируются извне её, рассчитан ранговый коэффициент Кендалла (K_k) и ранговый тау-коэффициент Спирмена (K_s), как показатели схожести динамики и внутренней связанности отдельных показателей социально-экономической системы для реальной ранжировки показателей. Если выявляется, что для отдельного региона наблюдается систематически более низкое значение меры сходства, именно анализ названных коэффициентов позволяет понять причины этого явления с учётом эмпирически выявляемых проблем с уровнем жизни населения в отдельно взятом регионе. Информационное обеспечение модели составлено на основе рядов Росстата из сборников «Регионы России». В Python написан код для этого алгоритма с использованием библиотек `numpy`, `pandas`, `sys`, `math`, `ast`, `scipy`, `statistics`⁴.

⁴ Ссылка на файл кода и исходные данные в открытом доступе // Яндекс Диск. — URL: <https://disk.yandex.ru/d/6ioSr8sS5MrR-Q> (дата обращения: 14.03.2024).

Результаты

На первом этапе исследования сформирована ранжировка показателей по четырём связанным наборам показателей (ориентированным графам). Каждый граф воплощает положения существующих теоретических подходов к измерению уровня жизни (первый — концепция абсолютной монетарной бедности, второй — модификация концепции относительной монетарной бедности: динамика бедности и неравенства относительно предыдущих периодов, третий — теория относительной немонетарной бедности и четвёртый — ресурсный потенциал социально-экономической системы, доступный для повышения уровня жизни). Переменные, используемые для характеристики уровня жизни в названных выше графах, происходят из проведённых А.Аткинсоном, Т.Пикетти и Дж. Стиглицем [1; 3; 12] исследований взаимосвязи уровня жизни и социально-экономического развития.

В первом графе показатель уровня жизни — Ур.Ж. Остальные сокращения описаны ниже:

$$\begin{aligned} & \text{ЗН} \rightarrow \text{КНЭАН} \rightarrow \text{ЗП} \rightarrow \text{Потр} \rightarrow \\ & \text{Сбер} \rightarrow \text{Джин} \rightarrow \text{Рожд} \rightarrow \text{М} \rightarrow \text{Ур.Ж.} \end{aligned} \quad (1)$$

Для обеспечения стабильного роста благосостояния населения необходим рост занятости (ЗН) как ключевого устойчивого источника дохода, при этом рост доходов без роста формальной занятости невозможен в условиях относительно невысокой доли частного бизнеса в регионе [13]. Коэффициент нагрузки на экономически активное население (КНЭАН) должен расти медленнее, чем занятость, во избежание формирования избыточной иждивенческой нагрузки в регионе с и без того значимым оттоком населения из-за сравнительно низких доходов [14]. Заработная плата (ЗП — средняя заработная плата), получаемая официально, должна расти быстрее стоимости жизни, в связи с чем часть графа зарплата — потребление (Потр) — сбережение (Сбер) сформулирована исходя

из необходимости удовлетворения потребностей, а только затем накопления части дохода [15]. Рост сбережений и устойчивых доходов приводит к росту имущества населения и содействует уменьшению неравенства (Джин — индекс Джини), однако темп выравнивания уровня жизни всегда медленнее, чем темп роста сбережений. Все вышесказанное ведёт к тому, что улучшается демографическая ситуация, повышается уверенность в завтрашнем дне и, следовательно, растёт и рождаемость (Рожд) [16]. При условии формирования достаточного уровня жизни, доходов и снижения неравенства снижается и основная демографическая угроза для Дальнего Востока России — миграционное выбытие (М — миграция из регионов внутри РФ плюс миграция из регионов за пределы РФ) [17]. Тем не менее, естественный прирост населения остаётся гораздо более важным долгосрочным индикатором, чем миграционный, для выявления проблем с уровнем жизни в целом.

Второй граф (2) отражает связь показателей абсолютного измерения бедности как компонента оценки уровня жизни:

$$\begin{aligned} \text{Дох} \rightarrow \text{Сбер} \rightarrow \text{ИЦ} \rightarrow \text{ИПЦ} \rightarrow \text{ИЦС} \rightarrow \\ \text{ИЦЖ} \rightarrow \text{Джин} \rightarrow \text{КФ} \rightarrow \text{Ур.Ж.} \end{aligned} \quad (2)$$

В его основе лежит оценка уровня жизни по доходам (Дох), которые в свою очередь обесцениваются ростом цен (ИЦ), среди которых важнейшее место для населения с низкими доходами лежит повышение цен на потребительские товары (ИПЦ). При этом индекс цен в строительстве (ИЦС) и в ЖКХ (ИЦЖ) также значимы для населения в целом, хотя в силу меньшей доли в структуре расходов не играют настолько значимую роль, как названные ранее. Именно в таком упорядочении темпов роста показателей возможно добиться того, чтобы доходы обеспечивали не снижающийся уровень жизни населения и не была сформирована ситуация, при которой рост цен, вызванный внешними шоками, привёл к искажениям в демографической ситуации. В итоге сохранение таких пропорций приведёт к тому, что неравенство будет

снижаться, как и коэффициент Джини, хотя разрыв между наиболее и наименее обеспеченными будет снижаться медленнее всего [18] (он в графе представлен коэффициентом фондов — КФ).

В основе третьего ориентированного графа лежит теория деприваций на основе долгосрочных потребностей населения. Краткосрочные потребности в нем умышленно не включены, так как будут искажать картину из-за высокой волатильности:

$$\begin{aligned} \text{Жил} \rightarrow \text{Авто} \rightarrow \text{БТ} \rightarrow \text{БК} \rightarrow \\ \text{ДС} \rightarrow \text{Джин} \rightarrow \text{Рожд} \rightarrow \text{М} \rightarrow \text{Ур.Ж.} \end{aligned} \quad (3)$$

Для обеспечения благоприятных условий жизни в первую очередь должна быть удовлетворена потребность в жилье (площадь жилья на 1 человека — Жил). Потребность в транспорте (количество автомобилей на 1 человека — Авто) в регионах с большими территорией и расстояниями до ближайших населённых пунктов и нужных социальных объектов также важна, но менее значима, чем жильё, так как не может быть удовлетворена только общественным транспортом. Рост качества человеческого капитала обеспечивается высвобождением времени на образование, досуг, что может быть частично удовлетворено благодаря росту количества бытовой техники (БТ — количество бытовой техники на 100 домохозяйств). Для обеспечения привлекательности региона для миграции (снижения миграционного оттока) необходим рост качества и обеспеченности социальными услугами — для построения графа использованы показатели количества больничных коек на 1000 человек (БК) и обеспеченность детей местами в детских садах (ДС — охват дошкольным образованием на 1000 детей соответствующего возраста), так как они характеризуют проблемные места российской социальной системы [19; 20]. В целом, повышение качества человеческого капитала и снижение деприваций приводит к тому, что меняется структура расходов и сбережения, что в свою очередь приводит к сокращению неравенства (Джин). Для дальнейшей части графа «индекс Джини — рожда-

емость — миграционное выбытие» логика построения совпадает с первым.

В основе четвёртого графа лежит необходимость изыскания ресурсов для обеспечения соответствующего роста показателей первых трёх графов (ресурсная обеспеченность):

$$\begin{aligned} \text{ВРП} \rightarrow \text{ОО} \rightarrow \text{ПО} \rightarrow \text{ЗН} \rightarrow \\ \text{ИОК} \rightarrow \text{ОКС} \rightarrow \text{Инно} \rightarrow \text{ИПТ} \rightarrow \text{Ур.Ж.} \end{aligned} \quad (4)$$

Здесь очевидно, что необходим наибольший рост валового регионального продукта (ВРП) для повышения возможностей регионального бюджета в части социальных расходов и трансфертов. Рост оборота организаций (ОО) как основного работодателя в РФ свидетельствует о том, что ВРП генерируется реальным сектором, а не дотационными трансфертами или «на бумаге». Более медленный рост прибыли организаций (ПО) по сравнению с оборотом, является показателем наличия возможностей экстенсивного роста, в обратном случае инвестиции в основной капитал (ИОК) должны расти быстрее оборота, то есть требовать внешних источников финансирования, что в современных условиях негативно сказывается на устойчивости предприятия к шокам. Занятость (ЗН) не является целью коммерческого сектора, хотя и значима для него, в качестве ресурса создания добавленной стоимости, в связи с чем она может расти медленнее названных выше показателей. Темп роста инвестиций в основной капитал (ИОК) не должен вызывать замещение труда капиталом, так как в такой ситуации будет только стимулировать отток населения, но и быть достаточным для обеспечения производства конкурентоспособной продукции. Аналогичная логика справедлива и для инвестиций в основной капитал в строительстве (ОКС), однако исключительно как элемент роста объёма работ строительных организаций — капиталоемкость отрасли ниже, чем среднеэкономическая, в этой связи ОКС должны расти медленнее ИОК. Все вышесказанное должно давать прирост инновационности продукции (Инно — затраты на инновационную дея-

тельность организаций), а также рост производительности труда (ИПТ — индекс производительности труда), но так как для них характерен рост вследствие синергетических эффектов от названных ранее показателей [21], то расти быстрее, чем все названные ранее компоненты они не могут⁵.

Обратимся к практическому применению методики на основе сравнения с ориентированными графами, составленными по описанной выше логике. Выделим на их основе ключевые особенности распределения уровня жизни в регионе.

Во-первых, наилучшие показатели для ДФО в целом получены при использовании первого (базового) графа. Это указывает на то, что ключевыми проблемами в обеспечении достойного уровня жизни являются: отсутствие или недостаточный уровень формальной занятости при невысоком уровне зарплат, а также высокий миграционный отток населения и низкая рождаемость. Наилучшие показатели по этому графу у Хабаровского края, Сахалинской области и Еврейской АО. Отметим, что Еврейская АО и Сахалинская область достигением этих результатов обязаны грамотному распределению ресурсов и управлению системой (очевидно из значений коэффициента Спирмена), тогда как Хабаровский край обеспечивает достижение таких показателей в основном на основе внешней поддержки работоспособности системы (коэффициент Кендалла). Худшая ситуация — в Чукотском АО, Амурской и Магаданской областях, при этом вследствие проблем внутреннего функционирования системы даже положительные внешние эффекты не дают значительного прироста меры сходства.

Во-вторых, наиболее проблемные периоды — 2019 и 2022 гг., что указывает на кризисные явления 2019 г. вследствие негативных ожиданий бизнеса и изменений потребительского поведении населения [22] и экономические шоки вследствие нача-

⁵ Анализ инверсий показателя при расчете ранговых коэффициентов корреляции указывает на то, что его смещение на 1, 2 или 3 позиции вверх не дает значительного изменения коэффициентов ранговой корреляции (изменения в пределах 2%), что позволяет заключить, что синергетического эффекта (во всяком случае для ДФО) не наблюдается

ла специальной военной операции. Тем не менее, именно в 2022 г. активно привлекались внутренние ресурсы совершенствования функционирования социально-экономической системы (что отражается ростом коэффициента Спирмена), а в 2019 г. произошла смена использования внутренних ресурсов развития Еврейской АО и Хабаровского края, что позволило улучшить уровень жизни в этих регионах.

В-третьих, сложившиеся социально-экономические тенденции в регионах ДФО представляются устойчивыми и не отличаются значительно при сравнении регионов с РФ в целом, однако в Чукотском АО, Еврейской АО и Хабаровском крае явно прослеживаются тенденции ухудшения уровня жизни относительно общероссийского уровня и нестабильная динамика при сравнении с тем же показателем.

Если рассматривать второй ориентированный граф, то ДФО относится к достаточно благополучным регионам по уровню дохода как характеристике уровня жизни. В целом, рост цен в регионе сопровождается рост доходов, а не опережает его. Первым ключевым выводом по второму графу является то, что уровень доходов в регионе в среднем выше, чем в РФ, в то время как ценовые индексы ниже. Это позволяет утверждать, что в ДФО сформированы условия для обеспечения достойного уровня жизни по доходам. Другой не менее важный аспект заключается в том, что основные системные характеристики уровня жизни по доходам в регионе формируются извне — в самом регионе недостаточно ресурсов и возможностей обеспечения устойчивого уровня цен и доходов, в связи с чем эта задача ложится на федеральный бюджет (это следует из высокого значения K_k при низком K_s). Камчатский и Приморский края обладают наибольшим потенциалом для обеспечения нормального соотношения доходов и уровня цен.

Третий граф связывает долгосрочные депривации и уровень жизни населения. Отметим, что большинство работ, в которых исследовались вопросы уровня жизни на Дальнем Востоке (например, [23]), указывали на зна-

чимые проблемы именно в этой сфере. Результаты моделирования частично подтверждают этот тезис. При хороших результатах меры сходства относительно нормативного распределения, по сравнению с общероссийской динамикой ситуация плохая — так, для Чукотского АО, Еврейской АО, Сахалинской и Магаданской областей наблюдается высокие депривации в части жилищной доступности и доступности социальных услуг. Для Еврейской АО и Сахалинской области к этому добавляются депривации в части бытовой техники. Отметим, что при этом система в названных регионах обладает внутренней связанностью, то есть полученный результат основывается исключительно на внутренних проблемах функционирования жилищного комплекса, розничной торговли и социальных учреждений регионов.

Выделив основные проблемы развития регионов ДФО, можно рассмотреть их возможности в части устранения названных вопросов — это четвёртый граф, характеризующий ресурсную обеспеченность регионов. Здесь уместно вспомнить, что субъекты ДФО являются традиционно дотационными, для которых недостаток ресурсной обеспеченности не будет представляться новым. К таким регионам относятся все субъекты, входящие в ДФО, кроме Сахалинской области⁶. Важнейшим выводом по этой части исследования является то, что для Камчатского края, Хабаровского края и, в гораздо большей степени, Чукотского АО ресурсов для обеспечения достойного уровня жизни населения достаточно и без внешнего субсидирования, тогда как для остальных регионов сложилась ситуация, при которой они максимально зависимы от федерального бюджета. Не менее важным выводом видится и то, что, несмотря на необходимость внешней поддержки уровня жизни в регионах ДФО, в целом по округу ситуация коррелирует с общероссийской динамикой, что говорит о неэффективном функционировании социально-экономической системы ДФО.

⁶ Федеральный закон от 06.12.2021 № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/b1fe5b85ffb99671741c1344c2fd86e572145817/ (дата обращения: 24.04.2024).

Таким образом, проведённый анализ по разработанной методике позволил выявить основные проблемы регионов в части обеспечения достойного уровня жизни. Наиболее проблемными регионами оказались Чукотский АО, Еврейская АО, Магаданская и Сахалинская области, а также непростая ситуация — в Хабаровском крае. Предложенная система мониторинга уровня жизни позволяет оценить ключевые проблемы динамики уровня жизни и задавать отдельные индикаторы достижения задач развития

социально-экономической системы. Выделив наиболее проблемные регионы (указаны в табл. 1) охарактеризуем аспекты, которые были выявлены в качестве ограничений роста уровня жизни населения и сравним с эмпирическими результатами, полученными на предыдущих этапах исследования. Сравнение результатов позволит дополнительно апробировать методику, тогда как дополнение результатов новыми аспектами может показать инновационный характер подхода к мониторингу уровня жизни.

Таблица 1

Сравнение проблем регионов ДФО, выделенных в настоящем исследовании и других трудах

Table 1

Comparison of the problems of the Far Eastern Federal District regions highlighted in this study and other works

Регион	Выявленные проблемы (в. — высокие значения, н. — низкие значения)	Выделенные ранее проблемы	Общая характеристика
Чукотский АО	В. рост зарплат — в. рост потребительских цен — н. рост потребления — в. рост миграционного выбытия; В. темпы роста неравенства — н. темпы роста количества автомобилей — в. темп роста количества бытовой техники; Н. темп роста оборота предприятий — в. темп роста прибыли — н. инновационность предприятий — н. инвестиции в ОК в строительстве.	Низкий естественный прирост населения, низкая рождаемость и высокий миграционный отток, низкое качество жизни коренного населения и худшие условия жизни женщин, недостаток социальных благ.	Высокомаржинальные предприятия, рынок труда основан на вахтовой миграции населения, неприспособленность социальной инфраструктуры для постоянного проживания, бедность среди коренного населения
Еврейская АО	Н. рост КЭН — в. рост зарплат — в. рост потребления — н. рост сбережений — в. миграционное выбытие, Н. рост сбережений — в. рост ИПЦ — в. рост ИПЦ в строительстве — н. коэффициент фондов Н. темп роста обеспеченности жильём — н. темп роста обеспеченности автомобилями — в. рост количества бытовых коек В. темп роста оборота — н. инновационность — н. производительность	Низкая производительность промышленного сектора, низкие демографические показатели.	Доходы в регионе растут медленно, тогда как стоимость жизни быстро. Проблема неравенства не стоит остро, но жители региона испытывают значимые депривации. Предприятия региона неэффективны и неинновационны, вследствие чего слабо конкурентоспособны.
Магаданская обл.	Н. темп роста КЭН — в. рост зарплат — в. рост потребления — н. рост сбережений — в. рост ИПЦ Н. темп роста обеспеченности образованием — н. рост индекса Джини В. рост ВРП — н. рост оборота — н. рост прибыли предприятий — в. рост занятость — в. рост инвестиций в основной капитал	Низкая обеспеченность социальными благами, высокая стоимость жизни, временный характер проживания населения.	Рост доходов и занятости в регионе не обеспечивает рост сбережений из-за быстрого роста цен и низкого качества человеческого капитала. Предприятия региона производят значимую добавленную стоимость, но не менее значителен теневой сектор.
Сахалинская обл.	Н. темп роста КЭН — в. рост зарплат — в. рост потребления — н. рост сбережения — в. рост ИПЦ в ЖКХ — н. рост индекса Джини — н. коэффициент фондов — в. миграционное выбытие населения Н. рост обеспеченности жильём — н. обеспеченность бытовой техникой В. рост ВРП — в. рост прибыли организаций — н. темп роста инвестиций — н. инновационность продукции	Неэффективная система социальной защиты населения, зависимость от ресурсов из других регионов, низкий уровень экономической безопасности региона.	Население ориентировано на временное проживание в регионе. Сам регион не обеспечивает достаточное количество жилья и социальных услуг населению, включая услуги розничной торговли. Предприятия активно развиваются, но в значительной мере в теневом секторе.

Регион	Выявленные проблемы (в. — высокие значения, н. — низкие значения)	Выделенные ранее проблемы	Общая характеристика
Хабаровский край	Н. рост занятости — в. рост зарплат — в. рост потребления — н. рост сбережения — н. рождаемость — в. миграционное выбытие Н. рост сбережения — в. рост индекса цен — в. рост ИПЦ — н. рост коэффициента фондов Н. обеспеченность автомобилями — в. обеспеченность бытовой техникой — н. рост обеспеченности образованием, н. рост индекса Джини, н. рост обеспеченности медициной Н. рост оборота — н. рост прибыли — н. инвестиции в капитальное строительство — н. производительность труда — н. рост занятости	Население не готово закрепляться в регионе, сохранение бедности, неразвитая социальная инфраструктура.	Региональная экономика слабо конкурентоспособна, вследствие чего не обеспечивает должный рост занятости. Население предпочитает мигрировать в другие регионы и не готово осесть в регионе. Структура потребления несбалансированная и носит трендовый характер.

Источник: составлено авторами по данным моделей.

Как показывает анализ таблицы, предложенная методология позволяет выявить не только диспропорции уровня жизни, но и их причины, чем отличается от аналогичных подходов. При модификации метода возможно выявить то, насколько необходимо повысить любой из показателей для максимизации меры сходства и/или достижения целевых индикаторов развития. Для этого надо сравнить темп роста показателя с темпами роста следующего за ним и после него в ориентированном графе. Предлагается решать данную задачу методом линейной оптимизации, что значительно повысит возможности максимизации меры сходства.

На основе четвёртого графа можно заключить, что только в Еврейской АО существует достаточный потенциал для обеспечения роста уровня жизни. В остальных проблемных регионах либо сам темп экономического роста не позволяет обеспечить необходимые ресурсы для социальной поддержки населения, либо рост обеспечивается теневым сектором экономики, что не позволяет использовать производимые им ресурсы.

Исходя из сути метода динамического норматива и его дополнения в настоящем исследовании вырисовываются следующие возможности её использования: 1) оценка достаточности ресурсов. На основе четвёртого графа и имитационного моделирования можно оценить сколько и какие дополнительные ресурсы (меры по их изыска-

нию) необходимы для повышения уровня жизни. Общий подход для этого и следующих пунктов следующий: а) составляются фактическая и имитационная матрицы исходных показателей; б) выявляются отклонения от норматива (инверсии) тех или иных показателей на основе анализа матрицы инверсий (она составляется для каждого региона в процессе оценки соответствия нормативных и фактических темпов роста показателей); в) в имитационной матрице меняются значения таким образом, чтобы они соответствовали заданному нормативом темпу роста; г) оценивается мера сходства по всем четырём графам; д) если полученные меры сходства выше, принимается что такое изменение ресурсной обеспеченности позволит повысить уровень жизни. Процедура итеративна и может быть заменена на оптимизационную функцию; 2) расчёт необходимых плановых показателей для целей регионального и/или федерального развития. Для этого задаётся необходимый темп роста уровня жизни и проводится оценка (оптимизация) показателей, необходимых для достижения меры сходства, равной единице; 3) расчёт маржинальной эффективности мер политики. Измеряется эластичность изменения меры сходства первого-третьего графов по четвёртому графу (ресурсной обеспеченности).

Таким образом, применение предложенной методики возможно как в целях государственного планирования социально-

экономического развития, так и в целях контроля эффективности предпринимаемых мер в сфере социально-экономической политики.

Выводы

Уровень жизни как социально-экономическая категория редко применяется по отношению к Дальнему Востоку, в связи с чем имеется большое количество исследований по тематике демографической ситуации в ДФО, но практически отсутствует глубокий анализ причин значимых демографических диспропорций в регионе. Разработанная авторская методика основана на системном анализе показателей социально-экономического развития, характеризующих уровень жизни в регионе. Она позволяет с использованием набора показателей, чаще всего применяемых в сравнительном анализе уровня жизни, демографической ситуации и показателей экономического развития, оценить моментно и в динамике через сопоставимые показатели (меры сходства и ранговых коэффициентов корреляции) уровень жизни в регионах.

Методика получила апробацию на основе анализа уровня жизни в регионах Дальнего Востока. Для этого разработан программный комплекс, позволяющий пользователю получать сопоставимые для всех регионов данные в сравнении с социально-экономической динамикой РФ в целом, отдельного федерального округа или пользовательского норматива.

Полученные при использовании предложенной методики показатели позволили выявить системно значимые проблемы в 2019 и 2022 гг. в ДФО в целом, а также выделить наиболее проблемные регионы — Чукотский АО, Еврейскую автономную, Магаданскую и Сахалинскую области, Хабаровский край, для которых проведён анализ причин возникновения проблем и выделены факторы, приведшие к низкому уровню жизни и оттоку населения (в табл. 1). Среди этих факторов чаще всего встречается низкий уровень доходов при высоком темпе роста цен, низкая производительность экономики и/или высокая доля теневого сектора, недостаточная обеспеченность социальной инфраструктурой и стремление населения мигрировать из регионов ДФО вследствие этих причин.

При сравнении с эмпирическими результатами других исследований доказано, что проблемы названных регионов ДФО, выявленные при помощи авторской методологии, обоснованы эмпирическими исследованиями и дополняют их. При этом разработанная методика позволяет понять количественный показатель недостаточности роста того или иного показателя — оптимизация исходных данных с целевой функцией меры сходства позволяет выявить недостающие для достижения целевых значений (региональных или среднероссийских) ресурсы и уточнить целевые значения показателей при планировании социально-экономического развития регионов России.

Литература и Интернет-источники

1. **Atkinson, A. B.** Measuring Poverty around the World / A. B. Atkinson. — Princeton : Princeton University Press, 2019. — 464 p.
2. **Kaplinsky, R.** Globalization, Poverty and Inequality: Between a Rock and a Hard Place / R. Kaplinsky. — London : Polity, 2005. — 216 с.
3. **Пикетти, Т.** Краткая история равенства / Т. Пикетти. — Москва : Лед, 2023. — 384 с.
4. **Мухачева, А. В.** Качество жизни населения как научная категория: теоретические подходы к определению / А. В. Мухачева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 4–1(52). — С. 303–307. EDN: PXXCXX
5. **Pareto, A.** A Non-compensatory Composite Index for Measuring Well-being over Time / A. Pareto, M. Mazziotto // Multidisciplinary research Journal. — 2013. — No. 4. — P. 94–104.

6. **Falsettoni, E.** A Comparison of Living Standards Across the United States of America / E. Falsettoni, V.M. Nygaard // Finance and Economics Discussion Series. — 2023. — File No. 2020-041. DOI: 10.17016 / FEDS.2020.041r1
7. **Бобков, В. Н.** Неравенство качества и уровня жизни населения регионов / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 170–178. DOI: 10.17059 / 2012-2-15; EDN: OUYTQR
8. **Россошанский, А. И.** Типология регионов России по показателям качества жизни населения / А. И. Россошанский // Государственный советник. — 2018. — № 3(23). — С. 5–9. EDN: UZPRQI
9. **Drozdowski, G.** Local Disproportions of Quality of Life and Their Influence on the Process of Green Economy Development in Polish Voivodships in 2010–2020 / G. Drozdowski, P. Dziekański // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2022. — Vol. 19. — No. 15. — Art. 9185. DOI: 10.3390 / ijerph19159185; EDN: YTINFY
10. **Авдеев, Ю. А.** О демографической политике для российского Дальнего Востока / Ю. А. Авдеев. // Статистика и Экономика. — 2017. — № 6. — С. 59–68. DOI: 10.21686 / 2500-3925-2017-6-59-68; EDN: YMWJOU
11. **Грузневич, Е. С.** Оценка сбалансированности аспектов социо-эколого-экономической эффективности деятельности организации на основе метода динамического норматива / Е. С. Грузневич // Статистика и Экономика. — 2021. — Т. 18 — № 6. — С. 17–25. DOI: 10.21686 / 2500-3925-2021-6-17-25; EDN: PJNPAF
12. **Stiglitz, J. E.** The Price of Inequality / J. E. Stiglitz. — New York : Penguin, 2019. — 526 p.
13. **Колесникова, О. С.** Регионы Дальнего Востока России: тенденции и проблемы социально-экономического развития / О. С. Колесникова. // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2019. — № 8(106). — С. 88–95. EDN: RJXVJR
14. **Савич, Д. Е.** Социально-экономические показатели регионов Дальнего Востока России: основные проблемы и пути решения / Д. Е. Савич, Н. В. Фещенко // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. — 2019. — Т. 2. — С. 347–351. EDN: YRIOFZ
15. **Baxter, J. L.** The consumption function: A basic needs hypothesis / J. L. Baxter, I. A. Moosa // Journal of Economic Behavior & Organization. — 1996. — Vol. 31. — P. 85–100. DOI: 10.1016 / S0167-2681(96)00866-9.
16. **Глущенко, Г. И.** Экономические последствия демографических сдвигов / Г. И. Глущенко // Вопросы статистики. — 2019. — Т. 26. — № 6. — С. 5–20. DOI: 10.34023 / 2313-6383-2019-26-6-5-20; EDN: BLGGIN
17. **Бардаль, А. Б.** Качество жизни в Дальневосточном макрорегионе: интегральная оценка / А. Б. Бардаль, М. А. Грицко, И. С. Хван, С. С. Халикова // Регионалистика. — 2019. — № 5. — С. 62–78. DOI: 10.14530 / reg.2019.5.62; EDN: VJCTGI
18. **Жаромский, В. С.** Социально-экономическое неравенство в России: динамика и методы оценки / В. С. Жаромский, Л. А. Мигранова, М. С. Токсанбаева // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 79–95. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2018-21-4-08; EDN: YVSDVB
19. **Абанкина, И. В.** Доступность дошкольного образования / И. В. Абанкина, Л. М. Филатова // Вопросы образования. — 2018. — № 3. — С. 216–246. DOI: 10.17323 / 1814-9545-2018-3-216-246; EDN: XZOEST
20. **Садькова, Ю. Ж.** Современные тенденции в здравоохранении России: спад или развитие / Ю. Ж. Садькова // Статистика и Экономика. — 2017. — № 3. — С. 105–113. DOI: 10.21686 / 2500-3925-2017-3-105-113; EDN: YURRPB
21. **Гагарина, Г. Ю.** Производительность труда как индикатор эффективности региональной экономики / Г. Ю. Гагарина, Л. С. Архипова, Д. А. Сизова // Вестник РЭУ имени Г. В. Плеханова. — 2021. — Т. 18. — № 6(120). — С. 83–92. DOI: 10.21686 / 2413-2829-2021-6-83-92; EDN: UTPPDT
22. **Ханин, Г. И.** Итоги экономического развития РФ в 1 квартале 2019 года: экономический кризис усиливается / Г. И. Ханин // Journal of Economic Regulation. — 2019. — № 2. — С. 64–71. DOI: 10.17835 / 2078-5429.2019.10.2.064-071; EDN: RZWQPQ

23. **Макар, С. В.** Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы / С. В. Макар, А. В. Ярашева, Ю. А. Симагин // *Народонаселение*. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 117–130. DOI: 10.19181 / population.2021.24.1.11; EDN: BIREHT

Сведения об авторах:

Аржаев Федор Игоревич, к.э.н., старший научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: arzhaevfedor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2986-3235, Elibrary РИНЦ SPIN-код: 3716-8510.

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент, доцент кафедры экономической теории, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277-4480.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881-6084.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-114-127

LIVING STANDARDS IN THE FAR EASTERN REGION: APPROACHES TO MONITORING AND REDUCING IMBALANCES

Fedor I. Arzhaev¹, Dmitry E. Morkovkin^{1*}, Yury A. Simagin²

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation*

(49, Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

²*ISESP FCTAS RAS*

(32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: morkovkinde@mail.ru*

For citation:

Arzhaev F. I., Morkovkin D. E., Simagin Yu. A. Living standards in the Far Eastern region: approaches to monitoring and reducing imbalances. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 114-127. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-114-127 (in Russ.).

Abstract. *Ensuring uniform standards of living is among the priorities of the socio-economic policy of state, but lack of unified approaches to assessing and measuring the standards of living poses a significant challenge in achieving this goal. The study aims to develop a comprehensive monitoring and assessment system for living standards based on dynamic regulation and system analysis of socio-economic indicators. The purpose of this work is developing and testing a methodology for a systematic analysis of living standards using the example of regions in the Far East. A comprehensive approach to understanding the relationship between the indicators characterizing living standards and functioning of the socio-economic system has been developed, including 9 indicators based on basic poverty theories. Based on this approach, four graphs have been developed to illustrate the relationship between these indicators. These graphs help to identify trends and patterns in living standards, as well as provide a basis for policy recommendations to improve the standard of living in these regions. Based on graphs, indicators of the standard of living for the regions of the Far East were calculated using the dynamic standard method, According to the same methodology, a comparison with*

all-Russian indicators was carried out, for which an automated complex for assessing the standard of living was developed. There were identified the causes of differences in the living standards compared to the potentially possible ones through analysis of inversions and the origin of these disparities in the socio-economic system (internal or external factors). The most common problems leading to lower standards of living in the Far East include low incomes with a high rate of price increase, low economic productivity, and/or a large proportion of the informal sector, as well as insufficient availability of social infrastructure. It has been found out that Chukotka AO, the Jewish AO, Magadan Oblasts, Sakhalin Oblast, and Khabarovsk Krai have the worst standards of living. The ways to improve this situation are offered.

Keywords: standards of living, Far East, regions, method of dynamic regulation, monitoring, socio-economic system, causes of decline in living standards.

References and Internet sources.

1. Atkinson A. B. *Measuring Poverty around the World*. Princeton. Princeton University Press. 2019. 464 p.
2. Kaplinsky R. *Globalization, Poverty and Inequality: Between a Rock and a Hard Place*. London. Polity. 2005. 216 p.
3. Piketty T. *A Brief History of Equality*. Transl. by V. Lipka. Moscow. [Ice]. 2023. 384 p. (in Russ.)
4. Mukhacheva A. V. Kachestvo zhizni naseleniya kak nauchnaya kategoriya: teoreticheskiye podkhody k opredeleniyu [Quality of life as a scientific category: theoretical approaches to definition]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]* 2012. Vol. 1. No. 4(52). P. 303–307. (in Russ.)
5. Pareto A. A., Mazziotta M. Non-compensatory composite index for measuring well-being over time. *Multidisciplinary Research Journal*. 2013. No. 4. P. 94–104.
6. Falcettoni E. A., Nygaard V. M. Comparison of living standards across the United States of America. *Finance and Economics Discussion Series*. 2023. File No. 2020–041. DOI: 10.17016/FEDS.2020.041r1
7. Bobkov V. N., Gulyugina A. A. Neravenstvo kachestva i urovnya zhizni naseleniya regionov [The inequality of the quality and standards of life of the population of the regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2012. No. 2. P. 170–178. DOI: 10.17059/2012-2-15 (in Russ.)
8. Rossoshansky A. I. Tipologiya regionov Rossii po pokazatelyam kachestva zhizni naseleniya [Typology of Russian regions in terms of quality indices of life of the population]. *Gosudarstvennyy sovetnik [State Councilor]*. 2018. No. 3(23). P. 5–9. (in Russ.)
9. Drozdowski G., Dziekański P. Local imbalances of quality of life and their influence on the process of green economy development in Poland voivodships in 2010–2020. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No. 15. Art. 9185. DOI: 10.3390/ijerph19159185
10. Avdeev Yu. A. O demograficheskoy politike dlya rossiyskogo Dal'nego Vostoka [The population policy of the Russian Far East]. *Statistika i Ekonomika [Statistics and Economics]*. 2017. No. 6. P. 59–68. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-59-68 (in Russ.)
11. Gruznevich E. S. Otsenka sbalansirovannosti aspektov sotsio-ekologo-ekonomicheskoy effektivnosti deyatel'nosti organizatsii na osnove metoda dinamicheskogo normativa [Assessment of the balance of aspects of the socio-ecological and economic efficiency of the organization activity based on the dynamic standard method]. *Statistika i Ekonomika [Statistics and Economics]*. 2021. Vol. 18. No. 6. P. 17–25. DOI: 10.21686/2500-3925-2021-6-17-25 (in Russ.)
12. Stiglitz, J. E. *The Price of Inequality*. New York. Penguin. 2019. 526 p.
13. Kolesnikova O. S. Regiony Dal'nego Vostoka Rossii: tendentsii i problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [The regions of the Far East of Russia: trends and problems of socio-economic development]. *[Regional Problems of Economic Transformation]*. 2019. No. 8(106). P. 88–95. (in Russ.)
14. Savich D. E., Feshchenko N. V. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli regionov Dal'nego Vostoka Rossii: osnovnyye problemy i puti resheniya [Socio-economic indicators of the regions of the Russian Far East: the main problems and solutions]. *Nauchno-tekhnicheskoye i ekonomicheskoye sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke [Scientific, Technical and Economic Cooperation of the APR]*

- Countries in the 21st Century*. Vol. 2. 2019. P. 347–351. (in Russ.)
15. Baxter J. L., Moosa I. A. The consumption function: A basic needs hypothesis. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 1996. Vol. 31. P. 85–100. DOI: 10.1016/S0167-2681(96)00866-9.
 16. Glushchenko G. I. Ekonomicheskiye posledstviya demograficheskikh sdvigoov [Economic implications of demographic shifts]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2019. Vol. 26. No. 6. P. 5–20. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-6-5-20 (in Russ.)
 17. Bardal A. B., Gritsko M. A., Khvan I. S., Khalikova S. S. Kachestvo zhizni v Dal'nevostochnom makroregione: integral'naya otsenka [Quality of life in the Far Eastern macroregion: an integral assessment]. *Regionalistika [Regionalistica]*. 2019. No. 5. P. 62–78. DOI: 10.14530/reg.2019.5.62 (in Russ.)
 18. Zharomsky V. S., Migranova L. A., Toksanbaeva M. S. Sotsial'no-ekonomicheskoye neravenstvo v Rossii: dinamika i metody otsenki [Socio-economic inequality in Russia: dynamics and estimation method]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 17–33. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-08 (in Russ.)
 19. Abankina I. V., Filatova L. M. Accessibility of pre-school education. *[Education Studies Moscow]* 2018. No. 3. P. 16–46. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-216-246
 20. Sadykova Yu. Zh. Sovremennyye tendentsii v zdravookhranении Rossii: spad ili razvitiye [Modern trends in the health care system of Russia: drop or rise]. *Statistika i Ekonomika [Statistics and Economics]*. 2017. No. 3. P. 105–113. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-3-105-113 (in Russ.)
 21. Gagarina G. Yu., Arkhipova L. S., Sizova D. A. Proizvoditel'nost' truda kak indikator effektivnosti regional'noy ekonomiki [Labor productivity as indicator of regional economy efficiency]. *Vestnik REU imeni G. V. Plekhanova [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics]*. 2021. Vol. 18. No. 6(120). P. 83–92. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-6-83-92 (in Russ.)
 22. Khanin G. I. Itogi ekonomicheskogo razvitiya RF v 1 kvartale 2019 goda: ekonomicheskii krizis usilivayetsya [The results of the economic development of the Russian Federation in Q1 of 2019: the economic crisis is getting worse]. *Journal of Economic Regulation*. 2019. No. 2. P. 64–71. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.2.064-071 (in Russ.)
 23. Makar S. V., Yarasheva A. V., Simagin Yu. A. Prostranstvennoye razvitiye Dal'nego Vostoka Rossii: demograficheskiye i sotsial'no-ekonomicheskkiye faktory [Spatial development of the Russian Far East: demographic and socio-economic factors]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 117–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11 (in Russ.)

Information about the authors:

Arzhaev Fedor Igorevich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: arzhaevfedor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2986-3235, Elibrary SPIN-code: 3716–8510.

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277–4480.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881–6084.

Статья поступила в редакцию 07.06.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

РЫНОК ТРУДА И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-128-139
EDN: OTXZWR

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЁЖИ О КАРЬЕРНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ И ОТНОШЕНИЯХ В СФЕРЕ ТРУДА¹

Марков Д. И.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

E-mail: DIMarkov1998@yandex.ru

Для цитирования:

Марков Д. И. Представления городской молодёжи о карьерных возможностях и отношениях в сфере труда. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 128-139. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-128-139; EDN: OTXZWR

Аннотация. Статья посвящена представлениям российской молодёжи о возможностях восходящей мобильности и отношениях с работодателями на рынке труда. На основе результатов авторского социологического исследования (три замера, проведённых с интервалом в один год в 2022–2024 гг.) выявлено: во-первых, что не более чем каждый второй занятый молодой человек работает по полученной специальности и доволен оплатой своего труда; во-вторых, абсолютное большинство опрошенных молодых людей допускают, что в России определённо или скорее возможно добиться должности специалиста, ведущего специалиста и менеджера нижнего звена без обращения к «связям», тогда как в отношении более высоких позиций — менеджера среднего и высшего звена — их уверенность заметно снижается; в третьих, в представлениях молодых людей о трудовых отношениях преобладают отрицательные стереотипы, особенно в отношении справедливости оплаты труда и заинтересованности работодателя в развитии компетенций своих сотрудников. Методом корреляционного анализа установлено, что представления о рынке труда имеют значимую взаимосвязь с доверием информационно-повестки о положении дел в экономике и её перспективах. Информационная повестка способствует сверх-оптимистичным ожиданиям о рынке труда у не имеющих занятости молодых людей, что впоследствии — в случае, если эти ожидания, скорее, не оправдаются — может отрицательно сказаться на качестве их труда и лояльности работодателю. Сделан вывод о том, что, не смотря на свою культурную обусловленность, представления молодёжи о трудовых отношениях могут быть изменены в лучшую сторону, однако для этого работодателям следует способствовать открытости финансово-экономических процессов в организации и развитию интеллектуального потенциала молодых сотрудников.

Ключевые слова: рынок труда, молодёжь, восходящая мобильность, отношения в сфере труда, экономическая культура.

© Марков Д. И., 2024

¹ Автор выражает признательность зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н. О.А.Александровой за помощь при проведении исследования и подготовке данной статьи.

Постановка проблемы

После введения экономических санкций в феврале 2022 г. российское государство всё больше фокусирует внимание на молодёжи². Так, в начале 2024 г. был представлен проект стратегии молодёжной политики в РФ до 2030 г.,³ приоритетными направлениями которой являются развитие духовно-нравственных ценностей молодёжи, обеспечение возможностей для её самореализации и профессионального развития, а также создание благоприятных условий для молодых семей⁴. Одновременно Правительством РФ были приняты изменения в «Долгосрочную программу содействия занятости молодёжи на период до 2030 года»⁵, связанные с упрощением трудоустройства молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет, усиление программ профориентации, подключение к этим процессам общероссийских молодёжных организаций (в частности, «Российское движение детей и молодёжи» и «Российские студенческие отряды»). В феврале 2024 г. в обращении Федеральному собранию Президент России анонсировал национальный проект «Кадры», также акцентирующий внимание на профессиональной ориентации молодёжи⁶, а спустя несколько месяцев предста-

вители Правительства РФ объявили о старте разработки национального проекта «Молодёжь и дети», целью которого декларируется создание условий для самореализации молодёжи, кадровых и социальных лифтов⁷. Отметим также принятие в мае 2024 г. Государственной Думой РФ законопроекта о доплатах за наставничество на работе⁸ и подписание Президентом указа о национальных целях развития до 2030 г. (и на перспективу до 2036 г.), одной из которых является «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности». Примечательно, что одним из показателей её достижения считается доля молодых людей, верящих в возможности самореализации в России, которая должна вырасти к 2030 г. до 85%⁹.

В то же время, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в июне 2023 г., трудоустройство занимает лидирующее место в рейтинге проблем, осложняющих жизнь современной молодёжи (в группе 18–24 лет на неё указывают 32% опрошенных, в группе 25–34 лет — 44%), лишь следом идут проблемы, связанные с жильём, получением хорошего образования и материальным положением¹⁰. Несмотря на декларируемый в СМИ дефицит молодых кадров в экономике, обусловленный демографической ямой и иммиграцией части квалифицированных специалистов за рубеж в 2022 г., рынок труда, не стал лояльнее ко всем молодым со-

² Перечень поручений по итогам заседания Госсовета // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/87/events/70421> (дата обращения: 16.06.2024).

³ Стратегия молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52хун3us4ky.pdf> (дата обращения: 16.06.2024).

⁴ В Госдуме представили проект стратегии молодёжной политики до 2030 года // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/01/26/1016834-v-gosdume-predstavili-proekt-strategii-molodezhnoi-politiki> (дата обращения: 16.06.2024).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 17 января 2024 г. N 45-р О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 14 декабря 2021 г. N 3581-р // Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/408411117/#friends> (дата обращения: 16.06.2024).

⁶ Владимир Путин объявил о запуске нового национального проекта «Кадры» // Официальный сайт Министерства просвещения РФ. — URL: <https://edu.gov.ru/press/8175/vladimir-putin-obuyavil-o-zapuske-novogo-nacionalnogo-proekta-kadry/> (дата обращения: 16.06.2024).

⁷ Нацпроект «Молодёжь и дети» включит в себя ключевые меры поддержки молодых людей // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/20448583> (дата обращения: 16.06.2024).

⁸ Госдума приняла в первом чтении законопроект о доплатах за наставничество на работе // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/20925881> (дата обращения: 16.06.2024).

⁹ Путин поручил увеличить процент верящей в самореализацию внутри России молодёжи // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/08/1036087-putin-poruchil-uvelichit-protsent-veryaschei-vsamorealizatsiyu-vnutri-rossii-molodezhi> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁰ «Образ российской молодёжи мониторинг» // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring?ysclid=lxdbcnx23p916646682> (дата обращения: 13.06.2024).

искателям вакансий¹¹, а только лишь к тем из них, которые имеют необходимую квалификацию и опыт работы. Более того, количество «хороших»¹² (с точки зрения молодёжной аудитории) рабочих мест, вероятно, стало даже меньше вследствие как ухода иностранных компаний, так и нестабильного экономического положения в стране в целом.

Проблема трудоустройства молодёжи не является чем-то новым для исследователей рынка труда. Так, в работах отечественных учёных тема трудоустройства и занятости молодых людей рассматривается как в общероссийском «разрезе» [1, с. 52–53], так и в региональном [2, с. 54–55], и в отраслевом [3]. Особое внимание уделяется профессиональному и высшему образованию, как фактору карьерного роста; готовности выпускников работать по полученной специальности [4, с. 121], их представлениям об идеальном рабочем месте [5], условиям как интенсивному труду и включению в процессы модернизационного развития России [6]. Отдельно анализируется готовность молодёжи к предпринимательству и факторы, её определяющие, ведение малого бизнеса в кризисных ситуациях, а также развитие молодыми предпринимателями новых отраслей экономики [7]. Помимо этого, исследователями отмечается важность программ психологической поддержки и профессионального самоопределения студентов на этапе учёбы [8, с. 38–40], внедрение различных форматов наставни-

чества для молодых сотрудников непосредственно на рабочем месте [9, с. 73–74], особенно в условиях экономической турбулентности и неопределённости [10, с. 197].

В данной статье акцентируется внимание на культурных и мировоззренческих особенностях молодёжной аудитории, обуславливающих их трудовое поведение. В частности, как показали выступления спикеров на XIV Грушинской социологической конференции (2024 г.), для молодых людей в целом характерны противоречивость ценностей и ориентаций, декларативность последних и эмоциональность, стереотипность и фрагментарность представлений о государстве и обществе, относительность и определённая избирательность нравственных критериев при оценке социальных и политических процессов¹³. Что касается сферы труда противоречивость в поведении молодых людей проявляется в: 1) декларировании желания работать в компании при ограниченном знании её бизнес-процессов, корпоративной культуры, целей её деятельности и миссии; 2) стремлении, с одной стороны, к регламентации рабочего времени, установлению чётких границ в отношениях с коллегами, а с другой — в ожидании со стороны работодателя и трудового коллектива «отеческого» понимания и сочувствия в случае совершения ошибок и нарушения корпоративных регламентов; 3) позиционировании себя как креативного поколения/актива компании, но, зачастую, неспособности справиться с тривиальной рабочей задачей без инструкции; 4) декларировании умения пользоваться новыми технологиями при непонимании принципов их работы, в том числе, это касается как навыка делового общения по электронной почте, так и владения базовыми «офисными» программами; 5) декларировании желания работать, но, по возможности, делать это дистанционно, в отрыве от места работы и трудового коллектива.

¹¹ Лишь 9% всех вакансий на рынке труда потенциально подходят молодым соискателям // Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2024/01/29/1017177-lish-9-vseh-vakansiy-na-rinke-trudopotentsialno-podhodyat-molodim-soiskatelyam> (дата обращения: 13.06.2024).

¹² Согласно исследованиям аналитического центра НАФИ, с точки зрения молодых людей критериями идеального работодателя выступают: возможности для карьерного роста, высокая заработная плата, возможность самореализации, стабильность компании и дружный коллектив. Представляется, что компании, способные сочетать в себе все или большую часть этих характеристик, представлены на рынке труда в весьма ограниченном количестве. Более подробно см. Возможность карьерного роста и высокая зарплата — главные характеристики идеального работодателя для молодёжи // НАФИ. – URL: <https://naf.ru/en/analytics/vozmozhnost-karernogo-rosta-i-vysokaya-zarplata-glavnyekharakteristiki-idealnogo-rabotodatela/> (дата обращения: 20.06.2024).

¹³ Видео-запись выступления секции «В поиске смысла...»: ценностно-мировоззренческое самоопределение российской молодёжи» в рамках XIV Грушинской социологической конференции // ВЦИОМ. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YEWlUluVDaw> (дата обращения: 20.06.2024).

Отмеченная противоречивость лишь усиливает «круг» взаимных претензий и обид молодых соискателей/сотрудников и работодателей друг к другу. В этой связи видится важным углубление представлений о трудовой культуре молодёжи, возможностях трансформации сложившихся у нее стереотипов о работодателях и рынке, а также определение направлений и способов «сближения поколений» работодателей и молодых работников.

Методология исследования

В рамках данной статьи трудовая культура рассматривается как часть экономической, которая, в свою очередь, определяется как совокупность усвоенных и легко воспроизводимых стереотипов и «способов деятельности, которыми конкретные общества, группы и индивиды адаптируются к экономическим условиям своего существования»¹⁴. Экономическая культура, таким образом, включает диапазон реакций на широкий спектр ситуаций, возникающих в сфере труда, начиная с выбора работодателя и отношения к профессиональным обязанностям и заканчивая взаимодействием с коллективом и преданностью ценностям организации¹⁵.

Эмпирическую базу составили результаты авторского исследовательского проекта «Экономическая культура российской городской молодёжи», осуществляющегося с 2022 по 2024 годы. Цель проекта — в выявлении глубинных факторов экономического поведения и установок российской молодёжи. Методология проекта включала онлайн-опрос российской городской молодёжи в возрасте от 17 до 35 лет по квотной выборке с репрезентацией по полу, возрасту, типу населённого пункта и федеральному округу. Было проведено три замера

с разницей в один год: первый реализован в период с 16 февраля по 3 марта 2022 г. (n=600), второй — с 20 по 28 февраля 2023 г. (n=620) и третий — в период с 20 по 24 февраля 2024 г. (n=650)¹⁶. Согласно ключевой гипотезе исследовательского проекта, отсутствие значимой динамики в тестируемых показателях будет говорить в пользу статичных феноменов экономической культуры молодёжи, и, наоборот, заметная вариативность будет свидетельствовать о её реактивных проявлениях, особенно обострившихся на фоне последствий санкционного кризиса (например, рост курса доллара, уход иностранных брендов, в целом негативные прогнозы развития экономики).

Целью данной статьи является описание выявленных представлений городской молодёжи о рынке труда в условиях социально-экономической и политической турбулентности. В связи с этим, из набора включённых в анкету вопросов были проанализированы те, которые отражают мнение исследуемой группы о возможностях и пределах восходящей мобильности в России, ситуации на рынке труда в целом и отношении работодателей к своим

¹⁶ Согласно данным Росстата на 1 января 2022 г. объём генеральной совокупности российской городской молодёжи в возрасте 17–35 лет составлял 26119452 человек (URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>). Размер выборки от 600 респондентов и более позволяет генерализировать полученные результаты с ошибкой, не превышающей +/- 5 п.п. В каждом из проведённых замеров были соблюдены следующие пропорции а) по полу — 50% мужчин и 50% женщин (предельная разница в долях групп между замерами не превышает 2 п.п.); б) по возрасту — 14% в возрасте 17–20 лет, 15% — 21–24 лет, 23% — 25–29 лет и 48% — 30–35 лет (предельная разница не более 5 п.п.); в) по федеральному округу — 11% из СЗФО, 29% из ЦФО, 18% из ПФО, 10% из ЮФО, 6% из СКФО, 9% из УрФО, 11% из СибФО и 6% из ДВФО (предельная разница не более 4 п.п.); г) по типу населённого пункта — 13% проживали в городах с населением до 50 тыс. человек, 10% — в городах от 50 тыс. до 100 тыс. человек, 26% — в городах от 100 тыс. до 500 тыс. человек, 17% — от 500 тыс. до 1 млн человек и 34% — в городах-миллионниках (предельная разница не более 5 п.п.). От замера к замеру самооценки потребительского потенциала респондентов росла: если в 2022 г. 48% опрошенных характеризовали материальное положение семьи, в которой они непосредственно проживают, на среднем уровне (то есть могут позволить себе как минимум покупку бытовой техники и мебели), то в 2024 г. — уже 61%. Такая динамика отмечается и другими исследователями, что связывается с более высокими (по сравнению со старшими возрастными группами) адаптационными способностями молодых людей в условиях неопределённости и кризиса.

¹⁴ Кузьминов Я. И. Теоретическая экономическая культура в современной России // Публикации Высшей школы экономики. — URL: <https://publications.hse.ru/articles/70911588?ysclid=lsatvpg53r716706009> (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁵ Комаров М. В., Банных Н. С., Мальков Н. Р. Вовлечённость персонала в профессиональную деятельность и корпоративную культуру. — Москва: Когито-Центр, 2018. — 224 с. — С. 35–39.

сотрудникам, в частности. Применительно к обозначенным направлениям выдвинуто предположение о том, что стереотипы городской молодёжи о карьерных возможностях и рынке труда в России воспроизводятся независимо от положения дел в стране, а также наличия занятости, удовлетворённости содержанием и оплатой труда.

Обработка и статистический анализ результатов исследования проводился в программе IBM SPSS Statistics ver. 23 с использованием критерия Хи-квадрат Пирсона (далее — χ^2) и коэффициента ранговой корреляции Спирмена (далее — R_s), наиболее подходящих для поиска взаимосвязей между переменными в социологическом исследовании.

Результаты исследования

1. *Общая характеристика занятости городской молодёжи.* Согласно результатам опроса, в 2024 г. 67% городской молодёжи указывали на наличие занятости в той или иной форме (75% и 72% в замерах 2023 и 2022 г. соответственно): каждый второй респондент — на полный или неполный рабочий день (47% и 6% соответственно), каждый восьмой (13%) — как самозанятый, фрилансер или частный предприниматель. На отсутствие занятости указали треть опрошенных: 23% не работали (по 18% в предыдущих замерах), 10% — периодически подрабатывали. При этом, доля занятых значимо варьируется в зависимости от пола, возраста, типа населённого пункта и уровня образования: значение этого показателя выше среди мужчин (71% против 63% среди женщин), более старших возрастных групп (85% и 76% соответственно в группах 30–35 лет и 25–29 лет против 57% и 23% в группах 21–24 лет и 17–20 лет), проживающих в крупных населённых пунктах (74% в городах-миллионниках против 55% в городах до 50 тыс. человек) и получивших высшее образование (81% среди окончивших не менее 3-х курсов по программам высшего образования и 85% среди отучившихся в магистратуре и выше против 66% и 30% среди окончивших СПО или

проучившихся не более 11 классов в школе соответственно).

Почти 2/3 занятых молодых людей удалось поступить в вуз или ссуз учиться интересующей их профессии (61% — в 2024 г., в 2023 г. 63%), но работают по профессии лишь 46% (в 2023 г. — 49%). Что касается удовлетворённости занятостью, то абсолютному большинству нравится содержание своей работой (79%, в 2023 г. — 80%), довольны заработной платой 53% (в 2023 г. — 45%)¹⁷. При этом, значимо чаще довольны содержанием и оплатой своей нынешней работы те опрошенные, которые учились желаемой профессии и работают по специальности (среди работающих по специальности 86% довольны содержанием, 58% — оплатой; среди тех, кто учился желаемой профессии — 88% и 56% соответственно). Стоит также отметить, что удовлетворённость оплатой труда выше среди мужчин (58% против 47% среди женщин) и в младших возрастных группах (61% и 74% в группах 17–20 лет и 21–24 лет соответственно против 50% и 47% в группах 25–29 лет и 30–35 лет), что, вероятно, связано с меньшим объёмом бытовых и семейных обязанностей.

2. *Стереотипы о карьерных возможностях.* Результаты исследования показывают положительную динамику доли опрошенных определённо или скорее согласных с тем, что государство создаёт условия для развития и реализации молодёжи — с 57% в 2023 г. до 68% в 2024 году¹⁸. Аналогичная динамика отмечается и в опросах ВЦИОМ¹⁹.

Однако, переводя данный вопрос в менее абстрактную область, можно обнару-

¹⁷ Одновременно удовлетворены и содержанием своей работы и её оплатой 47% опрошенных (41% в 2023 г.); учились желаемой профессии и работают по специальности — лишь 37% (39% в 2023 г.).

¹⁸ Полная формулировка вопроса: «Как Вы считаете, государство создаёт или не создаёт условия для того, чтобы молодые люди и девушки в России развивались, находили себя в жизни и были успешными?».

¹⁹ Так, по данным ВЦИОМ, доля молодых людей считающих, что государство определённо или скорее создаёт условия планирования жизни и достижения поставленных целей, выросла с 59% и 57% в апреле 2022 г. в группах 18–24 лет и 25–34 лет соответственно до 72% и 64% в октябре 2023 года // ВЦИОМ. — URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/91e81089-b29b-46a3-99ae-9ec9272847f0> (дата обращения: 13.06.2024).

По Вашему мнению, какую позицию может занять россиянин «без связей», но имеющий способности и добросовестно делающий свою работу?

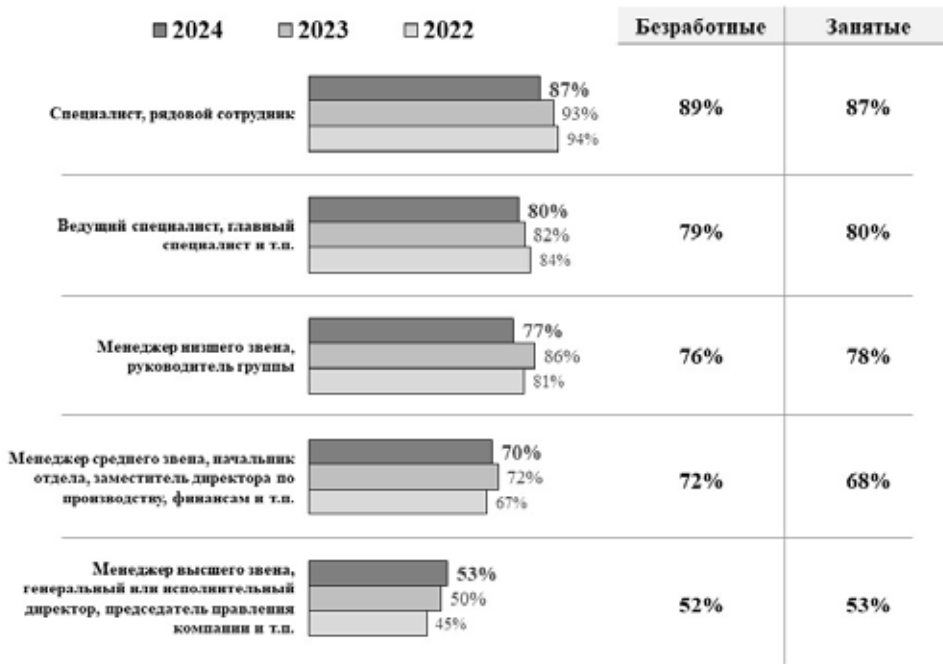

Рис. 1. Представления городской молодёжи о карьерных возможностях в России, в % от опрошенных в целом и по группам занятости (сумма ответов «определённо, да» и «скорее, да»)

Fig. 1. Urban youth's views about career opportunities in Russia, as a percentage of respondents in general and by employment group (the sum of the answers «Definitely yes» and «Rather yes» is given)
 Примечание: в таблице справа распределение по безработным и занятым молодым людям представлено по результатам исследования в 2024 году.
 Источник: по результатам авторских исследований в 2022–2024 годах.

жить, что, по мнению молодёжной аудитории, чем выше позиция в должностной иерархии, тем сложнее её будет достигнуть лишь добросовестным трудом при отсутствии «связей». Если в отношении высоких должностей — менеджеров высшего и среднего звена — фиксируются, в целом, положительные изменения (что может обуславливаться транслированием позитивного «месседжа» в СМИ касательно высокой востребованности молодых кадров после событий февраля 2022 г.), то в случае, казалось бы, более доступных на ранних этапах карьеры позиций — специалиста, ведущего специалиста и менеджера нижнего звена — наоборот, динамика скорее отрица-

тельная (рис. 1). Подобные представления не имеют значимых корреляций ни с возрастом, ни с уровнем образования, и лишь отчасти с потребительским потенциалом опрошенных (аналогично и в предыдущих замерах)²⁰. Фактор занятости также оказывается не значим для каждой из предложенных к оценке позиций, обучение желае-

²⁰ Между потребительским потенциалом и показателями достижимости позиций менеджера высшего, среднего и нижнего звена присутствуют прямые значимые, но слабые взаимосвязи (в зависимости от года проведения замера коэффициенты корреляции R_s варьируется от 0,115 до 0,192 при значимости $p \leq 0,008$), что на уровне гипотезы, вероятно, связано с меньшей социальной дистанцией между представителями менеджмента и высокодоходными группами населения, которая и обуславливает их большую уверенность.

мой профессии в вузе или ссузе — лишь для позиций специалиста (91% против 81% среди тех, кто не учился желаемой профессии; $\chi^2 = 10,879$ при $p=0,012$) и ведущего специалиста (85% против 71% соответственно; $\chi^2 = 14,363$ при $p= 0,002$).

Можно заключить, что представления о необходимости «связей» и т.н. умения «крутиться» как основных средств достижения успеха, воспроизводятся молодёжью на уровне стереотипа, отчасти нивелирующего смысл добросовестного труда²¹. В дополнение к этому, устойчивость исследуемых оценок в динамике и их независимость от основных социально-экономических характеристик опрошенных позволяет констатировать более глубинную, культурную природу данного стереотипа [11, с. 193].

3. Представления о трудовых отношениях и работодателях. Что касается рынка труда и поведения работодателей, то представления городской молодёжи об этой сфере можно охарактеризовать как преимущественно отрицательные. По мнению респондентов, наиболее распространёнными (с которыми можно столкнуться очень часто или скорее часто) ситуациями являются те, когда зарплата существенно меньше трудового вклада работника (85% в 2024 г.) и когда руководитель получает зарплату многократно больше рядовых сотрудников (79%); наоборот, заинтересованность работодателя в развитии компетенций своих кадров, а также способность профсоюзов отстаивать интересы работников в конфликте с работодателем встречаются заметно реже (табл. 1).

Важно отметить в целом положительную динамику отношения к каждому из предложенных респондентам утверждений, и, особенно, тех, которые связаны с желанием работодателя снизить издержки за счёт «се-

рых» зарплат (с 72% в 2022 г. до 59% в 2024 г.) или принуждения сотрудников к увольнению по собственному желанию (с 84% до 67% соответственно). Такие изменения, вероятно, являются отражением трансляции в СМИ феномена «рынка соискателя», который обусловили санкции, структурный сдвиг в экономике, проведение частичной мобилизации и волна эмиграции квалифицированных кадров в 2022 году. Хотя в разрезе по наличию занятости, очевидно, что «базовые» проблемы на рынке труда сохраняются. В частности, ответы занятых молодых людей в опросе 2024 г. практически повторяют результаты 2023 г. за исключением тех характеристик поведения работодателя, которые связаны со способами минимизации затрат (утверждения № 5 и № 7) и «нечестностью» по отношению к своим сотрудникам (утверждения № 6 и № 8), что может обуславливаться их проверкой на практике в условиях нынешней нестабильности. Как писали П. Бергер и Т. Лукман: «Достоверность моего знания повседневной жизни считается мной и другими людьми само собой разумеющейся, пока нет свидетельств об обратном, то есть до тех пор, пока не возникает проблема, которую нельзя решить на основе моего знания»²². Таким образом, молодые люди, не имеющие занятости на момент проведения опроса, оказываются слишком оптимистичны в своих ожиданиях, что может сыграть с ними «злую шутку» при трудоустройстве в будущем.

С целью дополнительной проверки данного предположения методом кластерного анализа k-means выборочная совокупность была разделена на три группы в зависимости от степени доверия таким источникам как: 1) официальные данные Росстата об уровне инфляции, безработицы, средней заработной платы, 2) информация о текущей социально-экономической ситуации в стране, сообщаемая государственными СМИ, и 3) оценки и рейтинги товаров и услуг на таких платформах, как «Яндекс.Маркет», «Wildberries», «Ozon» и других. В результате были выделены группы «доверяю-

²¹ Согласно данным ВЦИОМ, опубликованным в мае 2023 г. от каждого четвертого до каждого третьего молодого человека придерживаются мнения, что в России нельзя добиться успеха без «мозгов»/образования (17% в группе 18–24 год и 30% в группе 25–34 года), финансовых возможностей/стартового капитала (26% и 20% соответственно) и «хороших знакомств» (по 23%), тогда как упорство и труд называют в три раза меньше (9% и 8% в тех же возрастных группах) // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkaja-formulaspekha>(дата обращения: 13.06.2024).

²² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — Москва: МЕДИУМ, 1995. — 337 с.

Таблица 1

Стереотипы городской молодёжи в отношении рынка труда в России, в % от опрошенных в целом и в зависимости от занятости (сумма ответов «очень часто» и «скорее, часто»); в столбце доверия информации представлены значения коэффициентов корреляции Спирмена

Table 1

Stereotypes of urban youth in relation to the labor market in Russia, percentage of respondents in general and depending on the availability of employment (the sum of the answers «Very often» and «Rather often» is given); the information confidence column presents the values of the Spearman correlation coefficients

Стереотипы в отношении рынка труда	В целом			Занятость		Доверие информации
	2022	2023	2024	Нет	Есть	
1. Зарплата существенно меньше трудового вклада работника	91%	90%	85%	82% (-7 п.п.)	87% (-3 п.п.)	-0,218 (0,243)
2. Руководство организации получает зарплату несо-размерно (многократно) больше рядовых работников	91%	87%	79%	71% (-14 п.п.)	83% (-4 п.п.)	-0,260 (-0,287)
3. Руководитель видит в рядовых сотрудниках всего лишь «винтиков» и не привлекает их к участию в выработке решений	78%	73%	70%	67% (-1 п.п.)	72% (-2 п.п.)	-0,221 (-0,224)
4. Надбавки и премии выплачиваются по непонятным работникам правилам	77%	76%	68%	64% (-11 п.п.)	71% (-4 п.п.)	-0,221 (-0,173)
5. В случае экономических проблем работодатель принуждает работников к увольнению по собственному желанию, чтобы не платить им выходное пособие	84%	78%	67%	66% (-7 п.п.)	68% (-12 п.п.)	-0,238 (-0,264)
6. Руководство организации не имеет нужной квалификации, занимает свою должность «по блату»	74%	77%	66%	62% (-14 п.п.)	68% (-9 п.п.)	-0,257 (-0,252)
7. Работодатели стараются минимизировать свои издержки за счёт выплаты работникам зарплаты / части зарплаты «в конверте»	72%	71%	59%	57% (-12 п.п.)	61% (-11 п.п.)	-0,239 (-0,197)
8. Работодатель присваивает себе достижения своих сотрудников, даже когда непосредственно не участвовал в их работе	-	67%	58%	54% (-8 п.п.)	60% (-9 п.п.)	-0,125 (-0,163)
9. Испытательный срок используется работодателем как способ сэкономить на зарплате: по окончании испытательного срока трудовой договор не заключается, а нанимается новый работник на испытательный срок	63%	62%	56%	53% (-13 п.п.)	58% (-3 п.п.)	-0,203 (-0,206)
10. Работодатель старается вкладываться в развитие компетенций своих сотрудников, заинтересован в приобретении ими новых знаний и навыков	45%	44%	51%	60% (+16 п.п.)	46% (+2 п.п.)	0,198 (0,255)
11. Профсоюз встаёт на защиту работника, по отношению к которому работодатель поступил несправедливо	40%	41%	46%	53% (+12 п.п.)	43% (+2 п.п.)	0,270 (0,228)

Примечание: в скобках указана динамика к предыдущему году.

Источник: по результатам авторских исследований в 2022–2024 годах

щих» (44%, +13 п.п. к 2023 г.), «скептических» (34%, +3 п.п.) и «критичных» (22%, -15 п.п.) по отношению к информационной повестке²⁵. Как показал корреляционный анализ,

²⁵ Кластер «доверяющих» образуют респонденты, определённо или скорее доверяющие каждому из перечисленных источников информации и, особенно, данным Росстата (99%) и официальным СМИ (96%); «скептические», наоборот, склонны доверять преимущественно рейтингам и оценкам пользователей (100%), тогда как остальным источникам – в гораздо меньшей степени (23% и 17% соответственно

чем выше уровень доверия опрошенных к информационной повестке, связанной с экономическими показателями, тем оптимистичнее их представления о рынке труда:

данным Росстата и официальным СМИ); отличительной же особенностью «критичных» можно назвать практически полное недоверие каждому из предложенных к оценке источникам (не более 15%). Надёжность выявленной кластерной модели подкрепляется её воспроизводимостью в годовой ретроспективе.

об этом свидетельствуют значимые коэффициенты корреляции Спирмена на уровне $p = 0,000$, воспроизведённые и в предыдущем году. Важно, что в отношении представлений о возможностях восходящей мобильности корреляционные связи с показателями доверия информационной повестке отсутствуют за исключением позиций менеджеров среднего ($R_s = 0,154$ при $p=0,000$ в 2024 г.; в 2023 г. значимая связь не воспроизвелась) и высшего звена ($0,185$ при $p=0,000$ в 2024 г. и $0,128$ при аналогичном уровне значимости в 2023 г.); это также свидетельствует в пользу стереотипной обусловленности представлений городской молодёжи о возможностях восходящей мобильности.

Дополнительный анализ показывает, что доверие информационной повестке также связано с занятостью опрошенных ($\chi^2 = 8,0156$ при $p = 0,018$) и удовлетворённостью оплатой и содержанием труда ($\chi^2 = 20,814$ при $p = 0,002$): среди незанятых респондентов значимо реже можно встретить «критичных» к информационной повестке (всего 16%), а полностью довольные своей занятостью — значимо чаще оказываются «доверяющими» (52%) и наоборот (доля «критичных» среди недовольных и содержанием, и оплатой труда — 35%, «доверяющих» — 34%). Таким образом, успехи в карьере усиливают доверие информационной повестке, а также способствуют и более оптимистичным представлениям о рынке труда и поведении работодателей. При этом не стоит исключать и те ситуации, когда «хороший» работодатель и «хороший» молодой сотрудник быстро «находят друг друга» на рынке труда, что также способствует оптимистичным представлениям последних.

Заключение

Результаты исследования позволяют заключить, что, несмотря на положительную динамику представлений городской молодёжи о возможностях и рисках рынка труда, отрицательные стереотипы и установки продолжают превалировать. Важную роль здесь играют как непосредственно фактор занятости (опыт трудовой деятельно-

сти) и удовлетворённость ею (представления и оценки занятых молодых людей более пессимистичны, чем безработных), так и доверие информационной повестке о состоянии тех или иных показателей национальной экономики и её перспективах. Причём, оба эти фактора связаны друг с другом, и первый подкрепляет второй. Однако, ситуация тревожна, когда преисполненные оптимизма в своих ожиданиях молодые люди получают первый, не соответствующий этим ожиданиям трудовой опыт, что впоследствии может отрицательно сказаться как на вовлечённости молодых сотрудников в рабочие процессы, так и на их лояльности работодателю. В частности, абсолютное большинство городской молодёжи (94% и 97% в 2023 и 2022 гг. соответственно) считает допустимым постоянный поиск более выгодного рабочего места даже при наличии занятости [11, с. 196].

Исходя из этого, можно сформулировать следующие предложения, направленные на улучшение ситуации. Во-первых, отсутствие существенной положительной динамики в достаточно низких оценках возможностей восходящей мобильности без подключения «связей» свидетельствует об укоренности этого стереотипа, вероятно, на уровне менталитета, поэтому изменение подобных представлений требует от работодателей большего внимания к оценке компетенций соискателей (причём не только профессиональных, но и коммуникативных), нивелирования фактора «знакомства» в принятии решения о приёме на работу. Во-вторых, заметная положительная динамика в оценках занятых молодых людей распространённости ситуаций, связанных с оптимизацией расходов работодателями за счёт своих сотрудников в периоды кризисов, позволяет говорить, что положительные изменения в представлениях молодёжи о рынке труда могут стимулироваться такими методами, как: 1) открытость финансово-экономических процессов в организации, 2) развитие форм корпоративной социальной ответственности в отношении сотрудников, механизмов обратной связи, 3) развитие интеллектуального

потенциала молодых сотрудников и подключение их к более ответственным процессам создания стоимости, а также 4) демонстрация управленцами влияния их решений на положение и перспективы организации и её сотрудников (например, рассылка по корпоративной почте решений директората, проведение ежемесячных или ежеквартальных брифингов). В-третьих, снижение мультипликативного влияния сверх-оптимистичной информационной повестки на ожидания молодых соискате-

лей от работодателей (которые впоследствии могут не оправдаться) требует понижения рисков подобной ситуации со стороны СМИ и тех, кто формирует информационную политику; как минимум, транслирование положительных «кейсов» должно сопровождаться более подробным описанием масштабов феномена и его отличительных особенностей от рядовых случаев, а также предупреждением от его генерализации на весь рынок труда и сложившийся в нём порядок трудовых отношений.

Литература и Интернет-источники

1. **Кочерга, С. Ю.** Трудоустройство молодежи: особенности, проблемы, пути решения / С. Ю. Кочерга // Вестник экспертного совета. — 2021. — № 4(27). — С. 52–57; EDN: HFLIOB
2. **Ярашева, А. В.** Трудовые ресурсы молодежи: актуальные региональные проблемы / А. В. Ярашева // Экономика и управление. — 2019. — № 11(169). — С. 53–58. DOI: 10.35854 / 1998-1627-2019-11-53-58; EDN: TUDFOB
3. **Коленникова, О. А.** Занятость в значимых отраслях экономики с точки зрения возможностей трудовой мобильности / О. А. Коленникова, М. С. Токсанбаева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 11–1(57). — С. 234–238. — DOI: 10.24411 / 2411-0450-2019-11336; EDN: SLRYMA
4. **Зубок, Ю. А.** Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. — 2015. — № 5(373). — С. 114–122; EDN: RUWMPM
5. **Каргаполова, Е. В.** Перспективы трудоустройства в представлениях выпускников вузов Москвы (по результатам стратегических сессий) / Е. В. Каргаполова, Ю. А. Давыдова, М. И. Ивлева, И. В. Аксютина // ЦИТИСЭ. — 2023. — № 4(38). — С. 187–199. DOI: 10.15350 / 2409-7616.2023.4.18; EDN: WQXFYC
6. **Шабунова, А. А.** Качество молодого поколения в контексте модернизации России / А. А. Шабунова, Г. В. Леонидова, М. А. Ласточкина [и др.]; ред. А. А. Шабунова. — Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2016. — 235 с. EDN: YOEXXE
7. **Ариф, Э. М.** Личное — это профессиональное: этичность молодых крафтовых предпринимателей в Санкт-Петербурге / Э. М. Ариф, Т. А. Кузьминова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 3(163). — С. 179–199. DOI: 10.14515 / monitoring.2021.3.1922; EDN: LLYBTZ
8. **Люсова, О. В.** Психологическая поддержка формирования карьерных стратегий современной молодежи на этапе профессионального обучения / О. В. Люсова, Л. Е. Солянкина // Психолого-педагогический поиск. — 2020. — № 1. — С. 35–44. DOI: 10.37724 / RSU.2020.53.1.006; EDN: ТВPGQI
9. **Бурдастова, Ю. В.** Новые модели наставничества в здравоохранении как способ повышения профессиональных компетенций медицинских работников / Ю. В. Бурдастова, Ю. С. Ненахова, Н. В. Аликперова, Д. И. Марков // Экономика. Налоги. Право. — 2022. — Т. 15. — № 3. — С. 69–79. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2022-15-3-69-79; EDN: DGQTHQ
10. **Александрова, О. А.** Первое столкновение с «чёрным лебедем»: как пандемия влияла на настроения выпускников вузов / О. А. Александрова, А. С. Проскурина, Д. И. Марков // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 187–200. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.15; EDN: VADNJA

11. **Аликперова, Н. В.** Российская молодёжь о работодателях и трудовых отношениях. Результаты социологического опроса / Н. В. Аликперова, Д. И. Марков // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 4(53). — С. 190–198. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2023-53-4-190-198; EDN: PFWKTR

Сведения об авторе:

Марков Дмитрий Игоревич, аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: dimarkov1998@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9380-0506; РИНЦ SPIN-код: 1200–6958.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-128-139

URBAN YOUTH'S VIEWS ABOUT CAREER OPPORTUNITIES AND RELATIONS IN THE FIELD OF LABOR

Dmitry I. Markov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

E-mail: DIMarkov1998@yandex.ru

For citation:

Markov D. I. Urban youth's views about career opportunities and relations in the field of labor. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 128-139. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-128-139 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to the ideas and stereotypes of Russian youth about the possibilities of upward mobility and relations with employers in the labor market. Based on the results of the author's sociological research (three measurements carried out with an interval of one year from February 2022 to February 2024), it was found out: firstly, that no more than one in two employed young people works in his specialty and is satisfied with payment of his work; secondly, the absolute majority of young people surveyed admit that in Russia it is definitely or rather possible to achieve the position of a specialist, a leading specialist and a lower-level manager without resorting to «connections», whereas in relation to higher positions — middle and senior managers — their confidence decreases markedly; thirdly, negative stereotypes prevail among people concerning labor relations, especially with regard to pay equity and the employer's interest in developing the competencies of the employees. Using the method of correlation analysis, it was found that the ideas about the labor market have a significant relationship with the trust in the information agenda about the state of affairs in the national economy and its prospects. Attention is drawn to the fact that the information agenda contributes to over-optimistic expectations about the labor market among unemployed young people, which subsequently — if these expectations are likely to fail — can negatively affect the quality of their work and loyalty to the employer. It is concluded that, despite their cultural conditionality, young people's ideas about labor relations can be changed for the better, but for this, employers should promote openness of the financial and economic processes in the organization, development of the intellectual potential of young employees, as well as their involvement in more responsible value creation processes.*

Keywords: *labor market, youth, upward mobility, labor relations, economic culture.*

References and Internet sources

1. Kocherga S. Yu. Trudoustrojstvo molodezhi: osobennosti, problemy, puti resheniya [Employment of youth: features, problems, solutions]. Vestnik ekspertnogo soveta [Bulletin of the Expert Council]. 2021. No. 4(27). P. 52–57. (in Russ.)
2. Yarasheva A. V. Trudovyye resursy molodezhi: aktual'nyye regional'nyye problemy [Youth workforce: current regional problems]. Ekonomika i upravleniye [Economics and Management]. 2019. No. 11(169). P. 53–58. (in Russ.)
3. Kolennikova O. A., Toksanbayeva M. S. Zanyatost' v znachimykh otraslyakh ekonomiki s tochki zreniya vozmozhnostey trudovoy mobil'nosti [Employment in significant sectors of economy from the point of view of opportunities of labor mobility]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Journal of Economy and Business]. 2019. No. 11–1(57). P. 234–238. DOI: 10.24411 / 2411-0450-2019-11336 (in Russ.)
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Molodye spetsialisty: problema podgotovki i polozheniye na rynke truda [Young specialists: training and demand in the labor market]. Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]. 2015. No. 5. P. 114–122. (in Russ.)
5. Kargapolova E. V., Davydova Yu. A., Ivleva M. I., et al. Perspektivy trudoustrojstva v predstavleniyakh vypusknikov vuzov Moskvy (po rezul'tatam strategicheskikh sessij) [Employment prospects in the views of graduates of Moscow universities (based on the results of strategic sessions)]. CITISE [CITISE]. 2023. No. 4(38). P. 187–199. DOI: 10.15350 / 2409-7616.2023.4.18 (in Russ.)
6. Shabunova A. A., Leonidova G. V., Lastochkina M. A., et al. Kachestvo mladogo pokoleniya v kontekste modernizatsii Rossii [Quality of the Young Generation in the Context of Modernization of Russia]. Vologda. Vologda Research Center RAS. 2016. 235 p. (in Russ.)
7. Arif E. M., Kuzminova T. A. Lichnoje — eto professional'noje: etichnost' molodykh kraftovykh predprinimatelej v Sankt-Peterburge [Personal is professional: ethic of young craft entrepreneurs in St. Petersburg]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2021. No. 3. P. 179–199. (in Russ.)
8. Lyusova O. V., Solyankina L. E. Psikhologicheskaya podderzhka formirovaniya kar'jnykh strategij sovremennoj molodezhi na etape professional'nogo obucheniya [Psychological support for career development in modern adolescents at the stage of vocational education]. Psikhologopedagogicheskij poisk [Psychological and Pedagogical Search]. 2020. No. 1(53). P. 35–44. DOI: 10.37724 / RSU.2020.53.1.006 (in Russ.)
9. Burdastova Yu. V., Nenakhova Yu. S., Alikperova N. V., et al. Novyye modeli nastavnichestva v zdravookhranenii kak sposob povysheniya professional'nykh kompetentsij meditsinskikh rabotnikov [New models of mentoring in healthcare as a way to improve the professional competencies of medical workers]. Ekonomika. Nalogi. Pravo. [Economics, Taxes and Law]. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 69–79. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2022-15-3-69-79 (in Russ.)
10. Alexandrova O. A., Proskurina A. S., Markov D. I. Pervoye stolknoveniye s «chornym lebedem»: kak pandemiya vliyala na nastroeniya vypusknikov vuzov [The first encounter with the «black swan»: how the pandemic affects the mood of graduates]. Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 187–200. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.15 (in Russ.)
11. Alikperova N. V., Markov D. I. Rossijskaya molodezh' o rabotodatel'yakh i trudovykh otnosheniyakh. Rezul'taty sotsiologicheskogo oprosa [Russian youth about employers and labor relations. Results of the sociological survey]. Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]. 2023. No. 4(53). P. 190–198. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2023-53-4-190-198 (in Russ.)
12. Information about the author:
Markov Dmitry Igorevich, postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: DIMarkov1998@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9380-0506; Elibrary SPIN-code: 1200–6958.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-140-152
EDN: PNJSPY

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СТОЛИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОПЫТ 5 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ

Александрова О. А.^{1,2,3,*}, Ярашева А. В.¹, Медведева Е. И.^{1,2}, Крошили С. В.^{1,2}

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32

²НИИОЗММ ДЗМ

(115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9)

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: a762rab@mail.ru

Для цитирования:

Александрова О. А., Ярашева А. В., Медведева Е. И., Крошили С. В. Научные подходы к развитию кадрового потенциала столичного здравоохранения: опыт 5 лет исследований // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 140-152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-140-152; EDN: PNJSPY

Аннотация. Ключевым условием оказания своевременной и качественной медицинской помощи является наличие достаточного количества квалифицированных медицинских кадров. При этом общей для современных систем здравоохранения проблемой становится кадровый дефицит и, как следствие, высокая нагрузка на медперсонал, сопряжённая с риском врачебных ошибок и профессионального выгорания. Другая проблема связана с развитием медицинских технологий и оборудования, а также цифровизацией множества процессов, что требует от медработников постоянного расширения своих компетенций. Отсюда — необходимость поиска решений, касающихся, во-первых, привлечения и стимулирования медицинских кадров, во-вторых, снижения нагрузки на врачебный и средний медицинский персонал и, в-третьих, повышения квалификации медицинских специалистов. В статье представлен обзор направленных научных исследований, которые в целях решения указанных проблем в рамках московской государственной системы здравоохранения проводятся под эгидой НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ). Представлены результаты исследований, касающиеся качества медицинского образования; развития системы наставничества; работы институтов оценки квалификации медицинских специалистов; повышения роли и расширения функций медицинских сестёр; использования в медицинских организациях труда работников без медицинского образования; траекторий профессионального и карьерного роста медицинских специалистов; развития компетенций для работы с пациентами иной этнокультурной и конфессиональной принадлежности; повышения эффективности сопровождения пациентов с несколькими хроническими заболеваниями; роли медицинских работников в формировании у населения приверженности принципам здорового образа жизни; условий труда и движения кадров в столичном здравоохранении; оценки интеллектуального потенциала медицинских организаций.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинские организации, медицинские кадры, кадровый потенциал, обеспеченность кадрами, Москва, НИИОЗММ ДЗМ.

© Александрова О. А., Ярашева А. В., Медведева Е. И., Крошили С. В., 2024

Введение

Сбережение народа, в котором Н. М. Римашевская видела важнейшую функцию государства, одной из ключевых составляющих имеет охрану здоровья граждан [1]. Возможность получения качественной медицинской помощи входит в число четырёх основных факторов здоровья и долголетия. При этом сегодня развитые страны сталкиваются с непростой коллизией. Расширение доступности медицинских услуг наряду с достижениями современной медицины и фармацевтики приводят к существенному росту продолжительности жизни населения, следствием чего становится увеличение числа пожилых людей, имеющих хронические, нередко множественные, заболевания и, соответственно, нуждающихся в постоянном наблюдении и помощи медиков¹. Прогресс в медицине, позволяющий выхаживать глубоко недоношенных детей, обратной стороной имеет рост числа нуждающихся в медицинской помощи с самого раннего возраста и далее на протяжении жизни [2]; статистика говорит о том, что сегодня и многие родившиеся вовремя дети к окончанию школы имеют проблемы со здоровьем. Таким образом, научно-технический прогресс, принося благо, одновременно, порождает серьёзные вызовы, в данном случае — существенную нагрузку на систему здравоохранения. Отсюда — необходимость поиска организационных механизмов, позволяющих наиболее эффективно использовать финансовые и кадровые ресурсы. Вопрос о занятых в здравоохранении кадрах имеет не только количественный, но и качественный аспект: стремительное развитие медицинских, а сегодня — и цифровых технологий, перманентное внедрение управленческих новаций требует от медицинских специалистов соответствия постоянно расширяющимся требованиям, для чего должны быть созданы стимулы и условия.

Одной из научных организаций, занимающихся изучением данной проблематики,

¹ World report on ageing and health. WHO. 2015. — URL: <https://www.who.int/publications/item/9789241565042> (дата обращения: 28.04.2024).

является НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (далее — НИИОЗММ ДЗМ), который в 2024 г. отмечает свой тридцатилетний юбилей. В последние пять лет между ним и Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской (ИСЭПН) ФНИСЦ РАН установилось тесное сотрудничество: под эгидой НИИОЗММ ДЗМ командой научных сотрудников ИСЭПН ФНИСЦ РАН проводятся исследования кадрового потенциала столичного здравоохранения. Целью настоящей статьи является обзор итогов пятилетних исследований², позволяющий показать спектр кадровых проблем здравоохранения, от которых, в конечном счёте, зависят количественные и качественные характеристики народонаселения.

В рамках кабинетных исследований анализировались нормативно-правовые акты, документы международных организаций, научная литература, зарубежная и российская (в том числе ведомственная) статистика, осуществлялся вторичный анализ социологических данных. В авторских комплексных социологических исследованиях использовались качественные (глубинные интервью, экспертные опросы и др.) и количественные методы, в частности, в 2019 и в 2023 гг. проведено анкетирование (N=550 и N=1500) работников медицинских организаций (далее — МО), подведомственных Департаменту здравоохранения Москвы (далее — ДЗМ).

Результаты

Резервы повышения качества медицинского образования. С учётом того, что качество оказываемой медицинской помощи, в первую очередь, зависит от квалифи-

² Речь идёт о НИР «Научно-методическое сопровождение профессионального роста специалистов и прогноз развития кадрового потенциала государственной системы здравоохранения города Москвы», «Научно-методическое обеспечение организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения города Москвы», реализованных в 2019–2023 гг. сотрудниками ИСЭПН ФНИСЦ РАН в рамках сотрудничества с НИИОЗММ ДЗМ.

кации медицинских специалистов, одним из направлений исследований стало изучение ситуации с медицинским образованием [3]. Серия глубинных структурированных интервью с руководством учреждений высшего и среднего профессионального медицинского образования позволила проанализировать комплекс факторов, определяющих качество подготовки медицинских специалистов. На момент исследования (2019 г.) отмечался низкий уровень входных знаний у поступающих учиться на коммерческое отделение и «целевиков», проблемы с отчислением неуспевающих из-за подушевого финансирования; выбор студентами врачебных специальностей не в пользу требующихся государственной медицине. Преподаватели указывали на нестабильность заработка при низких базовых окладах и, как следствие, множественную занятость и чрезмерную нагрузку. Образовательная программа вызывала нарекания недостаточной интегрированностью дисциплин, а также количеством часов, отведённых на усвоение требуемого объёма знаний. К негативным тенденциям в рамках учебного процесса был отнесён рост количества студентов в группах, а также переход в освоении практических навыков на симуляторы — дорогие и в силу этого недостаточно доступные. В части текущего и итогового контроля знаний отмечался чрезмерный упор на тестирование при низком качестве тестов, а также выхолащивание смысла проводимой по окончании вуза первичной аккредитации в силу организации её проведения самими образовательными учреждениями.

Развитие системы наставничества.

В столь сложных отраслях как медицина даже самое качественное базовое образование не отменяет необходимости оказания помощи молодым специалистам в процессе их адаптации. Тем более это актуально в ситуации, когда процесс профессиональной подготовки имеет описанные изъяны, и, кроме того, отменён институт интернатуры, вследствие чего вчерашние выпускники сразу ведут приём пациентов. Одним из способов, помогающих компенсировать

недополученные знания и навыки, а также облегчить процесс вхождения в рабочий процесс издавна является наставничество. Данные проведённого в 2019 г. массового опроса столичных медиков вкупе с информацией, полученной в ходе серии глубинных интервью с руководителями МО и их кадровых служб, показали, что в современных условиях в наставничестве нуждается гораздо более широкий круг работников, нежели это предусмотрено нормативными актами, где в качестве объекта наставничества обозначены лишь молодые специалисты. Об этом же говорили и результаты анализа практик наставничества, реализуемых в МО, расположенных в российских регионах и Москве³. В результате была разработана «линейка» из 7 моделей наставничества, различающихся по своим целям и целевым аудиториям. В последние были включены медики: вернувшиеся на работу после длительного перерыва; вновь пришедшие в организацию или сменившие подразделение либо медицинскую специализацию; имеющие дефицит корпоративной культуры или демонстрирующие признаки профессионального выгорания; имеющие проблемы с освоением цифровых технологий и новых форм отчётности [5]. Результаты исследования быстро перешли в практическую плоскость: нами были разработаны позволяющие внедрять эти идеи проекты нормативно-правовых актов регионального уровня; методические рекомендации по внедрению каждой из моделей, включающие вопросы отбора наставляемых и наставников, организации процесса наставничества, оценки его успешности, поощрения наставников и т.д.⁴; разработан

³ Александрова О.А., Аликперова Н.В., Бурдастова Ю.В., Виноградова К.В., Ненахова Ю.С., Ярашева А.В. Атлас лучших российских практик наставничества в сфере здравоохранения. — Москва: НИИОЗММ ДЗМ, 2020. — 40 с.; Бурдастова Ю.В., Виноградова К.В., Александрова О.А., Ярашева А.В., Аликперова Н.В., Ненахова Ю.С. Атлас лучших московских практик наставничества в сфере здравоохранения. — Москва: НИИОЗММ ДЗМ, 2021. — 21 с.

⁴ Ненахова Ю.С., Александрова О.А., Бурдастова Ю.В. Модель наставничества для медицинских работников, не являющихся молодыми специалистами: Методические рекомендации. — Москва: НИИОЗММ ДЗМ, 2022. — 34 с.; Александрова О.А., Аликперова Н.В., Бурдастова Ю.В., Колова О.А., Махрова О.Н. Модель наставничества для раз-

и наполнен контентом раздел «Наставничество в столичном здравоохранении» на сайте НИИОЗММ, где на основе предложенного инструментария представители МО могут в online-режиме выбрать наиболее подходящие для них модели и получить всю необходимую для их внедрения информацию.

Повышение эффективности работы институтов оценки квалификации медицинских специалистов. Стремительное развитие медицинской науки и технологий, а также повышение уровня требований государства и населения к качеству оказываемой медицинской помощи требует постоянного совершенствования медицинскими работниками своих профессиональных знаний. Известная с советского периода система повышения квалификации и переподготовки медицинских кадров в последние годы трансформировалась в систему непрерывного медицинского образования (НМО). А к ранее имевшемуся и предполагавшему добровольности участия институту аттестации на квалификационную категорию добавилась обязательная периодическая аккредитация, а также институт независимой оценки квалификации. Кроме того, в столице был введён институт аттестации на статус «Московского врача» и «Московской медицинской сестры». Проведённый на основе двух массовых опросов столичных медиков, а также серии глубинных интервью с опытными врачами и другими участниками квалификационных процедур анализ востребованности и функционирования перечисленных институтов выявил ряд дисфункций в их работе [5]. Выяснилось, что институт аттестации все менее востребован медработниками, поскольку, в отличие от прежних времён, наличие категории не приносит ощутимой прибавки к зарплате; институт независимой оценки квалификации во многом дублирует аккредитацию, но при этом не наделён функцией допуска к профессиональной деятельности. Много нареканий вызывал неразрывно связанный с аккредитацией институт НМО: прежде всего, это касалось необходимости об-

учаться в свободное от работы время, набирать завышенное количество баллов, прибегать к платному обучению из-за недобора баллов на бесплатных программах. Обнаруженные дефекты позволили предложить ряд мер, направленных на повышение эффективности работы данных институтов. Так, применительно к аттестации было обращено внимание на то, что стимулом к её прохождению могут стать доплаты за категорию, рассчитанные в фиксированных процентах к базовому окладу. В отношении статуса «Московского врача» было указано на наметившийся рост интереса к нему медиков и на то, что, с учётом имеющихся у столицы финансовых ресурсов дальнейшее укоренение и перспективы этого института будут зависеть от расширения перечня имеющих право участвовать в оценочных процедурах врачей специальностей. Что касается НМО, то при повторном, с годичным интервалом, опросе были отмечены положительные тенденции в его нормативном регулировании.

Повышение роли и расширение функций медицинских сестёр. Исследуемый период характеризовался усилиями по снижению нагрузки на медицинский персонал за счёт организационных изменений. Так, проблеме чрезмерной перегруженности врачей планировалось решить за счёт повышения статуса и расширения функций медицинских сестёр. Проведённые нами в преддверии введения этих новшеств исследования показали противоречивость восприятия медицинским сообществом подобных новаций [6]. С одной стороны, все приветствовали установку на повышение профессионального престижа медицинских сестёр: более 60% медиков, работающих в первичном звене, и более 70% — в стационарах подробно описали функции, которые можно передать среднему медперсоналу. С другой стороны, недавно проведённая «оптимизация» порождала у медицинских сестёр опасения, что расширение функций заметно увеличит и без того большую нагрузку и плюс повысит уровень ответственности, но без соответствующего роста оплаты труда. Кроме того, выражались опасения, что

вития корпоративной культуры медицинских работников: Методические рекомендации. – Москва: НИИОЗММ ДЗМ, 2022. – 39 с.

становлению новой роли медицинской сестры будет мешать их стереотипное восприятие врачами и пациентами в качестве сугубо вспомогательного персонала. В связи с этим нами были предложены меры, призванные устранить негативные ожидания и связанные, прежде всего, с нормированием и оплатой труда медицинских сестёр, а также с повышением качества их профессиональной подготовки и уровня осведомлённости населения о получаемых ими знаниях.

Мотивация труда, профессиональный и карьерный рост. Проведённый в 2019 г. массовый опрос позволил изучить интенсивность и структуру рабочей нагрузки московских медиков, а также уровень оплаты труда. Выяснилось, что более половины врачей поликлиник и стационаров очень устают, а каждый пятый — работает на пределе сил. Причиной избыточной нагрузки 50% молодых врачей стационаров назвали огромный объём работы с документацией. С ростом стажа к этой причине (отмечена 37,5% респондентов) добавляется необходимость выполнять функции недостающего персонала (20,5%) и помощь коллегам (12,5%). Врачи со стажем более 21 года связывали перегруженность с валом «бумажной работы» (39%) и работой за отсутствующий персонал (28%). При этом 32% врачей и 38% медсестёр стационаров были недовольны оплатой труда; в поликлиниках таких оказалось 12% врачей и 18% медсестёр. В такой ситуации важнейшее значение приобретают вопросы мотивации труда. Для групповой и индивидуальной диагностики последней и определения значимости тех или иных мотивов была предложена авторская Мотивационная карта [7]. Алгоритм её составления позволяет разделить «значимость мотивов» и «возможность реализации мотивов» и на этой основе произвести своевременную корректировку определяющих трудовую мотивацию факторов, снижая, тем самым, риск текучести кадров и профессионального выгорания.

Опрос также позволил выделить три основные модели занятости: «одного стула в одной организации»; «двух стульев в од-

ной организации»; «двух стульев в двух организациях» и дегерминирующие их факторы [8]. Так, 76% опрошенных женщин-врачей занимают только одну ставку в МО либо совмещают работу в своей же МО (таких 66%), чуть менее трети работают в нескольких МО. В то же время, две трети мужчин-врачей работают сразу в нескольких МО, только треть — в одной, причём лишь 14% не осуществляют совместительства. Выяснилось, что медработники, занятые сразу в нескольких МО, заметно чаще подчёркивают важность самообразования (59% против 36% среди внутренних совместителей и 38,5% работающих на одну ставку) и профессиональной помощи коллег (29,5% против, соответственно, 24,5% и 25%) и реже — повышения квалификации в системе НМО (41% против, соответственно, 62% и 60%).

В помощь медицинским специалистам, нацеленным на профессиональный и карьерный рост, нами был разработан концепт цифровой платформы «Центр карьерных траекторий», призванной предоставить медикам информацию о возможных направлениях развития на протяжении всей трудовой жизни и необходимых для этого ресурсах. Были разработаны алгоритмы для врачей 22 специальностей: исходя из базового образования пользователей и имеющихся у них притязаний, платформа выстраивает траекторию и предоставляет необходимую информацию правового (требования к претендентам на те или иные должности, порядок прохождения аттестационных процедур и др.), организационного (где получить недостающее образование, пройти оценочную процедуру) и профессионального (ссылки на специализированные ресурсы) характера, а также сведения о ситуации на рынке труда. Кроме того, были разработаны методические рекомендации, содержащие блок-схемы, детальное описание алгоритмов и того контента, который должен наполнить платформу.

Совершенствование работы с пациентами с разной этнокультурной и конфессиональной принадлежностью. Профессионализм медработников предполагает учёт

специфики пациентов различной этнокультурной и конфессиональной принадлежности, в свете же задачи развития экспорта медицинских услуг это приобретает дополнительное значение. На основе выделения трёх групп пациентов по степени важности для них религиозных канонов (ортодоксальные, традиционные, светские) нами была разработана модель отношения пациентов к медицинским нормам и процедурам [9], говорящая о значении учёта указанной специфики в контексте пациентоориентированности, для снижения числа конфликтов и нарушений алгоритмов лечения. При этом исследования выявили наличие у медиков языковых барьеров и плохой осведомлённости о влиянии этнокультурной специфики пациентов на их диагностику, лечение и реабилитацию. Экспертные интервью позволили определить направления развития корпоративной культуры, обеспечивающей комфортную для пациентов обстановку при оказании паллиативной помощи, трансплантации, прерывании беременности, родовспоможении, соблюдении религиозных ритуалов во время лечения, в случае смерти пациентов (в том числе суицида), эвтаназии [10]. Были сформулированы предложения по развитию у медперсонала необходимых коммуникативных компетенций на основе установления связей МО с религиозными организациями, представительствами «национальных» регионов России, посольствами зарубежных стран, в рамках программы «культурного погружения», а также введения в учебные программы предметов, направленных на развитие «культурной компетентности» [11].

Развитие системы сопровождения полиморбидных пациентов. Одной из причин снижения продолжительности и качества жизни населения и повышенной нагрузки на систему здравоохранения является наличие сразу нескольких хронических заболеваний (полиморбидности). С целью разработки подходов к организации более эффективного сопровождения подобных пациентов были определены объективные и субъективные причины полиморбидности, факторы выбора моделей ведения та-

ких больных и их недостатки. Основными проблемами выступают узкопрофильная подготовка врачей, ориентация современных протоколов на лечение лишь одного заболевания; отсутствие у медиков стимулов к применению комплексной терапии. Было предложено создание виртуального Информационно-координационного центра, в том числе определены его цели и задачи; обоснована необходимость ведущего пациентов куратора и установлены требования к его профессиональной подготовке [11]. Структурно-функциональная модель Центра позволяет составить представление об алгоритмах оказания полиморбидным пациентам сразу трёх видов помощи — медицинской, социальной и психологической, а также определить задачи всех участников: руководства Центра, кураторов, представителей медицинских, социальных и общественных организаций, НКО, волонтеров, сообществ пациентов. Подобная интеграция медико-социальной и психологической помощи отвечает задачам развития персонализированной медицины.

Формирование приверженности здоровому образу жизни. Синхронизация усилий государства с деятельностью медицинских работников и активностью самого населения может способствовать повышению уровня его здоровья. На основе анализа статистики распространённости явлений самосохранительного поведения россиян нами были разработаны 4 модели отношения к здоровому образу жизни (ЗОЖ): «убежденный приверженец ЗОЖ», «начинающий приверженец ЗОЖ», «безответственный» и «саморазрушитель» [12], характеризующиеся набором позитивных (самодисциплина, рациональное мышление, ответственность за своё физическое и психологическое состояние) и негативных (отсутствие воли, игнорирование мнения врачей и близких, вера в «волшебную таблетку») практик и установок. А также — систематизированы объективные и субъективные факторы, детерминирующие те или иные модели. Кроме того, выявлены укоренившиеся среди россиян стереотипы, заблуждения и неоправданные ожидания в отно-

шении ЗОЖ. Что касается приверженности ЗОЖ самих медработников, то опрос 2023 г. показал, что две трети московских медиков скорее придерживаются принципов ЗОЖ. Мешающие же это делать причины: недостаточная самодисциплина (46%), отсутствие времени (50%) или сил (30%) [13].

Трудовая мобильность и кадровая обеспеченность столичного здравоохранения. Специфика рынка труда работников здравоохранения связана с особенностями их профессиональной подготовки, узкой специализацией, требованием к непрерывному повышению квалификации [14], низкими коэффициентами приёма и выбытия персонала МО. Но на фоне последних реформ ситуация изменилась: с одной стороны, прошла «оптимизация», с другой — имеет место постоянный дефицит кадров, особенно в первичном звене. Это потребовало изучения движения кадров в МО. Согласно данным опроса 2019 г., замещение и пополнение кадров проходило по трём каналам: за счёт выпускников, работников других МО в системе ДЗМ, а также медиков, пришедших из МО, не относящихся к ДЗМ. При этом если в одних МО ставка делалась на «выращивание» пришедших в них выпускников, и их доля составляла до 2/3 персонала, то в других МО выпускники не задерживались (их доля составляла 15–16%), а персонал в основном пополнялся за счёт медиков, пришедших извне системы ДЗМ.

О низком уровне трудовой мобильности говорил тот факт, что 50% медиков — коренных москвичей работали в своей МО с момента окончания вуза / училища; чуть более трети — перешли из другой МО, также в системе ДЗМ. Более мобильными оказались мужчины: среди пришедших в МО в последние три года их доля значительно выше, чем среди отработавших более 10 лет. Кроме того, чаще меняют место работы врачи. Приток новых работников в большей мере обеспечивала молодёжь: возраст половины «новичков» — ниже 32 лет. Опрошенные тогда же эксперты сообщили, что столичное здравоохранение полностью обеспечено кадрами, однако некоторые подчёркивали, что кадровый дефицит

устранён лишь формально, фактически же потребности пациентов не обеспечиваются. В то же время, тенденция перетекания кадров из частной медицины в государственную свидетельствовала о формировании в медицинском сообществе представлений о том, что в подведомственных городу МО обеспечены достойные условия труда, включая зарплату и социальные гарантии.

Опрос 2023 г. показал, что 14% работников МО составляют выпускники; треть — пришли из другой МО, также подведомственной ДЗМ, ещё треть — из иных МО, а 2% — из других сфер деятельности. У почти пятой части работников общий стаж работы — более 30 лет; у 14% — 5–10 лет; более трети имеет стаж менее 5 лет. Таким образом, в столичном здравоохранении отсутствуют явные диспропорции в распределении кадров, потребности в медработниках по отдельным специальностям удовлетворяются. Благодаря целевой подготовке специалистов в медицинских вузах Москвы, существенного дефицита врачей не отмечается уже несколько лет.

Привлечение работников без медицинского образования. Ещё одним способом восполнения дефицита кадров и снижения нагрузки на медперсонал является привлечение к работе в МО немедицинских специалистов. В 2022 г. этот вопрос исследовался нами в рамках серии экспертных интервью с руководителями МО высшего и среднего звена. На основе ранжированного SWOT-анализа было выявлено, что самой сильной стороной этой идеи эксперты считают возможность привлечения «немедиков» в экстренных условиях (например, в пандемию), а самой слабой — риски оказания медицинской услуги человеком без профильного образования. Основную возможность эксперты видят в их привлечении к работе call-центров при реализации телемедицинских технологий, а среди препятствий их использованию — инерционность мышления организаторов здравоохранения [15].

Нагрузку на медработников, связанную с владением немедицинской информацией (экономика, право и другие), а также с пациентоориентированным подходом,

предполагающим постоянную коммуникацию с пациентами, можно снизить за счёт передачи части функционала медиков ИКТ-блоку. Например, выписывание рецептов, справок и подобного может делаться без участия врача, а очный приём — заменён сеансом телемедицины. То есть, одним из ключевых факторов оптимизации труда медперсонала становится связанная с цифровизацией сервисная составляющая, что востребует «немедиков» в лице специалистов в области ИКТ [16].

Исследование интеллектуального потенциала медицинских организаций. Серьёзное техническое переоснащение системы здравоохранения, внедрение новых методов диагностики и лечения с их программным и аппаратным обеспечением [17–19] требует разработки подходов к оценке интеллектуального капитала МО. Она должна базироваться, в том числе, на количественных показателях результативности и эффективности, при этом отдельно должны анализироваться внутренние и внешние факторы. Так, может использоваться следующий набор показателей: а) имеющийся объём знаний сотрудников: новизна оказываемых медицинских услуг / используемых диагностических и лечебных технологий / использование новейшего медицинского оборудования; б) интеллектуальный уровень сотрудников: уровень квалификации руководства МО / врачей / среднего медперсонала; в) опыт инновационной деятельности: инновационная насыщенность выполняемых медицинских задач; масштаб реализации инновационных подходов в лечении пациентов [19]. Внедрение инноваций в деятельность МО требует анализа возможности их освоения медперсоналом как способности воспринимать новые принципы и овладевать новыми приёмами работы, а также непрерывно обучаться. Количественными показателями такой способности может служить число

опубликованных статей, монографий, брошюр, учебников и учебных пособий, отчётов по итогам НИР, докладов на конференциях, патентов, защищённых диссертаций, цитирований, освоенных электронных баз данных в сети Интернет и др. [18; 19].

Уровень здоровья и продолжительность жизни населения — ключевые показатели эффективности социальной политики государства. Столичная медицина должна занимать лидирующие позиции, что называется, по определению: именно здесь сосредоточены не только финансовые, но и интеллектуальные ресурсы. Представленный обзор пяти лет исследований под эгидой НИИОЗММ ДЗМ говорит о разнообразии направлений решения задачи обеспечения московского здравоохранения квалифицированными медицинскими кадрами. В части профессионализма — это и повышение качества медицинского образования, развитие системы наставничества, совершенствование работы институтов оценки квалификации медицинских специалистов, создание возможностей для выстраивания индивидуальных траекторий профессионального и карьерного роста, развитие коммуникативной и культурной компетентности для работы с пациентами с этнокультурной и конфессиональной спецификой. В части снижения нагрузки на врачей — это повышение роли и расширение функций медицинских сестёр, а разгрузки, в том числе, и последних — привлечение к работе специалистов с немедицинским образованием и внедрение цифровых технологий. Научно-методическое сопровождение разработки и внедрения этих и иных управленческих новаций призвано повысить эффективность работы столичного здравоохранения и, тем самым, содействовать улучшению здоровья москвичей.

Литература и Интернет-источники

1. Сбережение народа / под ред. Н. М. Римашевской. – Москва : Наука, 2007. – 326 с.
2. **Виноградова, И. В.** Состояние здоровья детей с экстремально низкой массой тела при рождении в отдалённые периоды жизни / И. В. Виноградова, М. В. Краснов // Вестник современной клинической медицины. – 2013. – Т. 6. – № 1. – С. 20–25. EDN: PYUCMB
3. **Александрова, О. А.** Профессиональная подготовка врачей: эксперты о проблемах образовательного процесса / О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Ю. С. Ненахова // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 4. – С. 93–103. DOI: 10.19181 / population.2020.23.4.9; EDN: JYXKXO
4. **Александрова, О. А.** Направления повышения эффективности системы наставничества в столичном здравоохранении / О. А. Александрова // Московская медицина. – 2022. – № 2. – С. 82–89. EDN: YGPBTA
5. **Коленникова, О. А.** Факторы дисфункции институтов оценки квалификации медицинских специалистов / О. А. Коленникова, М. С. Токсанбаева // Здравоохранение Российской Федерации. – 2021. – Т. 65. – № 5. – С. 467–476. DOI: 10.47470 / 0044-197X-2021-65-5-467-476; EDN: NYOXZL
6. **Александрова, О. А.** Трансформация российского здравоохранения: роль медицинских сестер / О. А. Александрова, Ю. С. Ненахова, А. В. Ярашева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – Т. 29. – № S2. – С. 1251–1257. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2021-29-s2-1251-1257; EDN: DLWCEY
7. **Александрова, О. А.** Способы повышения трудовой мотивации работников медицинских организаций / О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Н. В. Аликперова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – Т. 28. – № S2. – С. 1049–1055. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2020-28-s2-1049-1055; EDN: PUEEАН
8. **Аликперова, Н. В.** Факторы формирования карьерных траекторий медицинских работников в России / Н. В. Аликперова, А. В. Ярашева, К. В. Виноградова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – Т. 10. – № 6. – С. 81–92. DOI: 10.26794 / 2226-7867-2020-10-6-81-92; EDN: JYFSXH
9. **Ярашева, А. В.** Развитие корпоративной культуры сотрудников медицинских организаций / А. В. Ярашева, Д. И. Марков // Народонаселение. – 2022. – Т. 25. – № 1. – С. 155–166. DOI: 10.19181 / population.2022.25.1.13; EDN: OTZEEV
10. **Аксенова, Е. И.** Корпоративная культура в медицинской организации: учёт этноконфессиональной принадлежности пациентов / Е. И. Аксенова, О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Д. И. Марков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – Т. 30. – № S. – С. 943–948. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2022-30-s1-943-948; EDN: JRMXY5
11. **Камынина, Н. Н.** Медико-социальное сопровождение хронических больных: старые проблемы, новые решения / Н. Н. Камынина, Н. В. Аликперова, А. В. Ярашева, Е. Д. Панина // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – Т. 30. – № S. – С. 1016–1022. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2022-30-s1-1016-1022; EDN: MLYEOL
12. **Аксенова, Е. И.** Модели поведения населения в отношении своего здоровья / Е. И. Аксенова, О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Н. В. Аликперова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2023. – Т. 31. – № S2. – С. 1081–1086. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2023-31-s2-1081-1086; EDN: LHPNPK
13. **Локосов, В. В.** Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения / В. В. Локосов, А. В. Ярашева, О. А. Александрова // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 192–205. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-192-205; EDN: IYJIMH
14. **Аксенова, Е. И.** Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения / Е. И. Аксенова, О. А. Александрова, Н. В. Аликперова [и др.]. – Москва : НИИОЗММ ДЗМ, 2019. – 244 с.; EDN: DVHZTQ
15. **Старшинин, А. В.** Трансформация процесса управления кадрами: рестайлинг обязанностей немедицинских работников / А. В. Старшинин, Е. И. Медведева, С. В. Крошилин // Здоровье мегаполиса. – 2023. – Т. 4. – № 2. – С. 60–72. DOI: 10.47619 / 2713-2617.zm.2023.v.4i2;60-72; EDN: KITEDU

16. **Медведева, Е. И.** Новые медицинские технологии: гендерные различия восприятия телемедицины / Е. И. Медведева, С. В. Крошили // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. — 2023. — № 3. — С. 79–86. DOI: 10.25742 / NRIPH.2023.03.013; EDN: GLGIQC
17. **Аксенова, Е. И.** Чат-боты — современная реальность консультирования в медицине / Е. И. Аксенова, Е. И. Медведева, С. В. Крошили // Здоровоохранение Российской Федерации. — 2023. — Т. 67. — № 5. — С. 403–410. DOI: 10.47470 / 0044-197X-2023-67-5-403-410; EDN: LVJWTH
18. **Медведева, Е. И.** Зарубежный опыт оценки интеллектуального потенциала в медицине / Е. И. Медведева, С. В. Крошили // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2023. — № 4(76). EDN: UTCNKT
19. **Медведева, Е. И.** Оценка интеллектуального потенциала медицинских организаций: тренд на развитие и инновационную модернизацию / Е. И. Медведева, С. В. Крошили, Т. Г. Авачева, О. В. Медведева // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. — 2023. — № 4. — С. 915–935. DOI: 10.24412 / 2312-2935-2023-4-915-935; EDN: TIKICO

Сведения об авторах:

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; проф. Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; РИНЦ SPIN-код: 4419–6003.

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ SPIN-код: 4700–6733.

Медведева Елена Ильинична, д.э.н., доцент, главный научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; РИНЦ SPIN-код: 1609–2427.

Крошили Сергей Викторович, к.техн.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kroshe_sergey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; РИНЦ SPIN-код: 8035–9831.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-140-152

SCIENTIFIC APPROACHES TO DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCES IN THE CAPITAL'S HEALTHCARE: 5 YEARS OF RESEARCH EXPERIENCE

**Olga A. Aleksandrova^{1,2,3*}, Aziza V. Yarasheva¹,
Elena I. Medvedeva^{1,2}, Sergey V. Kroshilin^{1,2}**

¹ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management
of the Moscow Department of Healthcare

(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)

³Financial University under the Government of the Russian Federation

(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

*E-mail: a762rab@mail.ru

For citation:

Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Scientific approaches to development of human resources in the capital's healthcare: 5 years of research experience. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 140-152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-140-152 (in Russ.)

Abstract. *The key condition for providing timely and high-quality medical care is availability of a sufficient number of qualified medical personnel. At the same time, a common problem for modern healthcare systems is staff shortage and, as a consequence, high workload on medical personnel, associated with the risk of medical errors and professional burnout. Another problem is related to development of medical technologies and equipment, as well as digitalization of many processes, which requires health workers to constantly expand their competencies. Hence the need to find solutions regarding, firstly, attracting and stimulating medical personnel, secondly, reducing the workload on medical and nursing staff and, thirdly, improving professional skills of medical specialists. The article provides an overview of the areas of scientific studies that, in order to solve these problems within the Moscow state healthcare system, are carried out under the auspices of the Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow. The article presents results of the studies concerning quality of medical education; development of the mentoring system; work of institutes for assessing qualifications of medical specialists; enhancing the role and expanding the functions of nurses; use of employees without medical education in medical organizations; trajectories of professional and career growth of medical specialists; developing competencies for working with patients of different ethnocultural and religious affiliations; increasing the efficiency of supporting patients with several chronic diseases; the role of medical workers in shaping the population's commitment to the principles of a healthy lifestyle; working conditions and personnel movement in the capital's healthcare; assessing the intellectual potential of medical organizations.*

Keywords: *healthcare, medical organizations, medical personnel, human resources, staffing provision, Moscow, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow.*

References and Internet sources

1. Sberezheniye naroda [Saving the Population]. Ed. by N. M. Rimashevskaya. Moscow. Nauka [Science]. 2007. 326 p. (in Russ.)
2. Vinogradova I. V., Krasnov M. V. Sostoyaniye zdorov'ya detej s ekstremal'no nizkoj massoj tela pri rozhdenii v otdalennyje periody zhizni [The state of health of children with extremely low weight at birth in remote periods of life]. *Vestnik sovremennoj klinicheskoy meditsiny [The Bulletin of Contemporary Clinical Medicine]*. 2013. Vol. 6. No. 1. P. 20–25 (in Russ.)
3. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Nenakhova Yu. S. Professional'naya podgotovka vrachej: eksperty o problemakh obrazovatel'nogo protsessa [Professional training of doctors: opinions of experts on problems of the educational process (Part 1)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 4. P. 93–103. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.9 (in Russ.)
4. Aleksandrova O. A. Napravleniya povysheniya effektivnosti sistemy nastavnichestva v stolichnom zdravooxranenii [The efficiency growth directions for the Moscow healthcare tutorship system]. *Moskovskaya meditsina [Moscow Medicine]*. 2022. No. 2(48). P. 82–89. (in Russ.)
5. Kolennikova O. A., Toksanbaeva M. S. Faktory disfunktsii institutov otsenki kvalifikatsii meditsinskikh spetsialistov [Factors of dysfunction of institutions for assessing the qualifications of medical specialists]. *Zdravookhraneniye Rossijskoj Federatsii [Health Care of the Russian Federation]*. 2021. Vol. 65. No. 5. P. 467–476. DOI: 10.47470/0044-197X-2021-65-5-467-476 (in Russ.)
6. Aleksandrova O. A., Nenakhova Yu. S., Yarasheva A. V. Transformatsiya rossijskogo zdravookhraneniya: rol' meditsinskikh sestor [Transformation of Russian healthcare: the role of nurses]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [The Problems*

- of *Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*]. 2021. Vol. 29. No. S2. P. 1251–1257. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1251-1257 (in Russ.)
7. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Alikperova N. V., Vinogradova K. V., Aksenova E. I. Sposoby povysheniya trudovoj motivatsii rabotnikov meditsinskih organizatsij [Instruments for increasing labor motivation of medical organizations employees]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2020. Vol. 28. No. S2. P. 1049–1055. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1049-1055 (in Russ.)
 8. Alikperova N. V., Yarasheva A. V., Vinogradova K. V. Faktory formirovaniya kar'jnykh trajektorij meditsinskih rabotnikov v Rossii [Factors of formation of career trajectories of medical workers in Russia]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]*. 2020. Vol. 10. No. 6. P. 81–92. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-81-92 (in Russ.)
 9. Yarasheva A. V., Markov D. I. Razvitije korporativnoj kul'tury sotrudnikov meditsinskih organizatsij [Development of corporate culture of medical employees]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 155–166. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.13 (in Russ.)
 10. Aksenova E. I., Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Markov D. I. Korporativnaya kul'tura v meditsinskoj organizatsii: uchyot etnokonfessional'noj prinalozhnosti patsientov [Corporate culture in a medical organization: the ethno-confessional affiliation of patients]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2022. Vol. 30. No. S. P. 943–948. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-s1-943-948 (in Russ.)
 11. Kamynina N. N., Alikperova N. V., Yarasheva A. V., Panina E. D. Mediko-sotsial'noe soprovozhdenije khronicheskikh bol'nykh: starye problemy, novye resheniya [Medical and social support of chronic patients: old problems, new solutions]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2022. Vol. 30. No. S. P. 1016–1022. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-s1-1016-1022 (in Russ.)
 12. Aksenova E. I., Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Alikperova N. V. Modeli povedeniya naseleniya v otnoshenii svojego zdorov'ya [Behavior patterns of the population behavior in relation to health]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2023. Vol. 31. No. S2. P. 1081–1086. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1081-1086 (in Russ.)
 13. Lokosov V. V., Yarasheva A. V., Aleksandrova O. A. Faktory formirovaniya osnovnykh osobennostej povedeniya naseleniya [Factors forming the foundations for self-preservation behavior of the population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 192–205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205 (in Russ.)
 14. Aksenova E. I., Aleksandrova O. A., Alikperova N. V., et al. Razvitije kadrovogo potentsiala stolichnogo zdavookhraneniya [Development of the Human Resources Potential of the Capital's Healthcare]. Moscow. 2019. 244 p. (in Russ.)
 15. Starshinin A. V., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Transformatsiya protsessa upravleniya kadrami: restajling obyazannostej nemeditsinskih rabotnikov [Transformation of personnel management process: reshaping Responsibilities of non-medical personnel]. *Zdorov'je megapolisa [City Healthcare]*. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 60–72. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2023.v.4 and 2;60–72 (in Russ.)
 16. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Novye meditsinskije tekhnologii: gendernye razlichiya vospriyatiya telemeditsiny [New medical technologies: gender differences in the perception of telemedicine]. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko [Bulletin of the N. A. Semashko National Research Institute of Public Health]*. 2023. No. 3. P. 79–86. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.03.013 (in Russ.)
 17. Aksenova E. I., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Chat-boty – sovremennaya real'nost' konsul'tirovaniya v meditsine [Chatbots is the modern reality of consulting in medicine]. *Zdavookhraneniye Rossijskoj Federatsii [Health Care of the Russian Federation]*. 2023. Vol. 67. No. 5. P. 403–410. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-5-403-410 (in Russ.)

18. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Zarubezhnyj opyt otsenki intellektual'nogo potentsiala v meditsine [Foreign experience in assessing intellectual potential in medicine]. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyj nauchnyj zhurnal [Regional Economics and Management: electronic scientific journal]*. 2023. Vol. 4(76). (in Russ.)
19. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V., Avacheva T. G., Medvedeva O. V. Otsenka intellektual'nogo potentsiala meditsinskikh organizatsij: trend na razvitije i innovatsionnyu modernizatsiyu [Assessment of the intellectual potential of medical organizations: the trend for development and innovative modernization]. *Sovremennyye problemy zdavookhraneniya i meditsinskoj statistiki [Current Problems of Health Care and Medical Statistics]*. 2023. No. 4. P. 915–935. DOI: 10.24412/2312-2935-2023-4-915-935 (in Russ.)

Information about the authors:

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, ISESP FCTAS RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: a762rab@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary SPIN-code: 4419-6003.

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary SPIN-code: 4700-6733.

Medvedeva Elena Ilyinichna, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; Elibrary SPIN-code: 1609-2427.

Kroshilin Sergey Viktorovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS; Researcher. Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: krosh_sergey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; Elibrary SPIN-code: 8035-9831.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-153-162
EDN: ECEHRC

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ МЕРЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ – АЛАНИИ

Каберты Н. Г.^{1,2}, Бекоев Г. Б.^{3*}

¹Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова
(362025, Россия, РСО-Алания, Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46)

²Владикавказский научный центр РАН
(363110, Россия, РСО-Алания, Пригородный район, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1)

³ОАО «БТК 4»
(100001, Республика Южная Осетия, Цхинвал, ул. И. Харебова, 56)

*E-mail: aidgades@mail.ru

Для цитирования:

Каберты Н. Г., Бекоев Г. Б. Демографические меры регулирования рынка труда Северной Осетии – Алании // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 153-162. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-153-162; EDN: ECEHRC

Аннотация. Статья посвящается обоснованию необходимости учёта влияния демографического фактора при разработке приоритетных нормативно-правовых актов в сфере социально-экономического развития и, в первую очередь, регулированию рынка труда, целесообразности их максимального подчинения интересам региональной демографической политики. Такая необходимость остро стоит в таких регионах со сложной демографической ситуацией, как Республика Северная Осетия-Алания (РСО-Алания). По данным Росстата, республика находится в категории субъектов РФ, в которых население сокращается как за счёт естественной убыли, так и за счёт отрицательного сальдо миграции. По мнению специалистов, улучшение параметров естественного и механического (миграционного) движения населения с учётом реализации лишь специальных проектов, программ и стратегий, невозможно. Важным аспектом решения указанных задач является демографическая экспертиза нормативных актов, регулирующих те или иные направления общественной жизни региона. С помощью демографической экспертизы можно определить, насколько актуально были учтены демографические особенности региона, тенденции и перспективы воспроизводства населения и его отдельных сегментов при подготовке нормативно-правовых актов. Соответственно, предоставляется возможность своевременного внесения изменений в те или иные акты. В ходе экспертизы даётся также профессиональная оценка возможному влиянию реализуемых специальных проектов, программ и стратегий на характеристики воспроизводства населения. Такая экспертиза не проводилась в большинстве регионов России и, в том числе в, РСО-Алании.

Ключевые слова: Республика Северная Осетия – Алания (РСО-Алания), демографические показатели, демографическая экспертиза, рынок труда, занятость, безработица.

Введение

После распада СССР в России и большинстве её регионов началось резкое ухудшение демографической ситуации. Естественно, «ни по внутренним, экономическим, ни по внешним, геополитическим, соображениям убыль населения не отвечает интересам России» [1, с. 237]. Большинство «стран бывшего СССР разработали и утвердили разнообразные нормативные правовые документы по вопросам демографического развития» [2, с. 28]. Такая демографическая политика основывалась на социально-экономических, национальных, религиозных, исторических особенностях. Сильный толчок этой деятельности оказала Каирская международная конференция по народонаселению (1994), в документах которой был подчеркнут тот факт, что, с одной стороны, на демографические процессы разной интенсивностью влияют все социально-экономические факторы, а с другой — характер воспроизводства населения является важнейшей движущей силой развития многих аспектов экономики и социальной сферы.

Программные установки и рекомендации этой Конференции нашли отражение в трудах многих российских демографов. Масштабные исследования о тесной взаимосвязи демографических и других социально-экономических процессов проведены и проводятся Центром по изучению проблем народонаселения МГУ имени М.В.Ломоносова, Институтом демографии НИУ ВШЭ, Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М.Римашевской ФНИСЦ РАН, Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН и так далее [3, с. 6–7]. В результате исследований сложилось мнение, что достичь положительных результатов в демографическом развитии с помощью лишь специальных программ невозможно. Улучшение показателей демографического развития и отдельных демографических процессов должно стать одним из основных условий при разработке нормативно-правовых актов, регулирующих те или иные

сферы экономического и социального развития регионов.

Важным инструментом учёта демографического фактора в отдельных правовых актах и оценки их роли в развитии народонаселения является демографическая экспертиза этих документов. В ходе демографической экспертизы должно быть оценено, насколько учтён демографический фактор, его текущие и ожидаемые параметры при разработке разного рода программ и планов социально-экономического развития, и как их реализация повлияет на естественное и миграционное движение населения. Методические рекомендации по проведению демографической экспертизы разработаны и опубликованы сотрудниками Центра по изучению проблем народонаселения МГУ имени М.В.Ломоносова [4, с. 225–246].

Демографический кризис в Республике Северная Осетия-Алания (РСО-Алания)

Степень необходимости проведения эффективной демографической политики и, соответственно, демографической экспертизы действующих и запланированных программных документов, тем выше, чем острее стоят проблемы воспроизводства населения в регионах РФ. К такому региону, несомненно, относится РСО-Алания. В течение десяти лет (1996–2005 гг.) в республике происходила депопуляция населения. За этот период в РСО-Алания умерло на 8,5 тыс. человек больше, чем родилось. В дальнейшем происходили некоторые положительные сдвиги в воспроизводстве населения, однако в 2020 г. РСО-Алания вернулась к депопуляционному состоянию, которое продолжает усугубляться. С этого периода до сегодняшнего дня республика входит в состав субъектов РФ, в которых население сокращается как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока (табл. 1). По интенсивности естественной убыли республику в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) опережает лишь Ставропольский край.

Таблица 1
Динамика основных компонентов изменения численности населения РСО-Алания
 Table 1
 Dynamics of the main components of population change in the Republic North Ossetia-Alania

Год	Коэффициент прироста населения, %			Ранг среди субъектов РФ/СКФО по коэффициенту прироста населения		
	Общего	Естественного	Миграционного	Общего	Естественного	Миграционного
2011	-4,9	3,7	-8,6	59/6	14/5	75/6
2012	-4,1	4,6	-8,7	56/6	14/5	74/6
2013	-3,0	4,8	-7,8	48/6	13/5	72/6
2014	1,8	4,6	-2,8	29/5	13/5	62/4
2015	-2,2	3,9	-6,1	44/6	14/5	75/7
2016	-0,7	3,6	-4,3	40/6	13/5	72/7
2017	-2,1	2,5	-4,7	37/7	14/5	74/7
2018	-3,6	2,9	-6,4	40/7	12/5	76/7
2019	-3,5	2,0	-5,4	41/7	12/5	79,7
2020	-5,4	-0,5	-4,9	34/7	15/6	79/7
2021	-7,2	-2,5	-4,6	42/7	15/6	81/7
2022	-6,8	-0,2	-6,5	37/7	14/6	80/7

Источник: Численность и миграция населения РФ. Стат. бюллетени за 2011–2023 годы. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

С 2002 г., наиболее проблематичным вопросом для республики является процесс оттока населения. После того, как Росстат начал составлять ранги регионов по отдельным социально-экономическим и демографическим показателям (с 2011 г.), РСО-Алания обосновалась в последней десятке субъектов РФ и на последнем месте среди регионов СКФО по интенсивности отрицательного сальдо миграции (табл. 2). По этому показателю республика в 2022 г. занимала 80-е место в России и соседствовала с такими восточными регионами, как Томская, Магаданская, Сахалинская области, Камчатский край, Еврейская АО¹. Отмеченные и другие факты говорят о необходимости проведения эффективной демографической и, в том числе, миграционной политики «...проводимой в масштабах региона и в интересах региона, финансируемую за счет средств региона (возможно использование

федеральных субсидий)» [5, с. 12]. Важным аспектом разработки и реализации такой политики, как уже было отмечено, является демографическая экспертиза действующих и запланированных к принятию программ социально-экономического развития.

Одним из самых актуальных направлений является совершенствование политики занятости населения региона. Приоритетные направления региональной политики на рынке труда, их финансирование и эффект от принятых мер, зависят от численности и доли работающих в реальном секторе экономики. Рынок труда РСО-Алания сильно напряжён, о чем свидетельствуют уровень и динамика основных его элементов (табл. 3). Данные, полученные путём исследования занятости и безработицы населения по методике Международной организации труда (МОТ), показывают, что общий уровень занятости в РСО-Алании низкий, соответственно, показатель безработицы высок. По меркам МОТ, в респу-

¹ Численность и миграция населения РФ. 2023 г. Стат. бюллетень, табл. 1.4. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

Таблица 2

**Места регионов СКФО по показателям компонентов
изменения численности населения (в РФ / в СКФО)**

Table 2

The place of the Republic of North Ossetia-Alania among the subjects of the Russian Federation and the regions of the North Caucasus Federal District in terms of population change components

Регион	2011 г.			2022 г.		
	Коэффициент общего прироста населения	Коэффициент естественного прироста	Коэффициент миграционного прироста	Коэффициент общего прироста населения	Коэффициент естественного прироста	Коэффициент миграционного прироста
Республика Дагестан	17/3	4/3	70/5	6/3	4/3	31/3
Республика Ингушетия	1/1	2/2	3/1	2/1	2/2	9/1
Кабардино-Балкарская Республика	32/5	10/4	69/4	19/4	8/4	58/5
Карачаево-Черкесская Республика	64/7	15/6	76/7	21/5	13/5	35/4
Республика Северная Осетия-Алания	59/6	14/5	75/6	37/7	14/6	80/7
Чеченская Республика	3/2	1/1	59/3	3/2	1/1	61/6
Ставропольский край	26/4	32/7	35/2	28/6	22/7	29/2

Источник: Численность и миграция населения РФ. Стат. бюллетени за 2012 и 2023 годы. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

блике уже многие годы фиксируется массовая безработица. Именно высокий уровень безработицы оказывает наиболее сильное влияние на демографическое поведение населения. Следовательно, совершенствование политики занятости населения,

уменьшение масштабов и интенсивности безработицы, может привести к появлению положительных тенденций в демографическом развитии и, особенно, в рационализации миграционных потоков населения республики.

Таблица 3

Уровень и динамика занятости и безработицы в РСО-Алания

Table 3

The level and dynamics of employment and unemployment in North Ossetia-Alania

Год	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы безработными, месяцев	Место среди регионов РФ по значению показателя		
				Уровень занятости	Уровень безработицы	Среднее время поиска работы безработными
2011	61,4	8,4	9,4	55	59	70
2015	58,4	9,3	9,0	80	76	76
2016	57,4	9,9	10,0	80	76	80
2017	52,1	11,8	10,2	81	79	83
2018	56,3	10,3	9,6	65	78	82
2019	48,6	12,1	11,1	83	81	84
2020	43,1	15,4	9,9	85	81	84
2021	48,6	13,4	11,3	85	81	84
2022	51,0	11,9	8,8	83	83	82

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы Стат. бюллетени за 2011–2023 годы. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

Во всех регионах СКФО сложилась неблагоприятная ситуация в сфере использования имеющейся рабочей силы (табл. 4). Все регионы, без исключения, находятся во второй половине списка субъектов РФ по основным параметрам рынка труда. Особенно напряжённая ситуация сложилась по уровню безработицы: регионы СКФО, за исключением Ставропольского края, замыкают список рейтинга по значению этого показателя [6; 7].

От ситуации на рынке труда (непосредственно показателей занятости и безработицы) зависят уровень и динамика заработной платы, то есть основной компонент денежных доходов населения (доля малоимущего населения в общей численности населения домохозяйств, состоящих из двух или более взрослых с детьми в возрасте до 18 лет, в России в 2021 г. составляла 15,6%, в том числе: в домохозяйствах

с двумя или более работающими взрослыми — 7,6%, с одним работающим взрослым — 30,7%, с неработающими взрослыми — 69,4%). Кроме этого, прослеживается закономерность: в регионах с высоким уровнем безработицы, высок и удельный вес малоимущего населения, и наоборот². Именно высокий уровень безработицы можно считать главной причиной низкой заработной платы и денежных доходов населения РСО-Алания. В 2022 г. в республике среднедушевые денежные доходы (в месяц) составляли 29,2 тыс. рублей или 65,1% от среднероссийского показателя. Размер средней заработной платы в республике составлял 36,3 тыс. рублей или 55,6% от соответствующего среднероссийского показате-

² Социально-экономические индикаторы бедности в 2015–2022. Стат. бюллетень, табл. 2.1. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 28.07.2023).

Таблица 4

Место регионов СКФО среди субъектов РФ по основным характеристикам рынка труда в 2022 году

Table 4

The place of the regions of the North Caucasus Federal District among the subjects of the Russian Federation according to the main characteristics of the labor market in 2022

Регион	Показатель			Место среди регионов РФ по значению показателя		
	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы безработными, месяцев	Уровень занятости	Уровень безработицы населения	Среднее время поиска работы безработными
Республика Дагестан	52,7	12,1	8,4	77	84	79
Республика Ингушетия	52,1	28,5	6,9	81	85	59
Кабардино-Балкарская Республика	58,5	10,0	7,4	39	81	68
Карачаево-Черкесская Республика	52,0	9,8	13,5	82	80	85
Республика Северная Осетия-Алания	51,0	11,9	8,8	83	83	82
Чеченская Республика	56,5	11,0	6,8	66	82	54
Ставропольский край	57,5	4,3	6,5	53	58	45

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы Стат. бюллетень за 2023 г., табл. 6.23. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

ля³. В 2011 г. среднедушевые денежные доходы в РСО-Алания составляли 66,1% от федерального уровня, а среднемесячная заработная плата — 57,2%⁴. Приведённые данные свидетельствуют о том, что, во-первых, основные индикаторы уровня жизни в республике сильно отстают от средних значений по регионам и, во-вторых, их темп роста по России выше, чем в РСО-Алания.

По двум рассмотренным характеристикам уровня жизни, РСО-Алания находится среди регионов России, где фиксируются наихудшие их параметры. При этом в течение многих лет ситуация почти не меняется. Так, в ранге субъектов РФ по среднедушевым доходам, РСО-Алания в 2011 г. занимала 72 место, по средней зарплате — 78 место; а в 2022 г. — 72 и 79 места соответственно. Трудности нахождения подходящей работы, низкие денежные доходы и заработная плата признаны глубинными причинами интенсивного оттока населения из республики [8, с. 253; 9]. Основными миграционными реципиент-партнёрами РСО-Алания являются Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский край и Ростовская область, то есть субъекты РФ, в которых фиксируется сравнительно низкий уровень безработицы и высокие денежные доходы.

Важным оценочным показателем уровня жизни и покупательной способности населения является соотношение уровней средней заработной платы и прожиточного минимума. Данный показатель в целом по России низкий, и он ещё ниже в РСО-Алания. В 2022 г. это соотношение в России составляло 431%, а в РСО-Алании — 266%. Это означает, что 100 работающих человек на свою среднюю заработную плату в России помимо себя минимальными жизненными условиями могут обеспечить ещё 331 человек, а в РСО-Алания — лишь 166 человек. То есть на среднюю заработную плату по республике невозможно обеспечить ми-

нимальным набором продовольственных товаров (исходя из размера прожиточного минимума) семью из трёх человек.

О необходимости проведения демографической экспертизы нормативно-правовых актов, регулирующих сферу социально-экономического развития

Все отмеченное свидетельствует о том, что ситуация на рынке труда в РСО-Алания и стоимость рабочей силы, то есть заработная плата, являются факторами, отрицательно влияющими на характеристики воспроизводства населения. Следовательно, данный резерв надо активизировать для улучшения демографической ситуации. Полагаем, что решением этой задачи является формирование открытого, гибкого, эффективного рынка труда и обеспечение его демографической направленности. Демографическую экспертизу должны пройти все нормативно-правовые акты, регулирующие сферу рынка труда.

Для проведения демографической экспертизы, как правило, создаётся экспертный совет, в состав которого включаются специалисты как в области народонаселения, так и социологии, экономики, здравоохранения, национальных общественных организаций. Такая комиссия никогда не функционировала в РСО-Алания, тем самым, не проводилась демографическая экспертиза стратегий, программ социально-экономического развития республики в части, касаемой народонаселения. Сказанное относится и к Государственной программе «Содействие занятости населения РСО-Алания» на 2014–2025 гг. (далее — «Программа»).

Проведя анализ «Программы», хотелось бы усилить её эффективность за счёт увеличения внимания к следующим тезисам: «содействие занятости женщин, имеющих детей, совмещение трудовой деятельности с семейными обязанностями», «создание условий для осуществления трудовой деятельности женщин, имеющих детей, включая достижение 100-процентной доступно-

³ Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник. 2023, табл. 4.4. и 4.6. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник. 2012, табл. 5.2. и 5.3. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.07.2023).

сти (2021 г.) дошкольного образования для детей в возрасте до трёх лет», «повышение уровня информированности жителей республики о возможностях и условиях трудоустройства и проживания в других субъектах Российской Федерации» «содействие безработным гражданам и членам их семей в переселении в другую местность для их трудоустройства компетентными органами власти республики». Для успешной реализации этих задач предусмотрено формирование банка данных рабочих мест для трудоустройства жителей республики в других субъектах РФ⁵. Полагаем, что решение указанных задач в целом будет способствовать повышению занятости и уменьшению уровня безработицы, однако некоторые из них могут отрицательно сказаться на демографической ситуации в республике, поскольку уровень миграционного оттока населения довольно высокий.

Проведённое исследование показало, что в Республике Северная Осетия — Алания демографическая экспертиза нормативно-правовых актов, регулирующих сферу социально-экономического развития, не проводится. Учитывая сложившу-

юся демографическую картину полагаем, что необходимо провести комплекс следующих мероприятий: 1) проведение демографической экспертизы всех нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные сферы социально-экономического развития республики; 2) минимизация рисков неисполнения или неэффективного исполнения Государственных программ; 3) анализ размера ресурсного обеспечения Государственных программ в части регионального бюджета; 4) совершенствование и уточнение мер по улучшению характеристик воспроизводства населения и по содействию женщинам в совмещении трудовой деятельности с семейными обязанностями; 5) расширение перечня целевых индикаторов демографического содержания в «Программе содействия занятости населения» — например, к уже перечисленным добавить: «увеличение трудового потенциала», «уменьшение масштабов оттока молодежи из республики», «снижение смертности населения в трудоспособном возрасте» и так далее.

Апробированным инструментом принятия эффективных управленческих решений в сфере использования рабочей силы является мониторинг ситуации на рынке труда, поскольку характер и масштабы количественного замещения рабочей силы, полностью зависят от изменения показателей воспроизводства населения.

⁵ Программа «Содействие занятости населения РСО — Алания» на 2014–2025 годы, с изменениями от 23.05.2023 года. — URL: <https://trud.alania.gov.ru/documents/1835> (дата обращения: 21.07.2023).

Литература и Интернет-источники

1. **Вишневецкий, А. Г.** Избранные демографические труды. В двух томах. Т. 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов / А. Г. Вишневецкий. — Москва, 2005. — 381 с. EDN: QOPAGN
2. **Архангельский, В. Н.** Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021 гг.): тренды, демографическое развитие, перспективы: аналитический доклад / В. Н. Архангельский, Л. И. Бардакова, В. А. Безвербный [и др.]; под ред. С. В. Рязанцева; ФНИСЦ РАН. — Москва : Перспектива, 2021. — 200 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-89697-379-9.2021; EDN: DAEWUW
3. **Каберты, Н. Г.** Демографическая ситуация в Северной Осетии: факторы, прогнозы и механизм регулирования. / Н. Г. Каберты, Л. К. Гуриева, А. Ш. Бегиева. — Владикавказ : ИПЦ СОГУ, 2017. — 216 с. EDN: YTEKGV
4. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / ред. В. А. Ионцев. — Москва : ТЕИС, 2004. — 256 с.
5. Региональная демографическая политика: сборник статей. / ред. В. В. Елизаров и Н. Г. Джанаева. — Москва : МАКС Пресс, 2012. — 296 с.

6. **Уставщикова, С. В.** Северо-Кавказский федеральный округ. Региональные особенности демографической ситуации (2000–2017 гг.) / С. В. Уставщикова. // Геополитика и геодинамика регионов. — 2018. — Т. 4(14). — Вып. 4. — С. 263–273. EDN: YLBVON
7. **Дзуцев, Х. В.** Труд и экономическая жизнь Республики Северная Осетия-Алания Северо-Кавказского Федерального Округа Российской Федерации в условиях социальной неопределенности / Х. В. Дзуцев // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности». XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения» (Москва, 4 марта 2021 г.). — Москва : МАКС Пресс, 2021. — С. 226–229. EDN: AENEOB
8. **Гимбатов, Ш. М.** Социальные и демографические проблемы формирования трудового потенциала Северного Кавказа. / Ш. М. Гимбатов, Ш. К. Кутаев, Х. М. Хаджалова [и др.] // Народно-население. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 135–146. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.11; EDN: QKLQBO
9. **Данилова, И. А.** Территориальная дифференциация воспроизводственных и миграционных процессов России / И. А. Данилова // Региональная демографическая политика: сборник статей / ред. В. В. Елизаров и Н. Г. Джанаева. — Москва : МАКС Пресс. — 2012. — С. 94–110.
10. **Топилин, А. В.** Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве: тенденции и регулирование / А. В. Топилин. — Москва : Экон-Информ, 2020. — 479 с. EDN: YVLKMD

Сведения об авторах:

Каберты Нодар Гаврилович, к.э.н., доцент Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова, старший научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия.

Контактная информация: e-mail: kaberty-n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1109-4458; РИНЦ SPIN-код: 1567-5481.

Бекоев Геннадий Борисович, начальник технической службы ОАО «БТК 4», Цхинвал, Республика Южная Осетия.

Контактная информация: e-mail: aidgades@mail.ru.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-153-162

DEMOGRAPHIC MEASURES FOR LABOR MARKET REGULATION IN NORTH OSSETIA

Kaberty N. G.^{1,2}, Bekoev G. B.^{3*}

¹*Khetagurov North-Ossetian State University*

(44–46 Vatutina str., Vladikavkaz, North Ossetia — Alania, Russia, 362025)

²*Vladikavkaz Research Center RAS*

(1 Viliamsa str., Mikhailovskoe village, Prigorodny raion, North Ossetia — Alania, Russia, 363110)

³*OJSC «BTK 4»*

(56 Kharebova str., Tskhinvali, Republic of South Ossetia, 100001)

**E-mail: aidgades@mail.ru*

For citation:

Kaberty N. G., Bekoev G. B. Demographic measures for labor market regulation in North Ossetia. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 153-162. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-153-162 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to the substantiation of the need to take into account the influence of the demographic factor at the stage of developing priority regulatory legal acts in the field of socio-*

economic development, and first of all, in the field of labor market regulation, advisability of their maximum subordination to the interests of regional demographic policy. This need is especially acute in regions with a complicated demographic situation. Analysis of the relevant statistical materials shows that the Republic of North Ossetia-Alania belongs to such regions. According to Rosstat, the republic is consistently in the category of constituent entities of the Russian Federation in which the population is declining both due to natural decline and due to a negative migration balance. According to experts, it is impossible to improve the parameters of natural and mechanical population movement taking into account implementation of only special projects, programs and strategies. An important aspect of solving these problems is demographic examination of the normative acts regulating certain areas of public life in the region. With the help of demographic examination, it is possible to find out to what extent the demographic characteristics of the region, trends and prospects for population reproduction and its individual segments were taken into account when preparing regulatory legal acts. Accordingly, it provides an opportunity to make timely changes to certain acts. During the examination, there is also given a professional assessment of the possible impact of the implemented special projects, programs and strategies on the characteristics of population reproduction. Such examination has not been conducted in most regions of Russia, including North Ossetia.

Keywords: Republic of North Ossetia-Alania, demographic process indicators, demographic examination, labor market, employment, unemployment.

References and Internet sources

1. Vishnevsky A. G. Izbrannyye demograficheskiye trudy. V dvukh tomakh. T. 2. Ekonomicheskaya demografiya. Analiz demograficheskikh protsessov [Selected Demographic Works. In two volumes. Vol. 2. Economic Demography. Analysis of Demographic Processes]. Moscow. 2005. 381 p. (in Russ.)
2. Arkhangel'skiy V. I., Bardakova L. I., et. al. Demograficheskoye razvitiye postsovet'skikh stran (1991–2021 gg.): trendy, demograficheskoye razvitiye, perspektivy: analiticheskiy doklad [Demographic Development of the Countries of the Post-Soviet Space (1991–2021): Trends, Demographic Development, Prospects. Analytical report]. Ed. S. V. Ryazantsev. FNISTS RAN [FCTAS RAS]. Moscow. Perspektiva [Perspective]. 2021. 200 p. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-89697-379-9.2021 (in Russ.)
3. Kaberty N. G., Guryeva L. K., Begieva A. Sh. Demograficheskaya situatsiya v Severnoy Osetii: faktory, prognozy i mekhanizm regulirovaniya [Demographic Situation in North Ossetia: Factors, Forecasts and Mechanisms of Regulation]. Vladikavkaz. SOGU [SOGU]. 2017. 216 p. (in Russ.)
4. Demograficheskiy faktor v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii regiona (na primere Permskoy oblasti) [Demographic Factor in the Socio-Economic Development of the Region (Using the Example of the Perm Region)]. Ed. V. A. Iontsev. Moscow. TEIS [TEIS]. 2004. 256 p. (in Russ.)
5. Regional'naya demograficheskaya politika [Regional Demographic Policy]. Eds. V. V. Elizarov, N. G. Dzhanava. Moscow. MAKS Press [MAKS Press]. 2012. 296 p. (in Russ.)
6. Ustavshchikova S. V. Severo-Kavkazskiy federal'nyy okrug. Regional'nyye osobennosti demograficheskoy situatsii (2000–2017 gg.) [North Caucasus Federal District. Regional features of the demographic situation (2000–2017)]. Geopolitika i geodinamika regionov [Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions]. 2018. Vol. 4 (14). No. 4. P. 263–273. (in Russ.)
7. Dzutsev Kh. V. Trud i ekonomicheskaya zhizn' Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya Severo-Kavkazskogo Federal'nogo Okruga Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti [Labor and economic life of the Republic of North Ossetia-Alania of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation in conditions of social uncertainty]. Sovremennoye obshchestvo v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoy neopredelennosti. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Sorokinskiye chteniya» [Modern Society in the Conditions of Socio-Economic Uncertainty. Proceedings of the XV international scientific conference «Sorokin Readings»]. (Moscow, 4 March, 2021). Moscow. MAKS Press [MAKS Press]. 2021. P. 226–229. (in Russ.)

8. Gimbatov Sh. M., Kutaev Sh. K., et.al. Sotsial'nyye i demograficheskiye problemy formirovaniya trudovogo potentsiala Severnogo Kavkaza [Social and demographic problems of labor potential formation in the North Caucasus]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 135–143. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.11 (in Russ.)
9. Danilova I. A. Territorial'naya differentsiatsiya vosproizvodstvennykh i migratsionnykh protsessov Rossii [Territorial differentiation of reproductive and migration processes in Russia]. *Regional'naya demograficheskaya politika [Regional Demographic Policy]*. Eds. V. V. Elizarova and N. G. Dzhanayeva. Moscow. MAKS Press [MAKS Press]. 2012. P. 94–110. (in Russ.)
10. Topilin A. V. Migratsiya naseleniya i formirovaniye trudovykh resursov v SSSR i na postsovetskom prostranstve: tendentsii i regulirovaniye [Population Migration and Formation of Labor Resources in the USSR and the Post-Soviet Space: Trends and Regulation]. Moscow. Ekon-Inform [Ekon-Inform]. 2020. 479 p. (in Russ.)
11. Information about the authors:
Kaberty Nodari Gavrillovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Khetagurov North Ossetian State University; Senior Researcher, Vladikavkaz Research Center RAS, Vladikavkaz, Russia.
Contact information: e-mail: kaberty-n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1109-4458; Elibrary SPIN-code: 1567-54817.
Bekoev Gennady Borisovich, Head of Technical Service, OJSC «BTK 4», Tskhinvali, Republic of South Ossetia.
Contact information: e-mail: aidgades@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-163-178
EDN: GRLSGF

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ: ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА

Абдулаева З. З.

*Институт социально-экономических исследований
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
(367030, Россия, Махачкала, проспект М. Ярагского, 75)*

E-mail: zaira-76@yandex.ru

Для цитирования:

Абдулаева З. З. Трансформация института семьи в регионах Юга России: факторы, тенденции и специфика // Народонаселение. – 2024 – Т. 27. – № 4. – С. 163-178. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-163-178; EDN: GRLSGF

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена ключевой ролью института семьи для сохранения жизнеспособности общества. Цель исследования — определение основных тенденций трансформации базовых характеристик института семьи по мере изменения общественного порядка и социокультурных ценностей. В работе сделана попытка целостного осмысления социокультурных рисков, вызовов и перспектив дальнейшей эволюции семейных отношений в условиях смены технологических и аксиологических укладов российского общества. В фокусе исследования — противоречия традиционной и инновационной моделей организации семейно-брачных отношений, детерминированные влиянием таких факторов как глобализация, урбанизация, виртуализация социальных взаимодействий, трансформация ценностных ориентиров молодёжи и эмансипация женщин. Освещена дискуссия научного сообщества о характере трансформации института семьи в современной России, при этом рассматриваются два основных подхода: кризисный, трактующий изменения как деградацию традиционной модели семьи, и эволюционный, видящий в них закономерный адаптивный процесс. Отмечается возможность синтеза подходов в рамках синергетической парадигмы, рассматривающей трансформацию семьи как переходный процесс открытой самоорганизующейся системы. Проведён анализ особенностей трансформации моделей гендерного поведения в современных семьях регионов Юга России. На основе сравнения результатов социологических исследований 2010 и 2023 гг. рассматриваются изменения гендерных установок и практик населения в сфере семейно-брачных отношений. Выявлено сохранение традиционного патриархального типа гендерной культуры в республиках Дагестан и Ингушетия; формирование переходного типа в республиках Кабардино-Балкарской и Адыгее; доминирование относительно эгалитарной модели в Ростовской области и Ставропольском крае. Отмечается постепенное ослабление влияния этнокультурных традиций и патриархальных норм на регулирование гендерного взаимодействия в семье, фиксируется растущий запрос женщин на паритетные отношения.

Ключевые слова: гендерное поведение, трансформация мужских и женских моделей поведения, Юг России, семейно-брачные отношения, гендерные роли, гендерный порядок.

© Абдулаева З. З., 2024

Введение

Современные стремительные социально-экономические и политические трансформации, обусловленные влиянием процессов глобализации, модернизации оказывают существенное воздействие на изменение ценностных установок и представлений о роли и значимости семьи в российском обществе. Это заставляет переосмыслить традиционные взгляды на семью с позиций историко-культурного наследия и ее функциональной роли в социуме. Сегодня традиционная гетеронормативная патриархальная модель семьи, основанная на гендерной асимметрии, разделении гендерных ролей и доминировании маскулинных ценностей, ещё сохраняет приоритет в массовом сознании большинства россиян и воспроизводится институтами социализации, такими как система образования, СМИ и так далее. Вместе с тем, под влиянием модернизационных процессов наблюдается постепенная трансформация традиционных гендерных установок и эволюция взглядов на роль и функции семьи в обществе. В результате в общественном сознании, особенно среди молодого поколения, происходит переоценка роли и значения семьи, семейные ценности утрачивают свою приоритетность. Как социальный институт, выполняющий базовые функции в обществе, семья претерпевает радикальные структурные изменения, носящие подчас парадоксальный и противоречивый характер, наблюдается многообразие и вариативность моделей семейно-брачных отношений, отличающихся от традиционных представлений о семье.

Проблемы изменения гендерного поведения населения и семейных отношений в условиях трансформации общественного порядка нашли отражение в научных работах многих учёных. Общие концептуальные подходы к исследованию гендерного поведения личности изложены в работах И. С. Кона¹, Е. Э. Шишловой [1], К. А. Кулаковой [2] и других. Этнорегиональные особенности Юга Рос-

сии затронуты в работах Л. В. Клименко [3], А. П. Скорика и В. И. Череватенко [4], Х. В. Дзугцева и А. П. Дибровой [5], С. В. Сиражудиновой [6] и других с основным фокусом на кейс положения и гендерного поведения женщин у народов Северного Кавказа.

В то же время, в исследованиях гендерного поведения населения её южных регионов выделяются определённые тенденции, ведущие к смещению акцентов исследовательских интересов на одни кейсы и оставляющие почти без внимания другие. Так, в региональном отношении основное внимание исследователей обращено к кавказским республикам, причём, оно сосредоточено на изучении мусульманского населения. Русскому же населению региона уделяется значительно меньше внимания, в то время как психология и поведение этой категории населения в южных регионах имеет определённые отличия по сравнению, например, с Центральной Россией или Сибирью. Также исследования демонстрируют превалирование внимания к положению и поведению кавказской женщины, в то время как гендерное поведение мужчины, как социальной группы, изучается гораздо меньше. Выявленные лакуны в эмпирических знаниях открывают новые направления для продолжения исследований, как с точки зрения изучения отдельных групп населения южных регионов России, так и факторов, влияющих на его трансформацию.

Методологические подходы к анализу процессов трансформации института семьи

Современные исследователи по-разному оценивают происходящие трансформации института семьи и их последствия. Мнения учёных во многом обусловлены теоретическими подходами, которых они придерживаются. В зависимости от этого, изменения в сфере семейно-брачных отношений интерпретируются либо как кризис традиционной модели семьи, либо как её адаптивная модернизация [7]. В российской науке дискуссия по данному вопросу разворачивается между двумя основными позициями

¹ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире: учебное пособие. – Москва: Время, 2016. – 497 с.

ми: 1) в современной России происходит деградация и разрушение института семьи; 2) идёт адаптивная трансформация семейных структур, их приспособление к меняющимся реалиям. В научном дискурсе понятие кризиса традиционной модели семьи связывается преимущественно с трансформацией её базовых характеристик, сложившихся в рамках патриархального уклада. К таким характеристикам относят финансовое доминирование мужчины как основного кормильца, приоритет детородных и хозяйственных функций женщины, многопоколенный состав семьи, консолидацию родственных связей [8].

Результаты исследований многих учёных свидетельствуют о кризисных тенденциях в трансформации института семьи и брака, что приводит к утрате их базовых функций и социальной значимости. Подобные процессы потенциально чреваты масштабными изменениями демографической структуры, социальных взаимосвязей, духовно-нравственных ориентиров и переосмыслением целеполагания развития общества. Так, А. В. Шиловцев анализирует трансформацию ценностных установок в сфере семейно-брачных отношений как угрозу социальной безопасности РФ. В качестве детерминирующих факторов им указываются цивилизационные и социокультурные изменения [9]. В то же время, есть многочисленные утверждения, что «преодоление кризиса возможно с помощью проведения государством комплексной социальной политики, направленной на восстановление (сохранение) традиционных семейных ценностей и форм брака» [10].

В ответ на нарастающие демографические проблемы, связанные с состоянием института семьи и брака, государство предприняло комплекс мер, направленных на повышение стабильности и благополучия семейно-брачных отношений. В 2014 г. Правительством РФ была принята «Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года», которая определяет комплекс задач, решение которых должно улучшить экономическую самостоятельность российских семей, расширить меры

поддержки института семьи, укрепить традиционные семейные ценности, повысить культурно-образовательный потенциал семей и их финансовое благополучие².

Однако, несмотря на столь масштабные усилия государства, основные статистические показатели, характеризующие состояние и стабильность институтов брака и семьи в России, демонстрируют устойчивую негативную динамику. В частности, официальная статистика, предоставленная Росстатом, показывает неуклонное снижение количества браков (с 5,8 на 1000 населения в 2012 г. до 5,2 — в 2022 г.), наряду со стабильно высоким числом разводов (около 3,4 на 1000 граждан ежегодно). Кроме того, наблюдается рост доли разводов среди семей с двумя и более детьми (с 7% до 12% за 2012–2022 гг.). При этом средний возраст вступления в первый брак остаётся неизменно высоким — 31 год для мужчин и 27 лет — для женщин по состоянию на 2022 год³.

Сравнительный анализ данных переписей населения Российской империи 1897 г. и современной России (2020 г.) демонстрирует разительные негативные изменения в сфере брачно-семейных отношений за прошедшие 100 с лишним лет. Если в конце XIX в. лишь 5% мужчин и 4% женщин в возрасте 50 лет никогда не состояли в браке, то в 2020 г. этот показатель вырос до 35% для мужского и 42% для женского населения соответствующего возраста⁴. Вышеперечисленные тревожные тенденции подтверждаются исследованиями общественного мнения: согласно ВЦИОМ, 35% россиян положительно относятся к незарегистрированным бракам, 40% считают такую форму отношений допустимой, и лишь четверть респондентов выражает негативное отношение к «гражданским» бракам. Более того, при-

² «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года». Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/420217344> (дата обращения: 27.01.2024).

³ Статистика браков и разводов // Росстат. — URL: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/> (дата обращения: 27.01.2024).

⁴ Всероссийская перепись населения. Т. 2 «Возрастно-половой состав и состояние в браке». — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2020/croc/Documents/Vol2/pub-02-05.pdf. (дата обращения: 27.01.2024).

мерно 10% взрослого и 16% молодого населения России в качестве предпочтительной для себя формы отношений называют именно «гражданский» брак⁵. Подобные данные позволяют сделать вывод о недостаточной эффективности государственных мер поддержки института семьи и брака либо о том, что на их стабильность влияют глубинные социокультурные факторы.

Это подтверждается и тем, что сходные негативные тенденции прослеживаются как в экономически развитых странах Запада (среднегодовые показатели 6,5 браков и 3,2 развода на 1000 человек в США), так и в странах Востока с иными духовно-религиозными традициями. Так, Е. В. Котельникова и А. А. Нехороших на примере Японии показали, что «даже в такой консервативной стране, если говорить о ценностях и традициях японского общества в брачно-семейной сфере, происходят кардинальные перемены: в условиях жёсткого правового регулирования брачных союзов и социальной политики правительства по стимулированию гендерного равенства снижается мотивация к юридическому закреплению отношений и деторождению, остро встаёт вопрос об экономической доступности брака» [11]. Исходя из этого, нельзя однозначно утверждать, что именно экономическая нестабильность или навязываемые Западом ценности являются главной причиной негативных тенденций в сфере брака и семьи. Даже в традиционном восточном обществе при жёстком регулировании этих институтов происходит их трансформация и снижение мотивации к официальному оформлению отношений. Значит, причины кроются в более глубинных социальных и культурных факторах.

В рамках второго подхода к анализу причин трансформации института семьи и брака в современной России, изменения в сфере брачно-семейных отношений рассматриваются как закономерный процесс перехода от традиционной модели семьи к современной на фоне модернизации и урбанизации российского общества. Данный подход базируется на модернизации

традиционной парадигме, в рамках которой семья понимается как динамично развивающийся социальный институт. Меняющиеся социально-экономические условия обуславливают трансформацию её структуры, функций и ценностей в направлении большего соответствия реалиям постиндустриального общества.

Среди основных черт этой трансформации учёные выделяют снижение уровня брачности, рост возраста вступления в первый брак, распространение альтернативных форм семейно-брачных отношений («гражданские браки»), увеличение числа разводов, внебрачных детей и так далее. Подобные структурно-функциональные сдвиги не рассматриваются сторонниками данного подхода как признаки деградации института семьи. Скорее, это отражает адаптивный процесс перехода семьи на новую стадию развития, отвечающую вызовам современности. М. В. Торопыгина пишет: «В настоящее время российской семье присущ ряд социально-структурных характеристик, которые превращают ее по преимуществу в семью нуклеарную, малодетную, с элементами патриархальности — с одной стороны, и наличием форм семейно-брачных отношений, альтернативных традиционным формам — с другой стороны» [12]. А. В. Верещагина предлагает рассматривать трансформацию института семьи как преобразование «формальных и неформальных ограничений, в ходе взаимодействия которых происходит разрушение традиционного института семьи и возникновение нового современного института семьи, характеризующегося разнообразием и большим многообразием типов организации семейной жизни и семейного поведения» [13]

В условиях изменения ценностных установок и норм поведения происходит снижение эффективности формальных правовых и морально-этических регуляторов семейно-брачных отношений. Всё большее влияние на принятие решений о вступлении в брак, рождении детей, разводе оказывают индивидуальные факторы: материальное положение, карьерные или образовательные планы, психологическая готов-

⁵ ВЦИОМ узнал, сколько россиян живут в незарегистрированном браке. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/697849> (дата обращения: 27.01.2024).

ность, состояние здоровья и др. Так происходит переход от социоцентрической модели регуляции семейно-брачного поведения к более индивидуализированной и прагматичной модели принятия решений исходя из личных возможностей и интересов. Это является одним из ключевых проявлений трансформации института семьи на сегодняшний день.

По мнению видного российского исследователя И. С. Кона, «изменение общепринятого распределения гендерных ролей вынуждает женщин, вовлечённых в политику и общественное производство, принимать участие в процессах, изначально не учитывающих их права и возможности. Мужчины же, вследствие увеличившейся самостоятельности женщин, не могут больше безусловно опираться на такие привычные атрибуты маскулинности, как власть и сила, что побуждает их вырабатывать способность к компромиссу, внимательнее относиться к потребностям женщин и значительно больше заботиться о детях» [14]. С данной точки зрения, трансформация института российской семьи характеризуется переходом от традиционной патриархальной модели семейно-брачных отношений к эгалитарной модели отношений, предполагающей более паритетные отношения супругов, основанные на принципах равноправия и партнёрства.

Таким образом, дискуссия о трансформации института семьи в современном обществе ведётся между сторонниками двух основных подходов — кризисного и эволюционного. Кризисный подход рассматривает происходящие изменения как кризис традиционной модели семьи. Сторонники эволюционного подхода видят в этих процессах закономерную эволюцию семейного института под влиянием модернизации. Как видим, эти парадигмы противопоставляются в научной дискуссии. Точкой компромисса в дебатах является признание обеими сторонами ряда новых дисфункциональных тенденций в сфере брачно-семейных отношений. При этом данные явления пока не интерпретируются как угрожающие самим основам этого социального института.

Это объясняется тем, что базовые функции семьи как для общества и государства, так и в индивидуально-личностном плане сохраняют высокую значимость. В этой связи отдельные исследователи предлагают альтернативный подход, позволяющий нивелировать противостояние между кризисным и эволюционным видением проблемы, открывая возможность рассматривать институциональные трансформации в сфере семьи в более широком социокультурном контексте. Речь идет об изучении как разрушения традиционных, так и формирования новых моделей семейных отношений на фоне общей эволюции российского общества. При этом институциональный выбор в настоящем рассматривается как обусловленный социокультурной траекторией прошлого. Такой подход коррелирует с синергетической парадигмой, получающей сегодня распространение в социальных науках.

Синергетический подход интерпретирует кризисные тенденции в социуме не как закономерный упадок или деградацию, а как переходные процессы для открытых самоорганизующихся систем, находящихся в точке бифуркации. С этих позиций семья понимается как динамическая система, обладающая потенциалом нескольких институциональных вариаций — аттракторов. Под влиянием внешних социокультурных факторов происходит возрастание числа таких альтернативных моделей, параллельно растет уровень энтропии и дезорганизации всей системы семейно-брачных отношений. Согласно синергетической парадигме, это в конечном итоге приведёт к её качественной трансформации.

Особенности трансформации моделей гендерного поведения современной семьи в национальных регионах Юга России

Современная российская семья демонстрирует высокую степень неоднородности: наблюдается многообразие семейных практик, моделей супружеских и родительско-детских взаимоотношений. Происходит смешение традиционных патриархальных

и инновационных эгалитарных семейных норм, отмечается высокий уровень рисков распада брачных союзов. Указанные тенденции присущи, хотя и в меньшей степени, регионам Юга России, которые также испытывают воздействие глобальных и локальных факторов экономического, социокультурного и духовно-нравственного характера. Южный макрорегион РФ является одним из наиболее неоднородных по этническому и конфессиональному составу населения, именно поэтому противоречия и особенности трансформации гендерного поведения и семейных отношений здесь очень отчётливо проявляются и обусловлены они наличием гендерных стереотипов, которые в свою очередь обусловлены менталитетом, воспитанием, традициями и культурными ценностями в обществе. Традиционный гендерный порядок автохтонных этносов Южного макрорегиона всегда характеризовался выраженной патриархальностью семейных отношений, доминирующей ролью старшего мужчины в качестве главы расширенной семьи, жёстким разделением труда по половозрастному признаку, наличием развитых обычаев гендерной сегрегации, фактическим исключением женщин из публичной сферы и так далее.

С целью анализа текущих тенденций трансформации института семьи и гендерных ролей в полиэтничной среде Юга России были проведены сравнительные исследования на основе единой программы и методики сбора и анализа данных по предварительно определённой территориальной выборке. Говоря о территориальной выборке, необходимо отметить, что среди южных регионов России отечественные социологи выделяют субрегионы, основная масса населения которых имеет черты социально-психологических и культурных отличий друг от друга. Так, Л.В.Клименко выделяет следующие территории: «1) субрегионы с преобладающим русскоязычным населением, относительно развитой экономикой, урбанизированным населением, которое разделяет модернистские типы социального взаимодействия (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский

край); 2) республики Северного Кавказа, переходящие с традиционного на индустриальный уровень социально-экономического развития (Адыгея, Кабардино-Балкарская — КБР, Карачаево-Черкесская — КЧР, Северная Осетия-Алания — РСО); 3) республики с преобладающей традиционной культурой, с демодернизированной экономикой (Ингушетия, Чеченская, Дагестан). Можно увидеть близость социокультурных процессов в субрегионах одной типологической группы, что позволяет сравнивать различные территориальные субъекты Юга России» [16].

Отметим, что для возможности оценки в динамике всех процессов трансформации моделей семейного поведения и ценностей потребовалось обращение к ранее реализованным в данном направлении исследованиям. Так, в работе использованы данные серии прикладных социологических исследований по единой методике, выполненных различными авторами в ряде территориальных субъектов Южного федерального округа⁶. В 2023 г. был проведен повторный опрос с расширением географии: в ракурс исследования были дополнительно включены Республика Дагестан и Ставропольский край. Аналитическую базу данного исследования составили результаты социологического опроса «Выявление особенностей социо-демографического, экономического и трудового поведения населения», проведенного Институтом социально-экономических исследований ДФИЦ РАН среди населения ряда национальных регионов Юга России (с преобладающим представительством Республики Дагестан) и некоторых других субъектов РФ⁷.

⁶ Исследование 2010 г. проведено авторским коллективом ученых Юга России под руководством Л.В.Клименко. В нем приняло участие 300 человек в Республике Адыгея, 300 – в Республике Ингушетия, 262 – в Кабардино-Балкарской Республике, 300 – в Ростовской области.

⁷ Выборочная совокупность составила 424 респондента в возрасте от 18 до 70 лет. Среди типов населенных пунктов преобладают жители городских территорий – 61% от общего числа опрошенных. Гендерное распределение характеризуется следующей структурой: 68% – женщины, 32% – мужчины. 46% респондентов состоят в зарегистрированном браке. В возрастной структуре преобладают представители молодого поколения: 41% от общего числа являлись респонденты в возрасте от 18 до 25 лет. Образовательный уровень участников опроса варьируется от неполного среднего до высшего (32%).

Результаты повторных сравнительных социологических исследований показывают, что за рассматриваемый период большинство опрошенных мужчин на Юге России продолжают оценивать свой статус в семье как лидирующий. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в ответах самих мужчин: от 49% в КБР до 74% в Ростовской области в 2010 г. называли себя главой семьи. Подобная картина сохраняется и в 2023 г. — 52% и 66% соответственно, хотя надо признать, что в Ростовской области опрошенные мужчины стали менее категоричны в данном вопросе. В Республике Дагестан главой семьи считают себя 71% мужчин, и это самое высокое значение показателя.

Женщины более склонны оспаривать традиционную гендерную иерархию, их по-

зиция менее категорична, но также отражает патриархальные взгляды: от 40 до 58% женщин в 2010 г. и от 49% до 65% в 2023 г. считают главой семьи мужа. Примечательно, что самый высокий показатель в 2023 г. (65%) также приходится на Республику Дагестан. Установки на эгалитарные гендерные отношения в семье чаще демонстрируют жительницы Ростовской области: доля женщин, указывающих на равноправие в семье, возрастает с 14% в 2010 г. до 21% в 2023 г., доля мужчин с подобными установками также увеличивается с 12% в 2010 г. до 14% в 2023 году. Аналогичная картина прослеживается и в Ставропольском крае, здесь 23% женщин и 19% мужчин указывают на то, что, они придерживаются принципа равноправия в семейных отношениях (рис. 1).

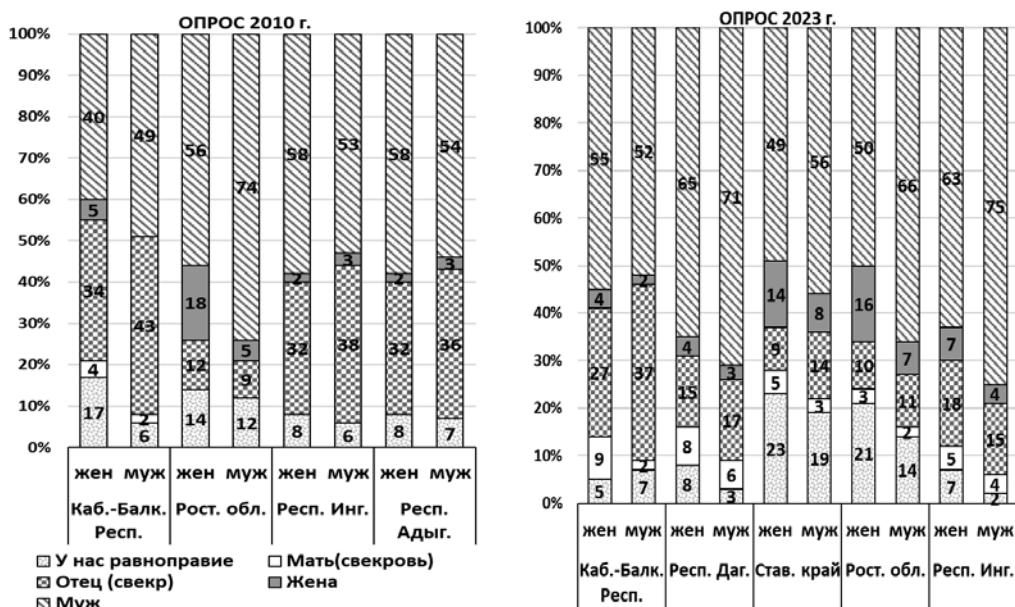

Рис. 1. Ответы на вопрос «Кто является главой вашей семьи?» в 2010 и 2023 гг., %

Fig. 1. Answers to the question «Who is the head of your family?» in 2010 and 2023, %

Источник: составлено автором на основе проведенного социологического исследования.

Анализ рейтинга факторов, определяющих лидирующую роль в семье, показывает, что жители Юга России чаще всего апеллируют к аскриптивным характеристикам, то есть приписанным от рождения. Получен-

ные данные свидетельствуют об устойчивости традиционных патриархальных представлений относительно внутрисемейной иерархии в современной России. Подавляющее большинство (72%) респондентов разде-

ляют мнение, что роль главы семьи детерминирована гендером и в силу традиционных социокультурных установок принадлежит мужчине. В таких национальных республиках, как Ингушетия и Адыгея, сохраняется ориентация в первую очередь на пол, а затем на возраст как основания лидерства в семье.

Аналогичная ситуация в 2023 г. отмечается в Республике Дагестан. Однако здесь очень чётко прослеживается ориентация мужчин и женщин на гендерный фактор как определяющий семейную иерархию. Вместе с тем наблюдаются гендерные различия во взглядах на лидерство в семье. Женщины проявляют большую склонность оспари-

вать традиционные аскриптивные (приписанные от рождения) статусы в семье, обусловленные полом и возрастом. В качестве оснований лидерства они чаще апеллируют к личностным характеристикам (сила характера, ум, ответственность) и материальным ресурсам (уровню дохода, имущественному положению). Таким образом, для женщин более характерно делать акцент на достигительных, лично и материально обусловленных иерархиях внутри семьи. Это может отражать их стремление оспорить традиционное главенство мужчин, основанное преимущественно на половозрастном статусе (рис. 2).

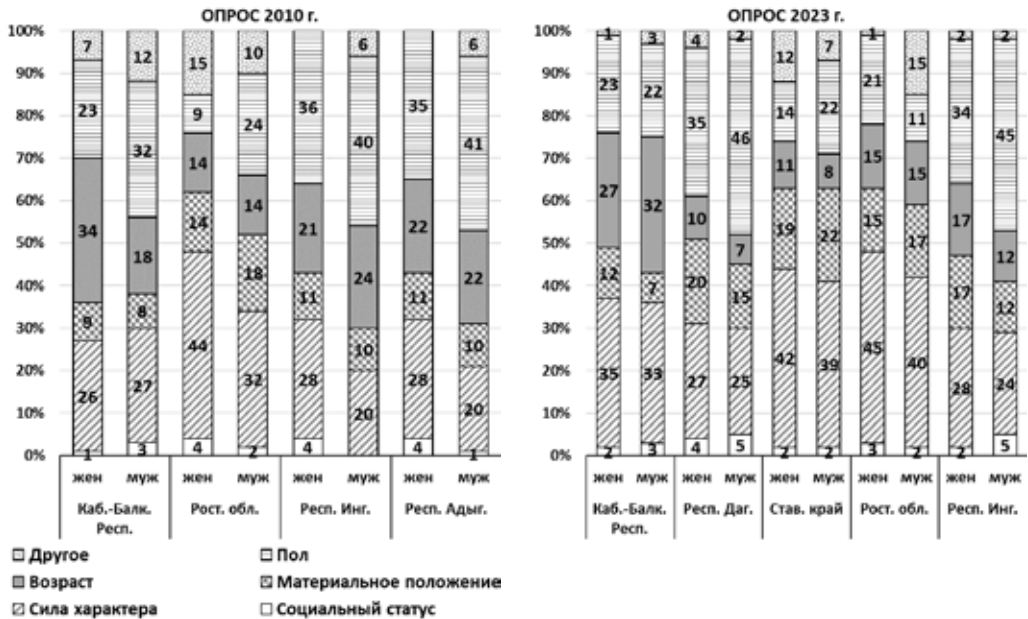

Рис. 2 Ответы на вопрос «Чем определяется роль главы семьи?» в 2010 и 2023 гг., %

Fig. 2 Answers to the question «What determines the role of the head of the family?» in 2010 and 2023, %
 Источник: составлено автором на основе проведённого социологического исследования.

Результаты повторных сравнительных исследований, посвященных вопросам воспитания детей, показывают, что примерно в половине случаев основную ответственность за это несёт супруг. Вместе с тем, за период с 2010 по 2023 гг. отмечается рост числа указаний на то, что в детской социализации участвуют оба родителя или все члены семьи (данная тенденция про-

слеживается во всех регионах, кроме КБР). В этот же период в национальных республиках Северного Кавказа наблюдается некоторое увеличение роли мужа в зарабатывании денег, но параллельно растет доля мнений о том, что в материальном обеспечении семьи и управлении бюджетом участвуют все её члены (данная динамика также не характерна для КБР). В Ростовской области в на-

стоящее время большинство респондентов констатируют равное участие обоих су-

пругов в зарабатывании и расходовании средств (рис. 3).

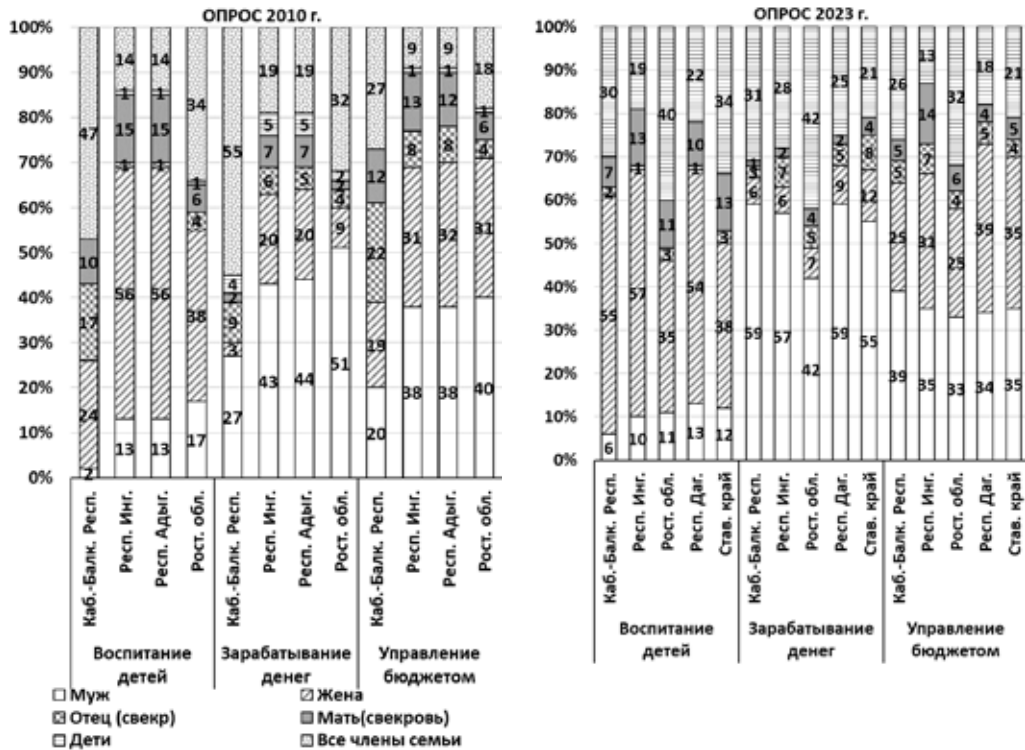

Рис. 3. Ответы на вопрос «Кто в Вашей семье преимущественно занимается следующими делами?» в 2010 и 2023 гг., %

Fig. 3. Answers to the question «Who in your family is mainly engaged in the following activities?» in 2010 and 2023, %

Источник: составлено автором на основе проведённого социологического исследования.

В вопросах и мнениях по распределению домашних обязанностей в семье, в регионах Юга России демонстрируется устойчивое сохранение традиционной модели. Согласно ей, такими видами работ как приготовление пищи, стирка, уборка и глажка занимаются преимущественно женщины. На этом фоне наибольшая поляризация гендерных ролей в выполнении домашней работы проявляется в традиционалистски ориентированных северокавказских республиках, таких как Ингушетия и Дагестан. В меньшей степени гендерное разделение труда выражено в республиках с переходным типом гендерной культуры — Кабардино-Балкарии и Адыгее. И наиболь-

шее число указаний на паритетное распределение домашних обязанностей демонстрируют Ростовская область и Ставропольский край с преобладанием русскоязычного населения, где влияние традиционных гендерных предписаний слабее. Это подтверждает, что распределение домашнего труда между супругами в значительной мере определяется региональной гендерной культурой и уровнем патриархальности того или иного социума.

Исследования традиционных культур показывают ведущую роль родителей в процессе выбора брачного партнера для своих детей. Однако результаты социологических опросов на Юге России в период с 2010

по 2023 гг. демонстрируют постепенные изменения: во всех обследованных регионах среди молодежи сохраняется доминирующая установка на вступление в брак по собственному выбору, но с учётом мнения родителей. Это указывает на сочетание личных предпочтений и традиционных норм при выборе брачного партнёра. Вместе с тем, по сравнению с предыдущими периодами, отмечается значительное снижение ориентации исключительно на брак по воле родителей, без учёта собственного мнения. Эта тенденция наиболее выражена в регионах с переходным и эгалитарным типами гендерной культуры (например, в Кабардино-Балкарии, Ростовской области), где патриархальные установки ослабевают. Таким образом, сохраняются элементы традиционного брака, организуемого старшим поколением, но растёт значение личной инициативы и предпочтений молодых людей в выборе супруга/супруги. Это

отражает постепенный переход к более эгалитарным отношениям в семье (тенденция наиболее выражена в Ростовской области и Ставропольском крае).

В республиках Северного Кавказа с сильными позициями традиционализма (Дагестан, Ингушетия) также фиксируется некоторое ослабление роли родителей в выборе супруга, однако показатели приверженности «традиционной» модели брака здесь по-прежнему значительно выше по сравнению с другими регионами. В настоящее время наибольшее сохранение архаичных традиций в сфере брачных отношений отмечается в Дагестане и Ингушетии. В то же время в Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае и Ростовской области четко прослеживаются процессы эмансипации молодёжи, выражающиеся в тенденции к заключению браков по личному выбору, вопреки позиции старшего поколения (рис. 4).

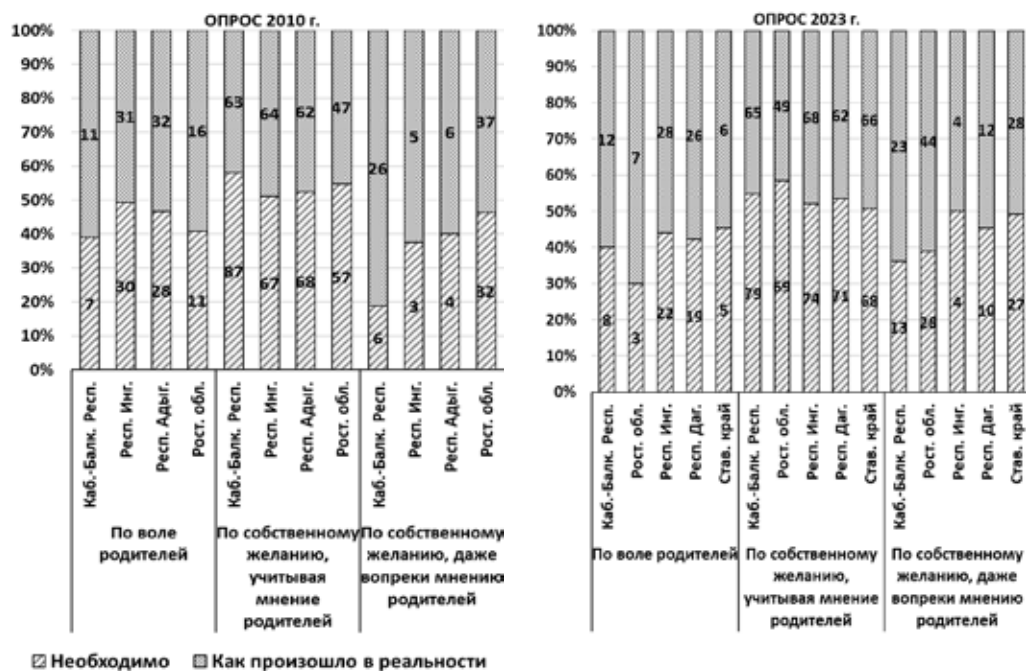

Рис. 4. Ответы на вопрос «Каким образом, по Вашему мнению, необходимо вступать в брак и как это произошло в Вашем случае?» в 2010 и 2023 гг., %

Fig. 4. Answers to the question «How do you think it is necessary to get married and how did this happen in your case?» in 2010 and 2023, %

Источник: составлено автором на основе поведенного социологического исследования.

В рамках проведённого социологического исследования трансформации ценностных установок в сфере семейно-брачных отношений, особое внимание было уделено анализу гендерного разделения бытового и хозяйственного труда при воспитании детей. Результаты опросов 2010 и 2023 гг. показывают, что норма о выполнении мальчиками и девочками различных видов домашней работы по-прежнему широко распространена и поддерживается большинством семей Юга России. В 2010 г. доля респондентов, подтвердивших соблюдение данной традиции, варьировалась от 35% в Ростовской области до 76% в КБР и Ингушетии. Опрос 2023 г. подтвердил доминирование гендерно дифференцированного подхода к распределению бытовых обязанностей: от 29% до 68% респондентов отметили его соблюдение. Лидерами по количеству ответов «да, соблюдается» являются республики Дагестан и Ингушетия (63% и 68% соответственно). Вместе с тем, отчётливо прослеживается постепенное снижение степени гендерной сегрегации в этой сфере. Особенно заметна данная тенденция в Ставропольском крае, где лишь 34% опрошенных подтвердили разделение домашних обязанностей между мальчиками и девочками.

Таким образом, мы можем делать выводы о том, что традиционные гендерные нормы в бытовой сфере постепенно утрачивают свои позиции, особенно в наиболее урбанизированных регионах Юга России, хотя пока и остаются распространёнными. Что касается ценностных установок в сфере брачно-семейных отношений и трансформации традиционных норм, регламентирующих порядок вступления в брак представителей одного поколения в зависимости от их возраста и пола, то здесь результаты опросов 2010 и 2023 гг. демонстрируют постепенное ослабление практики женитьбы/замужества братьев и сестер в соответствии с принципом старшинства. Если в 2010 г. от 13% до 56% респондентов (в зависимости от региона) подтверждали соблюдение данной нормы в их семьях, то в 2023 г. этот показатель снизился до 2–52%. Особенно заметно падение доли сторонников браков

по старшинству в Ростовской области (с 13 до 2%) и Ставропольском крае. В то же время в республиках Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия) по-прежнему сохраняется высокий уровень поддержки данной архаичной практики (порядка 50% опрошенных). Безусловным лидером в этой сфере остаётся КБР несмотря на некоторое снижение показателя с 56% в 2010 г. до 52% в 2023 г. (рис. 5.). В целом, эмпирические данные свидетельствуют о заметных изменениях в системе регулирования брачных отношений, выражающихся в трансформации традиционных предписаний и ослаблении их влияния на поведенческие практики в большинстве регионов Юга России.

Выводы

Проведённый анализ результатов повторных социологических исследований гендерных установок населения различных регионов Юга России в 2010–2023 гг. позволяет выделить три основные модели гендерного взаимодействия в семейно-брачной сфере, различающиеся по степени традиционности/модернизированности. Первая модель — традиционный (патриархальный) тип гендерных отношений — сохраняется в этнотерриториальных образованиях Северного Кавказа, прежде всего в Дагестане и Ингушетии. Здесь стабильно доминируют андроцентричные установки как у мужчин, так и у женщин. Вторая модель — переходный (трансформирующийся) тип гендерного взаимодействия — характерна для Кабардино-Балкарии и Адыгеи. В данных республиках наблюдается рассогласование гендерных установок: женщины в большей степени ориентированы на эгалитарные отношения и эмансипацию от традиционных норм, в то время как мужчины сохраняют патриархальные взгляды. Наконец, в Ростовской области и Ставропольском крае доминирует третья — эгалитарная модель гендерного порядка, предполагающая относительное равенство и партнерство в семейно-брачных отношениях.

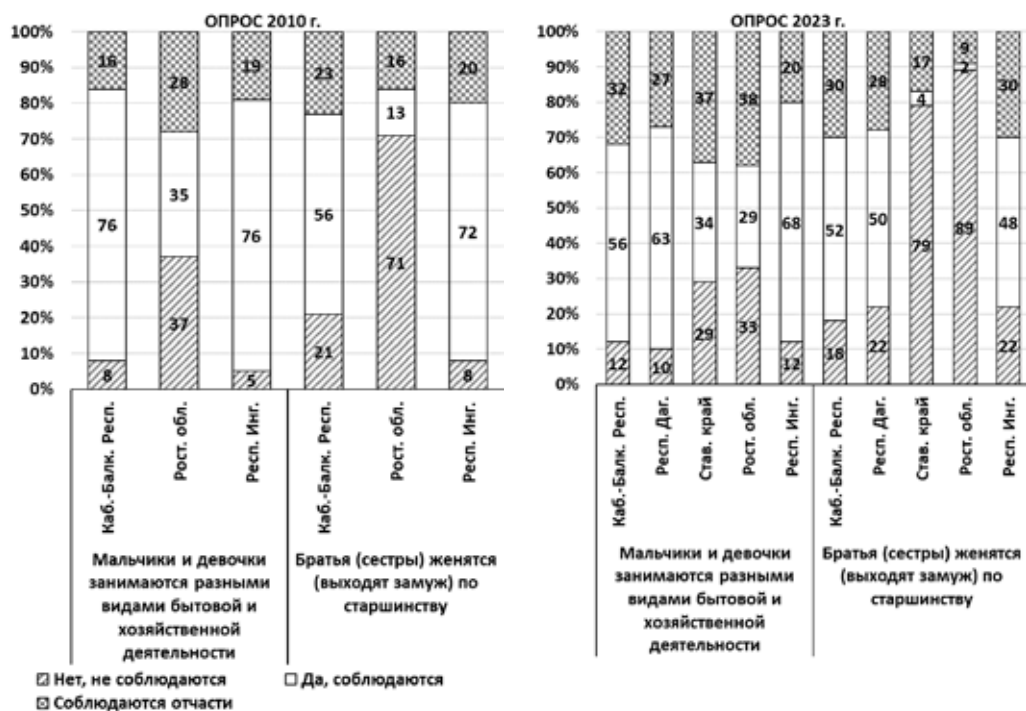

Рис. 5. Ответ на вопрос «Соблюдаются ли в Вашей семье следующие нормы поведения?» в 2010 и 2023 гг., %

Fig. 5. The answer to the question «Are the following standards of conduct observed in your family?» in 2010 and 2023, %

Источник: составлено автором на основе проведённого социологического исследования.

Результаты исследования позволяют также зафиксировать трансформацию некоторых базовых параметров гендерного порядка в семейно-брачных отношениях на Юге России. В частности, в северокавказских республиках обнаруживается тенденция постепенного снижения роли старшего мужчины (отца/свекра) в принятии решений. Кроме того, происходит ослабление традиционных этнокультурных норм и правил поведения, регулирующих взаимодействие между представителями разных поколений и полов в семейном пространстве.

Наконец, во всех обследованных регионах растёт уровень субъектности и коллегальности супругов в вопросах финансового контроля и распоряжения семейным бюджетом. Это свидетельствует о постепенной трансформации традиционных моделей гендерной стратификации в семейно-

брачной сфере под влиянием модернизационных процессов, об усилении тенденций к эгалитаризации отношений в семье.

Несмотря на общую тенденцию к постепенной трансформации традиционных гендерных представлений и практик под влиянием модернизации, большинство мужчин по-прежнему разделяют патриархальное видение распределения ролей и власти в семейной сфере. Они оценивают свой статус как лидирующий и поддерживают асимметрию в выполнении домашних обязанностей. В то же время среди женского населения отчётливо фиксируется запрос на пересмотр традиционных гендерных контрактов в пользу большего равенства и справедливого распределения семейно-ролевой нагрузки. Значительная часть женщин демонстрирует ориентацию на реализацию эгалитарной модели отноше-

ний, предполагающей паритет во властно-распорядительных функциях и принятии решений. Расширение их образовательного и профессионального горизонта, актуализация публичной дискуссии по проблемам

частной жизни будут способствовать дальнейшей модернизации системы гендерного взаимодействия в направлении равноправия и эгалитаризма.

Литература и Интернет-источники

1. **Шишлова, Е. Э.** Трансформация гендерной идентичности: социально-психологический аспект / Е. Э. Шишлова // Вестник МГИМО-Университета — 2012. — № 1 — С. 204–210. EDN: OPFNAH
2. **Кулакова, К. А.** Социально-психологические особенности гендерных различий / К. А. Кулакова // Психология в экономике и управлении. — 2013. — № 2. — С. 131–135. EDN: QRXRRD
3. **Клименко, Л. В.** Динамика социетальной сферы Юга России (социокультурное измерение): автореф. дис. ... д-ра соц. наук по специальности 22.00.06 / Л. В. Клименко. — Майкоп, 2016. — 22 с. EDN: ZQBFBL
4. **Скорик, А. П.** Современные гендерные трансформации и положение женщин на Юге России / А. П. Скорик, В. И. Череватенко. — URL: <https://pandia.ru/text/78/641/68211.php> (дата обращения: 27.01.2024).
5. **Дзуцев, Х. В.** Гендерный аспект в духовной жизни населения республик Северного Кавказа / Х. В. Дзуцев, А. П. Дибирова // Женщина в российском обществе. — 2020. — № 1. — С. 113–126. EDN: PDRXRW
6. **Сиражудинова, С. В.** Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции / С. В. Сиражудинова // Женщина в российском обществе. — 2013. — № 1. — С. 14–19. EDN: PWHJFB
7. **Гурджиян, М. В.** Кризис семьи в современной России и пути его преодоления / М. В. Гурджиян // Общество: философия, история, культура. — 2017. — № 1. — С. 59–62. EDN: XISEWJ
8. **Урусова, Е. А.** Современная семья как отражение трансформации российского общества / Е. А. Урусова // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. — 2016. — Т. 6. — № 11. — С. 25–28. EDN: XVBEYL
9. **Шиловцев, А. В.** Ценностные трансформации института семьи как угроза социальной безопасности России / А. В. Шиловцев // Агропродовольственная политика России. — 2012. — № 10. — С. 49–53. EDN: VOBPET
10. **Галкина, Е. П.** Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов / Е. П. Галкина, М. И. Кадничанская // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. — 2015. — № 3. — С. 193–200. EDN: UYWGWP
11. **Нехороших, А. А.** Трансформация института семьи в Японии / А. А. Нехороших // Иностранные языки в современном мире: Материалы Международной студенческой научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 25 апреля 2019 г.). — Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет, 2019. — С. 97–99. EDN: BWHARU
12. **Торопыгина, М. В.** Современные тенденции социализации старшеклассников и молодежи (по материалам исследований 2011–2014 гг. группы изучения современных тенденций формирования личности в сфере образования): автореф. дис. ... канд. филос. наук по специальности 09.00.11 / М. В. Торопыгина. — Москва, 2011. — 22 с.
13. **Верещагина, А. В.** Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования / А. В. Верещагина // Гуманитарий Юга России. — 2012. — № 4. — С. 82–93. EDN: RKSFCN
14. **Кон, И. С.** Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции / И. С. Кон // Посткласические гендерные исследования / отв. ред. Н. Х. Орлова. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбУ, 2011. — С. 8–32.

15. **Горяев, М. С.** Проблемы трансформации семьи и брака в отечественной историографии / М. С. Горяев, Б. А. Оконов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. — 2017. — Т. 2. — № 2(35). — С. 84–88. EDN: UVNCMD
16. **Клименко, Л. В.** Семья в поликультурном пространстве Юга России: этногендерное измерение / Л. В. Клименко // Женщина в российском обществе. — 2021. — № 3. — С. 99–116. EDN: CVAEEV

Сведения об авторе:

Абдулаева Заира Запировна, к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: zaira-76@yandex.ru; ПИНЦ SPIN-код: 4679–7013.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-163-178

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF FAMILY IN THE REGIONS OF THE SOUTH OF RUSSIA: FACTORS, TRENDS AND SPECIFICS

Zaira Z. Abdulaeva

*Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Scientific Center RAS
(75 M. Yaragsky prospect, Makhachkala, Russia, 367030)*

E-mail: zaira-76@yandex.ru

For citation:

Abdulaeva Z. Z. Transformation of the institution of family in the regions of the South of Russia: factors, trends and specifics. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 163-178. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-163-178 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of the research topic is due to the key role of the institution of family in preserving the integrity and vitality of society, especially during periods of radical transformations of the social system. The purpose of the study is to identify the main trends in the transformation of the basic characteristics of the family institution (sex and age hierarchy in the family, gender division of household labor, reproduction of norms of gender ethnoetiquette, gender roles) as the social order and sociocultural values in society change. The work makes an attempt to holistically comprehend sociocultural risks, challenges and prospects for the further evolution of family relationships in the context of changing technological and axiological structures of Russian society. The study was focused on the contradictions between the traditional and innovative models of organizing family and marriage relations, determined by the influence of such factors as globalization, urbanization, virtualization of social interactions, transformation of the value orientations of youth and emancipation of women. The article highlights discussion of the scientific community about the nature of the transformation of the family institution in modern Russia, and two main approaches are considered: the crisis approach which interprets changes as degradation of the traditional family model, and the evolutionary, which sees them as a natural adaptive process. The author notes the possibility of synthesizing the approaches within the framework of a synergetic paradigm that considers transformation of the family as a transitional process of an open, self-organizing system. An analysis of the characteristics of the transformation of gender behavior models in modern families of national regions of the South of Russia was carried out. Based on the comparative sociological studies of 2010 and 2023 there are considered the changes in gender attitudes and practices of the population in the field of family and*

marriage relations. The author revealed preservation of the traditional patriarchal type of gender culture in Dagestan and Ingushetia, formation of the transitional type in Kabardino-Balkaria and Adygea, dominance of the relatively egalitarian model in Rostov Oblast and Stavropol Krai. There is recorded a gradual weakening of the influence of ethno-cultural traditions and patriarchal norms on the regulation of gender interaction in the family, and a growing demand for parity among women. The conclusion is drawn about the heterogeneous, multifactor nature of the transformation of the gender order in typologically different sub-regions of the South of Russia.

Keywords: *gender behavior, transformation of male and female behavior patterns, South of Russia, family and marriage relations, gender roles, gender order.*

References and Internet sources

1. Shishlova E. E. Transformatsiya gendernoy identichnosti: sotsial'no-psikhologicheskiy aspekt [Transformation of gender identity: socio-psychological aspect]. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2012. No. 1. P. 204–210. (in Russ.)
2. Kulakova K. A. Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti gendernykh razlichiy [Socio-psychological features of gender disparities]. Psikhologiya v ekonomike i upravlenii [Psychology in Economics and Management]. 2013. No. 2. P. 131–135. (in Russ.)
3. Klimenko L. V. Dinamika sotsiyetal'noy sfery Yuga Rossii: sotsiokul'turnoye izmereniye [Dynamics of the Societal Sphere of the South of Russia: Sociocultural Dimension]. Author's abstract of Doct. diss. Maykop. 2016. (in Russ.)
4. Skorik A. P., Cherevatenko V. I. Sovremennyye gendernyye transformatsii i polozheniye zhenshchin na Yuge Rossii [Modern gender transformations and the position of women in the South of Russia]. Available at: <https://pandia.ru/text/78/641/68211.php>. (Accessed: 27 January 2024). (in Russ.)
5. Dzutsev Kh. V., Dibirova A. P. Gendernyy aspekt v dukhovnoy zhizni naseleniya respublik Severnogo Kavkaza [Gender aspect in the spiritual life of the North Caucasus republics population]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society]. 2020. No. 1. P. 113–126. (in Russ.)
6. Sirazhudinova S. V. Gendernaya politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennyye tendentsii [Gender policy in Russian North Caucasus: contemporary tendencies]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society]. 2013. No. 1. P. 14–19. (in Russ.)
7. Gurdzhiyan M. V. Krizis sem'i v sovremennoy Rossii i puti yego preodoleniya [The family crisis in the modern Russia and ways to deal with it]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture]. 2017. No. 1. P. 59–62. (in Russ.)
8. Urusova E. A. Sovremennaya sem'ya kak otrazheniye transformatsii rossiyskogo obshchestva [Modern family as a reflection of transformation in Russian society]. Nauka. Mysl': elektronnyy periodicheskiy zhurnal [Science. Thought. Scientific e-journal]. 2016. Vol. 6. No. 11. P. 25–28. (in Russ.)
9. Shilovtsev A. V. Tsennostnyye transformatsii instituta sem'i kak ugroza sotsial'noy bezopasnosti Rossii [Value transformations of the family institution as a threat to the social security of Russia]. Agroprodovol'stvennaya politika Rossii [Agro-Food Policy in Russia]. 2012. No. 10. P. 49–53. (in Russ.)
10. Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. Transformatsiya instituta sem'i v usloviyakh sovremennykh modernizatsionnykh protsessov [Transformation of the institution of family in today's modernization process]. Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika [Herald of Omsk University. Series: Economics]. 2015. No. 3. P. 193–200. (in Russ.)
11. Nekhoroshikh A. A. Transformatsiya instituta sem'i v Yaponii [Transformation of the institution of family in Japan]. Inostran-nyye yazyki v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 25 aprelya 2019 g.) [Foreign Languages in the Modern World. Proceedings of the international student scientific and practical conference. Rostov-on-Don, April 25, 2019]. Rostov-on-Don. Rostovskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet [Rostov State Economic University]. 2019. P. 97–99. (in Russ.)

12. Toropygina M. V. *Sovremennyye tendentsii sotsializatsii starsheklassnikov i molodezhi (po materialam issledovaniy 2011–2014 gg. gruppy izucheniya sovremennykh tendentsiy formirovaniya lichnosti v sfere obrazovaniya)* [Modern trends in the socialization of high school students and youth (based on the studies held in 2011–2014 by research group studying modern trends in personality formation in the field of education)]. Author's abstract of Cand. diss. Moscow. 2011. 22 p. (in Russ.)
13. Vereshchagina A. V. *Institutsional'nyye izmeneniya v semeynoy sfere i demograficheskiye perspektivy Rossii: metodologicheskaya matritsa issledovaniya* [Institutional changes in the family sphere and demographic prospects of Russia: methodological matrix of research]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2012. No. 4. P. 82–93. (in Russ.)
14. Kon I. S. *Tri v odnom: seksual'naya, gendernaya i semeynaya revolyutsii* [Three in one: sexual, gender and family revolutions]. *Postklassicheskiye gendernyye issledovaniya* [Postclassical Gender Studies]. Ed. N. Kh. Orlova. St. Petersburg. 2011. P. 8–32. (in Russ.)
15. Goryaev M. S., Okonov B. A. *Problemy transformatsii sem'i i braka v otechestvennoy istoriografii* [Issues of family and marriage transformation in Russian historiography]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy* [Bulletin of the Institute for Integrated Studies of Arid Territories]. 2017. Vol. 2. No. 2(35). P. 84–88. (in Russ.)
16. Klimenko L. V. *Sem'ya v polikul'turnom prostranstve Yuga Rossii: etnogendernoye izmereniye* [Family in the multicultural space of Southern Russia: gendering ethnography]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. 2021. No. 3. P. 99–116. (in Russ.)

Information about the author:

Abdulaeva Zaira Zapirovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Scientific Center RAS, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: zaira-76@mail.ru; Elibrary SPIN-code: 4679–7013.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-179-191
EDN: FTQVEQ

ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЗАБОТУ О ДЕТЯХ, СКВОЗЬ ПРИЗМУ БЮДЖЕТОВ ВРЕМЕНИ

Карпова В. М.^{1*}, Ляликова С. В.¹, Антонов А. И.²

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²МГУ имени М. В. Ломоносова

(119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 33)

*E-mail: wmkarpova@yandex.ru

Для цитирования:

Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Времени в обреза: факторы, влияющие на заботу о детях, сквозь призму бюджетов времени // Народонаселение. – 2024. – Т 27. – № 4. – С. 179-191. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-179-191; EDN: FTQVEQ

Аннотация. В условиях современных социально-экономических изменений и трансформаций семейных структур важно понимать, как родители распределяют своё время между домашним хозяйством, уходом за детьми и другими видами деятельности. В основу статьи положено «Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением», проведённого Росстатом в 2019 году. Для определения факторов, влияющих на время, уделяемое домашнему труду и уходу за детьми, был проанализирован опыт почти 7 тыс. семей, имеющих несовершеннолетних детей. Посредством серии регрессионных моделей, построенных для каждого из супругов в контексте будних и выходных дней, показано, что наличие детей младшего возраста (до 1,5 лет) значительно увеличивает временные затраты мужчин на домашний труд в будние дни, главным образом за счёт ухода за детьми, а с возрастом младшего ребёнка эти затраты снижаются. У женщин с ростом числа детей младше 18 лет увеличиваются общие затраты времени на домашний труд, при этом время на уход за детьми снижается, а на ведение домашнего хозяйства — возрастает. Проживание в сельской местности и отсутствие высшего образования уменьшают временные затраты на уход за детьми, но не влияют на общий объём домашнего труда. Влияние занятости на время, уделяемое домашнему труду, схоже для супругов: оно снижается в случае занятости самого респондента и увеличивается при занятости супруга. Специфической особенностью выходного дня является то, что наличие женской занятости уменьшает затраты на домашний труд в целом и на уход за детьми, но увеличивает затраты на ведение домашнего хозяйства без учёта ухода за детьми, компенсируя недостаток будних дней.

Ключевые слова: исследование бюджетов времени, семья, вовлечённое родительство, детерминанты отцовства и материнства, уход за детьми, домашний труд.

Современные родители задаются вопросом о том, достаточно ли времени они уделяют собственным детям, культивируя концепт о «нехватке» или «дефиците» времени, в том числе отведённом на заботу о собственных детях [1]. Согласно результатам исследования ВЦИОМ, именно совместное времяпрепровождение родителей и детей является ключевой составляющей счастливого детства (76%), которая противопоставляется необходимости обеспечить ребёнка всевозможными материальными благами (11%), причём среди молодёжи приверженцев данной позиции больше (18–24 года — 81%, 35–44 года — 77%, 60 и более лет — 76%)¹. В ситуации глубокого демографического кризиса исследователи уделяют особое внимание изучению семейно-детного образа жизни, анализируя распределение временных затрат родителей на различные виды деятельности, в том числе домашний труд и уход за детьми, являющихся важными источниками информации об особенностях организации домашнего быта в семьях с разным числом детей. Информация может быть полезной для разработки эффективных мер семейно-демографической политики, нацеленных на повышение рождаемости и поддержание семей в условиях экономических и социальных перемен.

Статья является продолжением публикации на тему «Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях»². Если в вышеупомянутой статье авторов интересовала общая структура суточного бюджета времени и характер родительской вовлечённости в домашний труд, уход за детьми в семьях с разным числом детей и различными социально-демографическими характеристиками родителей, то в данной статье фокус внимания смещён на изучение факторов, влияющих на объем времени, который родители посвящают домашним делам и уходу за детьми. Цель статьи в том, чтобы выя-

вить факторы, влияющие на время, которое отцы и матери с разным числом детей посвящают домашнему хозяйству и уходу за детьми. Результаты, полученные в ходе анализа бюджетов времени, предоставляют необходимую информацию о трансформациях в повседневной жизни индивидов и их специфике [2], анализ ведётся в ресурсной логике интерпретации времени [3, с. 103–104.]. Итоговые результаты могут быть положены в основу рекомендаций по разработке новых мер семейно-демографической политики, в частности эффективной поддержке семей с детьми через выстраивание поступательной, научно-обоснованной стратегии по достижению нормативных показателей суммарного коэффициента рождаемости (СКР), зафиксированных в майских указах 2024 года³.

Особенности родительской вовлечённости в домашние дела и заботу о детях

Многочисленные исследования подтверждают, что наличие детей значительно увеличивает временные затраты родителей на домашние обязанности и уход за детьми [4; 5], в то же время подчёркивается, что увеличенная нагрузка коррелирует в первую очередь не с числом, а с возрастом детей (чем младше дети, тем большая родительская вовлечённость в уход за ними требуется [6]). С середины XX века наметилась тенденция всё большей вовлечённости родителей в уход за собственными детьми [7], независимо от профессиональной занятости [8]. Относительный вклад отцов и матерей в процесс ухода за детьми выглядит более равномерным в семьях, где работают оба родителя, однако, что касается времени, которое уделяется домашнему хозяйству и уходу за детьми, то при равной занятости мужчин и женщин вовлечённость матерей

¹ Детское счастье: вчера и сегодня // ВЦИОМ, 01.06.2023. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskoe-schaste-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 20.05.2024).

² Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 137–152.

³ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 25.05.2024).

оказывается более высокой [9]. Отметим, что в двухродных семьях отцы больше времени тратят на самостоятельный уход за детьми без помощи супруги, а также расширяют спектр своей ответственности за воспитание детей, активно включаясь в физический уход за детьми, в сравнении с семьями, где матери не заняты на рынке труда [10]. Уровень образования родителей также оказывает влияние на степень вовлечённости родителей в домашние дела и заботу о детях, в ряде стран фиксируется наличие позитивного образовательного градиента в контексте ухода за детьми [11]. Лица с более высоким уровнем образования, а также высокодоходные группы посвящают детям больше времени, особенно ярко это проявляется среди матерей [12]. Мировой опыт показывает, что существует межнациональная специфика родительской вовлечённости в разных странах, важным фактором оказывается актуальный социокультурный контекст [5].

Отечественные исследования затрат времени на ведение домашнего хозяйства и заботу о детях также подтверждают существующий дисбаланс в вовлечённости мужей и жен, которая увеличивается при наличии детей, но может снижаться в случае более длительных отношений [13]. Аналогичная закономерность отмечена и в исследовании молодых семей, где даже в случае эгалитарных отношений рождение ребенка приводит к существенному смещению бюджетов времени супругов в сторону «традиционной» сфокусированности женщин на домашнем труде, а мужчин на внедомашней занятости [14]. Таким образом при анализе особенностей распределения суточного фонда времени важно анализировать не просто общую структуру временных затрат индивидов, но также учитывать характер влияния различных социально-демографических факторов, таких как занятость, доход, уровень образования, а также культурные нормы, социальный контекст и так далее для наиболее полного понимания актуальной ситуации в семейной сфере и ценности семейного образа жизни.

Методология анализа

В основу статьи положены микроданные «Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением», реализованного Росстатом в 2019 г. (ВНИСФВ-2019). Были проанализированы переменные, отражающие временные затраты участников исследования на ведение домашнего хозяйства с учетом ухода за детьми (коды переменных: 411–417, 419, 442) и без него (раздел 3.4 — оказание неоплачиваемых бытовых услуг членам домохозяйства и семьи, а также услуг по уходу за ними за исключением вышеупомянутых кодов переменных). Сравнение структуры бюджетов времени проводилось при помощи стандартных статистических методов сравнения средних значений (t -тест для независимых и зависимых выборок, однофакторный дисперсионный анализ, z -тест и χ^2 для сравнения долевых распределений). Для выявления наиболее значимых факторов изменения временных затрат членом семьи в зависимости от числа детей были использованы регрессионные модели, построенные на основе метода наименьших квадратов. В качестве переменных для регрессионного анализа были выбраны как личные характеристики респондентов (возраст, уровень образования, наличие занятости на прошедшей неделе, опыт вождения автомобиля), так и семьи в целом (место проживания, регистрация брака, наличие и число детей, среднедушевой доход). Отдельно рассматривались бюджеты времени в будний и выходной день, а также проводился анализ временных затрат отдельных членов семьи⁴.

В выборочную совокупность были включены представители 6955 домохозяйств, являющихся членами особого типа семей, состоящих из супружеской пары, проживающей хотя бы с одним несовершеннолетним ребенком. Средний возраст мужчин-участников исследования составил 38,4 года, женщин — 35,6 лет и почти не от-

⁴ Подробнее с методологией анализа, принципами отбора переменных и особенностями формирования выборочной совокупности можно ознакомиться в предыдущей публикации.

личался в зависимости от размера семьи; подавляющее большинство респондентов состоит в зарегистрированном браке (93,1%). В большинстве семей есть дети от 7 до 14 лет (61,9%), каждый десятый опрошенный имеет ребенка до 1,5 лет, столько же — от 1,5 до 3 лет. Средний возраст младшего ребёнка — 6,6 лет. Большинство информантов проживают в городах (71,8%), однако с ростом числа детей в семье доля горожан существенно сокращается (с 75,5% в однодетных семьях до 36,5% в семьях с 4 и более детьми). Для оценки занятости респондентов использовался параметр «наличие оплачиваемой работы на прошлой неделе»: 92,9% у мужчин и 62,8% у женщин; среднедушевой доход на члена домохозяйства составляет 1,83 прожиточных минимума и снижается по мере роста семьи (в четырёхдетных семьях 1,52 прожиточных минимума), в то же время доля малоимущих семей с доходом менее 1 прожиточного минимума возрастает с 16,6% среди семей с 1 ребёнком до 27,0% в семьях с 4 и более детьми.

Факторы, влияющие на время, уделяемое домашнему хозяйству и уходу за детьми

Временные затраты женщин на уход за детьми в будний день составили 2,5 часа по сравнению с 0,7 часа у мужчин, в выходной день распределение следующее — 2,0 часа против 1,1 часа. У женщин затраты на домашнее хозяйство без учета ухода за детьми существенно выше, чем у мужчин (в будни: 3,4 часа против 1,0; в выходные: 4,6 часа против 2,2). При этом дифференциация структуры домашнего труда у мужчин и женщин в относительных показателях почти одинакова, но имеет характерные особенности в зависимости от дня недели: в будние дни затраты на уход за детьми составляют около 40% от общего объема времени, посвященного домашнему труду, а в выходные дни названная доля снижается до трети.

Для изучения факторов, влияющих на временные затраты супругов на домаш-

нее хозяйство и уход за детьми, была построена серия регрессионных моделей. В качестве зависимых переменных рассматривались затраты на домашний труд в целом, а также на уход за детьми и домашнее хозяйство, включающее другие домашние обязанности. Модели были построены индивидуально для каждого из супругов в контексте будних и выходных дней. Результаты регрессионного анализа показали (табл. 1), что основными факторами роста временных затрат на домашний труд у мужчин в будние дни является наличие детей младшего возраста: до 1,5 лет, от 1,5 до 3 лет или от 3 до 6 лет — приводит к росту времени, которое муж уделяет домашнему труду в целом, причем именно за счет увеличения времени, посвященного уходу за детьми. Чем старше младший ребенок в семье, тем меньше затраты мужа на домашний труд. Подчеркнём, что в первую очередь затраты снижаются именно на уход за детьми.

Для женщин влияние числа и возраста детей на временные затраты более выраженное и многообразное. Так, рост общего числа детей младше 18 лет приводит к увеличению временных затрат на домашний труд в целом, но при этом затраты непосредственно на уход за детьми снижаются, а на ведение домашнего хозяйства — возрастают. Зависимость более чётко проявляется при учёте возраста детей, в частности наличие детей до 1,5 лет приводит к увеличению затрат времени на домашний труд, причём именно за счёт ухода за детьми, в то время как затраты на домашнее хозяйство снижаются.

Аналогичная, но менее выраженная зависимость наблюдается от наличия ребёнка в возрасте от 1,5 до 3 лет. Наличие детей более старших возрастов, а также рост возраста младшего ребёнка приводит к увеличению временных затрат на ведение домашнего хозяйства без учёта ухода за детьми. Любопытно, что рост числа детей до 18 лет приводит к уменьшению затрат на уход за детьми, что объясняется тем, что старшие дети могут проводить время с младшими, осуществляя как минимум пассив-

Таблица 1

**Регрессионные модели временных затрат супругов на домашний труд
(с учётом и без учёта ухода за детьми) в будние дни, в минутах**

Table 1

Regression models of spouses' time spent on household work (with and without childcare) on weekdays, in minutes

Факторы	Муж			Жена		
	Весь домашний труд	Уход за детьми	Домашнее хозяйство (без учёта ухода за детьми)	Весь домашний труд	Уход за детьми	Домашнее хозяйство (без учёта ухода за детьми)
Число детей младше 18 лет	-4,65 (2,69)	0,57 (1,44)	-5,21† (2,09)	11,42** (3,2)	-5,42† (2,31)	16,85*** (2,5)
Наличие детей младше 1,5 лет	32,73*** (5,98)	21,06*** (3,19)	11,66† (4,64)	79,55*** (7,13)	127,48*** (5,15)	-47,93*** (5,57)
Наличие детей от 1,5 до 3 лет	12,65† (5,5)	6,06† (2,93)	6,58 (4,26)	34,39*** (6,55)	47,13*** (4,73)	-12,74† (5,12)
Наличие детей от 3 до 6 лет	10,12† (4,24)	5,65† (2,26)	4,47 (3,28)	6,76 (5,05)	-3,27 (3,65)	10,03† (3,95)
Наличие детей от 7 до 14 лет	3,23 (4,12)	0,3 (2,2)	2,93 (3,19)	12,96* (4,93)	3,93 (3,56)	9,03† (3,85)
Наличие детей от 15 до 17 лет	6,1 (4,91)	1,46 (2,62)	4,64 (3,8)	7,65 (5,89)	2,85 (4,25)	4,8 (4,6)
Наличие детей старше 18 лет	-1,38 (6,68)	-0,31 (3,56)	-1,07 (5,18)	-12,67 (8,03)	-16,14* (5,79)	3,47 (6,27)
Возраст младшего ребёнка	-3,41*** (0,53)	-3,46*** (0,29)	0,05 (0,41)	-8,84*** (0,65)	-11,81*** (0,47)	2,97*** (0,51)
Проживание в сельской местности	-4,6 (2,86)	-6,52*** (1,52)	1,91 (2,21)	3,58 (3,4)	-9,31** (2,45)	12,89*** (2,65)
Возраст	-0,29 (0,21)	-0,4** (0,11)	0,11 (0,16)	0,59† (0,29)	0,09 (0,21)	0,5† (0,23)
Незарегистрированный брак	-0,47 (4,87)	1,58 (2,6)	-2,06 (3,78)	-18,99* (5,8)	-7,62 (4,19)	-11,36† (4,53)
Среднее образование мужа	-0,36 (2,81)	-4,98** (1,5)	4,63† (2,18)	-3,22 (3,35)	0,17 (2,42)	-3,4 (2,62)
Среднее образование жены	1,26 (2,76)	-0,74 (1,47)	2 (2,14)	-1,5 (3,29)	-6,77* (2,38)	5,26† (2,57)
Доход (число ПМ)	4,35* (1,48)	2,17* (0,79)	2,18 (1,15)	-3,32 (1,77)	1,45 (1,28)	-4,77** (1,38)
Наличие на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия у мужа	-178,22*** (4,95)	-51,1*** (2,64)	-127,12*** (3,83)	34,18*** (5,84)	27,95*** (4,21)	6,23 (4,56)
Наличие на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия у жены	29,57*** (3,15)	10,25*** (1,68)	19,32*** (2,44)	-297,59*** (3,75)	-109,68*** (2,7)	-187,91*** (2,93)
Вождение автомобиля – муж	9,42** (2,86)	1,19 (1,53)	8,23** (2,22)	16,24*** (3,41)	8,1** (2,46)	8,14* (2,66)
Вождение автомобиля – жена	4,63 (3,08)	-1,08 (1,64)	5,71† (2,38)	3,86 (3,67)	4,04 (2,65)	-0,18 (2,86)
Константа	109,17*** (9,53)	71,79*** (5,08)	37,38*** (7,39)	245,9*** (11,73)	173,58*** (8,47)	72,32*** (9,16)

Примечания: $p < 0,05$; * $p < 0,01$; ** $p < 0,001$; *** $p < 0,0001$. В ячейках указаны значения коэффициентов регрессионных моделей, в скобках — их стандартная ошибка.

Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019.

ный присмотр, что позволяет матери уделить больше времени на другие домашние дела. Возраст мужа, проживание в сельской местности и отсутствие высшего образования снижают временные затраты на уход за детьми, но не влияют на домашний труд в целом. Для жен с возрастом увеличивается время, затрачиваемое на ведение домашнего хозяйства, а проживание в сельской местности является фактором снижения затрат на уход за детьми при практически симметричном росте затрат на домашнее хозяйство. Также к снижению затрат на домашнее хозяйство приводят состояние в незарегистрированном браке и отсутствие высшего образования. Среднее образование мужа напротив, приводит к росту нагрузки домашним хозяйством при существенном снижении времени, посвящаемому уходу за детьми.

Влияние занятости на время, уделяемое домашнему труду в будние дни, схоже для обоих супругов: оно снижается в случае занятости самого респондента и увеличивается, но в меньшей степени, при наличии занятости у супруга. В случае занятости мужа снижение времени, уделяемого детям, существенно меньше, чем времени на домашнее хозяйство, в то время как для жен характерно почти одинаковое снижение временных затрат как по уходу за детьми, так и по остальным занятиям домашним хозяйством.

Результаты 30-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ показывают положительную корреляцию между родительской вовлеченностью в жизнь детей (измеряемой количеством часов, затрачиваемых на различные практики, связанные с детьми) и интенсивностью занятости отцов и матерей на рынке труда, что противоречит ресурсному подходу, предполагающему, что существует обратная связь между работой и семьей [15, с. 126]. Важно отметить, что в анализ не включен физический уход за детьми, который составляет значительную часть родительской заботы. Наличие опыта вождения автомобиля на прошедшей неделе является фактором, увеличивающим временные затраты мужа на домашний труд в це-

лом, причем именно за счет домашних дел, не связанных с уходом за детьми. Сравнение средних затрат времени на отдельные виды деятельности, непосредственно связанные с транспортным средством, показывает, что рост происходит из-за увеличения объема поездок за покупками, поездок с другими членами домохозяйства, а также в связи необходимостью уделять время уходу за транспортным средством. Увеличение времени на поездки с другими членами домохозяйства проявляется в увеличении затрат на все виды домашнего труда (как связанные, так и не связанные с уходом за детьми) у жен тех мужей, которые водят автомобиль.

Рост среднедушевых доходов домохозяйства приводит к увеличению времени, уделяемого мужем как домашнему труду в целом, так и уходу за детьми. Однако, для жен такой закономерности не наблюдается, наоборот, с ростом дохода снижается время, затрачиваемое на домашнее хозяйство. Подобные отличия могут объясняться спецификой в распределении домашних обязанностей между супругами и особенностями их реализации: ежедневный труд женщин по поддержанию порядка в доме может быть облегчен за счет привлечения бытовой техники [16], в то время как труд мужчины в большей степени связан с ремонтом и усовершенствованием дома.

Зависимость объема временных затрат на домашний труд в выходные дни в целом близка той, что была выявлена в будние, но обладает некоторыми отличиями, подчеркивающими особенности домашних занятий в выходные (табл. 2). Показано, что для обоих супругов наличие детей младше 1,5 лет и от 1,5 до 3 лет является фактором увеличения затрат на домашний труд в целом, в первую очередь за счет увеличения затрат на уход за детьми. Однако, в отличие от будних дней наличие в семье детей от 7 до 14 лет приводит к снижению времени на домашний труд у обоих супругов, что может объясняться тем, что дети этого возраста уже достаточно большие, чтобы проводить время с младшими братьями и сестрами. Для более старших детей законо-

Таблица 2

**Регрессионные модели временных затрат супругов на домашний труд
(с учётом и без учёта ухода за детьми) в выходные дни, в минутах**

Table 2

Regression models of spouses' time spent on household work (with and without childcare) on weekends, in minutes

Факторы	Муж			Жена		
	Весь домашний труд	Уход за детьми	Домашнее хозяйство (без учёта ухода за детьми)	Весь домашний труд	Уход за детьми	Домашнее хозяйство (без учёта ухода за детьми)
Число детей младше 18 лет	-1,34 (3,86)	3,49 (2,16)	-4,83 (3,28)	15,81*** (4,01)	2,02 (2,32)	13,79*** (3,33)
Наличие детей младше 1,5 лет	56,66*** (8,55)	36,09*** (4,79)	20,56* (7,26)	101,03*** (8,91)	108,22*** (5,16)	-7,19 (7,4)
Наличие детей от 1,5 до 3 лет	21,55* (7,84)	17,8*** (4,39)	3,75 (6,66)	35,7*** (8,15)	36,82*** (4,72)	-1,12 (6,77)
Наличие детей от 3 до 6 лет	2,62 (6,04)	1,33 (3,39)	1,28 (5,13)	-1,73 (6,28)	-6,49 (3,64)	4,76 (5,22)
Наличие детей от 7 до 14 лет	-17,98* (5,85)	-24,67*** (3,28)	6,69 (4,96)	-14,78† (6,12)	-24,43*** (3,54)	9,65 (5,08)
Наличие детей от 15 до 17 лет	-6,29 (6,97)	-9,69† (3,91)	3,41 (5,92)	-8,36 (7,33)	-8,6† (4,25)	0,24 (6,09)
Наличие детей старше 18 лет	-7,86 (9,59)	-1,94 (5,37)	-5,92 (8,14)	-2,37 (10,02)	-3,78 (5,81)	1,41 (8,33)
Возраст младшего ребёнка	-4,76*** (0,76)	-6,41*** (0,43)	1,65† (0,64)	-8,51*** (0,8)	-11,6*** (0,46)	3,09*** (0,67)
Проживание в сельской местности	-6,76 (4,06)	-13,61*** (2,28)	6,85† (3,45)	8,82† (4,22)	-7,77* (2,44)	16,59*** (3,51)
Возраст	0,16 (0,3)	-0,27 (0,17)	0,44 (0,25)	1,58*** (0,37)	0,05 (0,21)	1,53*** (0,3)
Незарегистрированный брак	-8,25 (6,86)	-12,81** (3,84)	4,56 (5,83)	5,44 (7,14)	5,54 (4,14)	-0,1 (5,94)
Среднее образование мужа	-7,22 (4,01)	-9,1*** (2,25)	1,87 (3,41)	8,03 (4,17)	3,8 (2,42)	4,24 (3,47)
Среднее образование жены	-2,51 (3,93)	-4,11 (2,2)	1,61 (3,33)	-12,52* (4,09)	-10,14*** (2,37)	-2,38 (3,4)
Доход (число ПМ)	2,13 (2,11)	4,2** (1,18)	-2,07 (1,79)	-14,91*** (2,2)	-0,72 (1,27)	-14,19*** (1,83)
Наличие на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия у мужа	-13,34 (7,12)	-7,92† (3,99)	-5,42 (6,05)	19,24* (7,34)	11,96* (4,25)	7,27 (6,1)
Наличие на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия у жены	14,44* (4,48)	-1,42 (2,51)	15,86*** (3,81)	-17,02** (4,66)	-25,01*** (2,7)	7,99† (3,87)
Вождение автомобиля – муж	15,73** (4,07)	-6,93* (2,28)	22,65*** (3,45)	5,18 (4,22)	0,19 (2,45)	4,98 (3,51)
Вождение автомобиля – жена	7,76 (4,36)	-4,86† (2,44)	12,62** (3,7)	-7,14 (4,53)	-2,84 (2,63)	-4,3 (3,77)
Константа	222,75*** (13,56)	134,81*** (7,6)	87,94*** (11,52)	386,25*** (14,6)	191,41*** (8,46)	194,84*** (12,14)

Примечания: * $p < 0,01$; ** $p < 0,001$; *** $p < 0,0001$. В ячейках указаны значения коэффициентов регрессионных моделей, в скобках их стандартная ошибка.

Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019.

мерность не сохраняется, вероятно потому, что они уже предпочитают компанию своих сверстников и более автономны, чтобы иметь возможность отлучаться из дома в выходные дни. Рост возраста младшего ребенка приводит к снижению затрат на домашний труд в целом и уход за детьми в частности, но для обоих супругов незначительно увеличивает затраты на ведение домашнего хозяйства без учёта ухода за детьми.

Проживание в сельской местности, состояние в незарегистрированном браке и отсутствие высшего образования приводит к снижению времени ухода за детьми у мужчин. Для женщин проживание на селе снижает затраты на детей и одновременно повышает затраты на ведение домашнего хозяйства. Наличие только среднего образования у жены также снижает затраты на домашний труд, причём в большей степени на уход за детьми. С возрастом вовлечённость женщин в домашний труд в выходные дни растёт, причём за счёт роста затрат на ведение домашнего хозяйства. Наличие и использование автомобиля в семье любым из супругов приводит к снижению затрат мужа на уход за детьми при одновременном увеличении временных затрат на домашнее хозяйство без учёта ухода за детьми, что вызвано ростом числа поездок со всей семьёй в выходные дни. Влияние дохода на временные затраты супругов на домашний труд аналогично тому, что наблюдалось для будних дней: затраты мужа возрастают в сфере ухода за детьми, а затраты жены снижаются как в целом на домашний труд, так и в сфере домашних обязанностей, реализующихся без учёта ухода за детьми. Наличие занятости также повторяет закономерности будних дней, но в существенно меньшем масштабе. Особенностью выходного дня является то, что при наличии занятости жены в течение последней недели в выходные снижается время, затраченное на домашний труд в целом и уход за детьми, но затраты на ведение домашнего хозяйства возрастают. Видимо, в связи с тем, что в выходные происходит компенсация того времени, которое не было уделено обустройству и организации быта в будние дни.

Заключение

Образ родителя, активно вовлечённого в домашние дела и уход за детьми, является сегодня распространённой ролевой моделью, отвечающей современным социальным нормам. В рамках исследования ФОМ⁵ показано, что отцы несовершеннолетних детей считают, что недостаточно времени проводят со своими детьми (52%), среди матерей таковых 22%. Оценивая общероссийский уровень вовлечённости отцов в процесс воспитания детей, треть мужчин и 56% женщин заявили, что большую часть отцов в нашей стране нельзя охарактеризовать как активно включённых в воспитательный процесс, причём в родительских семьях информантов ситуация оценивалась лучше (25% ответили, что отец не принимал активного участия в воспитании). Подобное идёт в разрез с общемировой тенденцией, которая показывает, что фактически родительский вклад в уход и заботу о детях, в том числе в воспитание, выраженный посредством времени, которое отцы и матери проводят вместе с детьми, возрастает, причём вклад мужчин оказывается более существенным.

Результаты проведённого регрессионного анализа показали, что наличие детей младшего возраста (до 1,5 лет) увеличивает временные затраты родителей на домашний труд, причём и для мужчин, и для женщин это увеличение связано в первую очередь с уходом за детьми (подобное характерно как для буднего, так и выходного дня). При росте возраста младшего ребенка у женщин возрастают затраты на ведение домашнего хозяйства при существенном сокращении времени ухода за детьми и времени, отведенном на домашний труд в целом. Сделано предположение о том, что старшие дети могут частично компенсировать время, затрачиваемое на уход за младшими детьми, что позволяет родителям уделить больше времени другим домашним обязанностям. Кроме того, наличие опыта вождения автомобиля увеличивает временные затраты

⁵ Роль отца в семье // ФОМ, 26.10.2021. – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14634> (дата обращения: 20.05.2024).

мужей на домашний труд, преимущественно за счет поездок за покупками и ухода за автомобилем. В выходные дни, при наличии занятости жены, время, затраченное на уход за детьми, снижается, но увеличиваются затраты на ведение домашнего хозяйства, что связано, вероятнее всего, с компенсацией времени, не уделенного бытовым делам в будние дни. Важно учитывать разные социально-демографические факторы для полного понимания распределения времени родителей на домашний труд с учётом и без учёта ухода за детьми.

Полученные данные могут быть полезны для разработки более эффективных мер семейно-демографической политики, фокусирующих внимание на особенностях образа жизни семей с детьми. Учет особенностей распределения бюджетов времени супругов, а также разработка мер по компенсации дисбаланса в этом распределении, могут стать основой для равномерного вовлечения обоих родителей в воспитание и уход за детьми. Подобные исследования также позволяют определить типы семей, которые наиболее остро нуждаются

в поддержке и компенсации временных затрат (например, семьи с несколькими детьми, с младенцами или с полной занятостью обоих родителей). Данные о распределении временных ресурсов отцов и матерей помогут оценить эффективность различных мер нематериальной помощи семьям с детьми, таким как социальные няни, помощники по хозяйству, сопровождающие для детей и др. Исследования показывают, что низкие показатели рождаемости могут быть связаны с высоким уровнем нагрузки домашним трудом у женщин, в этом случае повышенные вовлеченности отцов в семейный быт и уход за детьми может повысить готовность и намерение женщин иметь большее число детей [17]. Дальнейшие исследования в этой области, совмещающие не только анализ бюджетов времени, но и одновременное изучение репродуктивных установок мужей и жён, могут послужить основой для количественной оценки взаимосвязи объема временных затрат на домашний труд и уход за детьми с репродуктивными ориентациями населения и вероятностью их фактической реализации.

Литература и Интернет-источники

1. **Калабихина, И. Е.** Измерение временем: новая парадигма социально-демографической политики / И. Е. Калабихина // Народонаселение. — 2020. — Т. 23 — № 2. — С. 37–50. DOI: 10.19181 / population.2020.23.2.4; EDN: K LWZYK
2. **Патрушев, В. Д.** Изучение бюджетов времени в России XX в. / В. Д. Патрушев, В. А. Артемов, О. В. Новохацкая // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 112–121.
3. **Павлюткин, И. В.** Море жизни: Как рождаются многодетные семьи в современной России / И. В. Павлюткин, М. А. Голева, О. Н. Борисова — Москва : ПСТГУ, 2021. — 224 с. EDN: UUKSEQ
4. **Bianchi, S. M.** Changing Rhythms of American Family Life / S. M. Bianchi, J. P. Robinson, M. A. Milkie. — New York: Russell Sage Foundation, 2006. DOI: 10.1080 / 15267430902773337
5. **Craig, L.** How Mothers and Fathers Share Childcare: A Cross-National Time-Use Comparison / L. Craig, K. Mullan // American Sociological Review. — 2011. — Vol. 76. — Iss. 6. — P. 834–861. DOI: 10.1177 / 0003122411427673
6. **Wall, G.** Mothers' Experiences with Intensive Parenting and Brain Development Discourse / G. Wall // Women's Studies International Forum. — 2010. — Vol. 33 — Iss. 3. — P. 253–263. DOI: 10.1016 / j.wsif.2010.02.019
7. **Gauthier, A. H.** Are Parents Investing Less Time in Children? Trends in Selected Industrialized Countries / A. H. Gauthier, T. M. Smeeding, F. F. Furstenberg // Population and Development Review. — 2004. — Vol. 30 — Iss. 4. — P. 647–672. DOI: 10.1111 / j.1728-4457.2004.00036.x
8. **Sayer, L. C.** Are Parents Investing Less in Children? Trends in Mothers' and Fathers' Time with Children / L. C. Sayer, S. M. Bianchi, J. P. Robinson // American Journal of Sociology. 2004. — Vol. 110 — No. 1. — P. 1–43. DOI: 10.1086 / 386270

9. **Bianchi, S.M.** Is Anyone Doing the Housework? Trends in the Gender Division of Household Labor / S. M. Bianchi, M. A. Milkie, L. C. Sayer, J. P. Robinson // *Social Forces*. — 2000. — Vol. 79 — Iss. 1. — P. 191–228. DOI: 10.1093/SF/79.1.191
10. **Raley, S.** When Do Fathers Care? Mothers' Economic Contribution and Fathers' Involvement in Child Care / S. Raley, S. M. Bianchi, W. Wang // *American Journal of Sociology*. — 2012. — Vol. 117 — No. 5. — P. 1422–1459. DOI: 10.1086/663354
11. **Dotti Sani, G.M.** Educational Gradients in Parents' Child-Care Time Across Countries, 1965–2012 / G. M. Dotti Sani, J. Treas // *Journal of Marriage and Family*. — 2016. — Vol. 78 — Iss. 4. — P. 1083–1096. DOI: 10.1111/jomf.12305
12. **Guryan, J.** Parental Education and Parental Time with Children / J. Guryan, E. Hurst, M. Kearney // *Journal of Economic Perspectives*. — 2008. — Vol. 22 — No. 3. — P. 23–46. DOI: 10.1257/jep.22.3.23
13. **Макаренцева, А. О.** Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому / А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова, Е. А. Третьякова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2017. — № 2. — С. 97–114. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.06
14. **Сычев, А. А.** Бюджет времени молодой семьи в условиях демографических и социально-экономических изменений / А. А. Сычев, К. В. Фофанова, Л. А. Якина // *Вестник Мордовского Университета*. — 2012. — № 1. — С. 37–41.
15. **Дорофеева, З. Е.** Вовлеченность современных родителей в практики, связанные с детьми / З. Е. Дорофеева, П. М. Козырева // *Вестник Института социологии*. — 2024. — Т. 15. — № 2. — С. 115–131. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.8; EDN: PRHJV
16. **Калабихина, И. Е.** Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства / И. Е. Калабихина, Ж. К. Шайкенова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2019. — № 3. — С. 261–285. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.15; EDN: QJGHAO
17. **Kan, M. Y.** Domestic division of labour and fertility preference in China, Japan, South Korea, and Taiwan. / M. Y. Kan, E. Hertog // *Demographic Research*. 2017. — Vol. 36. — P. 557–588. DOI: 10.4054/DemRes.2017.36.18

Сведения об авторах:

Карпова Вера Михайловна, к.соц.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: wmkarpova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2560-6140; РИНЦ SPIN-код: 4068–8149.

Ляликова Софья Викторовна, научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lyalikova@socio.msu.ru; ORCID: 0000-0002-9043-8158; РИНЦ SPIN-код: 2181–2750.

Антонов Анатолий Иванович, д.филос.н., проф., зав. кафедрой, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: antonov_ai_@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0689-9905; РИНЦ SPIN-код: 3577–2627.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-179-191

PRESSED FOR TIME: FACTORS INFLUENCING CHILD CARE BASED ON TIME BUDGETS

Vera M. Karpova^{1*}, Sofia V. Lyalikova¹, Anatoly I. Antonov²

¹ISESP FCTAS RAS

(32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Lomonosov Moscow State University

(1/33, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234)

*E-mail: wmkarpova@yandex.ru

For citation:

Karpova V. M., Lyalikova S. V., Antonov A. I. Pressed for time: factors influencing child care based on time budgets. *Narodonaselenie* [Population]. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 179-191. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-179-191 (in Russ.)

Abstract. *In the context of modern socio-economic changes and transformations of family structures, it is important to understand, how parents divide their time between housework, childcare and other activities in order to provide the necessary support to families. The article is based on the «Sample survey of the use of daily time by the population» conducted by Rosstat in 2019. To identify the factors influencing the time devoted to housework and child care, the experience of approximately seven thousand families with minor children was analyzed. Through a series of regression models built for each spouse in the context of weekdays and weekends, it has been shown that having small children (up to 1.5 years) significantly increases men's time spent on household work on weekdays, mainly due to child care, and with the growth of the younger child, these costs decrease. For women, with an increase in the number of children under 18 years of age, the total time spent on household work increases, while the time spent on childcare decreases and the time spent on housekeeping increases. Living in rural areas and lack of higher education reduce the time spent on child care, but do not affect the total amount of household work. The effect of employment on the time devoted to housework is similar for spouses: it decreases if the respondent is employed and increases if the spouse is employed. Analysis of the time spent on selected types of activities on weekends showed similar patterns, but with some differences, emphasizing the specifics of home activities on weekends. The effects of income and employment on weekends follow the weekday trends, but on a smaller scale. A specific feature of the weekend is that female employment reduces the time spent on housework in general and child care, but increases the time spent on housekeeping without taking into account child care, thus compensating for the lack of weekdays.*

Keywords: *time budget study, family, involved parenting, determinants of fatherhood and motherhood, childcare, housework.*

References and Internet sources

1. Kalabikhina I. E. Izmerenije vremenem: novaya paradigma sotsial'no-demograficheskoy politiki [Measuring by time: a new paradigm of socio-demographic policy]. *Narodonaselenie* [Population]. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 37–50. DOI: 10.19181 / population.2020.23.2.4 (in Russ.)
2. Patrushev V. D., Artemov V. A., Novokhatskaya O. V. Izuchenije byudzhetrov vremeni v Rossii 20 v. [Study of time budgets in Russia in the 20th century]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies]. 2001. No. 6. P. 112–121. (in Russ.)

3. Pavlyutkin I. V., Goleva M. A., Borisova O. N. More zhizni. Kak rozhdayutsya mnogodetnyje sem'i v sovremennoj Rossii [Sea of Life. How Large Families Are Born in Modern Russia]. Moscow. PSTGU [St. Petersburg State University]. 2021. 224 p. (in Russ.)
4. Bianchi S. M., Robinson J. P., Milkie M. A. *Changing Rhythms of American Family Life*. New York. Russell Sage Foundation. 2006. DOI: 10.1080 / 15267430902773337
5. Craig L., Mullan K. How mothers and fathers share childcare: A cross-national time-use comparison. *American Sociological Review*. 2011. Vol. 76(6). P. 834–861. DOI: 10.1177 / 0003122411427673
6. Wall G. Mothers' experiences with intensive parenting and brain development discourse. *Women's Studies International Forum*. Vol. 33(3). 2010. P. 255–265. DOI: 10.1016 / j.wsif.2010.02.019
7. Gauthier A. H., Smeeding T. M., Furstenberg F. F. Are parents investing less time in children? Trends in selected industrialized countries. *Population and Development Review*. 2004. Vol. 30(4). P. 647–672. DOI: 10.1111 / j.1728-4457.2004.00036.x
8. Sayer L. C., Bianchi S. M., Robinson J. P. Are parents investing less in children? Trends in mothers' and fathers' time with children. *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 110(1). P. 1–43. DOI: 10.1086 / 386270
9. Bianchi S. M., Milkie M. A., Sayer L. C., Robinson J. P. Is anyone doing the housework? Trends in the gender division of household labor. *Social Forces*. 2000. Vol. 79(1). P. 191–228. DOI: 10.1093 / SF / 79.1.191
10. Raley S., Bianchi S. M., Wang W. When do fathers care? Mothers' economic contribution and fathers' involvement in child care. *American Journal of Sociology*. 2012. Vol. 117(5). P. 1422–1459. DOI: 10.1086 / 663354
11. Dotti Sani G. M., Treas J. Educational gradients in parents' child-care time across countries, 1965–2012. *Journal of Marriage and Family*. 2016. Vol. 78(4). P. 1083–1096. DOI: 10.1111 / jomf.12305
12. Guryan J., Hurst E., Kearney M. Parental education and parental time with children. *Journal of Economic Perspectives*. 2008. Vol. 22(3). P. 23–46. DOI: 10.1257 / jep.22.3.23
13. Makarentseva A. O., Biryukova S. S., Tretyakova E. A. Predstavlenija muzhchin i zhenshchin o zatratkakh vremeni na rabotu po domu [Perceptions of time spent on housework among men and women]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2017. Vol. 2. P. 97–114. DOI: 10.14515 / monitoring.2017.2.06 (in Russ.)
14. Sychev A. A., Fofanova K. V., Yakina L. A. Bjudzhet vremeni molodoj sem'i v uslovijakh demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenij [Time budget of a young family in the conditions of demographic and socio-economic changes]. Vestnik Mordovskogo Universiteta [Mordovia University Bulletin]. 2012. No.1. P. 37–41 (in Russ.)
15. Dorofeeva Z. Y., Kozyreva P. M. Vovlechenost' sovremennykh roditelej v praktiki, svyazannyje s det'mi [Involvement of modern parents in practices related to children]. Vestnik instituta sotziologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 115–131. DOI: 10.19181 / vis.2024.15.2.8. (in Russ.)
16. Kalabikhina I. Ye., Shaikenova Zh. K. Zatraty vremeni na domashnyuyu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva [Time spent on household work: the determinants of gender inequality]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2019. No. 3. P. 261–285. DOI: 10.14515 / monitoring.2019.3.15 (in Russ.)
17. Kan M. Y., Hertog E. Domestic division of labour and fertility preference in China, Japan, South Korea, and Taiwan. *Demographic Research*. 2017. Vol. 36(1). P. 557–588. DOI: 10.4054 / DemRes.2017.36.18

Information about the authors:

Karpova Vera Mikhailovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: wmkarpova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2560-6140; Elibrary SPIN-code: 4068-8149.

Lyalikova Sofia Viktorovna, Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lyalikova@socio.msu.ru; ORCID: 0000-0002-9043-8158; Elibrary SPIN-code: 2181-2750.

Antonov Anatoly Ivanovich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: antonov_ai_@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0689-9905; Elibrary SPIN-code: 3577-2627.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-192-197
EDN: EFTXFD

СЕКЦИЯ «ИНСТИТУТ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В БРАЧНОМ И РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ, ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ» НА XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ ГРУШИНСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

2024 г. был объявлен в России «Годом семьи», что свидетельствует об особом внимании к этому институту со стороны государства и общества. Это и определило тематику секции, которую в рамках XIV Международной Грушинской конференции организовали совместно ИСЭПН ФНИСЦ РАН и кафедра социологии Финансового университета при Правительстве РФ.

С приветственным словом к участникам секции обратился чл.-корр. РАН, директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН В.В. Локосов. Он отметил, что нередко звучащее сегодня словосочетание «экзистенциальная угроза» касается не только внешних вызовов, но и внутренних, одним из которых является депопуляция и снижение человеческого потенциала. Судя по публикациям, наиболее острые дискуссии касаются влияния так называемого второго демографического перехода на ситуацию в России и мире, а также возможностей регулирования этим переходом и его последствиями. Идёт полемика о том, какие факторы регулирования главные: социально-экономические или ценностно-мировоззренческие. Исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН говорят о том, что российское общество ещё не дошло до состояния индивидуализированных и феминизированных западных обществ. Во-первых, согласно нашей Конституции, брак — это союз между мужчиной и женщиной; во-вторых, у нас растёт количество многодетных семей; в-третьих, по данным большинства исследований, ориентация на традиционные семейные ценности была и остается доминирующей, в том числе и среди молодёжи. Таким

образом, хотя демографические процессы крайне инерционные, тем не менее, они поддаются управлению, и большая работа в этом направлении в РФ ведется.

А. П. Багирова, д.э.н., проф., зам. директора по исследованиям и разработкам Института экономики и управления Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина выступила с докладом на тему «Система родительских отпусков в России: возможности и риски трансформации». Тема родительских отпусков по уходу за ребенком лежит в русле более широкой темы родительского труда. Это период, когда мать с головой окунается в новый для нее труд, — квинтэссенция этого труда. В рамках проекта был проведен анализ политики, реализуемой в 32 европейских странах (выделены 3 кластера стран в зависимости от гибкости системы отпусков); массовый опрос россиян во всех федеральных округах и серия фокус-групп и глубинных интервью. За рубежом есть ряд моментов, которых нет в России: возможность брать дни отпуска в любой период в течение 8 лет, (например, когда дети идут в школу); использовать части отпуска или весь отпуск одновременно двумя родителями или родителем и не родителем; выбирать между размером пособия и продолжительностью отпуска. В России есть возможность совмещать отпуск с занятостью на рынке труда, причём если раньше можно было сохранить пособие, только работая неполный день, то с 2024 г. и мать, и отец сохраняют пособие, работая полный день. Анализ зарубежного опыта показал, что гибкость отпусков не влияет на рож-

даемость и на женскую занятость на рынке труда, но влияет на гендерное неравенство: чем более гибкая политика, тем выше равенство. В ходе опросов россиян, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, интересовали: информированность о системе отпусков и отношение к возможным трансформациям, объём нагрузки матерей, восприятие периода отпуска. Оказалось, что родители знают не обо всех возможностях: только половина знает о том, что отпуск может взять не только отец, но и другой член семьи. И, напротив, каждый шестой «знает» о том, чего на самом деле нет: возможность дополнительного оплачиваемого отпуска в первый год жизни ребенка для его отца. Информированность растёт с уровнем образования, она также выше у женщин. В России примерно 2% отцов берут отпуска. Выяснилось, что и отцы, и матери идеальным считают, если отцы берут на себя треть нагрузки: то есть сами женщины не готовы передать отцам большой объём. Выяснилось также, что семьи не будут спешить пользоваться возможными изменениями, прежде всего, увеличением продолжительности отпуска по уходу за ребенком для многодетных семей, а также увеличением размера пособия при меньшей длительности отпуска. Таким образом, выявлена неготовность родителей к радикальным изменениям, но при этом отсутствие категоричности и избирательность восприятия отдельными социально-демографическими группами. Нужна мягкая трансформация, в том числе повышение информированности; преодоление женских стереотипов, что мужчины хуже справляются с обязанностями в период отпуска; нормативное закрепление сложившихся практик.

Доклад д.э.н., зам. по научной работе директора ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.А. Александровой был озаглавлен как «Ответственные или инфантильные: брачно-семейные и репродуктивные установки молодёжи в реалиях, созданных родительскими поколениями». Увеличение возраста вступления в брак, откладывание рождения первого ребенка, ориентация на малолетность позволяют многим упрекать молодежь в ин-

фантильности, эгоцентричности, фиксации на материальных ценностях и карьере. Однако исследования горят о том, что ассоциативный ряд в отношении семьи и родительства у родительских и молодых поколений сильно не расходится. Действительно ли имеет место ценностный конфликт, или одно является условием реализации другого? Ответы были получены в ходе массового опроса студенческой молодёжи в Москве и фокус-групп с её представителями. Результаты говорят о том, что молодёжь, действительно, настроена на откладывание заключения брака и рождения первого ребенка, однако это вовсе не связано с девальвацией в её глазах института семьи. Рефреном звучит слово «ответственность», которая понимается молодёжью как создание надёжной материальной основы для семьи, что в свою очередь связано с карьерой, на построение которой нужно время. Родительское поколение не вправе упрекать молодёжь за то, что она трезво оценивает реалии, в которых рождение детей — фактор риска бедности; «квартирный вопрос» для многих трудноразрешим; расширяются зоны неустойчивой занятости, притом, что образование и медицина всё больше коммерциализируются; избыточный уровень неравенства приводит к завышенным стандартам потребления, не соразмерным с доходами большинства. Необходима социально-экономическая политика, позволяющая молодёжи обрести уверенность в своих возможностях на долгую перспективу.

Зам. директора Вологодского научно-го центра РАН, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения, к.э.н. О.Н. Калачикова выступила с докладом «Трансформация института семьи в российском обществе: штрихи к портрету». Сегодня сформировался более-менее внятный запрос, какой хочет видеть семью наше государство. Это очень важно для того, чтобы решать «управлять или не управлять», а если управлять, то в каком направлении и каким образом. Были рассмотрены три вида взаимодействия в семье: супружество, родительство, родство. С одной стороны, почти 70% населения предпочита-

ют легитимный брак, с другой — 70% браков расторгаются, да и увеличение распространённости сожительства, зафиксированное, в том числе, переписью населения, говорит о том, что проблема есть. Первая причина состоит в утрате браком эксклюзивного права на сексуальную жизнь: например, в Вологодской области 60% сексуальных контактов происходит до 18-летия; почти 60% опрошенных мужчин и 40% женщин имеют 3 и более сексуальных партнеров с начала сексуальной жизни. Вторая — в утрате браком эксклюзивного права на родительство: среди 23% детей, которые родились в России вне официального брака, половина была зарегистрирована по совместному заявлению родителей. Выборочные обследования говорят о том, что не самая большая часть населения согласна с тем, что если в «гражданском браке» супруга беременна или рождается ребёнок, то надо регистрировать брак. Осторожное отношение к регистрации брака может быть связано с некоторым диссонансом между представлениями и реальной жизнью. Судя по исследованиям, в головах людей всё ещё присутствует представление «мужчина — глава семьи, женщина — хранительница очага», притом, что в жизни реализуется эгалитарная модель семьи — большая часть семейных обязанностей выполняются супругами совместно, в том числе и в части заработка. Именно женщины чаще являются инициаторами развода: в сознании у них патриархальная модель, а в реальности они, помимо бытовых обязанностей, ещё и материально обеспечивают семью. Молодёжь больше готова к эгалитарным бракам и в этой части более устойчива в плане разводов. Ценность родительства высока у всех, но особенно молодёжь хочет видеть в супругах надёжных помощников в воспитании детей. Есть тренд на расширение благополучной многодетности, и это поле для информационно-просветительской работы: необходимо показывать, что многодетные семьи нередко живут в тех же условиях, что и малодетные, информировать о мерах поддержки. Что касается установки на бездетность, то обычно она связана с травма-

ми в родительских и детско-родительских отношениях, с отношениями с неродными братьями и сестрами в повторных браках. Здесь поможет семейная медиация. Еще 10 лет назад обращение ребёнка к психологу воспринималось в штыки, но сейчас такой запрос есть, значит, нужно развивать психолого-социальную поддержку. Что касается баланса семьи и карьеры, то здесь могут помочь подходы, связанные с родительским трудом, а также другие изменения на рынке труда.

Эксперт Национальной родительской ассоциации, сооснователь социально-исследовательского проекта «Семья 3.0» Е. К. Журавлева представила доклад «Основные направления корпоративной семейной политики: о чём рассказали эксперты проекта «Семья 3.0». Она сообщила о деятельности указанного проекта и познакомила с результатами проведённого в 2018 г. исследования, в рамках которого во всех ФО РФ были опрошены 400 предпринимателей в возрасте от 30 до 45 лет. Выяснилось, что семья для бизнесменов — одна из важнейших жизненных ценностей, 75% респондентов имеют семьи и еще 17% прилагают усилия к их созданию. При этом, 53% опрошенных предпринимателей — многодетные. Респонденты отмечали, что имеют возможность содержать несколько детей, а также что в их воспитании должен принимать участие широкий круг близких родственников. Подавляющее число бизнесменов отметило, что отношения с родительскими поколениями очень важны, и детей необходимо воспитывать на основе преемственности как будущих наследников состояния и бизнеса. В заключение был приведён ряд примеров того, как компании поддерживают семьи, в частности, работающих женщин.

Совместное выступление В. М. Карповой, к.соц.н., ст. преподавателя кафедры социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и С. В. Ляликовой, н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, было посвящено нагрузке детьми в распределении суточного фонда времени. Анализ 7 тыс. нуклеарных семей с детьми, из которых хотя бы один — несовершеннолетний, показал, что характер занятости родителей

в семьях с разным числом детей существенно отличается. Например, в среднем по выборке занятость матерей составляет порядка 66%, но сокращается до 26% в семьях с четырьмя и более детьми. Изменяется и уровень материального благосостояния: если в среднем по выборке это 1,8 прожиточных минимума, то в семьях с четырьмя и более детьми — 1,5. Особенности занятости женщин связаны не столько с наличием определённого количества детей, сколько с их возрастом. У женщин с ростом числа детей внешняя реализация сокращается, а домашний труд растёт. Хотя у многодетных семей наблюдается снижение вовлечённости матерей в домашний труд, его общий объём равен полной ставке без выходных. В целом вовлечённость родителей растёт у мужчин в 1,5 раза от однодетных до 1,6–1,7 среди четверодетных, у женщины эта разница достигает 2 раз. Также имеется скачкообразный переход от однодетности к двудетности. Ключевые принципы ухода за детьми у мужчин и женщин различаются. Например, у мужчин в будние и выходные дни ключевые виды деятельности — неизменны: игры являются ведущим видом деятельности; у женщин на это уходит лишь 14% бюджета времени. С увеличением семьи существенно увеличивается физический уход (как у мужчин, так и у женщин) — в ущерб играм и спорту. Но это может компенсироваться привлечением к уходу за младшими старших детей (речь об играх и спорте, но более старшие дети вовлекаются ещё и в образование). Среди сыновей вовлечены в уход 29%, среди дочерей — 37%. В целом же, семья сама должна решать, какое распределение бюджета времени для нее гармонично.

О.А.Лабейко, к.э.н., декан факультета экономики и права Барановичского государственного университета (Республики Беларусь) посвятила своё выступление трансформации семейной и социальной политики через реабилитационные практики. Почти 6% населения Беларуси имеет ту или иную группу инвалидности. Для людей с инвалидностью семья играет исключительно важную роль, поскольку предоставляет им дополнительные возмож-

ности по сохранению и развитию способностей к максимально возможной полноценной жизнедеятельности. Помощь здесь могут оказать реабилитационные практики, позволяющие восстановить либо заместить утраченные функциональные способности. Национальная система реабилитации в Республике Беларусь имеет три ключевых подсистемы: медицинскую, профессиональную и трудовую. Докладчик рассказала о попытке имплементации технологий каждого из направлений реабилитации в государственные программы, касающиеся семейной политики, что должно и укрепить институт семьи, и помочь повысить качество жизни людей с инвалидностью.

Совместный доклад Г.И.Осадчей, д.соц.н., проф., руководителя отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, и Т.Н.Юдиной, д.соц.н., проф., гл.н.с. того же отдела, был озаглавлен как «Семейные ценности москвичей и бишкекцев: компаративный анализ». Массовый опрос жителей столиц России и Кыргызстана показал, что, несмотря на 30 лет перемен, предпочтение ценностей сохранилось: семья, дети, уверенность в завтрашнем мире, работа, мир, безопасность, карьера, желание быть богатым и ни в чём себе не отказывать. Жители Бишкека чаще ставят цель создания семьи — 8 из 10, среди москвичей — 7 из 10; на молодёжную семью ориентированы 6 из 10 москвичей и 4 из 10 бишкекцев. А вот на многодетную по российским меркам семью ориентируется в 7 раз больше бишкекцев. Жители Бишкека чаще придерживаются патриархальной формы внутрисемейных отношений, москвичи ориентированы на более симметричную модель мужского и женского поведения; матриархальный тип семьи опрошенные жители двух столиц не поддерживают. На репродуктивные установки влияют такие ценности как взаимные любовь и уважение. Что касается отношения к межнациональным бракам, то и там, и там для 7 из 10 опрошенных национальность не имеет значения, важны человеческие качества. Но если 7 из 10 бишкекцев готовы вступить в межнациональный брак, то среди москви-

чей таких лишь половина. Исследование говорит о важности сохранения в ЕАЭС коллективных идентичностей, прежде всего, касающихся семьи и детей.

Выступление д.соц.н., проф. Финансового университета при Правительстве РФ Т.Н.Каменевой было посвящено идеологии семьи, возможности управлять семейно-брачными отношениями. Политика должна отвечать на вызовы времени, учитывать надежды и представления молодежи о нормальной жизни, при этом именно масс-медиа играют ключевую роль в формировании просемейной идеологии. Опрос, проведенный в 2022 г. среди молодежи Москвы и Московской области, показал, что среди респондентов фактически существует семья нуклеарная и семья межпоколенческая. Так, на вопрос, что для вас семья, большинство несемейных респондентов отвечали: «я и мои родители»; среди семейных — «я, супруг и наши родители» (треть состоявших в первом браке и половина состоявших в повторном браке); «я, супруг и наши дети» отвечали треть состоявших в первом браке и 36% в повторном браке. Пятая часть опрошенной молодежи не хотели бы жить так, как их родители. В то же время, для тех, кто никогда не состоял в браке или сейчас живут в «гражданском браке», родительская семья — образец для подражания; те же, кто прожил 2–3 года в браке, не апеллируют к родительскому образцу. Таким образом, в молодежной семье в равной степени формируются образы нуклеарной и модифицированной расширенной семьи, основой которой должен стать зарегистрированный брак. Большинству мужчин хотелось бы добиться семейного благополучия, продолжения в детях, на третьем месте — материальное благополучие, на четвертом — здоровье и долголетие, для 19% — карьерный рост. Для большинства респондентов семья, прежде всего, союз любящих людей и, затем, продолжение в детях. Молодежь считает, что семья может помешать карьере, поэтому стоит повременить. Но они не готовы уезжать на заработки далеко (мужчины чаще готовы уезжать). Семейные праздники играют важную роль, и чем старше респон-

денты и дольше стаж совместной жизни, тем больше. Таким образом, по многим позициям реальная семья и образ семьи, транслируемый масс-медиа, совпадают: и там, и там важен официальный брак, наличие двух детей, возраст вступления в брак — 25 лет.

И.В.Лашук, к.соц.н., доцент, руководитель Центра социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета представила доклад на тему «Семейные ценности в системе аксиологических приоритетов белорусов», основанный на результатах проведенного в 2023 г. исследования, репрезентативного для взрослого населения страны. Ключевой для исследовательский вопрос: что или кто помогает людям справляться с жизненными проблемами. Факторный анализ и по базовым, и по инструментальным ценностям дал хорошую объясняющую дисперсию: в первом случае фактор ценности семьи находится на третьем месте, во втором — на пятом. То есть, хотя для белорусов важны традиционные семейные ценности, тем не менее, карьерные, профессиональные ценности сегодня оказываются несколько важнее.

Доклад И.Б.Назаровой, д.э.н., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН, был озаглавлен как «Представители старшего поколения в семье и вне семьи». Он основывался на комплексном исследовании РОССТАТ качества жизни населения и в нём ставилась задача проследить, как меняются отношения родителей в разных возрастах со своими детьми. Живут со своими взрослыми детьми в одном населённом пункте около половины родителей, но в любом случае большинство поддерживает отношения с детьми. Чем старше родители, тем чаще они нуждаются в помощи детей, и тем чаще дети её им оказывают. Треть родителей получает денежную помощь, треть не получает, и почти 40% в ней не нуждаются. Но чем старше родители, тем чаще они нуждаются в денежной помощи: в 70 лет и старше — 72–90%. Помощь в виде покупок продуктов, вещей оказывает треть детей, но нуждаются в этом 60% родителей, а в возрасте 70 лет и старше — 80%. Помощь по хозяйству получает почти половина родителей, в целом же в ней нуждается

больше половины, а в возрасте 70 лет и старше — 80%. Уход во время болезни получают более половины родителей; не нуждается в таком уходе только четвертая часть; и чем старше родители, тем больше они нуждаются именно в этом виде помощи. В целом 70% родителей получают помощь в том или ином виде; десятая часть получает только один вид помощи, 14% — более четырех видов. 70% родителей, не получающих никакой помощи от своих отдельно живущих детей, объясняют это тем, что у тех отсутствуют материальные возможности; четвертая часть — нехваткой у детей времени. В последнем случае речь, прежде всего, о детях, которым самим по 60 лет и которые несут большую нагрузку, потому что вынуждены работать, ухаживать за престарелыми родителями, воспитывать детей и внуков. В наиболее сложной ситуации находятся родители в возрасте ближе к 80 годам и старше: у них очень ограниченный круг общения, они реже пользуются интернетом, выходят на улицу, общаются со сверстниками. Только треть из них могут постоянно общаться со своими детьми и получать помощь. Но даже пожилые родители, в том числе 80-летние, оказывают сильную помощь детям в воспитании внуков и даже в материальной поддержке.

А. Г. Тюриков, д.соц.н., проф., зав. кафедрой социологии Финансового университета при Правительстве РФ, в докладе остановился на отношениях родителей и детей в сфере управления личными финансами. Сегодня привычные модели, когда родительские поколения всему учат детей, уже не работают. Например, дети иногда учат родителей даже с высшим образованием, как пользоваться мобильным телефоном. Это же касается и управления личными финансами. Как показывают исследования, молодёжь лучше умеет дистанционно управлять деньгами, покупками; информированность и готовность пользоваться оказывается равной с более старшими поколениями только в отношении цифровых финансовых активов и цифрового рубля. Это позволило выдвинуть гипотезу, которая будет проверена в ходе реализуемого в 2024 г. исследования, что сегодня городская обра-

зованная молодежь — лидер формирования финансовой культуры в семье.

В заключении работы секции с докладом «Священный союз. Религия и семейные ценности в современном российском обществе» выступила м.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Т. А. Игнатова. Согласно ВЦИОМ, около 1/3 населения относят семью к традиционным российским ценностям, и более 77% подчёркивают важность их сохранения. В то же время, 42% молодёжи не видят в этом необходимости, что, по-видимому, связано с тем, что она больше нацелена на учёбу, карьеру, и потому семья и дети пока не входят в её планы. Что касается ценности религии, то хотя лишь 8% россиян считают её ценность основополагающей, тем не менее, 40% указывают на важность религии в их жизни (правда, здесь также меньшая доля приходится на молодёжь), а по данным World Values Survey уже 49% всех россиян называют важной ценность религии (55% женщин и 40% мужчин). Есть ряд позитивных тенденций: так, хотя за 6 лет на 8% выросла доля тех, кто считает, что женщина может сделать аборт в любых случаях, одновременно втрое увеличилась доля тех, кто не приемлет совершение аборта ни при каких обстоятельствах. При этом абсолютное большинство считает, что принятие решения об аборте — зона ответственности женщины (только 3% считают, что мужчина может в этом вопросе что-то решать).

По общему мнению участников секции, её работа получилась информационно насыщенной и актуальной, свидетельством чему стало много вопросов, поступивших от присутствующих по окончании представления докладов.

Материал подготовили:

Александрова О. А.,

д.э.н., зам. директора по научной работе, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Финансового университета при Правительстве РФ, научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ;

Ярашева А. В.,

д.э.н., проф., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-198-203
EDN: YPAJT

УЧАСТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЁНЫХ В РЕГУЛЯРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ИСЭПН ФНИСЦ РАН И ПУБЛИКАЦИЯХ В ЖУРНАЛЕ «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА ПЕРИОД 2014–2024 ГОДОВ

Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской (ИСЭПН) ФНИСЦ РАН регулярно проводит три научные и научно-практические конференции, в которых принимают участие зарубежные исследователи. Материалы конференций (тезисы и статьи участников) публикуются в специальных сборниках.

С 2014 г. ежегодно проводится Международная научно-практическая конференция «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы». На конференции рассматривается широкий круг вопросов, связанных с экономическим поведением населения, динамикой доходов и расходов жителей России, кредитованием, инвестиционным поведением, финансовой грамотностью, структурой потребления, пенсионной системой страны, проблемами занятости населения и связанными с ними динамикой заработных плат и выплат безработным.

В 2014 г. среди зарубежных исследователей в конференции приняла участие доцент Кыргызского-Российского Славянского университета (Бишкек, Кыргызстан), к.э.н. Х. А. Фынчина с докладом «Состояние и развитие финансов индивидуального предпринимательства в Кыргызской Республике». В 2017 г. соорганизаторами конференции были Комиссия по экономической интеграции Общественной палаты Союзного государства России и Белорусии, Международный университет «МИТ-СО» (Минск, Беларусь). Выступили сотрудники «МИТСО»: зав. кафедрой инновационной экономики и менеджмента, доцент З. Н. Козловская с докладом «Доходы населения Республики Беларусь как фактор развития экономики» и старший преподава-

тель Ю. В. Иванова с докладом «Стратегия повышения финансовой грамотности населения Республики Беларусь». На IV-й конференции (2018) выступили представители Беларуси А. М. Бирюков, сопредседатель Общественной палаты Союзного государства России и Белоруссии, вице-председатель Минского Столичного союза предпринимателей и работодателей на тему «Есть ли у Беларуси будущее в новом цифровом мире?» и В. Р. Шухатович, к.соц.н., зав. центром социологии культуры и социальной сферы Института социологии Национальной академии наук (НАН) Беларуси с докладом «Использование электронных услуг как показатель финансовой грамотности населения». У. А. Хаджиев (н.с. Института экономики и демографии АН Республики Таджикистан) в своём докладе проанализировал влияние денежных переводов трудовых мигрантов на социально-экономическое развитие Республики Таджикистан.

В 2019 г. на конференции выступили исследователи из Беларуси (ст. преподаватель кафедры теоретической и прикладной экономики Барановичского государственного университета, к.э.н. О. А. Лабейко (Барановичи, Беларусь) представил доклад «Обоснование индикаторов оценки трудового потенциала населения с инвалидностью»); Японии (Н. Хакумура из Государственного университета Гифу (Япония) — «Выбор студентов между «открытой» и «скрытой» инвалидностью в Японии: как справиться с заблуждениями при поиске работы»); таджикские учёные из Российского-Таджикского (Славянского) университета (Душанбе, Таджикистан): к.э.н. Ф. М. Васиев, и д.э.н. Х. Б. Рахматзода в своём докладе проанализировали зарубежный опыт ре-

гулирования занятости населения; к.э.н., доцент И.Р.Раджабова и к.э.н., доцент А.Х.Миразизов представили доклад «Повышение финансовой грамотности населения как фактор социально-экономического развития»; д.э.н. М. К. Файзуллоев и к.э.н. Ф.М.Васиев в своём докладе рассмотрели развитие самозанятости как приоритетное направление обеспечения занятости населения Таджикистана.

В 2020 г на VI-й конференции японские исследователи Н.Хакумура (Государственный университет Гифу) и К.Киношита (Женский университет Святого Сердца) посвятили своё выступление сотрудничеству семьи и общества по вопросам воспитания детей в Японии. В 2021 г. доклад к.э.н., доцента О.А.Лабейко (Барановичи, Беларусь) был посвящён формализации института социальной реабилитации населения с инвалидностью. Л.Сухоцка, к.псих.н. доктор Университета Яна Кохановского (Кельц, Польша) вместе с сотрудниками ИСЭПН ФНИСЦ РАН д.э.н. Е.И.Медведевой и к.техн.н С.В.Крошилиным представила доклад «Современное «счастье» и ориентиры удовлетворённости индивида». Магистранты Барановичского университета (Барановичи, Беларусь) В.И.Татариневич и Е.Д.Новик сделали сообщение на тему «Инвестиции в интеллектуальный капитал — фактор повышения благосостояния населения Российской Федерации». Н.Хакумура (Гифу, Япония) осветил проблемы гендерных ролей в семье и стили работы во время пандемии COVID-19 в Японии.

В 2022 г. в работе VIII-й конференции приняли участие пять научных сотрудников Института экономики имени М.Котаняна Национальной Академии наук республики Армения (Ереван, Армения): к.э.н. Е.А.Акопян и к.э.н. А.Р.Макарян представили оценку потребительских расходов домохозяйств Армении и инфляционных ожиданий после иммиграции россиян с марта 2022 года; к.э.н. С.А.Даллакян подготовил доклад «Направления и формы государственной финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Армения»; к.э.н. А.Р.Ма-

карян проанализировал финансовое поведение домохозяйств в Армении; м.н.с. А.Р.Налбандян рассмотрел влияние превращения ЖКХ в социальные предприятия на цены и качества; м.н.с. В.Погосян проанализировал влияние миграционных потоков на экономику Армении. К.э.н., доцент О.А.Лабейко (Барановичи, Беларусь) представила доклад «Совершенствование системы социальной реабилитации, с учётом положений современного законодательства Республики Беларусь».

В IX-й Международной научно-практической конференции «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы», состоявшейся в 2023 г., приняли участие исследователи из Азербайджана, Армении и Беларуси: д.э.н., проф. А.Г.Алирзаев и к.э.н. Э.А.Алирзаев (Баку, Азербайджан) проанализировали региональные особенности формирования уровня и качества жизни; к.э.н. С.А.Даллакян и к.э.н. А.Р.Макарян из Института экономики имени М.Котаняна Национальной Академии наук Республики Армения (Ереван, Армения) представили доклад «Кластерный подход в туризме и Республики Армения». Они же сделали доклад «Личные денежные переводы в Армению»; к.э.н. О.А.Лабейко (Барановичи, Беларусь) осветила нерешённые вопросы комплексной реабилитации инвалидов в Республике Беларусь.

29 ноября ноября 2024 г. состоялась X Международная научно-практическая конференция «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы». На этой конференции выступили представители Китая, Беларуси, Армении и Новой Зеландии. Руководитель международного отдела группы по привлечению инвестиций в новый район Харбина Ц.Ли (Харбин, Китай) выступил с докладом «Эффективное использование политики зон свободной торговли: предложение по решению трудностей в расчётах экспортных поставок из России», а его заместитель Е Ван посвятил своё выступление эволюции демографической политики Китая в области рождаемости. Традиционно

участие в конференции приняли учёные из Беларуси: к.э.н., доцент Барановичского государственного университета О.А. Лабейко сделала доклад на тему «Структурирование ущерба от инвалидизации населения в контексте устойчивого развития», а магистрант того же университета О.А. Белов обратился к вопросу оценки социально-экономического благополучия населения Беларуси. Армению представляли научные сотрудники Института экономики имени М. Котанияна Национальной Академии наук Республики Армения (Ереван, Армения): м.н.с. А. Р. Налбандян рассмотрел роль цены проезда в общественном транспорте и такси в МРОТ; к.э.н., н.с. Л. М. Бегларян и н.с. А. А. Арутюнян представили анализ процесса урбанизации в Армении; н.с. Э. С. Шамхалова и к.э.н., н.с. Л. М. Бегларян осветили взаимосвязь миграции и рынка труда в Армении; к.э.н., н.с. С. А. Даллакян и с.н.с. А. Р. Макарян рассмотрели доходы домохозяйств в Армении; н.с. Э. С. Шамхалова и н.с. А. А. Арутюнян сделали доклад на тему «Статистический анализ взаимосвязи между кредитами и их процентными ставками в Армении». Новую Зеландию представила к.э.н. Н. В. Аликперова (некоммерческая организация «Family life Foundation Aotearoa», Окленд) с докладом «Материальная поддержка семей с детьми».

С 2018 г. Институт проводит научные конференции «Римашевские чтения. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни», посвящённые памяти создателя и многолетнего руководителя ИСЭПН РАН. Материалы участников охватывают следующие направления исследований: демографическое развитие современной России — рождаемость, смертность, расселение и миграция населения; человеческий потенциал России (образование, физическое, психическое и социальное здоровье населения); уровень жизни населения (занятость, зарплата, пенсии, социальные трансферты); качество жизни населения, включая экологическую и продовольственную безопасность, жилищную обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации.

Во II-х Римашевских чтениях, прошедших в 2019 г., приняли участие сотрудники Института социологии НАН Беларуси к.соц.н., доцент, зав. отделом социологии социальной сферы В.Р. Шухатович с докладом «Профессиональное призвание: человеческий потенциал Беларуси и России» и Д.М. Гриб с докладом «Компетентностный подход как фактор развития непрерывного образования и «обучающегося общества». Н. Хакумура из японского Государственного университета Гифу осветил тенденции и проблемы волонтерской деятельности в Японии. В 2020 г. в чтениях приняли участие белорусские учёные из Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь): м.н.с. Д. М. Гриб выступил с докладом «Самообразование как фактор профессионального развития», м.н.с. Ф. С. Болдырев рассказал о реализации целевых показателей государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность государства Беларусь»; к.соц.н., доцент В. Р. Шухатович проанализировала социальные стандарты как инструменты социальной политики государства; к.э.н. Н. И. Яковлева выступила на тему «Отношение белорусов к системе страхования: результаты исследования». Ш. Х. Джумбаева к.э.н. из Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан) представила доклад «Анализ рождаемости и смертности в республике Каракалпакстан». Н. Хакумура доцент из Государственного университета Гифу (Япония) рассмотрел проблемы создания инклюзивного общества в Японии.

В 2021 г. в чтениях приняли участие д.э.н., проф. А. Г. Алирзаев и к.э.н. Э. А. Алирзаев из Азербайджанского государственного экономического университета (Баку, Азербайджан) с докладом «Социально ориентированная экономика Республики Азербайджан». Н. Хакумура (Государственный университет Гифу (Япония)) осветил проблемы региональной политики гендерного равенства в Японии. Н. И. Яковлева и А. С. Болдырев (Института социологии НАН Беларуси) проанализировали процессы технологизации в сфере страховой защиты и влияние

возрастной структуры населения на смертность от COVID-19.

В 2022 г. чтения были приурочены к 90-летию со дня рождения Н. М. Римашевской. В них приняли участие д.э.н., проф. А. Г. Алирзаев и к.э.н. Э. А. Алирзаев из Азербайджанского государственного экономического университета (Баку, Азербайджан), давшие оценку развития социального потенциала и уровня жизни региональной экономики. А. Г. Боброва (к.э.н., Институт экономики НАН Беларуси) проанализировала демографические последствия аварии на Чернобыльской АЭС для Беларуси 35 лет спустя. В 2023 г. прошли VI-е Римашевские чтения. В них приняли участие белорусские учёные из Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь): к.соц.н., доцент В. Р. Шухатович представила самообразование как характеристику интеллектуального потенциала медицинских работников; м.н.с Д. М. Гриб сделал оценку самообразования как фактора развития интеллектуального потенциала; н.с. Н. И. Яковлева посвятила своё сообщение вопросу гуманизации в сфере страховой защиты; к.филос.н. Л. В. Филинская, доцент Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь), проанализировала социальное самочувствие пожилых людей республики Беларусь. В 2024 г. состоялись VII-е Римашевские чтения, проведённые при поддержке ООН РАН. На них О. П. Недоспасова, д.э.н. из Томского государственного университета (Томск, Россия) и Ю. Кэфэн, зав. кафедрой Педагогического университета Ниндэ (Ниндэ, Китай) представили доклад «Механизм принятия решений о семейном бюджете: макро- и микроэкономический ракурс на фоне старения населения и цифровой трансформации». В числе участников конференции были белорусские коллеги — сотрудники Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь): к.соц.н. В. Р. Шухатович выступила на тему «Мотивационные факторы повышения человеческого потенциала людей с ограниченной трудоспособностью»; к.соц.н. Н. С. Рысюкевич представил спорт как фактор реабилитации для людей с ограниченными возможностями; н.с.

Н. И. Яковлева осветила характеристики семейных отношений белорусов.

В 2023 г. к двум ставшими традиционными конференциям добавилась третья: «Социальная динамика населения и человеческий потенциал». На конференции рассматриваются проблемы демографических процессов, семьи, материнства и детства, развития системы здравоохранения, сохранения здоровья населения и жилищной политики. В рамках круглых столов в конференции участвуют молодые учёные с результатами своих исследований. Большое внимание уделяется вопросам развития человеческого потенциала в России, в том числе таким его составляющим, как демографический, кадровый, образовательный потенциалы.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН совместно с Отделением общественных наук (ООН) РАН продолжил проведение конференций, инициированных МГУ имени М. В. Ломоносова, V-й Международной научно-практической конференцией «Социальная динамика населения и человеческий потенциал». О. Ю. Латышев и П. А. Латышева (Москва, Россия) в соавторстве с Луизетто Мауро (Пьяченца, Италия) представили на ней доклад «Features of the organization of social protection of motherhood, paternity and childhood in modern socio-economic conditions (Особенности организации социальной защиты материнства, отцовства и детства в современных социально-экономических условиях)». Г. В. Ридевский, (НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь) проанализировал сельскую, общую и городскую депопуляцию в Беларуси. Ю. Д. Данилов из Брестского государственного технического университета (Брест, Беларусь) представил доклад «К вопросу о цифровой идентификации человека».

В 2024 г. прошла VI-я Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал», проведённая при поддержке ООН РАН и Вологодского научного центра РАН. М. Ю. Сурмач и П. Л. Корнейко из Гродненского государственного медицинского университета (Гродно, Беларусь) сделали доклад «Здоровье и качество жизни населения

60+: гендерный дисбаланс». А. Г. Злотников из Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (Минск, Беларусь) в своём докладе рассмотрел вопросы развития демовоспроизводительного потенциала Беларуси. Сотрудники Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь) Д. В. Назарова, А. С. Галанзовский и Н. И. Яковлева проанализировали в своих выступлениях жилищную политику в Республике Беларусь в восприятии граждан, проблему социальной напряжённости и аяности инвалидов. Г. В. Ридевский (НИИ труда Республики Беларусь, Минск) исследовал потребность в улучшении жилищных условий в Республике Беларусь. А. А. Беспалая (Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь) рассмотрела человеческий потенциал как ресурс социально-экономического развития. Ю. Г. Смирнова из Алматинского университета энергетики и связи (Алматы, Казахстан) сделала доклад: «Роль русской прозы об учёных в формировании научного менталитета студентов». Н. Хакумура из Государственного университета Гифу (Япония) осветил проблемы развития человеческих ресурсов у людей с ограниченными возможностями в Узбекистане. Луизетто Мауро (Пяченца, Италия) в соавторстве с О. Ю. Латышевым и П. А. Латышевой (Москва) представили доклад о социальной защите материнства и детства.

Участие учёных из разных стран в конференциях, прошедших в России за последнее десятилетие в условиях прекращения многих международных проектов с российскими учёными вследствие санкций, а также из-за пандемии COVID-19 становится важным элементом взаимного обмена научными знаниями и продолжением международного сотрудничества. Постоянными участниками конференций, проводимых ИСЭПН ФНИСЦ РАН, являются коллеги из бывших республик СССР, прежде всего Беларуси, Азербайджана, Армении, а также Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана. В числе участников из дальнего зарубежья есть учёные из Японии, Китая, Польши, Италии и Новой Зеландии.

Журнал «Народонаселение», издаваемый ИСЭПН ФНИСЦ РАН почти 30 лет, последовательно в меру возможностей выполняет свою миссию: научно обосновывает пути сохранения и развития главного национального достояния России — её населения. Поэтому основная часть авторов журнала — это российские исследователи, материалы которых посвящены решению демографических и социально-экономических проблем России. Но в журнале публикуются также статьи зарубежных исследователей, вследствие чего журнал можно считать площадкой международных научных дискуссий, организованной ИСЭПН ФНИСЦ РАН. За период 2014–2024 гг. в журнале было опубликовано 18 материалов под авторством или с участием зарубежных исследователей: из Японии (3 статьи), Беларуси (2), Украины (2), Китая (2), Польши (2), Кыргызстана (2), Узбекистана (2), Азербайджана (1), Швеции (1), Финляндии (1 статья).

В 2016 г. вышел специальный номер журнала, посвящённый демографическим проблемам СНГ. В нём были опубликованы статьи: Е. А. Антиповой, д. геогр. н., проф., зав. кафедрой экономической географии зарубежных стран Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь): «Демографическое развитие Республики Беларусь в XXI веке: тенденции, региональные различия, проблемы»; Л. Ф. Деловаровой, доцента кафедры международных отношений и мировой экономики факультета международных отношений Казахского государственного университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан): «Демографическое развитие Казахстана и основные направления миграционной политики на современном этапе»; У. Ж. Эргешбаева, д. э. н., проф. кафедры «Финансы и кредит» Ошского государственного университета (Ош, Кыргызстан) и С. Е. Ешеновой, соискателя кафедры «Менеджмент» Ошского государственного университета (Ош, Кыргызстан): «Проблемы внешней трудовой миграции населения Кыргызстана»; А. Г. Злотникова, к. э. н., проф. кафедры сферы услуг и статистики Белорусского торгово-экономического универси-

тета потребительской кооперации (Минск, Беларусь): «Миграция в демографических процессах Беларуси»; А. А. Кочербаевой, д.э.н., проф. кафедры менеджмента Кыргызско-Славянского университета (Бишкек, Кыргызстан): «Особенности демографического развития Кыргызстана: проблемы, их социальные последствия и перспективы решения»; Л. П. Максаковой, д.э.н., научно-практический центр «Оила (Семья)» (Ташкент, Узбекистан): «Демографический и миграционный потенциал Узбекистана».

В 2017 г. была опубликована статья Х. Х. Мамадалиевой, научно-практический центр «Оила (Семья)» (Ташкент, Узбекистан): «Брак и семья в Узбекистане»; в 2019 г. — П. Павитра и В. Ханну (Университет Восточной Финляндии, Куопио, Финляндия) в соавторстве с Н. В. Ковтун (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина) «Социально-экономическое неравенство населения в области здоровья в постсоветской России». В 2020 г. были опубликованы статьи М. Хультмана и П. Пуле (Технологический университет Чалмерса, Гётеборг, Швеция) «Экологическая маскулинность: ответ на социальный кризис нашего времени», а также материал Ш. Х. Джумабаевой из Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан) «Демографический потенциал Республики Каракалпакстан».

В 2021 г. по результатам совместного исследования сотрудников ИСЭПН ФНИСЦ РАН с польскими учёными были опубликованы статьи с участием Л. Сухоцкой (Институт биологической обратной связи и ноопсихосоматики в Люблин), Е. Ярошек (Государственная высшая профессиональная школа в Турнуве), А. Щепаник (Институт биологической обратной связи и ноопсихосоматики в Люблине) и М. Пасек (Университета Яна Кохановского (Кельц) «Качество и смысл жизни онкобольных людей в период ремиссии: социально-психологические аспекты» и «Возможности междисциплинарного исследования основ экономического поведения».

В 2022 г. к.тех.н., доцент, зав. отделом Ф. Ф. Юсифов и инженер-исследователь Н. Е. Ахундова из Института информационных технологий Национальной академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан), опубликовали статью «Единый реестр населения как источник проведения социально-демографического анализа», материалы которой актуальны для российских исследователей вследствие того, что аналогичный реестр предполагается внедрить и в России в ближайшие годы.

Ряд статей опубликовал в журнале «Народонаселение» доцент Университета Гифу (Япония) Н. Хакумура: «Поддержка в Японии детей, нуждающихся в особом медицинском обслуживании» (2022 г.), «Отношения в японских семейных парах, воспитывающих «особенных» детей, и связанные с ними риски» (2023 г.), «Взгляд на инвалидность как демографическую проблему по результатам исследования в Китае, Южной Корее и Японии» (2024 г.). Статьи посвящены условиям жизни семей с инвалидами в странах Восточной Азии, но проблема актуальна и для современной России, поэтому знакомство с зарубежным опытом в этой сфере очень важно.

Магистранты и аспиранты из Китая Е. Ван, Ш. Ван, С. Цзя, обучающиеся в российских вузах (МГУ имени М. В. Ломоносова, РУДН имени Патриса Лумумбы), опубликовали в 2023 г. статьи о демографической политике в Китае, которая в настоящее время направлена на стимулирование рождаемости. Некоторые меры этой политики могут быть применены и в России.

Хочется надеяться, что наши связи с зарубежными учёными будут продолжаться в дальнейшем, несмотря на имеющиеся препятствия.

Материал подготовили:

Войтенкова Г. Ф.,

к.ист.н., старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;

Симагин Ю. А.,

к.геогр.н., доцент, ведущий научный
сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА 2024 ГОД
Народонаселение. 2024. Том 27. № 1 (январь-март)

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Шабанов В.Л. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ.....	4
Пилипенко И.В., Шнейдерман И.М. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).....	20
Абдолова С.Н., Янбых Р.Г., Серова Е.В. ДЕТСКИЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ....	33
Кабанова Е.Е. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	48
Борковская Е.И. СТОЛИЧНЫЙ КАРШЕРИНГ: ОТНОШЕНИЕ МОСКВИЧЕЙ К НОВЫМ МОДЕЛЯМ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ	60
Федотов А.А. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИХ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ	71

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рожина Е.А., Васильева Р.И. ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	82
Гушо Ю.П. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.....	95
Пастухова Е.Я., Логунов Т.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ В 2005–2022 ГОДАХ	109
Никулкина И.В., Романова Е.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ А+РКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ РЕЗИЛЬНТНОСТИ	123
Симакова А.В., Хотеева Е.А., Степуть И.С., Аверьянов А.О. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ	136
Бредихин А.В. МИГРАЦИЯ РОССИЯН В МОНГОЛИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ...	153

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Восколович Н.А. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТУПНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	166
Шакирова А.Ф., Корунова В.О. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ОБ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ	178
Локосов В.В., Ярашева А.В., Александрова О.А. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	192

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

У ЮБИЛЕЙНЫЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ФОРУМ ОРГАНИЗАТОРОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ «ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ – КАРКАС СТОЛИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ».....	206
---	-----

К ЧИТАТЕЛЮ.....	4
<hr/>	
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙ	
Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ БРАЧНОСТИ: ВОЗРАСТНОЙ И ГЕНДЕРНЫЙ ПРОФИЛЬ (2011–2021 ГГ.)	5
Доброхлеб В. Г. СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА СЕМЕЙНЫХ СТРУКТУР СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ВЫЗОВ ЕЁ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	17
Журавлева Е. К., Копцева О. А. ОПОРНЫЕ ТОЧКИ МНОГОДЕТНОСТИ	28
Синельников А. Б. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИИ НА СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЧИСЛО ДЕТЕЙ У СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	38
<hr/>	
ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Козырева П. М., Смирнов А. И. КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН? ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ	53
Тонких Н. В., Камарова Т. А., Маркова Т. Л. РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН	66
Назарова И. Б. СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ С ДЕТЬМИ	81
<hr/>	
ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К СЕМЬЕ И ДЕТЯМ	
Абдульязнов А. Р., Рустамова Г. М. БРАЧНОЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ	94
Александрова О. А. ИНФАНТИЛЬНЫЕ ИЛИ ОТВЕТСТВЕННЫЕ: СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ И РЕПРОДУКТИВНОЙ СФЕРАХ	107
Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В. РЕПРОДУКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ В СЕМЬЕ: АБОРТ, КОНТРАЦЕПЦИЯ, ЭКО	120
Вяльшина А. А. ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ДЕТЯМ И РОДИТЕЛЬСТВУ: ГЕНДЕРНЫЕ И СЕЛЬСКО- ГОРОДСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ	132
<hr/>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙ	
Хоткина З. А. РАБОТА И СЕМЬЯ: ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДЕНЕГ И ВРЕМЕНИ	147
Локосов В. В., Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М. МАЛОЭТАЖНОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК ПРИОРИТЕТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ ЖИЛЬЁМ	161
Ярашева А. В., Макар С. В. СЕМЕЙНАЯ ИПОТЕКА КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	177
Рюмина Е. В. МИНУСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЕЙ: ИЗБЫТОЧНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ	190
<hr/>	
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН	
IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»	202

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Локосов В. В., Ярашева А. В., Макап С. В.
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ:
СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА 4

Фролова Е. В., Тюриков А. Г.
МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИКЕ:
СПЕЦИФИКА И ОЦЕНКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ 14

Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ
ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ) 26

Долженко Р. А., Долженко С. Б.
МОНИТОРИНГ РЫНКА ТРУДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СЕКТОРЕ УПРАВЛЕНИЯ
ПЕРСОНАЛОМ 41

Берзин Б. Ю., Пышминцева О. А.
ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОГО СТРЕССА НА
СТЕПЕНЬ АДАПТИРОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА 56

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л.
БАЛАНС НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В 1992–2023 ГГ. И ПЕРЕПИСНЫЕ ПОПРАВКИ 71

Секицки-Павленко О. О.
ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ 83

Липатов В. А., Соломахин А. А., Берзин Д. В., Точилкина Т. Е.
АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
НА ОСНОВЕ МНОГОФАКТОРНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ 96

Рыбаковский Л. Л., Фадеева Т. А.
РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.:
ТЕНДЕНЦИИ, ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ 111

Синицына Д. А.
РОЖДАЕМОСТЬ В ДВУХ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ 125

Трегубов В. Н.
ДИНАМИКА ЧАСТНЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РОССИИ, В КОТОРЫХ ПРОЖИВАЛО ПО ОДНОМУ
ЧЕЛОВЕКУ, В 2002–2020 ГОДАХ 138

МИГРАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С.
ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
РЕГИОНОВ РОССИИ: АНАЛИЗ НА УРОВНЕ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП 149

Ананьина Д. А., Кондакова Н. С.
МИГРАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ 165

Дорошенко С. В., Санаева О. В.
ЭФФЕКТ ГРАНИЦЫ В ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ИММИГРАЦИИ НА НАРКОПРЕСТУПНОСТЬ
В РЕГИОНАХ РОССИИ 179

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ — РИМАШЕВСКИЕ
ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ
И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» 194

XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ГРУШИНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ, ПАРАДОКСЫ
ДОВЕРИЯ И ПОИСКИ ИСТОЧНИКОВ РАЗВИТИЯ 201

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Синица А. Л. МОНИТОРИНГ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИК КАК ИНСТРУМЕНТ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	4
Олейник Е. Б., Ивашина Н. В., Храмова М. Н. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СУБЪЕКТАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	17
Узнародов Д. И. РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭСТОНИИ: ОСНОВНЫЕ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ (2000–2021 ГГ.).....	31
Архангельский В. Н., Безвербная Н. А., Безвербный В. А., Землянова Е. В. ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ	48
Ростовцев А. И. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ВРП В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	62
Швец Ю. Ю., Симагин Ю. А., Луговской А. М., Морковкин Д. Е. ТЕНЕВОЙ ЭФФЕКТ ПАНДЕМИИ: КОРОНАВИРУС УСУГУБИЛ СМЕРТНОСТЬ ОТ ХРОНИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ	73

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Крошилин С. В., Медведева Е. И. МЕТОДИКА РАНЖИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ ПО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ	85
Токсанбаева М. С., Коленникова О. А., Попова Р. И. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	98
Максимова И. В., Симагин Ю. А. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ В НЕГО	111
Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А., Васильева А. В. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?	124
Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликowa С. В. ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ: СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ РОССИЯНЕ УДЕЛЯЮТ ЗАБОТЕ О СОБСТВЕННЫХ ДЕТЯХ?	137

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ К УСЛОВИЯМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ....	153
Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю. ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	165
Белехова Г. В., Шматова Ю. Е., Нацун Л. Н., Соловьева Т. С. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	180
Макар С. В., Ярашева А. В. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА: ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ	193

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА КАК ГЕНЕРАТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ» НА IX САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ.....	206
ЧТО БЕСПОКОИТ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»	213

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В 1992–2024 ГГ.: ИТОГИ, КОМПОНЕНТЫ, ФАКТОРЫ	4
Моисеева Е. М., Мищук С. Н. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ	18
Дашинамжилов О. Б. К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОЖДАЕМОСТИ В СССР В 1960-е — 1980-е ГОДЫ.....	34
Манухина О. В. АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КНР В 1949–2023 ГОДАХ.....	47
Хакумура Н. ВЗГЛЯД НА ИНВАЛИДНОСТЬ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМУ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЕ, ЮЖНОЙ КОРЕЕ И ЯПОНИИ.....	59

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Нанавян А. М., Лысенкова М. А. БЕЗРАБОТИЦА И ОЦЕНКА ПОТЕРЬ В ПРОИЗВОДСТВЕ ВРП В РЕГИОНАХ РОССИИ.....	73
Туктамышева Л. М., Чибилёв А. А. (мл.), Лебедева Т. В. ОЦЕНКА СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СТЕПНЫХ РЕГИОНОВ ЗАУРАЛЬЯ И ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	86
Хаджалова Х. М., Гимбатов Ш. М. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	101
Аржаев Ф. И., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ: ПОДХОДЫ К МОНИТОРИНГУ И СНИЖЕНИЮ ДИСПРОПОРЦИЙ.....	114

РЫНОК ТРУДА И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Марков Д. И. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ О КАРЬЕРНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ И ОТНОШЕНИЯХ В СФЕРЕ ТРУДА	128
Александрова О. А., Ярашева А. В., Медведева Е. И., Крошилин С. В. НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СТОЛИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОПЫТ 5 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	140
Каберты Н. Г., Бекоев Г. Б. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ	153

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ

Абдулаева З. З. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ: ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА.....	163
Карпова В. М., Ляликowa С. В., Антонов А. И. ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЗАБОТУ О ДЕТЯХ, СКВОЗЬ ПРИЗМУ БЮДЖЕТОВ ВРЕМЕНИ.....	179

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

СЕКЦИЯ «ИНСТИТУТ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В БРАЧНОМ И РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ, ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ» НА XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ ГРУШИНСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	192
УЧАСТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЁНЫХ В РЕГУЛЯРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ИСЭПН ФНИСЦ РАН И ПУБЛИКАЦИЯХ В ЖУРНАЛЕ «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА ПЕРИОД 2014–2024 ГОДОВ	198
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА 2024 ГОД.....	204

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилию автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИNC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронным источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangel'sk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косого креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °С, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785